Сергей

Алексеев

Кольцо «Принцессы»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Капитан Герман Шабанов знал, что ему предстоит выполнить ответственное задание в обстановке строгой секретности, но сложностей не предвидел. А что такого? Отпилотировать проданный за границу МИГ к месту назначения. Дело, конечно, не в МИГе, а в уникальном приборе, которым он оснащен, – таинственная «принцесса» способна сделать самолет «невидимым» для любой службы ПВО. Так что Герман не сомневался: прогулка из Сибири в Индию его ждет приятная и вполне безопасная.

Все было по плану. Дозаправка в Монголии, воздушное пространство Китая… А потом Герман понял, что заблудился и что борт-система сошла с ума. Он катапультировался, спасая себя и «принцессу». Но на земле чудеса не закончились. Потому что это были не сибирские просторы. Не монгольские степи. Не Китай. И уж точно не Индия… Там снились слишком реалистичные сны, а реальность подозрительно напоминала грезы. Что, если колдунья-"принцесса", за которой началась настоящая охота, сводит с ума не только компьютеры? А вдруг и человеку голову умеет заморочить?

- Сергей Алексеев
  - Пролог
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - Эпилог

Сергей Алексеев
Кольцо «принцессы»

Пролог

Герман Шабанов стартовал с военного аэродрома в Пикулино на закате четвертого мая. Еще не уверенная, бледноватая зелень вдоль взлетной полосы слилась воедино, выстелилась просто незрелым оттенком и, оторвавшись, начала медленно сереть, как всё, что в такие мгновения оставалось на земле, в том числе и старомодный полосатый мешок, мелькнувший в конце поля. Весенние призрачные краски увядали так быстро, что глаз едва успевал справляться с изменениями цвета, поскольку был уже полностью охвачен лазурным сиянием: несмотря на раннее, почти летнее тепло на земле, укрытой многоярусными тучами, небо за ними еще отсвечивало полярным холодом и на высоте пятисот метров прибор отбил температуру минус три.

Это было самое приятное и удивительное – момент взлета, когда машина, набрав предельную земную скорость, словно кенгуру, прыгает вверх, и на короткий миг возникает настоящее чувство полета. Тысячу раз взлетай, и все равно замирает душа. Потом, когда наберешь высоту и земля обратится в топографическую карту, все исчезает и становится скучно.

– Набрал девять пятьсот, курс на Орог, – запоздало сообщил Шабанов. – Подписано двадцать восемь.

– Как аппарат?

– Аппарат приличный, тяга нормальная.

Помощником руководителя полетов в этот вечер сидел Олег Жуков, понимающий все с полуслова, а неуставной язык радиообмена Шабанову прощался.

– Ну, валяй, – сказал в ответ Олег. – Привет дальним странам.

Он не имел представления, куда Герман погнал машину, и мог лишь догадываться о маршруте.

– Мне еще до стран как до луны пешком, – проворчал Герман, потому что удовольствие от взлета давно закончилось и начались перегрузки, эдак раз в двадцать пять.

К ним тоже было невозможно привыкнуть, как и к чувству полета. Он знал, что земное притяжение сейчас расплющивает, размазывает лицо, несмотря на гермошлем, и надо перетерпеть несколько минут, пока утлый, ранимый человеческий организм не привыкнет к скорости. Он ждал момента, когда МИГ преодолеет звуковой барьер, после которого наступало облегчение, и следил за приборами. Этот важный этап полета был смешон и горек тем, что все время напоминал детство, точнее, конкретные предосенние страдания, когда, объевшись не совсем зрелой черемухой, испытываешь все прелести сурового и

неотвратимого запора: рожа от напряжения красная, но сколько ни пыжься, сколько ни задерживай дыхания, как перед выстрелом, толку ну никакого! А эта сладкая, соблазнительная ягода росла всюду, особенно вдоль реки Пожни, и ее, как чудо, ждали с самой весны, когда берега подергивались белым, чарующим цветом и старики со своими старухами, несмотря на возраст, выползали ночами подышать своей юностью. Чего уж было говорить о молодняке, который до утра пропадал в белокипенных зарослях, по неведению и безответственности творя любовь и грех.

То же самое потом случалось под осень, когда недозрелые, как черемуха, девушки брюхатели и, скрывая позор, затевали тайное сватовство и скоротечную женитьбу, или – и такое случалось – бросались в омут головой. А чаще всего, дабы скрыть черемуховый грех, бежали к Шабанихе, пожненской знахарке, и падали на колени. Бабка считалась в деревне не менее чем повитухой и не более чем колдуньей, хотя на самом деле совершала над залетевшими девками не таинство, а производила обыкновенный подпольный аборт, разве что древним способом и подручным инструментом – веретеном. Так вот, когда малолетний Шабанов объедался незрелой черемухой, и страдал от тайного запора, и, как согрешившая девка, подолгу ходил задумчивый, бабка Шабаниха, как ее звали в деревне, замечала это и спасала от позора. Она втайне от матушки уводила его в сортир на повети и давала веретено…

Перегрузка в точности имитировала все детские ощущения, так же пучило глаза, краснела рожа и так давило на задний проход, что казалось, опять наелся бурой черемухи. Только бабушки с веретеном рядом не было…

Хлопка он не услышал, когда преодолел звуковой барьер, однако в ушах на какое-то время тонко завибрировало, и почти сразу пришло облегчение. И машина, словно медведь, выбивший зимнюю пробку, враз полегчала, вздохнула свободно: «У-у-ф!..»

– Достал небес, аппарат в порядке, – доложил Герман. – Курс – Орог. Тут еще солнышко на горизонте, и над головой звезды сияют. Ты давно такое видел, товарищ Жуков?

– Вот диковина!.. А у нас стемнело, – хрипнул бывший пилот Жуков. – Кажется, дождик начинается…

– А я вижу… Слева какая-то звезда горит. Может, Венера.

– И хрен с ней, пускай горит…

– Ты меня видишь? Как я выгляжу на экране?

– Кинозвезда.

– Сейчас войду в клетку к зверю, товарищ Жуков, – сказал Шабанов. – Хотя знаю, что он там есть.

Через полминуты Жуков позвал тревожно и официально:

– Шесть два семь! Тебя не вижу! Ушел с экрана.

– С экрана ушел в клетку зверя! – с удовольствием сообщил Шабанов. – И он оказался в берлоге.

– Не понял, шесть два семь! – Кадет или забыл случай, когда они в суворовские времена испытывали силу духа, или делал вид, что забыл.

– Я просто превратился в ничто! Меня нет.

Жуков не ответил, возможно, обиделся на шутку, а скорее всего доложил руководителю полетов о чудесах, и тот посоветовал не обращать внимания. Шабанову в этот миг было наплевать на все, потому что до монгольской границы оставалось семнадцать минут расчетного полета, а «темный» коридор даже не подразумевал радиообмена, как в давние уже времена, когда через рубежи дружественных СССР государств можно было порхать, словно вольным перелетным птицам.

Даже свои ПВОшники не запросят, и не надо насиловать систему опознания «свой – чужой».

Шабанов включил «принцессу», которой была оборудована эта машина, и исчез из виду самых чутких и глазастых локаторов. И не только их, но, к примеру, и от «Игл», «Стингеров» и самонаводящихся ракет класса «воздух-воздух». Обыкновенный рядовой МИГарь в сочетании с этой таинственной, королевских кровей, особой делался невидимым и неуязвимым. Представитель Главного Конструктора еще в Пикулино пытался натянуть на нее пояс верности в виде прозрачного колпака на пульте управления, однако после недолгих консультаций и специального «добро» Росвооружения во время перегона использовать «принцессу» разрешили. Юная барышня таращилась теперь сквозь стекло своим восторженным глазом на весь прекрасный вечерний мир и могла очаровать всех локаторщиков.

Герман поднял машину на двенадцать тысяч метров – с земли ее уже было не видно и не слышно – и включил автопилот. Через семь минут он должен был исчезнуть со связи сопровождения в Пикулино и уйти в вольное странствие на десять, пока не войдет в зону наблюдения ПВО, которые его не увидят на своих локаторах, но, предупрежденные, должны принять условленный радиосигнал и доложить о его прохождении. Потом уже, за границей, где тоже стоят свои, – в Алтупе монгольском примут обыкновенные гражданские диспетчеры. Конечно, гражданские относительно, ибо там сидят наши люди и человек, который обязан обеспечить секретность посадки, заправки и взлета. На этот случай Шабанов выучил даже две фразы на монгольском – запрос на посадку и взлет, чтобы враги не догадались.

Впереди было целых четверть часа свободного полета! Как только он услышал последнюю фразу товарища Жукова и исчез с локатора, первым делом сбросил скорость, сделал фиксированную «бочку», затем отстегнулся от кресла и пустил машину в глиссаду, поближе к облакам, плотно укрывающим землю. От резких встряхиваний и последующей невесомости несколько расшатывалось и ослаблялось крепление НАЗа – неприкосновенного авиационного запаса, грубо говоря, мешка со снаряжением и продуктами, заложенными под парашют в катапультный блок. После этого, если изловчиться, можно было достать хитрый замок рукой и открыть рог изобилия: в чрезвычайных запасах было все, от шоколада до консервированных сосисок. Пограбить запас было делом святым, когда самолет перегонялся, а точнее, продавался дружественному, но все-таки иноземному клиенту. Шабанов гнал МИГ за три моря, а у них там и вкусы были иные, поэтому покупатель НАЗа обязательно перетрясет и вложит туда продукты свои, привычные национальной кухне. И никто уже не спросит за мелкое мошенничество, если с мешка по дороге сдерут пояс верности (не восстанавливать же разовый замок и пломбу!) и исчезнет часть продуктов, рассчитанных на семь дней экономичного питания.

А Шабанов, как и все пилоты, был вечно голодным: кислород играл злую шутку – многократно увеличивал процессы обмена в организме и сжигал калории, как топливо в баках. Ко всему прочему, он и взлетал голодным, поскольку не то что позавтракать, но и поужинать не смог по причинам, вполне объективным. Ситуация вчера сложились так, что вместо последнего праздничного майского дня и вкушения его удовольствий, Шабанов получил по роже, причем драться пришлось сразу с троими, и ладно не зарезали. Хоть и вывернулся, не пал смертью храбрых в неравной схватке, но получил по зубам и в переносицу, так что выпускающий доктор в какой-то момент засомневался, не помешают ли распухшие губы надеть кислородную маску.

Боевые раны не помешали, кислородная маска легла на физиономию даже плотнее, чем раньше, и дышалось вольготно. А самое главное, наконец-то перестал чувствоваться отвратительный запах в кабине, грубо говоря, запах дерьма, преследовавший Шабанова с первого момента, как он сел в этот самолет, когда его принимал.

На семи тысячах маска была не нужна. Дыша ртом, как в вокзальном туалете, он выдернул чеку из замка НАЗа, засунул руку в тесное пространство с правой стороны от кресла и

нащупал сначала железо – судя по форме, какое-то оружие. Протиснувшись глубже, захватил пальцами уголок пластикового пакета и, осторожно вытащив пакет, обнаружил в нем бумажные салфетки. Кажется, русские военно-воздушные силы, следуя западным образцам, постепенно сходили с ума. А иначе это можно было отнести к издевательству над истребительной авиацией, где жизнь пилота рассчитана на сорок пять секунд воздушного боя.

Салфетки! Покушали – утрите губы и пальчики!

Из-за тесноты в кабине Шабанов не мог достать глубин НАЗа, однако после минутного ковыряния извлек плоскую баночку рыбного печеночного паштета, съесть который без хлеба или сухариков было невозможно по причине жирности. Он забил руку еще глубже и вытащил брикет спрессованных фруктов, на языке пилотов называемый компотом. Совмещение найденных продуктов было невозможно, поэтому он, приложив усилие, сместил ствол неведомого оружия, проник ко дну мешка и нащупал нечто длинное и плоское – бывало, что так упаковывали сыр. Однако, вытянув сей предмет, Герман обнаружил запасной магазин к автомату неизвестной конструкции, эдак патронов на двадцать. Запихав назад несъедобное, он выдрал пакет с сухим печеньем, искрошенным вдребезги, но это стало самой приемлемой пищей, хотя от первой же горсти крошек поперхнулся и захотел пить. Вода находилась не в НАЗе, а в специальной фляге с ручным насосом, стоит лишь захватить сосок губами и качнуть рычагом. Когда-то такие питьевые бачки заправляли нарзаном и даже разведенным соком, но сейчас оказалось, что в сосуде пусто.

Шабанов про себя ругнул техника и снова залез в НАЗ: кажется, в военной авиации не хватало теперь не только топлива, но и ума у служб обеспечения – приложив немалые усилия, он с трудом извлек круглую банку – на ощупь с тушенкой из обыкновенного сухпая, на самом деле что-то похожее на перечницу, начиненную желтоватым, легковесным порошком. И хватило ума понюхать – от чиха чуть МИГаря не опрокинул: когда прочитал этикетку, оказалось, что это средство от собак, чтобы не могли идти по следу, грубо говоря, табачная или хрен знает какая пыль. Вероятно, этот НАЗ собирали по специальному приказу, на все случаи жизни, но только не для того, чтобы перекусить в дороге сутки не жравшему летчику. Подобные ограбления были в порядке вещей, но обычно, еще по старой, советской традиции, сверху в «малямбах» лежали шоколад, сахар, консервированная курица, сало, масло, прессованные хлебцы и даже спирт в жестяных банках.

Грабить НАЗ в состоянии невесомости было и хорошо и плохо: все-таки нельзя сильно увлекаться добычей пищи и оставлять без внимания приборы управления – так недолго потерять бдительность, чувство времени и навернуться. Но в мешке было что-то соблазнительное, по крайней мере, рука нащупывала краешки каких-то банок и пакетов, но из-за оружия, вложенного сверху идиотом из службы обеспечения, никак не удавалось выскрести или зацепить что-либо. Правда, этот идиот знал, как грабят запасы в полете, потому и запихал автомат сверху, однако ему и в голову не приходило, что в мешок можно проникнуть с помощью фигур высшего пилотажа и почти свободного падения. Но у каждой службы были свои секреты, трудности создавались специально, иначе вечно голодные пилоты, особенно холостые, давно бы объели ВВС страны.

Шабанов вскрыл рыбью печенку и стал есть бережно, руками, хотя знал, что в НЗ должна быть ложка; и не из жадности или голода – урони крошку в этой тесной и нежнейшей машине, так что-нибудь непременно замкнет, отключится, заклинит и послужит причиной сбоя или даже катастрофы. Не кабина боевого истребителя – стерильная операционная.

В смеси с несладким печеньем получалось ничего, и в какой-то момент, увлекшись пищей, он ощутил себя превосходно даже без кислородной маски. Наконец-то исчезли или скрасились неприятные запахи в кабине. Правда, чуть пощипывало разбитые губы – вчерашняя стычка, однако на высоте даже полутора тысяч метров все земные проблемы остались так же далеко, тем более грела мысль, что он летит в страну, куда человечество искало пути, по крайней мере, полторы тысячи лет, то есть на протяжении почти всей христианской истории.

Доедая паштет, он неожиданно увидел на экране локатора звезду, мерцающую прямо по курсу – возможно, встречный самолет, судя по огромной скорости приближения, и машинально увел машину на десять градусов влево, разминулся по приборам и, закончив трапезу, спрятал банку в карман.

И едва угнездился в кресле, проверив ремни, как светящийся предмет – крупная вечерняя звезда вновь оказалась на курсе, видимая теперь уже визуально. И выглядела она странновато ярко на фоне светлого еще неба. И была скорее всего не самолетом, а зондом, отпущенным метеорологами, но и с ним сталкиваться не было никакой охоты, потому Герман резко подпрыгнул вверх на триста метров и оставил этот шарик позади.

Однако спустя минуту шарик снова появился, теперь справа, и стремительно пошел на сближение, будто атаковал! В тот миг Шабанов вспомнил историю, произошедшую с товарищем

Жуковым, и напрягся, готовый совершить любой вираж и уйти, но шар внезапно расплющился, стал похож на желтую тыкву, когда от спелости она начинает светиться изнутри.

И вот этот огородный овощ, бог весть как попавший на такую высоту, медленно подплыл к кабине и полетел рядышком. Размерами он был метра четыре в диаметре, поверхность плотная, во всяком случае, не сгусток светящегося газа, натуральный предмет, и если бы сейчас это был просто учебный полет, то Герман обязан был доложить, что видит неопознанный летающий объект, описать его и ждать команды. Пилотов наконец-то стали заставлять делать это, а не тащить после посадки в госпиталь для обследования психического здоровья.

– Привет инопланетянам! – сказал он. – К сожалению, нам не по пути! Прощайте, братья по разуму!

И резко отвалил в сторону, подпрыгнув еще на сотню метров. Он запихал пустую банку и остатки раскрошенного печенья в карман, после чего закрыл замок и вставил чеку НАЗа. Потом, сняв обертку с прессованного компота, отгрыз кусочек, вяжущий рот, как черемуха, – сразу пахнуло детством и родными местами, однако смаковать и погружаться в воспоминания не дали. Желтая тыква подплыла теперь слева и в буквальном смысле прилипла своим боком к фонарю, заслонив видимость.

– Нет, ребята, это слишком! Сегодня всякие контакты отменяются, я на работе! У меня другая задача!

Шабанов надел маску, опустил стекло гермошлема, взял ручку на себя и потянул на заданные двадцать восемь тысяч, куда ничто уже не долетало из-за мороза в восемьдесят градусов и где, имея бортовую «принцессу», можно не признавать воздушных коридоров и не бояться строгого слежения с земли.

Вот где была воля!

И снова ощутил все прелести перегрузки, покряхтел, постонал, поматерился мысленно и вздохнул облегченно, когда достиг скорости и подписанной высоты. На экране было пусто, в пространстве – тоже, и потянулись скучные минуты вольного полета в безмолвном эфире: по Монголии ездили на лошадях, а в воздухе над ней, кажется, вообще никто не летал.

Судя по расстоянию, оставленному за хвостом, приближался Алтуп – скорость в МИГаре понятие относительное…

Герман выключил прибор невидимости, запросил посадку, встал на радиопривод и через пару минут уже катился по бетонке с распущенным хвостом – тормозным парашютом. Согласно инструкции, он не имел права покидать кабину, потому поздний и обильный ужин запросил на борт и теперь, сдвинув фонарь, дышал вольным, чистым воздухом – самолет загнали на дальнюю

стоянку, – ждал, когда соотечественники и монгольские братья заправят и обслужат «левую» машину, с удовольствием и тигриным аппетитом пожирал какое-то мясо с овощами и еще с чем-то, что в темноте не разглядеть. Пища была тоже левая, наверняка из солдатской столовой, не совсем прожаренная, и потому самую лучшую косточку он догрызть не успел. В кабину засунулся русский техник (а может, и сам секретный резидент, обеспечивающий перелет), сказал полушепотом:

– Полный порядок, запускайся и выруливай без команды.

Шабанов отдал ему судки из-под ужина, однако недоеденную косточку завернул в пакет и спрятал в карман.

– Ну, тогда – хоп!

И опять взлетел в ночное, непроглядное от туч небо. Пробив сплошную облачность и оказавшись под звездами, он положил машину на курс, включил «принцессу» несколько раньше, чем полагалось, – резко исчезать с экранов локаторов, пусть и гражданских, – значит, вызвать тревогу или подозрения – и решил довершить начатый ужин, а уж потом забираться в ледяную синеву. Он благополучно догрыз косточку, засунул ее в карман и напился: аккуратные и запасливые пустынные жители – монголы заправили питьевой бачок. И внезапно опять увидел летающую тыкву!

Она неспешно выписала круг перед МИГарем, скользнула вниз и, почти касаясь обшивки, проплыла к хвостовому оперению и там застряла. Тут уж стало не до разговоров с мнимыми инопланетянами, отчего-то детский знобящий страх охолодил затылок и стянул кожу на макушке.

Шабанов опустил стекло гермошлема и закряхтел от перегрузки – так легче переносилась тяжесть в теле. Не зря рожениц заставляют кричать…

Через двадцать секунд взгляд, привыкший постоянно считывать показания приборов, вдруг зацепился за бортовой компас.

Взлетая с бывшего советского аэродрома в Алтупе, Шабанов взял курс строго на юг, на Гуйсан, а тут обнаружил, что летит в обратную сторону, то есть на север – на Орог. Не веря такому чуду, протестировал исправность прибора, убрал тягу и сделал боевой разворот. Маршрут был абсолютно новым, неизведанным, и все равно подобного просто быть не могло, даже если учесть, что увлекся ограблением НАЗа. Естественно, он не засек время, сколько летел обратным курсом, посчитал, что минут пять, и чтобы исправить положение, запросил собственные координаты через спутниковую систему ГПС – автоматическую службу космической ориентации, короче, круиз-контроль в земном

понимании, и через минуту получил подтверждение, что движется в пространстве куда надо с незначительным отклонением.

Пересечение рубежей следовало проводить на должной высоте, то есть на условленных двадцати восьми тысячах, и Шабанов, подбросив газу, взял ручку на себя. МИГарь был хорошо обкатанным, новые движки тянули отлично, и вообще машина ему нравилась, если бы, конечно, не запах в кабине, от которого спасала лишь кислородная маска. Через две-три минуты, не будь «принцессы», его должны были обнаружить наши локаторщики ПВО, оставленные в Монголии, затем китайцы, однако небольшой по размерам прибор укрывал его так надежно, что земля хранила полное молчание. Шабанов включил станцию и стал слушать эфир: что там говорят доблестные защитники воздушных рубежей?

Минуты эти проскочили быстро, зарево заката угасло, и небо заискрилось от крупных звезд – земля молчала: похоже, противовоздушный щит дружественных стран был дырявым как решето. Герман выдержал паузу еще в пять минут и вышел в эфир. Грубо дразнить этих гусей было небезопасно, поэтому он схулиганил осторожно, не раскрыв своего позывного, поприветствовал доблестных и недремлющих стражей мирного неба на английском – пусть поломают головы!

Стражи не отвечали, возможно, потому, что в тот час начиналась гроза – огненные сполохи высвечивали поверхность туч, иногда надолго зажигая негаснущие, как дуговая сварка, молнии. На земле шел дождь, а здесь, под звездами, было минус шестьдесят два. Перед тем как войти в коридор и махнуть через китайское воздушное пространство, он еще раз сверил курс с «круиз-контролем» и, удовлетворенный, расслабился. До гражданского аэродрома в Гуйсане оставалось час двадцать две минуты, а топлива еще на час сорок две, так что полет в обратную сторону обошелся безболезненно.

Дружественная и невоинственная Монголия, укрытая облаками, пасла своих лошадей и овец на свежей зелени, и было ей наплевать, кто там над ней летит; китайцы все поголовно спали в своих фанзах, и им снились вкусный рис, Конфуций и Великая Китайская стена. С земли не доносилось ни звука, эфир казался чистым и непорочным, как строгая дева на выданье. Скоро гроза осталась позади, внизу немного развиднелось, однако в малонаселенных первозданных степях не было ни огонька – одно удовольствие лететь над спящими самодостаточными странами.

Шабанов летел по прямой и отдыхал над страной овец и

резвых скакунов, однако, перевалив условную границу Монголии, начал делать первые петли. Мудрые китайцы, видимо, следовали древней истине, что прямой путь не всегда бывает самым коротким, и задавали коридоры более чем странные. Желтые братья давали коридор над своей территорией для перегона авиатехники и даже гарантировали заправку в воздухе, однако Шабанов был предупрежден: ни под каким предлогом не принимать помощи ни в каком виде, не отвечать на возможные провокации, а двигать своим курсом, ни на что не обращать внимания и не выключать «принцессу». Даже если рядом появятся самолеты сопровождения и начнут диктовать новые условия полета или вовсе попытаются посадить. Герману не объяснили логику такого поведения китайских властей, но скорее всего она в подобных действиях присутствовала. Восток – дело тонкое…

А посадка и дозаправка только в Гуйсане, в особом, Тибетском автономном районе, где есть какие-то договоренности, такие же люди, как в Алтупе, и где, по уверению маркитанта из Росвооружения, никто не посмеет пальцем тронуть.

По другим маршрутам вообще можно было схлопотать «стингера» в задницу…

Если бы не эти заячьи скачки, топлива хватило бы до места и не было нужды еще раз садиться. После семидесяти минут полета он снизил машину до девяти тысяч метров, выключил «принцессу» и стал повторять мысленно фразы на китайском – его МИГ уже должен был появиться на экранах гражданских локаторщиков Гуйсана, где ситуацию контролирует свой человек.

Прошло три минуты, пять, восемь – земля не хотела говорить ни на русском, ни на другом языке. Внизу справа проплыли огни Бат-Арла – населенного пункта, лежащего почти точно по курсу, и, отметив его по времени, Герман решил еще раз проверить точность маршрута: через три с половиной минуты на горизонте должны возникнуть огни Орум-Па. И они возникли – значит, все правильно! Теперь доворот на пятнадцать градусов и он выходит точно на Гуйсан.

А он молчит! И становится смешно и тревожно…

Ладно, пропустили ПВОшники из-за грозы, но где наш человек, отвечающий за прием на земле?

И где сам Гуйсан?..

Герман во второй раз сделал поправку на пять минут по расчетному времени, однако гражданский аэродром так и не объявился. Эфир по-прежнему хранил свою девственность…

Еще через полторы минуты Шабанов уже был над территорией сопредельного государства, если верить расчетам бортового компьютера. Он-то не врет! Считает себе своими

электронными мозгами и считает, и ему все равно, что ты чувствуешь.

Надо было выходить из коридора, ведущего в никуда, и снижаться: ему вдруг пришло в голову, что внизу, возможно, сплошная облачность и потому не видно огней, а тучи в ночном полете имеют обманчивую форму. Герман уронил машину почти в пикирующий полет до состояния невесомости – хоть снова принимайся грабить НАЗ – и чем ниже падал, тем явственнее ощущал, что небо здесь чистое, безоблачное и что под ним действительно открытая земля, только темная, необжитая, чего быть не могло! На высоте полутора тысяч он вывел машину в горизонтальное положение и заложил круг.

В Тибетском автономном районе словно все вымерло, как и во всей древней восточной цивилизации. При свете звезд он увидел под собой морщинистый горный кряж, покрытый редкой хвойной тайгой. Нечто подобное было на севере Китая, на Монгольском Алтае, в районах, примыкающих к Читинской области и Казахстану, да, пожалуй, и в предгорьях Тибета (никогда там не летал); по его же курсу сейчас должен быть совершенно иной рельеф и ярко выраженная пустынная растительность – саксаул, например, верблюжья колючка и сами верблюды…

В третий раз Шабанов запросил координаты по «круиз-контролю» и, когда получил на компьютере данные своего местонахождения, не поверил глазам своим: специальный спутник, висящий в космосе, отбивал координаты, точно соответствующие положению Гуйсана.

Но почему тогда внизу лес? Горный кряж?

Между тем топлива в баках оставалось на семь минут полета. Эфир по-прежнему молчал, но вдруг заговорила «Рита» – прибор, приятным женским голосом рассказывающий о неисправностях бортовых систем. Нет, вернее, не заговорила, а начала бредить, поскольку если ее послушать – выходит, оба двигателя вышли из строя, отказала система навигации, контроля, и вообще на самолете давно начался пожар.

Причем несла эту чушь в эфир!

Ее страстная, эротическая речь вдруг стала успокаивать Шабанова. Он видел, что машина в порядке, не дымит, не мигает, и если что отказало – то сама «Рита»…

И при этом до гибели оставались считаные минуты…

Подобная оплошность была для комэска капитана Шабанова не просто трагичной – фатальной, ибо грозила полной дисквалификацией и ставила жирную точку в его летной карьере: почти новый, прошедший специальную подготовку и проданный

уже МИГарь был оборудован «принцессой» – изделием сверхсекретным, что автоматически утраивает спрос во всех инстанциях от командира полка и маркитантов из Росвооружения до особого отдела и военной прокуратуры. Эти придворные, желая выслужиться перед высокородной дамой, в клочья порвут…

Шабанов снизился до четырехсот метров, в надежде увидеть какую-нибудь дорогу с твердым покрытием, однако время побежало стремительно, а земная хлябь внизу по-прежнему была непорочной, как после всемирного потопа. Не было смысла заламывать круги; Герман вел погибающую машину по прямой, краем глаза отслеживая приборы, и когда датчик топлива показал нуль, ощупью нашел ручку катапульты между ног и стал ждать мгновения, когда начнет падать тяга одного из двигателей.

– Прощай, товарищ! – погладил ручку, послушал бред, который несла «Рита». – Ты был хороший самолет. А бабу эту не слушай, врет…

В тот миг он не жалел ни машины, ни дорогостоящей секретной «принцессы», ни даже собственной карьеры; в голове сидела единственная, унижающая его достоинство и уничижительная мысль, что он никогда не добудет бенгальского тигра, точнее, его шкуру, обещанную женщине словом собственной чести…

1

С Магуль Шабанов познакомился за два месяца до этого злосчастного полета. Пришел на почту, чтобы отправить матери денежный перевод, и в сводчатом, низком окошечке, вырезанном в матовом стекле, увидел тоненькие пальчики, считающие купюры. Сначала он влюбился в них, поскольку никогда не видел ничего подобного: бледные, почти бескровные, они так нежно касались денег, так невозмутимо перелистывали пачку пятидесятирублевок, что он угадал в них родственную натуру.

– Девушка, а что вы делаете вечером? – совсем банально спросил он, не видя ее лица.

В ответ последовала тишина, а сзади теснили пожилые граждане, жаждущие получить пенсию. Так что Германа буквально отогнали от окошка и не дали склониться, чтобы в амбразуре увидеть ее лицо. Выйдя из здания почты, он побродил возле офицерской гостиницы, где проживал эти два месяца, после чего во второй раз сделал попытку знакомства. В военном городке Пикулино к тому времени Шабанов знал всех свободных женщин, включая разведенных и покинутых, однако, точно, эти пальчики ему были не знакомы. А всякую новенькую барышню в городке требовалось брать сразу и чуть ли не силой, чтобы не упустить, ибо охотников вокруг было множество. Безлошадный из-за нехватки топлива полк истребительной авиации сходил с ума от тоски и безработицы. Каждое утро по часам напрочь заземленные пилоты собирались на командном пункте, чего-то ждали, и в результате, выслушав привычные слова виноватого командира, брели на опостылевший тренажер, после чего, у кого имелся свой транспорт, отправлялись в Читу за товаром или разбредались по рабочим точкам: большинство летчиков торговали на рынке в близлежащем городе Заборске, стоящем на древних купеческих путях. Топлива на ближайшую пятилетку не ожидалось, и вся надежда была на Росвооружение, активно продававшее самолеты по всей Юго-Восточной Азии и еще черт-те где. Гордость ВВС сузилась до перегона авиатехники в развивающиеся страны, и полк выполнял задачи, далекие от защиты воздушных рубежей Отечества.

Шабанова в буквальном смысле сослали в Забайкальский военный округ, как когда-то ссылали на Кавказ, за действия, недостойные звания офицера Российской армии; иными словами, за попытку возродить старые, порочные традиции.

Герман сразу же после академии получил низшую должность – служил в Подмосковье командиром звена перехватчиков:

выпускников не знали, куда пристроить, и майоров пихали на места старших лейтенантов. Он бы мог смириться и с таким положением, понимая, что надо продержаться в кадрах еще несколько лет, пока не изменится отношение политиков и власти к собственной стране. А оно обязательно изменится, ибо предательство никогда не продолжается долго. Он отлично понимал, что пока не схлынет это мутное половодье с России и к власти не придет государственник, в армии не будет ни боеприпасов, ни топлива. Он был согласен терпеть все, как многие офицеры, кроме одного – личного унижения. За полгода службы он поднялся в воздух единственный раз, и то на учебно-тренировочной спарке. Чтобы выжить, пилоты гоняли на своих автомобилях в Москву за товаром, а потом торговали на местных рынках. Служба состояла из занятий на тренажерах и техобслуживании самолетов – техников попросту сократили вдвое. Нелетающие машины, как нежилые дома, старели и разрушались на глазах и требовали постоянного ремонта.

И вот однажды в часть приехал депутат Госдумы, бывший старший лейтенант-политработник и бывший начальник клуба Федотовской воздушной дивизии, ныне управляющий всеми реформами в армии. Всех, кто был под руками, срочно собрали в гарнизонном Доме офицеров, и промерзшие, краснорукие и красномордые от ветра пилоты как ползали возле самолетов в замызганных, рваных робах, так и пришли на встречу. Галерка оказалась занятой, оставались места в первом ряду, и все равно, отогревшись в тепле, все начали откровенно дремать во время выступления. И вот этот бледнолицый, шизофренического вида депутат вдруг заговорил об офицерской чести, дескать, опустились, неуважение и так далее. Шабанов особенно не вникал в его речи, поскольку был злой, что оторвали от работы – две машины из трех попросту было нельзя поднимать в воздух, а этот бывший завклубом, заикаясь и дергаясь, как юродивый, молотит что-то, вроде бы стыдит и на него смотрит.

– Тебе чего? – проснувшись, спросил Шабанов. Тут из депутата и полезло – не так сидишь, не так свистишь и вообще, кто такой. Герман оглянулся – командиры молчат, подчиненные дремлют, – отвернулся и тоже уснул. Когда встреча закончилась и все побрели по своим местам, этот реформатор вооруженных сил вдруг остановил Шабанова и снова стал приставать – теперь относительно его внешнего вида и полусонного состояния.

– Да иди ты в звезду! – отмахнулся Герман и пошел.

Депутат и на сей раз не отстал, догнал его возле выхода и уже белый от непонятной ненависти, с перекошенным от заикания лицом и открытым ртом, силился сказать что-то гневное

и при этом пристукивал ногой – Шабанов не дождался и врезал ему по челюсти. Потом он никак не мог объяснить причину своего поведения, ни себе, ни командирам, ни в военной прокуратуре, где сначала возбудили и потом прикрыли уголовное дело. Германа судили офицерским судом, разжаловали в капитаны, лишили очереди на жилье, отстранили от несуществующих полетов на три месяца, а по неустанным депутатским запросам отправили в Пикулино.

Тогда Шабанов и понял одну простую истину: дело было не в керосине. Этого дерьма в империи хоть залейся.

Герман встретил Магуль на почте и потом шутил, что ее в буквальном смысле послал Бог заказной посылкой. Несмотря на отсутствие топлива, здесь стабильно выплачивали зарплату – говорили, что американцы выделяют на это специальные средства, только чтобы летчики не летали, стрелки не стреляли, а командиры не командовали. Шабанов приехал в часть с неоплаченным аттестатом денежного довольствия и тут, получив зарплату за пять прошлых месяцев, на радостях побежал отправлять перевод родителям в Тверскую область.

И увидел в стеклянной амбразуре тоненькие, просвечивающиеся пальчики с перламутровыми ноготками.

Побродив вокруг полупьяной гостиницы, Герман вернулся на почту и, выстояв небольшую очередь, теперь уже чуть ли не засунулся в окошечко. И увидел Магуль во всей красе: ростом она была около двух метров, ноги в буквальном смысле росли из коренных зубов, однако черные волосы и горбатый, большой нос говорили о ее кавказском происхождении. Лицо, как и пальчики, оказалось длинным, тонким и бледным, а в совокупности с огромными глазами буквально очаровало его. Конечно, это была не девушка – необъезженная лошадь, дикая кобылица со скрытым, огненным темпераментом, готовая в любой момент сбросить даже самого опытного наездника. А по национальности Магуль оказалась абхазкой.

– Герман-ибн-Шабан! – представился он. Дело в том, что за год до принудительной смены места службы они с прежним товарищем по полку решились поехать в отпуск на Кавказ, опять же подпольно, ибо из Адлера в Абхазию можно было добраться лишь на личном транспорте, вручив небольшую взятку пограничникам. Они наняли извозчика-абхаза, дали ему денег и рванули в сопредельное государство на свой страх и риск, поскольку товарищ уверял, что нет лучше отдыха, чем в Пицунде, где проживание, пища и вино стоят копейки из-за объявленной экономической блокады против этого государства.

Все было так на самом деле. Высокие, белолицые и носатые

женщины, по утрам спускавшиеся с гор, приносили замечательное и дешевое вино, старик-абхаз брал по доллару в день за отдельную комнату и трехразовое питание, а купаться в море и загорать вообще можно было бесплатно с утра до вечера. Квартирный хозяин тогда и объяснил, что фамилия Шабанов – кавказская, княжеская, уважаемая и ему можно остаться и жить здесь красиво и богато за одну лишь принадлежность к знатному роду. Герман с приятелем над этим посмеялись, поскольку в Тверской да и соседних областях мужиков с такими фамилиями было как собак нерезаных. Однако даже не зная о его «княжеском» достоинстве, все встречающиеся абхазы вежливо приветствовали русских и всегда говорили добрые, совсем не обоснованные слова, поскольку правительство России включилось в поддержку блокады. Шабанову было стыдно перед местными, и чаще всего он отворачивался и стремился пробежать мимо, когда с ним заговаривали абхазы. Любовь к русским у них была странная, непривычная и, как теплое море, совершенно бесплатная – купайся, сколько влезет. И женщины здесь были потрясающе покорные, и когда Герман со своим сослуживцем, по утрам бегая за вином на местный рынок, начинали завлекать молоденьких горянок, они опускали глаза и произносили одно слово:

– Пхашароп.

То же самое они слышали и на улицах, когда выбирались вечерами прошвырнуться по курортному городку с надеждой завести знакомство. Это слово сначала показалось чем-то вроде отказа, мол, не приставай, не положено при всей любви к русским и России. Выговаривая его, абхазские городские девушки, как и те, что спускались с гор, нагруженные бурдюками с вином, одинаково клонили взгляд долу, но не уходили – стояли и чего-то ждали. После нескольких странных, смущенных неудач Герман сделал новый перевод: «Я согласна!» Или: «Возьми меня!» Чтобы удостовериться, он разыскал своего квартирного хозяина и спросил, что такое «пхашароп».

– Стыдно, – перевел тот.

И Шабанову почему-то тоже стало пхашароп по полной программе.

Через десять дней полновесного, ни с чем не сравнимого отдыха к Герману пришел цивилизованный горец и предложил пойти служить в ВВС Абхазии. Служба у них работала, выяснили, кто приехал на отдых. Он сказал, что есть несколько учебно-тренировочных самолетов, но нет опытных пилотов, а надо патрулировать морскую границу, поскольку в территориальных водах царил полный беспредел. Пообещал в тот же день

выплатить хорошие деньги и на выбор подарить дома на берегу Черного моря. Причем не требовалось продавать или предавать Родину, увольняться из Российской армии – все согласовывалось на высшем уровне. В ту пору бездомный, почти безработный из-за отсутствия топлива в империи, Шабанов вначале растерялся, а потом чуть не согласился. А смутило в последний момент то обстоятельство, что у абхазских ополченцев служили головорезы из чеченской банды Басаева, и выходило – стоять придется с ними в одном строю.

До двух ночи Герман простоял у почтовой амбразуры и был наконец-то впущен за стеклянный барьер. В самый ответственный момент, когда он уже распустил крылья и стал вычерчивать вокруг кавказской красавицы графику любовного танца, в отделение связи явился маленький, но такой же черноглазый горец, и Магуль мгновенно потухла.

Шабанов был готов драться, однако ее соотечественник обронил несколько фраз на абхазском, окинул кинжальным взглядом Германа и, не спеша, удалился. Оказалось, что Магуль живет в военном городке не одна – с тремя братьями, и все они приехали сюда заниматься бизнесом – торговать в купеческом Заборске фруктами, которые, несмотря на блокаду, каким-то образом вывозятся из Абхазии. Оказывается, Россия давно поделена Кавказом на зоны своих экономических интересов, и семье Магуль достался этот сибирский регион, где ее братья – полные хозяева местного фруктового рынка. И сразу стало понятно, почему возле восточной невесты нет рядом ни одного жениха. Ему бы тоже следовало отскочить, но не позволил характер, и Шабанов уже чувствовал себя лермонтовским героем. Кроме того, выяснилось, что братья Магуль уехали на своем «КамАЗе» в Читу за яблоками и грушами – пришел контейнер, и вернутся не раньше, чем к вечеру. В восемь часов утра «Бела» сдала смену, и Герман увязался проводить ее домой. Только встав с ней рядом, он увидел разницу в росте – выше на полголовы! – но не смутился и продефелировал через весь военный городок в старый поселок, где абхазцы снимали дом. Естественно, напросился на чай, хотя пора было идти на службу, но в полк топливо так и не завезли, потому с пилотов строгой явки не требовали: пришел – хорошо, не пришел – тоже неплохо…

Чай как-то незаметно перешел в винопитие, причем Магуль достала настоящий бурдюк и нацеживала в стакан через трубку, с бережностью и любовью, однако сама даже не притронулась к вину. А завеселевший, впавший в ностальгию по отдыху в Пицунде Герман двинулся на штурм кавказской крепости. Сибирь никак не изменила характера восточной девушки; она покорно

позволила раздеть себя, уложить в постель, но едва Шабанов к ней прикоснулся – сжалась в комок и произнесла ритуальное слово:

– Пхашароп.

И стала ледяная.

Промучившись до обеда, Герман допил вино из бурдюка и ушел на службу.

Пикулино, как все военные городки, был совершенно прозрачным, хуже всякой деревни: всем, включая командира полка, наверняка уже было известно, где и как провел ночь и все остальное время недавно прибывший для дальнейшего прохождения службы командир наземной, нелетающей эскадрильи, разжалованный из майоров в капитаны Шабанов.

Зам по воспитательной работе, проще говоря, политрук пригласил к себе и сказал определенно:

– Хочешь жить – забудь дорогу в отделение связи.

– Я матери перевод посылал, – сказал Герман. – У старушки учительская пенсия.

– В следующий раз дашь деньги – сам пошлю.

– Пхашароп, товарищ майор.

Ему откуда-то был известен перевод этого слова.

– Ничего, я через пхашароп могу переступить.

– А что так?

– Да зарежут тебя. Проснешься утром, а голова в тумбочке.

– Понял, – козырнул Шабанов, трезвея, и ушел.

Ближе к вечеру в классе матбазы его выловил начальник особого отдела Заховай и заманил к себе.

– Хреново ты службу начинаешь, капитан, – проговорил он, тасуя бумаги на столе. – А ведь академию закончил, говорят, летчик от Бога.

– От Бога, – согласился Герман. – Только не летал давно, Бог топлива не дает.

– Будет тебе топливо, – прозрачно намекнул Заховай. – У нас есть на тебя виды… Только не суйся больше на почту.

– А что так? – снова спросил Шабанов и услышал иную версию.

– Объясняю. Барышня в окошке посажена своими братьями, чтоб замуж выдать, желательно – за старшего офицера.

– Правильное дело. А куда еще посадить красный товар? Она там как на витрине…

– Наживка как раз по тебе, хоть и разжаловали. Ты у нас академик… Только где служить хочешь: в России или Абхазии?

– Где топливо есть.

– Не валяй дурака, Шабанов. Женят и отправят к себе на

родину. Они все еще мечтают создать ВВС.

– А чего бы им не помочь? Они русских любят, к России хотят присоединиться. У них там тепло и море есть. А какие дома!.. Вы там не были, товарищ подполковник? Жаль, есть на что посмотреть…

– Надеюсь, ты все понял? – спросил Заховай. – Доложат, что заходил на почту – накажу.

Когда Герман вернулся в офицерскую общагу и поделился впечатлениями о Заховае с однокашником по СВУ и теперешним соседом товарищем Жуковым, таким же опальным пилотом, списанным на землю и усаженным на командный пункт, в ответ услышал неутешительное:

– Если Заховай сел на хвост – службы не будет. Лучше сразу рапорт на перевод. Захова́ет куда-нибудь или вовсе заха́вает.

Но не сбылось его предсказание, а вышло все как раз наоборот: начальник особого отдела части и в самом деле имел на него виды, поскольку Шабанов оказался единственным пилотом в полку, имеющим все формы допусков к полетам, в том числе и за рубеж, владел всеми типами машин истребительной и фронтовой авиации и имел самый большой налет часов. А незадолго до этого в Иркутске навернулся «Антей», упал на жилые кварталы и спалился не только сам – сгорел груз, три демонтированные СУшки, которые везли во Вьетнам. За самолеты уже было заплачено, и теперь братскому народу следовало доставить товар своим ходом. Штурмовики пригнали откуда-то из европейской части и поставили на аэродроме под чехлы, и вот тогда командир полка Ужнин сформировал три экипажа. Ведущим назначил себя; своего зама по летной подготовке и Шабанова – ведомыми. Топливо нашлось не только для перегона, но и для тренировочного полета, так что СУшки перед дальней дорогой хорошенько облетали и вскоре отправились в путь. Первая заправка была в Монголии, вторая в небе над какой-то китайской провинцией – восточные братья предоставили и коридор, и самолет-заправщик. Правда, услуги эти влетали в копеечку, однако рынок диктовал свои условия; убытки, и так непомерные после гибели «Антея» с грузом, лишь увеличивались, бизнес приобретал ярко выраженную национальную окраску.

Товар благополучно передали Вьетнаму, назад вернулись пассажирским самолетом. Ужнин остался доволен новым командиром эскадрильи, и когда спустя пару недель на стоянке появились два «чужих» МИГаря, у него не было вопросов, кто погонит их в Таиланд. Потом были командировки отдельно в Монголию и Китай – одним словом, авиаполк постепенно превращался в перевалочную базу Росвооружения, и, наконец, во

время очередного собеседования у Заховая, тот вдруг откровенно и цинично сообщил, почему Шабанова законопатили в ссылку в Забайкалье: требовался опытный пилот со всеми допусками именно для перегона самолетов в страны Юго-Восточной Азии. Так что крутая расправа с ним была умышленной – чтоб сопел в тряпочку и радовался, что остался в армии, да еще и летает. Откровенность особиста была тоже не случайной, прощупывал, проверял, какова будет реакция, не обидится ли, не свинтит ли куда-нибудь за пазуху к вероятному противнику, получив для перегона самолет с секретной начинкой? Гоняли-то пока серийные машины, без особых наворотов…

Должно быть, Герман проверки прошел успешно, поскольку самой судьбой приговоренный вечно прозябать в общаге, он вдруг получил квартиру в командирском доме – двухкомнатную на одного, с мебелью и с видом на седые забайкальские сопки. Заховай жил тут же, этажом ниже – знать, он руку приложил, чтобы держать Шабанова под полным контролем, и мало того, у соседа-особиста оказалось две дочки, с которыми Герман познакомился в первый же день, не зная того, чьи они. Старшую звали Настя, а младшую именем редким – Ульяна. А когда обнаружилось, кто их папа, стало вдруг ясно, почему Заховай с такой категоричностью запрещал ему встречаться с Магуль и вообще заходить на почту: свой товар, прямо сказать, прокисает, обеим за двадцать четыре, при этом не дурны вовсе, но очень уж похожи на папу, если приглядеться. Женихов в Пикулино пруд пруди, но хорошие приезжали сюда уже с семьями, а балбесов после училища папашке, да и дочкам тоже, не надо, подыскивали приличные партии. Наверное, Шабанов показался Заховаю именно таким, но он еще не знал, что опальный капитан из Московского военного округа никакого насилия над собой терпеть не мог. И потому на следующий же вечер Герман выманил с почты Магуль и под видом прогулки, без всякой подготовки привел ее в новую квартиру.

Несмотря на запрет, он встречался с «Белой» почти каждый день, а когда братья ее уезжали за очередным контейнером в Читу, наведывался в дом, пил вино из бурдюка, раздевал покорную кавказскую пленницу, укладывал в постель, но всякий раз случался «пхашароп» и Герман уходил несолоно хлебавши. Братьев своих она боялась до смерти и начинала трястись, если кто из них неожиданно подъезжал к дому, когда там сидел Шабанов. В первый раз пришлось долго прятаться в кладовой между ящиками с фруктами, во второй – катапультировался через окно, благо что на дворе стояла теплая весна и зимние рамы вытащили. В последний раз, когда произошел очередной

«пхашароп», он сказал Магуль, что больше не придет. И не приходил недели две. Если бы не дочки Заховая, пожалуй, сдержал бы слово, но тут заело!

Магуль украдкой осмотрела квартиру, потупив взор вошла в спальню и вдруг сама стала раздеваться. Шабанов стоял в дверном проеме и, ощущая мстительное чувство, наблюдал с молчаливой усмешкой. Когда кавказская пленница сняла белье, он словно впервые увидел ее обнаженной. И оказалось, что фигура у нее подростковая, нескладная и совсем не красивая – где глаза были раньше! Магуль легла на постель и приспустила веки.

– Пхашароп, – с удовольствием сказал Герман. – Одевайся и уходи. Я пригласил, чтобы посмотрела квартиру.

На ее белом лице ни один мускул не дрогнул, и Шабанов понял, что ему никогда не понять души кавказской женщины. Не дано! Другая психология, совершенно иные нравы, чужая цивилизация. Наша девица в аналогичной ситуации такое бы устроила – весь командирский дом встал бы на уши, а нижний сосед Заховай пожалел бы, что пригрел опального капитана.

Когда Магуль ушла, Герману стало стыдно и он сел делать то, чего не делал, пожалуй, со школьной скамьи – писать девушке письмо. Не любовное, скорее – покаянное. И так расписался, что не хватило двух страниц: тянуло рассказать о своей судьбе и тяжелом характере, из-за которого вот уже двадцать девять лет страдает, и чувствовал себя счастливым только в детстве, в родной деревне, куда и мечтает когда-нибудь вернуться. Жить ему давным-давно надоело, и, что он ни делает в жизни, – все из чистого самолюбия и крайнего эгоизма. А это плохо, когда такие чувства становятся двигателем самой жизни, когда не крылья тебя несут от беспричинного восторга и радости, а брызжет из души реактивная струя и тянет куда-то в пространство.

Тоску эту Шабанов испытывал давно, и причиной ее была не ссылка, не наказание; в какой-то момент он достиг всего, чего хотел, и стало неинтересно. Правда, впереди еще маячили некие мутные очертания целей – освоить профессию летчика-испытателя, попасть в отряд космонавтов, однако подобные ступени до душевного трепета манят в юности. А когда тебе вот-вот будет тридцатник, появляется сомнение: а добавят ли они что к общему и уже устоявшемуся вкусу жизни?

Даже в космосе стало скучно, не говоря про нудную, однообразную планиду испытателя.

Ему все последние пять лет хотелось вернуться в детство, на берег Пожни, под цветущую, а потом зреющую черемуху или еще раз совершить свой первый полет с крыши дома, используя

вместо крыльев старенький материн тулупчик. Ну и что, что в шесть лет не удалось оторваться от земли, а, махая овчинными полами, теряя валенки и шапку, будто перья, врубиться головой в сугроб? Вот сейчас, в зрелом возрасте, обязательно бы получилось! С помощью того же тулупчика…

Или снять с чердака махолет, созданный вместе с отцом, смахнуть пыль, расправить крылья и попробовать еще разок раскрутить педалями маховое колесо!

И еще ему хотелось на войну…

За эпистолярным творчеством его и застал Якуб – старший брат Магуль. Тогда он показался нормальным, цивилизованным человеком, разговаривал хоть и резковато, но все-таки не ущемлял достоинства и не угрожал.

– Моя сестра была в твоем доме, – сказал он. – У нас не принято водить девушек в гости. И если мужчина привел девушку – обязан на ней жениться.

– Спасибо за разъяснение национальных традиций, – ухмыльнулся Герман. – В следующий раз учту.

– Учти, пожалуйста. Слово мужчины?

– А то!

Якуб хлопнул его по руке и удалился, а Шабанов дописал письмо, пошел на почту, всунул его в окошечко, где мелькали тоненькие пальчики Магуль, и тотчас же ушел. А на следующий день утром аэродром Пикулино принял два не совсем новых МИГаря без маркировки в документах. Самолеты зачем-то втащили в ангар, опечатали кабины и выставили охрану. Германа сначала вызвал Ужнин, поздравил с новосельем и сказал, чтоб готовился в командировку. Срок вылета не назначил, страну – получателя товара не назвал, да и вообще от этого разговора попахивало некой секретной операцией.

И нюх не подвел, поскольку в полдень Шабанова пригласил Заховай и как ни в чем не бывало начал подробный инструктаж. Он тоже темнил, куда и когда гнать машину, сославшись, что сам не знает еще, однако в тайны прибывших МИГарей посвятил: они прошли предпродажную подготовку в каком-то научно-производственном объединении, где на них установили приборы, ласково называемые «принцессами». Что это такое, в войсках знали не многие, Герман лишь слышал в академии о существовании такого изделия, тогда еще недоделанного, не обкатанного и безымянного, а оборудовать ими истребители стали всего год назад – в тот самый год, когда в автокатастрофу попала принцесса Диана. Россия почему-то оплакивала ее как национальную героиню, и конструкторы в память обозвали готовый прибор «принцессой».

Поскольку авиаполк занимался рыночной экономикой, то и речь на инструктаже шла в основном о стоимости изделия – а она составляла чуть больше стоимости самого истребителя, и «принцессу» следовало спасать в любом случае чуть ли не ценой собственной жизни. И соответственно держать язык за зубами, потому что за «принцессой» идет самая настоящая охота и не дай боже кто-нибудь, начиная от однополчан и кончая представителями братских, дружественных народов, узнает, что в Пикулино стоят МИГари с этими игрушками. Кто владеет подобными штуками, тому наплевать на ПВО, как, впрочем, и на пилотируемую авиацию противника. Самолет превращался в призрак – видит око, да зуб неймет. Изобретение оказалось настолько эффективно, что американцы сейчас в узел завязываются, чтобы хоть чуть-чуть приподнять таинственную вуаль на лице «принцессы», ибо все их старания в области борьбы с авиацией противника сводятся к нулю.

Старый прожженный особист, мастер тайных дел, имел дурную привычку говорить полушепотом и в нос, когда сообщал сверхсекретные сведения. Его кабинет, оклеенный изнутри металлизированной пленкой, и без того был глухим, так что терялся всякий звук, а тут еще это простуженное бухтение – Шабанов понял из всего сказанного лишь половину, однако покивал головой, расписался где надо и отправился на следующий инструктаж – к представителю конструктора. Тот и вовсе устроил настоящую презентацию своего детища. С кабины МИГа сняли печати, откинули колпак, и Герман, чуть нюхнув воздух, сначала подумал, что инструктор пообедал в солдатской столовой и его сейчас пучит и мучают газы.

– Как у вас самочувствие? – участливо спросил Шабанов. – Может, отложим смотрины невесты?

– «Принцессы», – с гордостью поправил инструктор. – И не отложим, а приступим немедленно.

Тогда Герман решил, что пилот, пригнавший эту машину, по дороге уделался и спрятал свои подштанники где-то в кабине – иначе что могло так вонять?

– Не обращайте внимания на запах, – догадался, в чем суть сомнений, и предупредил наперсник царственной особы. – Прибор покрыт сверху толстым слоем… специального вещества, предохраняющего внутренности от всевозможных воздействий. Одновременно это вещество является взрывчаткой.

– А похоже на… другое вещество, – не сдержался Герман. – По цвету и запаху…

– Молодой человек! – Инструктор был гражданским и, верно, интеллигентным, а то бы уже наорал. – Перед вами образец…

технологии будущего. Я вам авторитетно заявляю: аналогичные приборы появятся в технически развитых странах через пятнадцать – двадцать лет! «Стелс» в сравнении с этой машиной – фига в кармане. Это технологический прорыв в будущее.

– По-моему, так на днях появятся!

– Вы что, шутите?

– Да нет. Вот перегоню самолет в страну назначения – там и появится.

– Ах, вы об этом, – погрустнел представитель Главного конструктора. – Да, мы вынуждены продавать изделие. Очень жаль, но… Иначе не сможем выпустить серию и оснастить все наши машины. За пару проданных «принцесс» можно изготовить сотню!.. А потом, продаем в Индию, нашим давним партнерам и верным друзьям…

– Все они теперь – друзья, – совсем по-стариковски проворчал Шабанов, поймав инструктора за язык: проговорился, МИГарь-то в Индию гнать! – Перепродадут в пять раз дороже, третьей стране…

– Не обижайте союзников, молодой человек, – ревниво сказал он и тут же заметил: – Изделие имеет многократную степень защиты. Например, его невозможно переставить без специальных знаний из машины в машину. У каждой «принцессы» собственная индивидуальность, адаптированная к конкретному самолету, к параметрам двигателей. Разборке тоже не подлежит… Так что не советую вам ковыряться в ней, делать попытки заглянуть внутрь.

Сама «принцесса» размерами и формой напоминала автомобильную магнитолу, разве что грубо обмазанную чем-то наподобие сургуча, и была установлена справа под приборами, а ее «глаз» – черная трубка с рубиновой стекляшкой внутри и кабелем в металлической оплетке стояла за перекрестьем прицела, вплотную уткнувшись в лобовое стекло. С машиной ее соединяло мощное крепление и всего один круглый разъем, вероятно, питание, и во время катапультирования эта барышня отстреливалась специальными зарядами, отрывалась по живому, как хвост у ящерицы, если прищемить, и вкупе со своим пристальным «глазом», а также в компании с пилотским креслом, пилотом и НАЗом спасалась из гибнущего самолета. Несмотря на свою нежность, она выдерживала лютый мороз, высокую температуру, сильнейшие удары, воду, попадание топлива и еще черт-те что вплоть до кислотной среды, и всё благодаря своей вонючей обмазке.

– У вас есть вопросы по существу? – спросил инструктор. – Спрашивайте всё, что не ясно.

– По существу… Кто хват исковырял?

– Какой хват?..

– На ручке управления! Смотрите, как раз под большим пальцем! На ней что, псих летал? Нервный?

– Я не знаю, кто летал, – инструктор был слишком серьезным и упертым человеком. – Машина почти новая, ручку не меняли, вполне приличная, исправная…

– Не о том я. – Шабанов достал платок и протер пластмассу. – Ручка самолета, как ручка женщины… Люблю, когда она нежная, чистая. Кладешь на нее ладонь, трепещет от возбуждения….

Должно быть, представитель главного конструктора воспринял пилота как человека несерьезного…

Следующий инструктаж был у представителя Росвооружения – у маркитанта, как его называли в полку. Бравый, веселый майор – его бы на плакат «Дойдем до Берлина» – был краток и особенно не сосредоточивался на специфике и секретности своего товара. Они давно были на «ты», поскольку встречались часто и понимали друг друга с полуслова. За каждую доставленную по месту назначения машину пилоту полагалась премия в размере месячного заработка, и выдавали ее сразу по возвращении из командировки. На сей раз она увеличилась вдвое, и к тому же майор как бы между прочим заявил, что его фирма (так и сказал – фирма!) похлопочет о восстановлении звания. Оказывается, маркитанты теперь имели и такую возможность – в качестве оплаты за услугу увеличивать звезды на погонах. А кроме того, был обещан самый теплый прием по месту доставки товара, трехдневный отдых с экскурсиями по стране, непременными ужинами в ресторанах, обязательные экзотические подарки, памятные сувениры и какие-то непомерно огромные суточные.

В два раза толще оказалась и пластиковая папка с сопроводительной документацией на машину, прошнурованная, опечатанная и защищенная не хуже самой «принцессы». Хранить ее полагалось как партбилет, у сердца, во внутреннем кармане комбинезона и в случае чего уничтожить в первую очередь любыми путями, лучше всего съесть. Шабанов расписался за бумаги, убрал их в свой сейф и наконец-то подался к Ужнину. Тот выложил перед ним три залепленных печатями пакета – царские грамоты, ни дать ни взять.

– Вот, – сказал. – Жду команды на вскрытие одного из них. Там маршрут движения и страна-получатель. Такого еще не бывало… Гуляй пока.

– Может, мне новоселье учинить? – посоветовался Шабанов. – Как раз майские праздники?..

– Я тебе учиню, – пригрозил командир. – Чтоб как стеклышко в любой момент…

Вечером к нему в квартиру неожиданно явился сосед снизу – Заховай. Домашний такой, в тапочках и застиранном спортивном костюме.

– Ну, как ты тут устроился? – осматривая жилище, по-свойски спросил он. – Да… Не хватает женской руки… Ты вот что… Полетишь в командировку, оставь ключи. Я своих девок пошлю, пусть обои переклеят. Все посвежее будет…

Подобного наглого вмешательства в личную жизнь он не ждал и соврал первое, что пришло в голову:

– Да я уже нанял строителей, аванс заплатил. Придут и все сделают.

– А вот это напрасно, – отрезал особист. – Ты знаешь этих строителей? Кто они, с кем связаны?.. Придут, напихают тебе закладок в стены и станут слушать. Думаешь, случайно в командирском доме квартиру дали? И еще надо мной?..

После сегодняшних инструктажей Шабанов уже ничему не удивлялся и все допускал. Тем более логика у Заховая была складная…

– Никаких строителей. Мои девки сделают. Давай запасные ключи, и дело с концом.

– Я заплачу! – нашелся Герман, отдавая ключи. И тут же решил для себя: если откажется от денег – значит, это грубое, неприкрытое сватовство. Последние года три с женитьбой его бодали все, от родителей до командиров, и Шабанов к подобным уловкам давно привык и отработал манеру поведения для каждого отдельного случая.

– Разумеется, заплатишь, – просто отозвался Заховай, пряча ключи. – Нынче бесплатный сыр только в мышеловке… Знаешь, каково трех женщин содержать?

– Трех?..

– Жена тоже не работает…

– Не позавидуешь! – с удовольствием согласился Шабанов, наливая чай. – Я тут хотел новоселье устроить на праздники – Ужнин запретил…

– И правильно запретил… Ждем команды. – Заховай не комплексовал, начал молотить хлеб с колбасой, словно не из дома пришел. Вдруг его стало жаль: скорее всего, содержа трех женщин, он сам недоедал и все время чувствовал голод, даже после ужина…

Сосед дожевал последний бутерброд, обжигаясь, выпил чай и загундосил:

– Ждем команды… МИД чего-то трясется насчет коридоров… В принципе на такой машине они тебе не нужны, но мало ли что, первый пробный шар… Через Монголию, сразу скажу, пойдешь

темным, легко… Есть проблемы с воздушным пространством Китая… Что-то почуяли наши братья, мудрят… Будь осторожен, особенно над пустынными районами… Пустыня, она и есть пустыня… Только с включенной «принцессой». Конечно, показывать ее возможности нам не выгодно, а что делать? Надо пробовать…

– А почему бы не махнуть через Киргизию и Таджикистан? Все-таки бывшие республики. И напрямую, в обход мудрых наших братьев…

Заховай мгновенно насторожился.

– Не понял…

– Там же дырка есть. Махнуть через узкую полоску Пакистана – пять секунд…

– Куда махнуть-то?..

– В Индию.

У Шабанова было странное чувство к нему – как у ребенка к чужой кошке: хотелось и приласкать, пожалеть ее, и одновременно стукнуть. Особист тяжело помолчал, глядя на пустую чашку, прогнусавил:

– Афанасий Никитин нашелся, в Индию…

– Между прочим, он мой земляк!

– Говори сразу, откуда информация?

– Из первых рук.

– Значит, представитель Главного конструктора, – тотчас определил Заховай. – Через них все утечки… Ну как работать с такими людьми? Если не прямое предательство и измена, то обыкновенная болтовня! Распустились – дальше некуда! Языки отрежу!

– Так почему бы не через дырку? Насколько знаю, там всегда перегоняли…

– Много знаешь!.. Было, гоняли. А теперь заправок не дают, да и вообще садиться там опасно, не выпустят… Грабят же повсюду!.. Китайцы хитрят, но у них другие способы…

– Жить становится интересно, – заключил Шабанов. – Появляется возможность выбора.

– Какого выбора? – сосед заговорил несекретным тоном. – Это ты про что?

– Ну, например, выбора маршрута. Ужнин сегодня положил целых три пакета!.. А когда тебя гоняют по одному и тому же, становится тоскливо. Нет вариантов. А даже у витязя на распутье в стародавние времена их было несколько. Налево пойдешь, направо пойдешь…

Такие разговоры особист или не понимал, или они надоели ему в женском обществе.

– Начинается! – встал недовольно и подался к двери. – Выбор, варианты… Меня дома бабы забодали!.. Тебе надо сейчас о другом думать. Между прочим, и о семье тоже. Чтоб жить стало интересно без вариантов…

Наверное, в этом была своя суконная философия собственного внутреннего принуждения: взвалил на себя воз и тяни его до смерти, однако Шабанова она не прельщала.

– А в праздники сиди дома, – добавил он с порога. – Поднять могут в любой момент.

До третьего мая Герман и в самом деле просидел безвылазно, и сосед снизу тоже отлучался на час-два в штаб, и все остальное время сторожил комэска и блюл его девственность. Ночью, когда Шабанов от скуки ободрал одну комнату и пошел выносить старые обои в мусорный бак, Заховай тоже появился в тапочках и с ведром – должно быть, получил приказ до вылета исключить все контакты пилота с внешним миром. Однако третьего утром он умчался куда-то как по тревоге, и Герман немедленно оказался на улице. Мысль, конечно, была одна – заскочить на почту, где Магуль заступила на дежурство, и посмотреть на нее после письма: может, под воздействием его откровений растает, разломается эта женская восточная невозмутимость и непроницаемость, и чувства возникнут на белом, бесстрастном лице?

Самый короткий путь был через закрытый детский сад и ППН – Парк Последней Надежды за гарнизонным Домом офицеров, куда загулявшие вояки, а равно одинокие барышни ходили искать друг друга, чтобы хотя на одну ночь ощутить прикосновение счастья. Городок уже нагулялся за два дня и теперь отдыхал, несмотря на благодатную, солнечную погоду и запах зеленой жизни, с треском выдирающийся из тополевых почек. В парке было пусто и тихо, так что резкий окрик за спиной прозвучал как выстрел.

Все три брата были одеты одинаково и празднично – в длиннополые белые плащи и такие же шляпы, у старшего, Якуба, на шее висел длинный и тоже белый шарф. Стояли полукругом и вроде бы даже улыбались, только не понять, радостно или цинично.

– Ты дал слово мужчины – взять сестру, – сказал старший. – Почему не берешь?

Шабанов точно помнил, что жениться не обещал и слово мужчины давал не приводить больше к себе в дом девушку Магуль, дабы не нарушать национальных обычаев Кавказа. Но оправдываться или разбираться, кто и как понял друг друга, было бы сейчас не к месту, да и глупо; братья-абхазы подкараулили его

не для того, чтобы выслушивать детский лепет.

– По праздникам претензий не принимаю, – не менее цинично ухмыльнулся он. – Завтра и в письменном виде.

Средний, Рудик, не спеша достал нож, оттянул длинный рукав плаща и поиграл сверкающим на солнце лезвием.

– Рэзать будем сегодня – не завтра. У нас каждый дэнь – праздник. Каждый дэнь рэжем.

– Рэзать потом! – заметил Якуб. – Сначала сделаем обрэзание! Ты знаешь, что такое – обрэзание?

– А ху-ху не хо-хо? – спросил Шабанов. – Нихт ферштеен? Не понял, да?

Самый хлипкий из них был старший – девичья фигура, соплей перешибешь, но командовал тут он и держался соответственно. Якуб и младший переглянулись, этот язык был понятен без перевода – будут мочить и ждать тут нечего.

Младшего звали то ли Хиуш, то ли Хауш, и был он покрепче первых двух и агрессивнее – настоящий горец. Будь у него нож в руках, зарезал бы молча и хладнокровно. Шабанов бил ему ногой в пах, но помешали полы плаща, и противник остался на ногах, лишь загнулся и сронил шляпу. Добавить бы еще снизу пинком по морде, да соблазнила эта белоснежная, широкополая шляпа – с удовольствием пнул ее и тут же схлопотал между глаз от старшего. Искры брызнули как из-под наждака, спас и не дал уйти в нокдаун тренированный вестибулярный аппарат. Шарф Якуба оказался в руке Шабанова, и от рывка он натянулся, помешал ударить среднему Рудику: держа нож в руке, тот бил кулаком, боялся «рэзать»! Не было приказа! Мозги, как и полагалось пилоту сверхзвукового истребителя, работали мгновенно, но не долго – секунд сорок, отпущенных судьбой, чтобы успеть принять решение прыгать или не прыгать. И если не дернул ручку катапульты, борись до конца за собственную жизнь, повинуясь уже не мысли, а простейшему, врожденному инстинкту.

Он понял, что нож лишь угроза, попытка взять на испуг, показать, что имеет дело с горячими, дикими и оскорбленными горцами, не знающими пощады. Младший распрямился и еще раз получил по роже, теперь кулаком – кожу на пальцах срезало, зубастый! Ушел в аут, но тут еще раз прилетело самому, и дальше началась уже беспорядочная потасовка, без расчета и приемов, кто кого достанет. Шабанов не выпускал шарфа старшего, таскал его за собой, как на веревке, и худосочный, придушенный Якуб с выпученными глазами пытался лишь освободить горло. Драться пришлось в основном с Рудиком – вооруженным, вертким, цепким и подвижным, да слишком легковесным, чтоб свалить, сбить

восьмидесятикилограммового Германа. И он, изловчившись, ударил старшего мордой о дерево, бросил шарф и освободил руки.

– Зарежь его! – без всякого акцента, цивилизованно приказал Якуб, зажав лицо руками.

Средний отскочил и переложил нож из левой в правую руку.

Как назло перед майскими праздниками в ППН собрали все подснежники, вычистили и вымели – ни палки, ни кирпича, ни одной пустой бутылки! А тем временем Рудик, умело фехтуя ножом, пошел вперед, разжег себя визгом – вот она, дикая дивизия!

Как, откуда и почему рядом оказалась Магуль, Шабанов так и не понял, слишком увлечен был и сосредоточен на сверкающем лезвии. Услышал ее крик – незнакомый и слишком мужественный для ее утонченного облика. Старший что-то заорал, завизжал, как зажатый дверью кот, и в этот миг Герман наконец-то увидел ее лицо страстным.

Изломав над головой тонкие руки, будто заклинательница огня, кавказская невеста взорвалась целым потоком фраз, голос ее сделался железно-гортанным, губы окрасились малиновым и изгибались резко, выразительно, словно у переводчицы на сурдоязык, вздулись крылья носа и загорелись огромные глаза.

Магуль была чуть ли не на голову выше своих старших братьев, однако испугались они силы ее внезапного гнева. Рудик спрятал нож, бросил сестре что-то визгливое и стал отрывать старшего, все еще стоящего в обнимку с деревом, о которое рассадил рожу. Младший встал сам, подобрал шляпу и принялся чистить ее, сверкая глазами.

– Зарэжу, – буркнул он в сторону Шабанова. Когда они уходили, отряхивая вымазанные зеленью и грязью белые плащи, Магуль еще что-то крикнула вслед – всего три слова, но вызвала гневную страсть младшего. Он развернулся и, потрясая руками, выдал целую тираду – должно быть, пеной брызгал при этом.

– Пхашароп! – совершенно с иной, чем прежде, интонацией бросила она.

– Почему сейчас-то тебе стыдно? – спросил Шабанов. – Мужики подрались, чего особенного?

– Братья дрались, как чеченцы. Абхазские мужчины не нападают втроем на одного безоружного.

– Правильная традиция, – одобрил Герман, трогая немеющие, распухавшие губы: кажется, и передние зубы шатались…

То ли под воздействием долгого общения с мастером секретных дел Заховаем, то ли от причины вполне объективной – неожиданного возникновения Магуль в ППН, куда не ходили

честные, с хорошей репутацией девушки, у Шабанова сразу же возникло подозрение, что нападение братьев и потом явление сестры, спасающей от ножа, – заранее спланированная акция. Конечно же он теперь обязан жизнью смелой и дерзкой кавказской принцессе! И никуда не денется – возьмет в жены, а потом злые и коварные братья под ножом или методом убеждения заставят уехать в Абхазию, чтоб создавать там ВВС республики.

Перспектива…

– Кто просил тебя вмешиваться, женщина? – на восточный манер спросил Герман.

– Братья напали, как бандиты – не как мужчины, – туповато повторила она, вновь, однако же, становясь покорной.

– Им простительно – мстили за сестру!

– Они не мстили за сестру. Они исполняли чужую волю.

– Так, так, продолжай! – заинтересовался он. – Чью волю?

– Начальник велел братьям поймать тебя и избить, – потупилась Магуль. – Хауш сказал…

– Кто?..

– Младший брат сказал…

– Какой начальник? Кто?

– Не знаю… Хауш говорит, начальник.

– Его фамилия – Заховай?

Магуль отлично говорила по-русски, однако сейчас сбивалась, подбирала слова – волновалась и прятала чувства.

– Хауш не назвал фамилию… Якуб знает фамилию, но Якуб молчал.

– А мне сказали совсем другое! Мол, благородный гнев! Месть! Зарэжем!

И еще раз по ее лицу промелькнула тень чувствительности – то, что скрыть было невозможно под белой маской.

– Абхазы тоже стали лживые, как чеченцы. Пхашароп! Мужчины говорят, месть за сестру, а исполняют чужую волю.

Он услышал обиду в голосе! Магуль хотелось, чтобы за нее мстили братья, но такового не случилось. И чувства эти звучали так просто и откровенно, что Шабанову стало жаль ее. Взяв безвольную руку, он привел кавказскую пленницу к скамеечке, усадил, а сам остался стоять.

– Надо уходить, – вяло воспротивилась она. – Здесь плохое место, люди увидят…

– Как же ты здесь оказалась?

– Услышала. Женщина слышит угрозу сердцем.

Герман поверил ей без всяких сомнений, раньше подобных слов было не дождаться от Магуль, и они сейчас показались ему

ответом на откровения в письме.

– Ты прочитала мое послание?

– Много раз прочитала. И много раз думала… Мы с тобой брат и сестра! Нет, хотела сказать, похожи, как брат и сестра. Ты одинокий без родственников, а я одинока с родственниками. Так случается… Ты сильный, ты настоящий мужчина, как абхаз. Я женщина, я настоящая абхазская женщина. Нам бывает стыдно, когда хотим стать современным человеком, исполнять современный нрав. Ты борешься с собой – я борюсь с собой: так стоять на земле, чтоб не упасть, чтоб не ходить в этот парк искать счастья. Тебе стыдно жить, мне стыдно жить. Потому что кругом жизнь, как здесь, в этом парке. Мужчины и женщины живут без любви. Надежды много, любви нет…

Судя по речи, она все еще волновалась, и эти еще недавно несоразмеримые с ней чувства самым предательским образом топили последний лед в сердце.

Хотелось сделать что-нибудь приятное, чем-то обрадовать ее, может быть, даже восхитить, потому что в своем письме-откровении он не отважился написать таких слов и по-мужски обошелся философскими размышлениями на эту тему.

И сейчас она озвучивала его мысли…

– Я скоро отбываю в командировку, – сказал Шабанов. – В теплые страны… Что тебе привезти?

Кажется, Индия славилась женскими украшениями, только он не знал, принято ли их дарить кавказским женщинам? Не скажет ли она потом, что это «современный нрав», как раздевание, и ей пхашароп? Или напротив, примет подарок, и это будет означать – женись!

– Тоже хочу в теплые страны, – призналась она и открыто, не стесняясь, посмотрела в лицо.

– К сожалению, машина одноместная…

– Нет, я бы и не полетела… Боюсь. Когда взлетают ваши самолеты – зажимаю уши и закрываю глаза. Так страшно!

– Так что ты хочешь в подарок?

– Это обязательно – подарок?

– Ну, у нас так принято, привозить подарки из дальних стран. Даже сказка есть – «Аленький цветочек». Там купец привез дочерям гостинцы, исполнил мечту каждой.

– Гостинцы? – Ей понравилось это слово. – Гостинцы, это когда исполняется мечта?

– Примерно так. Хороший гостинец – всегда мечта! – Его потянуло на воспоминания детства – любимую тему, где он всегда находил утешение. – Помню, мать с отцом придут из лесу и принесут что-нибудь. Кусочек хлеба, огурчик – что от обеда

осталось. И говорят, это тебе гостинчик, зайчик послал. Ничего вкуснее не едал…

– Я тоже люблю детство, – призналась Магуль. – И есть мечта… В теплых странах водятся тигры?

– Как же! – засмеялся Шабанов, хватаясь за разбитые губы. – Конечно. Там водятся знаменитые бенгальские тигры… – И поймал себя за язык.

– Много раз просила братьев, но они не могут найти… Или не хотят. – Она засмущалась. – Если ты найдешь… Привези мне тигровую шкуру.

– Шкуру?..

– Это очень дорого, да? Я дам денег, у меня есть… Исполни мечту, как брат.

– В принципе можно найти. – Герман соображал лихорадочно, как если бы оставалось сорок секунд на решение. – Зачем тебе такой гостинец – шкура?

– Мне не стыдно сказать, потому что это старый, древний обычай, традиция. – В голосе ее послышались гортанные нотки, и сверкнули глаза. – Кавказская женщина должна постелить на брачное ложе тигровую шкуру и лишиться на ней девственности. А когда мужчина пойдет на войну – наденет ее на плечи и шкура спасет от вражеского меча. Я хочу жить, как мои предки. Мне стыдно отдавать свою честь мужчине, которому потом не закрою плечи. Когда-то старшие мужчины рода ходили далеко за горы, чтобы добывать девушкам на выданье тигровые шкуры. Если брат не добыл ее, сам ничего не получал от возлюбленной. Ты мне как брат, так добудь дорогой гостинец!

2

Он вспомнил о шкуре, когда, испытав сильнейшую перегрузку после катапультирования, наконец вздохнул первый раз, как новорожденный, и ощутил, что плачет. А плачет – значит, живет!

Парашют раскрылся нормально, и земля была почти рядом, но то ли замедлилось время и искривилось пространство, то ли он попал в восходящие потоки, или действительно, как младенец в первые часы, видел мир перевернутым, все казалось наоборот – он летел очень долго, вверх ногами, и не звезды были над головой, а островерхая, хвойная тайга и – хоть бы один огонек!

– Вот это попал! – еще в воздухе и вслух сказал Шабанов. – Вот это тигровая шкура!..

Потом он никак не мог объяснить себе, отчего в тот миг ему вспомнился обещанный Магуль гостинец? Когда срабатывает десяток пиропатронов и тебя, словно мученика на кресте, распинают на пилотском кресле, затем мощный заряд, как снаряд из пушки, выбрасывает метров на триста вверх и вся кровь в организме приливает к нижней части тела, оставляя голову пустой – сознание после такой встряски тоже искривилось и в голове вместо мыслей профессионала сыпался какой-то мусор. А следовало, пока висит в воздухе, сориентироваться на местности, отыскать такой рельеф, речку, озеро, чтобы сделать топографическую привязку, достать спасательную радиостанцию «комарик» и подать SOS, пока есть высота, и, наконец, проследить, в каком направлении и как упал самолет.

Это последнее он случайно заметил: желтое сопло двигателя сверкнуло несколько раз, и машина бесшумно скользнула в темень чернолесья, словно опытный ныряльщик в воду, без всякого всплеска и взрыва. А чему там взрываться и гореть, если баки сухие?..

Заметил это мимоходом, поскольку высматривал не бортовые огни – земные, людей искал, жилье, жизнь…

Момента приземления Шабанов не испытал в полной мере, услышал некий отстраненный шорох, затем сильно качнуло, и звезды, прекратив свой бег, утвердились на небе. И все вернулось на свои места. Купол парашюта захватил вершины двух высоченных деревьев, завис на них, и получились классные качели. Еще бы стропы подлиннее, и можно летать, как в детстве…

Он отстегнул гермошлем и, проверяя высоту, бросил его вниз, словно камешек, когда проверяют глубину колодца: лес казался темным, а земля непроглядной. Через полторы секунды

послышался глухой стук, шлем покатился, как отрубленная голова – еще и склон! Не отстегнешься и не спрыгнешь…

Сначала он резко забыл о тигровой шкуре, поскольку также резко вспомнил, что катапультировался не только со старым другом НАЗом, а еще с любовницей – «принцессой». В теплом воздухе ею запахло откровенно и уже несколько привычно. Спасенная благородная барышня, отстреливаясь от борта машины, чуть ли не на колени запрыгнула, притянулась к тому месту, где еще недавно торчала ручка катапульты, прижалась к НАЗу, свернувшись покорной кошкой. И совершенно не мешала…

Все уже успокоилось, перестали трещать ветки вверху, однако с правой стороны доносились какой-то бубнящий грохот и звон, будто сверлом проникающие в ухо. Шабанов дотянулся рукой и ощутил на пальцах кровь, сочащуюся с мочки на горло.

Ну да, какое же рождение без крови? Хорошо, глаза не выскочили, только сосуд лопнул в ухе…

Он соображал и действовал, как во сне, повинуясь необходимости окончательно приземлиться. Рука сама отыскала специальный фал, предназначенный для спуска в таких случаях, и он тоже улетел, разматываясь, в темноту, однако в последний миг он вспомнил, что если сейчас сквозануть по веревке к земле, ухватившись за специальный ролик, чтоб не обжечь рук, то всё – НАЗ с припасами и эта чертова «принцесса» – останется висеть между небом и землей. И пойди достань потом, когда до тверди добрых двадцать метров!

Пришлось, как учили, раскачиваться в сторону ближайших деревьев, хвататься за ветки, седлать ствол и, отстегнувшись от строп, сползать вниз. И хорошо, высотный комбинезон был крепким, иначе бы с пуза и бедер вся шкура слезла, пока скользил по шершавому, в сухих обломках сучьев стволу. Еще на дереве почувствовал жгучую боль на лодыжках ног: опалило взрывом пиропатрона, поленился зашнуровать до конца ботинки! Точнее, не поленился – не рассчитывал, что придется таким образом оставлять машину…

И лишь утвердившись на земле, он словно проснулся в чужом незнакомом месте и вслух спросил:

– Где я?

В правом ухе шум крови чуть унялся, сосуд затягивался…

Разбор полетов начался одновременно с окончательным приземлением и разбором выхваченного катапультой скарба. Скинув его с себя, он наконец-то распрямился и, как только что появившийся на свет, осмотрелся – темный лес, черные стволы кругом и накренившийся, покатый кусочек земли под ногами. Остальной мир тонул в ночи и как бы вовсе еще не существовал.

Шабанов стал мысленно тянуть ниточку от момента взлета с никулинского аэродрома: вот был радиообмен с Жуковым – «принцесса» была включена, с экранов локатора исчез – вот сделал доворот с набором высоты и лег на курс, продолжая идти в крутую горку, чуть ли не вертикально вверх, будто на перехват цели. На пятьдесят шестой секунде от сопла оторвался звук, на девяностой достал заданной высоты, лег на горизонт и еще раз проверил курс – все было правильно, процесс пошел…

Через семь минут он вылетел из зоны Пикулина, и появилось время, чтобы растрясти НАЗ…

Воспоминание о пище пригасило запах «принцессы», резко отозвалось чувством голода, нестерпимым, как у новорожденного: надышался кислородом, который спалил все калории в организме, будто в топке. Не поесть, так, кажется, сейчас и умрешь…

Теперь заповедный мешок стал как невеста после свадьбы – хоть ложкой черпай! Еще в полете лишенная девственности НАЗ, поддалась без всякого сопротивления, открыла свои таинства, позволив запустить сразу две руки. Шабанов вытащил короткоствольный пистолет-пулемет «Бизон», штуку редкую в авиации – надо же, снарядили за три моря так, словно на сафари, садись на слона и вали бенгальских тигров, а то и самих слонов. Бой у этой игрушки на коротком расстоянии был прекрасный, жаль, не ему приготовили ствол для охоты: оружие пилота передавалось вместе с машиной и входило в стоимость сделки. Шабанов отложил «Бизона» с сожалением – еще не привык к мысли, что купля-продажа не состоялась и теперь не состоится. МИГарь гробанулся, и все, что от него осталось, уже не товар. Потом извлек четыре запасных магазина, фонарик и добрался-таки до сокровенных глубин. Яркий и мощный луч света (и батарейки не украли!) выхватил пачку банок мясных консервов, закатанную в пленку, хлебцы, шоколад, сахар, кофе, джем и еще что-то импортное в упаковках, ранее при вскрытии НАЗов невиданное. В первую очередь он отыскал и спрятал в карман комбинезона двойной стандарт «Виры» – специального допинга, на одной таблетке которого, как на ядерном топливе, можно давать самые мощные нагрузки организму в течение восьми часов. И лишь после этого с удовольствием вскрыл тушенку, выдрал хлебец из пластика и стал есть.

Беззаботность новорожденного, вкушающего материнское молоко, длилась столько же, сколько он ел. И когда отшвырнул пустую банку, в тот же миг бросился за нею следом, встал на четвереньки и стал ощупывать землю.

На месте приземления не должно быть никаких следов!

Потому что он не ответил на вопрос – где я?! На чьей территории? И пока не известно точное местоположение – клочка мха нельзя сорвать с земли, веточки обломить! Не зря же в НАЗ вложили понюшку табаку для розыскных собак!

А у него вон парашют на вершинах болтается, гермошлем куда-то укатился, а теперь еще и природу засоряет…

Далее он все делал одновременно – вел разбор полетов, искал брошенное имущество и пытался хотя бы примерно определить, куда попал. И пока убедился только в одном – он не в пустыне Гоби, и судя по рельефу и растительности, где-то на территории Северного Китая, над которым пролетал не раз, или, наоборот, Южного, в предгорьях Тибета, где тайга отличается лишь высотой деревьев. Это он знал теоретически, прорабатывая перед вылетом маршрут, а поди ты разбери, какой лес внизу и какие горы, если смотришь с высоты двенадцати тысяч метров! Да еще ночью…

Пустую банку Шабанов нашел скоро, чуть дольше искал гермошлем, уже с помощью фонарика, после чего достал из кармана «малямбы» пилу-змейку – проволоку с шипами – и приступил к дереву с парашютом на макушке. И сразу же отступил: оно было в обхват у земли, а пилкой этой хорошо дрова на рыбалке пилить…

И даже если бы, пролив три пота, взялся за лесоповал, куда пень-то спрячешь? Не корчевать же его! А ко всему прочему, где-то в лесу валяется пилотское кресло, отстреленное в воздухе, как лишний груз – еще одна улика, которую просто так не убрать…

Автоматизм действий по инструкциям был хорош во время учебно-тренировочного катапультирования из спарки на полигоне в подмосковном лесу.

Здесь надо было думать…

До аэродрома в монгольском Алтупе и тайной заправки все было нормально, никаких отклонений. Так что фокусы с курсом начались скорее всего сразу со взлета и второго ограбления НЗ. После того как обнаружил, что сбился с пути, причем как-то невероятно, недопустимо – на сто восемьдесят градусов! – сделал боевой разворот, лег на курс и послал сигнал на «круизконтроль». Спутник отбил его точные координаты, и они есть, остались записанными на пленку в «черном ящике»…

Вторая сверка была через девятнадцать минут, у границы с Китаем или даже над ней, и космос это подтвердил. Наши войска ПВО не могли засечь из-за «принцессы», а радиомолчание было из-за грозы, или просто некогда было засорять эфир, расписывая пульку в преферанс…

Гамлетовский вопрос – пилить или не пилить? – решался

однозначно. Значит, есть следующие варианты: когда рассветет – попробовать отстрелить макушки деревьев из «Бизона» и снять парашют…

Но так бывает в кино, а в жизни вершины этих баобабов из авиационной пушки не отстрелить. И потом, какая тут пальба, если не знаешь, на чьей территории сидишь? Ну как прибегут местные жители-китайцы или, того хуже, пограничники, полиция, спецслужбы…

«Принцесса» же – вон она, лежит, прижавшись к НАЗу, и даже свой глаз на поводке поджала, чтоб не цеплялся…

А что, если сбился с курса и заплутал из-за нее?!..

Кто ее, недоношенную, не испытанную как следует, дуреху, знает? Может ли она своими чарами в каких-то ситуациях действовать не только на локаторы и ракеты противника, а на собственные бортовые системы? Да вполне! Ведь говорил же представитель главного конструктора об индивидуальности каждого прибора! Что, если ему попал не согласованный со спецификой машины и все пошло вразнос?!..

И если так – представителю конструктора надо обязательно выбить глаз по возвращении. А лучше самому́ главному.

Между тем близилось утро, небо как-то незаметно затянуло перистыми облаками, сквозь которые едва просвечивали редкие звезды.

Третий раз Шабанов сверился со спутником, когда не нашел внизу Гуйсана. И судя по данным, перемахнул его и очутился над китайской частью Тибета. Допустим, если, сбившись с курса, летел в противоположном направлении не пять минут, а много меньше, и если вспомнить, что делал две временных поправки, то мог запросто проскочить не только пустыню – углубиться на территорию Индии, и на значительное расстояние!

Где же их войска ПВО, в душу мать! Полагая, что впереди Гуйсан, он же выключил «принцессу»! Тоже в преф зубятся?

Не грабил бы НАЗ, не отвлекался от приборов – не сбился бы с курса или вовремя засек его изменение…

Да ведь все время грабил! И никогда не сбивался!

«Принцесса»! Она, подлая, сбила с толку и его, и бортовой компьютер.

А лодыжки ног хорошо обжег, пожалуй, волдыри будут. Но штанинам хоть бы что, ни одной дырочки, разве что припалило слегка. Из качественной ткани шьют комбезы, ничего не скажешь…

Коль скоро парашют не снять без альпинистского оборудования и кресло не найдешь в лесу, значит, вопрос решается проще – бежать отсюда немедля, посыпая махорочкой

следы, пока не застукали. Найти обломки машины легче, чем парашют, еще проще установить, успел ли катапультироваться пилот, так что нечего терять силы на лесоповал и ломать шею, пускай себе потрепещется на ветру, пока не сдует восходящим потоком. Уйти на несколько километров и посмотреть, будет ли движение на местных дорогах, если таковые есть, и в воздухе, а возможно, и в эфире, поскольку «комарик» новый, сканирующий.

Радоваться надо, что МИГарь не полыхнул синим пламенем, погиб мужественно и молча, и только при свете дня можно отыскать место его кончины – вывал леса и обломки…

Он достал карту с нанесенным маршрутом полета (Заховай предложил и ее съесть, если что, так что питаться есть чем), при свете фонарика еще раз пробежал глазом путь от Пикулино до Гуйсана и зацепился мыслью за два совпадения: ПВО России и ПВО Китая почему-то хранили радиомолчание, хотя их слышно в эфире почти постоянно…

Ну, точно «принцесса»!

Монголы хранили тишину по договоренности и знали, кто ломится в этот час «темным» коридором. Но эти-то, особенно воины братского народа, не дремлют, потому что у них иная военная доктрина и есть вероятный коварный противник – НАТО. По этой причине они такие коридоры давали – легче по лабиринтам летать…

Если противовоздушная оборона рубежей двух сопредельных государств не подает признаков жизни, не значит ли это, что небо над ними вообще никто не потревожил? Изменение курса на прямо противоположный он обнаружил примерно на пятой-шестой минуте полета от монгольского Алтупа, и после тестирования компаса встал на правильный и сверил координаты с «круиз-контролем». Девятнадцать минут шел строго на юг и ни одной границы не обнаружил.

Его не обнаружили – понятно; почему над границами чист эфир?

Что, если прибор соврал и он после боевого разворота летел строго на север? Ну бывает же заскок не только у приборов? И теперь, судя по времени и расстоянию, находится на территории Восточной Сибири, в междуречье Витима и Лены? Там подобный горный кряж, покрытый лесом…

Все валить на эту юную барышню тоже неправильно, надо проанализировать все варианты…

Тыква! Эта желтая тыква, которая увязалась за ним чуть ли не с территории Забайкалья! Она же пристала после заправки в Алтупе, и когда он оторвался от нее и ушел на семь тысяч, – тогда заметил сумасшествие приборов. Могла, стерва!

Тогда придется поверить в инопланетян, лечь в Белые Столбы, где однажды ему приходилось бывать и усиленно лечиться. По сути, повторить судьбу товарища Жукова, с которым опять свела судьба, на сей раз в Забайкалье. Года два назад у Олега произошла личная драма – ушла жена, вернее, выгнала его из дома в общежитие, поскольку он закрутил роман с шестнадцатилетней дочкой полковника Харина из штаба округа. Седины в бороде у него еще даже не намечалось, а бес в ребро толкнул так, что кадет голову потерял. Встретились они где-то на офицерском балу, которые устраивались в ГДО, на эдаком пире во время чумы: топлива нет, пилоты летать разучились, но зато их учили вальсировать, галантно обращаться с дамами и вообще овладевать хорошими манерами. Жена у товарища Жукова после восьми лет неудач наконец-то забеременела и лежала на сохранении в госпитале, а этот вольноотпущенный дурак протанцевал весь вечер с полковничьей дочкой, которая изображала из себя Наташу Ростову, засветился перед всеми гарнизонными дамами и влюбился как мальчишка. Слухи и сплетни об этом романе до сих пор еще были свежи и актуальны, и прежде Шабанов легенд наслушался, а потом уже встретился с однокашником. Дело в том, что полковничьей дочке какой-то женатый капитанишка был вовсе не нужен и она по всем законам жанра любила сына командующего округом, говорят, балбеса невиданного, который ничего, кроме как травки покурить да на мотоцикле погонять, не знал.

И вот от этой несчастной, неразделенной любви товарищу Жукову начали чудиться НЛО при каждом полете. И когда однажды от отчаяния он принял самостоятельное решение атаковать цель, его списали на землю и он теперь сидел на КП выпускающим, да и там на волоске висел, ибо каждые полгода проходил реабилитацию на предмет психического здоровья.

Никаких иных цивилизаций во Вселенной не существует – в этом Шабанов был абсолютно уверен. Есть только планета Земля. И люди на ней.

И все исходит от людей, как говорила бабушка Шабаниха…

А внутренний разбор полетов вертелся в голове сам собой. Он раскрыл планшет, нашел район хребта Нанылань в Тибетском нагорье и плюнул: ландшафт и там мало чем отличается, и расстояние от Пикулина примерно одинаковое. Вон на деревьях висят какие-то бороды, вроде лозы дикого винограда – какая к черту тут Сибирь?..

Можно логически установить, кто соврал – компас или космос, и при этом не быть точно уверенным, где находишься, потому что всегда будет погрешность и бортовых приборов, и

космического «круиз-контроля», поскольку созданы они одними мозгами и из одного теста.

Последнее, что Шабанов сделал на месте приземления, – включил на прием «комарика», послушать, на каких языках говорят небеса. На табло сканера цифры частот летели с огромной скоростью и даже не замедлялись, чтобы сказать о приближении далеко работающей станции – такое ощущение, что эфир чист и первороден, как в Средние века.

Несколько минут он насиловал нежную электронику чувствительной радиостанции, светил ей в бессовестные глаза, не жалея батарей фонаря, пока не убедился, что это так же бесполезно, как дедуктивным путем установить свое местонахождение. Полное радиомолчание в регионе могло означать его абсолютную пустынность или начало операции по его поимке: охотники за рукой «принцессы» сидели в полной боевой готовности со сканерами и пеленгаторами в ожидании, когда Шабанов от отчаяния подаст сигнал SOS…

Он засунул «принцессу» в мешок, пустые банки и прочий мусор сложил под дерево на камень, будто на жертвенник, сверху установил гермошлем и кровью – из уха все еще капало – написал на стекле три русских буквы, хотя слово это вполне сошло бы за китайское. Затем подогнал лямки по своим плечам, открыл и всунул в специальный карманчик «малямбы» табакерку, чтоб посыпать следы, если пустят собак, и, сориентировавшись по компасу, все-таки взял направление на север – поддался решающему и простому природному факту: уже тепло, трава пробивается, а ни одного комара не прозвенело. В Сибири в это время дышать нечем… Жизнь не то чтобы становилась завлекательной и интересной, просто к ней прибавился острый, неизведанный привкус, по качествам своим не уступающий особенностям кавказской кухни. Появился некий еще не оформившийся азарт и предощущение удовольствия, как перед взлетом. Шабанову начинало нравиться его положение: по крайней мере, ничего подобного не испытывал во взрослой жизни, не терялся в пространстве так, чтобы концов не осталось. Вообще-то произошло то, чего он давно и интуитивно хотел: пусть не надолго, но вырвался из привычного и постылого круга жизни. Конечно, через день-два его следы обнаружат, где бы он ни упал, через неделю догонят – потому что на густо, по-китайски заселенной земле долго не побегаешь – и вернут назад.

Он привык к скоростному перемещению над планетой, и она давно уже казалась маленькой, куда ни глянь, особенно ночью, везде огни. Зарева от огней! Думал, в Сибири сохранились заповедные, первозданные уголки – куда там. И здесь светится

земля, если не от человеческого жилья, то от факелов над нефтеносными районами, где сжигают попутный газ…

Было еще темно в хвойном лесу, однако высветленное еще не восставшим солнцем небо переливалось акварельными тонами множества красок, от синего на западе и до алого на востоке, утих ночной ветерок, все застыло, замерло, умолкли невидимые птицы, и от этой настороженной, тревожной тишины, полной неподвижности и всеобщего чувства ожидания, Шабанов тоже замер и стал лишь смотреть и слушать.

И вот пространство впереди слегка высветлилось, приоткрылось, и проступила высокая, лесистая гора – должно быть, господствующая высота в округе – со смутными очертаниями огромного строения на вершине, что-то вроде Московского университета, если смотреть на него со стороны Москвы-реки, но со срезанным вполовину шпилем.

Видение длилось несколько секунд, после чего ему почудился крик петуха и внезапный ветер, ударивший по земле вместе с лучами солнца, натянул из распадка белесый туман и превратил гору в усеченную пирамиду. Шабанов разочарованно остановился: неужели так быстро все закончилось?..

Спустя минуту ветер достал и его, опахнул туманной сыростью, принес запах сгоревшего воска, и, когда унесся ввысь, вершина горы вновь обнажилась, сейчас более откровенно. Огромное, величественное здание стало не призраком: скорее всего это был старый ламаистский монастырь, ибо столько архитектурных излишеств и такой гигантизм присущ древним, наивным и чистым людям, напрочь лишенным суконного современного практицизма.

Значит, катапультировался все-таки в предгорьях Тибета. Но когда же перемахнул большую Гуйсан? И почему хватило топлива?

Нет, топлива как раз и не хватило, потому и навернулся…

Мысленный разбор полетов на том и закончился, поскольку Шабанову внезапно пришло в голову, что монастырь пуст, давно заброшен и даже с расстояния в два километра видны обломившиеся и вовсе упавшие колонны, обрушенные карнизы и деревья, растущие на кровле. Монастырь стоял высоко, много ближе к небу, и рассвет достал его раньше, чем землю.

И еще одна деталь бросилась в глаза: храм есть, а дороги к нему нет. Даже тропинки…

Забраться на высшую точку местности и осмотреться с высоты птичьего полета – это уже кое-что. Тем более древний монастырь должен быть на карте…

Двигаясь смелее, Шабанов погрузился во мрак распадка,

перескочил бурную речку и тут же пошел на подъем. Он был хорошим бегуном, почти профессионалом, ибо при склонности к полноте такая разминка давала шанс не накапливать лишнего веса, столь вредного для пилота. Чем меньше было топлива, а значит и полетов, тем больше и больше накапливался жирок, в прямой арифметической прогрессии. Негде было сжигать его, и потому Герман устраивал для себя разгрузочные дни – с точки зрения медицины, издевался над организмом, когда зимой совершал суточный забег с препятствиями. Первых сорок верст бежал по снегу без лыж, в одной тельняшке и в солдатском противогазе, распугивая отдыхающих в Подмосковье лыжников, потом искал полынью на речке, купался прямо в одежде и говорил себе: «Ну а теперь выживай, Шабанов!»

На обратном пути тельняшка и брюки успевали высохнуть. Если же этого не случалось и вместо тепла из организма выделялся пот, забег повторял через несколько дней. А иначе бы давно уже не влезал в кабину и ручка бы упиралась в живот…

То же самое устраивал в отпуске, когда гостил у родителей и отец, глядя на него, говорил:

– Дурак, ты б лучше женился, семью завел, чем эдак-то мучить себя. В семейной жизни сала не нарастет, особенно в нынешней.

– Батя, это для меня слишком сильное средство! – хохотал он. – Это уж на самый крайний случай, когда пробежка не поможет.

У него выработалась не менее профессиональная привычка во время кросса не смотреть вперед, а себе под ноги, дабы сосредоточиться на процессе и не думать о расстоянии. Поэтому на высоту примерно трехсот метров Герман поднялся ритмичным бегом и на одном дыхании. И лишь оказавшись на уступе заранее намеченной цели, вскинул голову вверх.

Вздымающееся солнце и ветер целиком изменили зрительную картинку, и, к своему разочарованию, он увидел, что это вовсе не гора, а уходящий в бесконечность хребет, на вершине которого стоит не древний буддистский храм, а знаменитая Китайская стена. Это величайшее крепостное сооружение венчало хребет, в точности повторяя его контуры, и как на этикетке, приклеенной к банке со свиной тушенкой, тянулось куда-то с запада на восток.

Монастырь Шабанову нравился больше, чем стена, хотя последняя давала возможность географической привязки, поскольку была на карте. С предгорий таинственного Тибета он вмиг переместился на север Китая, и, кажется, все становилось на свои места, но в душе запеклась обида, как было однажды в детстве, когда старшая сестра сказала, что возле школы с неба

упало облако, мол, беги скорее, пока пацаны не растащили. Он помчался к школе босым по снегу, потому как некогда было искать валенки, оббежал все вокруг и ничего не нашел. Все облака оказались на месте, то есть в небе. Шабанов шел обратно и ревел всю дорогу. Душа еще была новенькая, неразношенная и не вмещала много горечи, чуть что, так и слезы уже через край… Сестра потом прыгала от радости и дразнила: «Обманули дурака на четыре кулака! А на пятый кулак наш Германка дурак!»

И сейчас было хоть плачь! Неведомое, не обжитое пространство вернулось на землю и оказалось самым плотным по населению на один квадратный километр.

Недолго пожил в вольном полете…

В тот момент ему не хотелось даже думать, как и почему он здесь очутился, не хватало моральных сил доставать карту, делать привязку и разгадывать ребус, отчего и когда сбился с курса. Начертанный ему маршрут движения нигде и близко не проходил от Великой Китайской стены…

Кровь из уха больше не текла, похоже, запеклась внутри и от нагрузки теперь стучала с металлическим шорохом. Он прикрыл его ладонью и прислушался одним ухом – где-то за хребтом летел вертолет. Если его подняли в такую рань, значит, уже начались поиски. Многочисленный братский народ, сумевший выстроить такую стену от супостата, одного пилота с «принцессой» как-нибудь уж изловит. Китайцам тоже обидно, почему это северный брат продает сверхсекретное изделие в Индию, когда им оно нужнее и они могли бы его купить с таким же успехом. Ну, раз не продали – попробуют сами достать, бесплатно…

То ли из-за шума в ухе, то ли из-за акустики гор, звук вертолета показался ему странным, жужжащим, без характерных хлопков несущих лопастей. Может, какую-нибудь авиетку подняли для разведки?..

«Табакерка» в карманчике «малямбы» давно высыпалась, да и от места приземления он убежал на верных пятнадцать километров: в горах все кажется близко, а пойдешь ногами мерить – конца и края нет. Вообще-то, при всем раскладе следовало бы избежать братских объятий китайского народа. Из принципа, из соображений самолюбия, а не по инструкции нижнего соседа Заховая. В любом случае в живом виде «принцессу» они не получат, если только воронку от нее найдут, и, догадываясь об этом – они же древние и мудрые! – выслеживать и хватать его грубо не станут. Наверняка попробуют войти в мягкий, неназойливый контакт, и не собак спустят по следу – скорее всего приготовят ловушку, куда он сам придет.

Шабанов так и не увидел жужжащего летательного аппарата,

проследил лишь за угасающим звуком и сказал вслух:

– Вот балалайку вам!

И побежал в гору, к стене, которая тут же и скрылась из виду, как только он одолел плечо уступа. Вторая мысль, вдруг согревшая сердце, пришла внезапно: коль он очутился на севере Китая, то тут должны быть тигры! Конечно, не дурно было бы долететь до Индии, и там обрадованные «принцессой» верные союзники не отказали бы устроить сафари на слонах где-нибудь в штате Бенгалия. Ну, пусть не сафари, пусть подарили бы шкуру или, на худой случай, продали подешевле.

Впрочем, особенно обольщаться не стоило бы. А то, как вьетнамские или филиппинские братья, накормят в солдатской столовой, пожмут руку и посадят в рейсовый самолет. Кто он для них? Просто пилот-перегонщик, наездник, экспедитор, доставивший товар. Вот маркитантам из Росвооружения они бы не только сафари устроили…

Так что надо самому открывать сезон охоты на тигров, пока есть возможность. В Индию теперь вряд ли когда попадешь, после такой неудачи хоть бы на землю не списали, как товарища Жукова. Действительно, хорошо бы добыть тигра! Ни одна современная кавказская девушка не может постелить полосатую шкуру на брачное ложе, а Магуль бы постелила.

И тотчас все бы в ее жизни изменилось, да и в мире тоже!

Воспоминание об этом вернуло Шабанова в Пикулино, точнее, в позавчерашний день. Тогда он после драки в парке прибежал домой, умылся, переоделся и, пока горело сердце, невзирая на разбитое лицо, побежал искать Заховая. Никакой другой «начальник» не мог бы подговорить и толкнуть братьев-абхазов на такое подлое дело. Только он, мастер тайных операций и провокаций, способен действовать подобным гнусным образом, недостойным офицерской чести, в каком бы состоянии армия ни находилась.

В штабе его не оказалось, на КП тоже, однако дежурный выдал секрет – особист взял машину метеоразведки и улетел на рыбалку с начальником аэродромной службы. И указал примерное место. Шабанов не мог взять служебного вертолета, нанял машину и помчался за сто сорок верст. На берегу реки стояла «восьмерка», горел костер, и сама рыбалка была в разгаре. Разве что Заховая там не оказалось, и о нем никто ничего не слышал. Шабанову налили стакан, подставили банку со шпротами в виде закуски, но он даже не прикоснулся, прыгнул в такси и рванул назад.

В Пикулино вернулся к вечеру, когда у двери квартиры сидел посыльный солдат, принесший весть, что через полтора часа

вылет. К тому времени Герман уверился в мысли, что Заховай находится у себя дома и, спрятавшись, сидит как мышь. Так оно и вышло: особист явился на аэродром, когда Шабанов сидел в МИГаре с опущенным стеклом гермошлема, пристегнутый к креслу и готовый закрыть фонарь. Дать ему пощечину уже было невозможно, тем более Заховай забрался по лестнице и, не засовываясь в кабину, прокричал:

– За «принцессу» отвечаешь головой!

Шабанов невозмутимо достал пилотку из кармана и за неимением перчатки швырнул ее в рожу особиста, после чего резко отгородился фонарем от всего мира.

Брошенный вызов стал еще одним стимулом, чтобы выпутаться из истории и вернуться назад…

Между тем светало быстро, и на склоне уже не надо было выставлять вперед руки, чтоб не долбануться мордой о дерево. Чем выше он поднимался, тем чаще под ногами бренчали камни и шуршала щебенка, подернутая мхом. Лес поредел, исчах и все-таки мешал посмотреть, что впереди. И когда наконец расступился, Герман вскинул голову и обомлел: стены не было! Точнее, была, но не рукотворная: высоченная скальная гряда со срезанным, столообразным верхом тянулась по хребту и десятки мелких водопадов, срываясь с кромки, неслись к земле и превращались в пыль.

Это третье перевоплощение, произошедшее в короткий срок, полностью меняло географию; Шабанов еще раз улетел в неведомое. Отсюда хорошо был виден полосатый лоскут парашюта на деревьях за распадком. Напрямую, по воздуху, кажется всего километра два, а по земле отмахал добрых двадцать и буквально уперся в отвесную, стометровую стену.

И не посмотреть, что там дальше, на севере, не обойти ни с запада, ни с востока. И штурмовать без снаряжения и страховки нечего было и думать.

После короткой передышки он все-таки двинул в восточную сторону – вроде бы там просматривалась седловина и какой-то темный проруб в стене, а более потому, что там вставало солнце и водяная пыль начинала светиться радугами.

Заманчивая игра света обернулась холодом и сыростью, однако черный провал в стене оказался глубоким руслом речки, по ступенчатому дну которой неслась светлейшая вода – лучше места, чтоб подняться наверх, не найти. Он не засекал время, и солнце не доставало дна ледяного, как погреб, каньона, и когда заканчивал восхождение, обнаружил, что оно уже на западе и вот-вот коснется лесистых гор.

Но больше всего поразило другое: путь на север был отрезан

широкой горной рекой, белой от кипения воды на порогах. Она текла с запада на восток, омывая по подошве скальный хребет, отвесно уходящий вниз метров на триста. Река, словно извилистая черта, отделяла горы от всхолмленной лесистой равнины, начинающейся сразу же от берега; здесь кончался какой-то кряж и открывался вид на десятки километров. И хоть бы один знак, одна примета человеческого присутствия!

Вершина хребта оказалась плоской и ровной, как стол, там, где стаял лед, обнажилась самая обыкновенная тундра – ягель, мелкий кустарник и угнетенные, изломанные ветрами и причудливые по форме лиственницы, среди которых, невзирая на человека, паслись олени. Шабанов не успел толком осмотреться, солнце за несколько минут рухнуло за гору и весь нижний мир тотчас же погрузился во мрак.

Последнее, что бросилось в глаза и приковало воображение, отсутствие парашюта на деревьях. Склон противоположной горы, на который он приземлился, несколько теперь отдалился, ушел вниз и просматривался, как с самолета.

Он точно помнил место, где завис на деревьях и несколько раз видел полосатое полотнище, когда поднимался по каньону. Теперь оно исчезло, хотя ветра не было даже здесь, на вершине хребта…

Шабанов ночевал на сухом, каменистом пятачке под лиственницами, без костра, сидя на НАЗе и обняв холодный пистолет-пулемет. Спал мало, урывками, и жалел, что бросил гермошлем, оставшись без всякого головного убора. С сумерками на хребте стало морозно; утих, а потом и вовсе пропал шум бегущей воды, и под утро выпал иней. Это значило, что он находится в зоне с резко континентальным климатом, для которого характерны такие температурные перепады: все-таки это или север Китая, или восток Монголии…

После недолгой дремы он вскакивал, разминался, разогревался и снова лез под узловатую, развесистую крону дерева, на котором уже лопались почки и пробивалась хвоя. Под утро, когда совсем замерз, вспомнил, что в комбезе у самого сердца лежит пакет с сопроводительными документами, который теперь не нужен и подлежит уничтожению – то есть можно подпалить и чуть-чуть погреться над крохотным костерком. Он достал бумаги, распушил жесткий край и с удовольствием подпалил государственные секреты. Горели они жарко, почти не давали дыма, однако таяли очень уж быстро, как надежды вероятного противника, который за ними охотился. Через минуту на камне осталась щепоть пепла и ни грамма тепла; напротив,

после горячего огня стало еще холоднее и Герман стал разогреваться сидя, как ленивый и озябший на облучке ямщик – резкими наклонами вперед и назад, пока не потеплела спина и лицо.

Несколько раз он включал сканер и слушал эфир – ни звука! Если бы кто-то не снял парашют с деревьев, то можно было смело сказать, что в этих местах еще не ступала нога человека. Ни по земле, ни по воздуху. Непуганые, скорее всего никогда не встречавшиеся с человеком олени однажды разбудили Шабанова, столпившись вокруг. Несколько минут они смотрели, как любопытствующие дети, на странного чужака, почему-то прыгающего на месте и машущего руками, после чего спокойно побрели своей дорогой.

И всю ночь, сначала неназойливо, потом весьма ощутимо у него погромыхивало в ухе, забитом спекшейся кровью.

Под утро ему приснился сон: Заховай прибежал к нему в квартиру и ударил веслом по уху, вроде бы за то, что Шабанов испортил ему рыбалку. От этого удара Герман проснулся и в тот же миг последовал еще один, на сей раз где-то внутри головы. Он перетерпел боль, помассировал вокруг ладонью, попрыгал на одной ноге, словно в детстве, когда вытряхивают попавшую в ухо воду, и будто бы полегчало. Восток разливался заревом вполнеба, тьма еще лежала в распадках, но и при таком освещении было отлично видно, что парашюта на деревьях нет. И все-таки Герман дождался солнца, высветлившего склон противоположной горы – не оказалось его и на земле. Не иголка же – почти десять квадратных метров яркой «матрасовки»…

Перед спуском Шабанов решил позавтракать, заодно осмотреться и погреться на солнце. Он устроился на сухом месте у края скалы, расстегнул НАЗ и в этот момент увидел, как внизу, из мелкого редколесья появились люди – четыре крохотные фигурки, едва различимые на фоне пятнистого склона. Они двигались стремительно и через минуту достигли устья каньона, тем самым отрезав путь вниз. Еще через минуту, поскакав по глыбам, люди пропали из виду – пошли на подъем!

У него было время: даже зная маршрут и имея скалолазную подготовку, потребуется часов пять-шесть, чтобы забраться наверх, однако кусок в горло не полез. Шабанов выдавил из стандарта таблетку «Виры», сунул под язык и неспешно побежал на восток по платообразной вершине хребта, стараясь двигаться по языкам ледника, чтобы не оставлять следов. С момента приземления он ждал погони и готов был к ней, и все равно она появилась неожиданно, и хорошо, что вовремя обнаружил ее. А то можно было столкнуться нос к носу в узком каньоне, откуда не

выпрыгнешь и не разойдешься.

Охота за «принцессой» началась!

Он не знал, что там впереди, есть ли еще один подходящий спуск, и целиком полагался на удачу. Восход слепил, сверкающий, белый ледник скрадывал пространство, и Шабанов ждал, когда солнце поднимется выше, чтобы посмотреть, далеко ли тянется эта взлетная полоса по вершине хребта. Иногда она расширялась до сотни метров, иногда суживалась до тридцати, слева внизу лежала река и равнина, справа лесистые горы, и временами было полное ощущение, что он летит: допинг впитывался в кровь изо рта, отчего побаливающее после вчерашней нагрузки тело утрачивало вес и стихала шуршащая боль в ухе.

Когда солнце поднялось над горами, Герман разглядел наконец, что хребет делает плавный изгиб к югу и впереди еще километра три почти голой, мшистой тундры – то, что видно невооруженным глазом. Ледник здесь растаял, и малые его обмылки остались лишь у северного борта. Ленточное плато скоро расширилось, и открылся еще один каньон, однако на северную сторону! Поток воды летел по уступчатому ложу и отвесно падал в реку: если даже спустишься, то дальше хода нет…

Ловушка получалась классная, как у кота, загнанного на столб. Если спуска нет у восточной оконечности хребта, то хоть продевай ноги в рукава материного тулупчика, бери в руки полы и пускайся в свободный полет. Но ведь как-то забираются сюда олени?! Не по каньону же, где есть уступы с двух-, трехметровыми стенками? Шабанов заметил, что вместе с отклонением к югу начинается небольшой уклон вниз и талая вода, постепенно собираясь в ручеек, бежит вперед, то пробивая открытое русло, то ныряя куда-то под мох. Он несколько раз пересекал плато от борта к борту, стараясь засечь понижение хребта, и когда до восточного обрыва оставалось метров триста, вдруг увидел с южной стороны две пологих каменных осыпи, конусами уходящих вниз. Между ними, словно корабельный форштевень, торчала скала, выдающаяся далеко вперед.

– Балалайку вам! – крикнул он и, не раздумывая, побежал вниз.

Он не заметил момента, когда стронул осыпь, и спохватился, почувствовав, что несется вниз, не перебирая ногами, и впереди, словно от взрыва, поднимается густая полоса пыли.

Спасло его то, что он сразу лег на спину, на НАЗ, и оказался точно посередине конуса. Каменный поток пронес его метров сто пятьдесят и выплюнул в завалы крупных глыб и деревьев,

полузанесенных щебнем. Поднявшийся шлейф пыли заволок все вокруг и надолго повис в неподвижном воздухе. А за спиной, прыгая мячиками, неслись отдельные камни и улетали далеко вперед. Ожидая удара в спину, Шабанов отскочил и залег за глыбу. Несколько снарядов пролетело над головой, и один на глазах срубил лиственницу в руку толщиной.

Когда этот обстрел кончился и осыпь затихла, он выбрался из пыльной тучи: ощущения были ничуть не лучше, чем после катапульты. НАЗ выдержала, высотный комбинезон тоже, но локти под ним и ягодицы саднило, с одного ботинка напрочь сорвало протектор подметки и осталась лишь кожаная, скользкая подстилка. И все пузыри, вздувшиеся за ночь на обожженных ногах, полопались, и сейчас лодыжки палило, будто кислотой. Однако считать потери не оставалось времени. Ковыляя, Герман побежал в распадок, подальше от реки, чтобы не прижали к ней и снова не загнали в ловушку. Спустившись к ручью, он умылся, напился, закинул в рот еще одну таблетку «Виры» и взял направление на юго-восток.

И чем дальше уходил в горы, тем больше утверждался в мысли, что в любом случае попал он не в Китай: в стране с полуторамиллиардным населением не могло быть столько безлюдной территории, даже в суровой по климату северной части. И никаких высоковольтных линий, дорог, тропинок, лесоустроительных просек! Необжитая, первозданная земля, если не считать птичьего гвалта.

К полудню он одолел километров двадцать и, оказавшись в седловине гор, осмотрелся и пошел строго на юг – усложнил задачу преследователей: чем больше зигзагов, тем скорее собьются со следа. За весь день он не увидел ни одной приметы присутствия человека и к заходу солнца был уверен, что упал все-таки на территорию Монголии, население которой не любило горно-таежные места, предпочитая степи – кочевники они и есть кочевники…

Допинг выветривался довольно быстро, и приходила усталость с острым чувством голода. Шабанов посчитал, что оторвался от погони километров на тридцать и есть возможность поспать ночь, чтобы с утра увеличить расстояние разрыва. Следовало найти такое место, чтобы развести костер и не выдать себя. Уже в сумерках он неожиданно наткнулся на землянку, врытую в косогор и сверху засыпанную перегнившими деревьями и камнем – что-то похожее на охотничье зимовье. А вокруг – заросли дикой или одичавшей вишни с почками, готовыми раскрыться через день-два.

Это было первое человеческое жилье, найденное за два дня

почти беспрерывного бега. Ступая осторожно, он обошел это место вокруг и, убедившись, что здесь люди не бывали по крайней мере лет десять, кое-как отжал заклиненную временем дверь.

Из тесного пространства дохнуло землей и прелью дерева. Шабанов посветил фонариком, увидел камелек в углу, сложенный вроде камина, и рядом – нары, на которых кто-то спал: из-под шкуры торчали подошвы сапог. Держа оружие наготове, он вошел внутрь и посветил спящему в лицо…

Лица, как такового, не было, из-под края шкуры выглядывал желтоватый череп с кучкой ссыпавшихся черных волос у темени. Рядом с ним лежали тонкие косточки истлевшей руки, когда-то державшей край шкуры…

В первый миг Герман испытал омерзение и желание немедленно выбежать из этой норы-склепа, но тут же взял себя в руки и переметнул луч фонаря на стену: в углу стояла ржавая винтовка и рядом висела какая-то заскорузлая, изветшавшая одежда. На деревянном штыре, вбитом в балку, он увидел надутый мешочек и, едва тронув, осыпал на пол какое-то зерно, что-то похожее на рис. На низком столике в углу стояли чайник, деревянная миска и лежал сильно сточенный нож с деревянной ручкой.

Над всем этим витал дух тлена.

Винтовка оказалась заряженной, стояла на боевом взводе, и, несмотря на ржавчину, можно было прочитать клеймо на английском – выпущена в Японии в 1907 году. Кроме того, в изголовье на полу лежал изъеденный черными раковинами самурайский меч без ножен, подсумок с патронами и темного стекла пустая бутыль, возможно, откуда покойный пил воду.

И скорее машинально он ощупал расползающуюся ткань одежды на стене, достал из кармана твердый, окостеневший предмет. Это был сложенный вчетверо кусок кожи, задубевший от времени, а в нем – лист бумаги, с одной стороны представляющий собой японский государственный флаг, с другой – испещренный столбиками иероглифов: похоже, документ, удостоверяющий личность…

Этот третий предмет, подчеркивающий японское происхождение, вначале пробудил шальную мысль – а не залетел ли он в Страну восходящего солнца?! И тут же отмел ее – велико расстояние, топлива хватило бы на половину пути, не больше. Скорее раненый самурай забрел в землянку во время гражданской войны, если судить по винтовке, и тут умер в одиночестве… Однако при этом слишком неожиданное предположение совсем не исчезло из сознания и будто расширило географию его

местонахождения. Например, откуда вокруг землянки этот одичавший сад, а вишня, как известно, священное дерево у японцев. Так что исключать ничего нельзя, пока не будет точного подтверждения…

Шабанов еще раз осветил мертвеца и обратил внимание, что потускневший мех покрывала на нем имеет полосатую расцветку. В следующий момент, забыв об отвращении, он поддел стволом свисающий с нар край одеяла и увидел крупную, кошачью лапу: без сомнения, этот витязь был укрыт тигровой шкурой!

Если не принес с собой, значит, они тут водятся…

Сожалея, что ночлег под крышей не состоится, Герман вышел из землянки, плотно закрыл дверь и спустился в глубокий распадок, где шумела весенняя вода. По пути он искал тропу или какие-нибудь следы жизнедеятельности человека, но если что и было, то все заросло, возможно, умерший самурай был последним, кто навестил эти безлюдные места. Добыл шкуру и откинул копыта…

Отгоняя мрачные мысли, он выбрал место на ровной площадке склона, наломал елового лапника для подстилки и все-таки не стал разводить костер, поел и лег, положив НАЗ вместо подушки. «Принцесса» не выветривалась, воняла по-прежнему, но иное, более сильное ощущение, устранило запах: едва он затих, как боль в ухе дала о себе знать, кровь застучала, превращаясь из неприятного шороха в сотрясающие мозги выстрелы.

Этот сосуд лопался у него уже дважды после учебных катапультирований, и сей недостаток вовсе ничего не значил и не мешал раньше, поскольку он тут же бежал в санчасть, где делали промывание уха, и через сутки все проходило. В принципе и само бы прошло, без медицинского вмешательства, но кажется, вчера он еще застудился на хребте, одно наложилось на другое…

Он хотел уснуть, пока было тепло, но удары становились нестерпимыми. Допинг днем глушил боль, да и сам бег отвлекал, так что в правой стороне головы чувствовалась лишь горячая тяжесть и легкое отупение. Можно было бы хватануть еще одну «Виру», но это значит не спать всю ночь, а завтра не будет силы и энергии.

Сначала он съел три таблетки анальгина и, обхватив голову руками, выждал полчаса – улучшения не наступило. Тогда оторвал от перевязочного пакета шприц-тюбик с промедолом и поставил себе укол в бедро сквозь комбинезон. Сосчитать успел до семидесяти и отключился с грезами, будто прохладной ночью вступает в теплую, парную воду родной речки Пожни…

После купания Шабанов грелся у большого костра, разведенного на берегу, и прыгал на одной ноге, выливая воду из

уха. Прыгал и приговаривал:

– Мышка, мышка, вылей воду под осинову колоду!

Вместо воды потекло авиационное топливо, и Герман отскочил от огня, чтобы не вспыхнуть. Лилось долго, так что он успел замерзнуть, и когда закончился этот поток и Шабанов вернулся к костру, увидел возле него совсем незнакомую молодую и обнаженную женщину, лежащую на расстеленной тигровой шкуре. Он был еще маленький, лет двенадцати, а она старше раза в два, но, несмотря ни на что, манила его рукой.

– Иди ко мне. Я хочу отдаться и стать твоей женой. Не бойся, иди! Ты же добыл мне брачную постель!

На лицо она была русская, и волосы светлые, но тело показалось ему желтоватым, и на лодыжках ног, запястьях рук – тонкие золотые цепочки, словно у японских гейш. Нечто подобное однажды случилось в детстве, когда его сманивала, а потом стряхивала с черемухи местная дурочка по имени Лися…

– Я не знаю, где я, – сказал он. – Кончилось топливо, и я катапультировался. Это какая река?

– Да твоя, Пожня! Не видишь?

– Нет, я бы сразу узнал место… А как тебя зовут?

– Лися! – засмеялась она.

– Врешь, у Лиси были рыжие волосы! И она потерялась…

– А вот и не потерялась! Теперь я в Японии живу!

– Я взлетел из Пикулино! Мне бы до Японии не хватило горючего!

– Ты попал в вакуумный поток!

– Откуда ты знаешь, что такое вакуумный поток? – изумился Шабанов.

– Знаю! Я много чего знаю! – Она рассмеялась. – Ты же думаешь про меня – ведьма? А ведьмы знают все.

– Таких потоков не бывает, это все легенды…

– Но вот же, посмотри, река твоего детства!

– Не верю… До реки моего детства нужны три заправки.

– А веришь, что я перед тобой на брачном ложе?

– И в это не верю… Я поставил себе промедол, ухо болит. Ты плод наркотических грез.

– Иди ко мне! И узнаешь, какой я плод!

Неожиданно для себя Шабанов набросился на нее как тигр, прижал к шкуре и заворчал. Земля, словно осыпь, стронулась с места и понеслась вниз, разве что в воздух поднималась не пыль, а искры, которые превращались в звезды. Женщина засмеялась, сияя ослепительно белыми зубами, и запела:

– О, мой витязь! Ты самый прекрасный на свете!

Вокруг плотным кругом встали олени и смотрели

печальными, осуждающими глазами, отчего Герману стало невыносимо стыдно. Костер почему-то угас, хотя дров еще было много, и на него нанесло густой дым. Он стал задыхаться, женщина вместе со шкурой словно сквозь землю провалилась, и Шабанов проснулся.

Все, что осталось от сновидения, был резкий запах дыма, несущийся вдоль распадка. Темнота казалась непроглядной, так что он вообще потерял ощущение пространства и вставал с вытянутыми руками. Беззвездная, глухая и теплая ночь показалась бы благодатной, если б не будоражил острый и совсем близкий запах горящего костра. Он нащупал пистолет-пулемет, вывел из гнезда тугой, неразношенный предохранитель и осторожно встал…

Огонь горел всего в какой-то сотне метров от него ниже по ручью. Пламя явственно просвечивалось сквозь склоненные, подмытые паводком деревья и освещало багровый раструб, устремленный вверх. Сразу стало ясно, что спать сегодня больше не придется, потому Герман закинул НАЗ на плечи и с оружием на изготовку осторожно двинулся вдоль ручья по противоположному берегу. Боль в ухе снова нагрузила полголовы горячей тяжестью.

В тесной горловине распадка, у костра сидели четыре неподвижные фигуры – то ли дремали, то ли просто грелись, самоуглубившись каждый сам по себе. Определить, кто они и те ли, что устроили за ним погоню вчера утром, можно было только по количественному составу. И если это те, каким образом они распутали зигзаги и очутились впереди него, по сути, заслонив путь – с утра Герман решил двигаться по этому распадку… Разрыв по времени между ними был часов пять-шесть, и Шабанов весь день бежал на допинге, как спринтер, без единого привала, стремился еще увеличить отрыв от погони, а вот на тебе, сидят!

Оружия на них не видать, одежда – так точно не армейского образца: черные куртки, штаны, неопределенного фасона кепки – что-то вроде зековского, безликого обмундирования. И кто они по национальности – не определить: в отблесках костра и поднимающегося жара красные лица смазаны… Шабанов понаблюдал за ними издали, и лишь сделал попытку приблизиться, как один из дремлющих встряхнулся и выхватил откуда-то из-за спины оружие, что-то вроде кавалерийского карабина. Тотчас же встрепенулись и все остальные. До преследователей было метров двадцать, и сидели они кучно, так что не составляло труда срезать всех одной очередью, но он никогда еще не стрелял в людей, тем более эти, в общем-то, еще не причинили ему зла и не вызывали никаких чувств, кроме

проявления осторожности. Вдруг они вообще не имеют отношения к погоне, какие-нибудь егеря, лесники, охотники…

Пятясь задом, Герман отступал, пока не уткнулся спиной в дерево. Люди у костра уже стояли с карабинами в руках, водили стволами в разные стороны и, кажется, опасались окружающего ночного пространства больше, чем он. Кто-то из них дал команду, и в воздух ударил нестройный залп. Под шумок Шабанов отскочил еще дальше и, пока встревоженное эхо гремело в горах, ушел метров на сорок, и потом, перескочив ручей, круто взял в гору, теперь строго на юго-запад. И на бегу сообразил, что если и дальше так пойдет, то получится, его станут гонять по кругу, не давая вырваться из некоего пространства, центром которого является точка приземления.

До рассвета он одолел километров семь. Почувствовал усталость и тяжкий огонь в правой части головы, на сей раз не помогла даже таблетка «Виры». Она притушила боль всего часа на полтора, после чего азарт бега и опасность оказаться в чьих-то руках уже не стимулировали, не поднимали общего энергичного тонуса. Мало того, Шабанов почувствовал, как начинает рвать правое глазное яблоко и зрение становится странным, непривычным – каждый глаз видит отдельно, и такая несовместимость полностью искажает мир. Он стал натыкаться на деревья, запинаться о камни и валежины, когда обычно легко перескакивал их, и после того, как трижды, раз за разом, упал в общем-то на ровном месте, замедлил шаг и начал двигаться осторожно.

Третий день нескончаемого движения оказался самым трудным еще и потому, что, сохраняя направление, он бежал с горы на гору, пересекая гряды под девяносто градусов. После нескольких долгих тягунов, забравшись на очередной лесистый отрог, Шабанов повалился на землю, чтобы перевести дух, и в это время увидел внизу открытое пространство – неширокую долину, где на свежей, молодой зелени паслись четыре черно-пестрых коровы и десяток овец. Картина среди нежилых, диких гор была настолько неожиданной, что вначале почудилось, это призрак, сон, спровоцированный промедолом в смеси с допингом. Боясь стряхнуть видение, Герман встал и, словно завороженный, пошел вниз. Долина между гор была не то что цветущей – повсюду преобладала прошлогодняя бурая трава, в том числе и чертополох, однако у широко разлившейся речки он увидел два высоких, под мшистыми и явно китайскими крышами, но по-русски срубленных дома и черный квадрат недавно вытаявшего из-под снега влажного огорода. Незатейливый этот вид показался Шабанову радостным, долгожданным, словно он после долгих

скитаний наконец-то очутился в родных местах на реке Пожне. Единственное, что портило впечатление, – стучащая боль в ухе и «двуствольное» зрение, отчего он видел два совершенно одинаковых дома и две параллельных реки.

Он спустился до опушки леса и, спрятавшись там, сунул в рот очередную таблетку «Виры». Это было признаком одичания – Герман явственно ощутил боязнь выйти к человеческому жилью в дневное время, и, понимая это, он сидел в зарослях шиповника, боролся с собой, будучи уверенным, что все равно не тронется с места, пока не стемнеет. Иногда теплый ветерок доносил его запах до пасущихся коров, и те вскидывали головы с настороженными ушами, словно чуяли зверя. Прошел час, другой, третий – из дома никто не появлялся, а вместе с вечерним светом, озарившим уютную, благодатную долину, и одновременным воздействием допинга Шабанов ощутил некоторое облегчение, раздвоенное зрение кое-как собралось в одно, и стало ясно, что изба с крышей, как у китайской фанзы. В половине восьмого из дома вышла раскосая, черноволосая девочка лет десяти, взяла хворостину и погнала скот ко двору. Он вспомнил, что девочкам-китаянкам специальными деревянными башмаками уродуют ступни ног, оставляют их детскими, и они ходят так, что ветром качает – у этой, кажется, все было в порядке, носилась за овцами по выгону, и лишь пятки сверкали.

Через полчаса наконец-то появились взрослые, приплыли откуда-то, потому как мужчина принес лодочный мотор. С ним прибежала и развалилась на крыльце толстая черная собака, и чуть позже пришли женщина и мальчик лет восьми. Лиц из-за сумерек было не рассмотреть, но показалось, у хозяина хутора борода и волосы рыжеватые. Шабанов рассчитывал дождаться полной темноты, успокаивая себя тем, что, если здесь засада, ночью легче скрыться, но отсидеться не удалось – выдал пес. Вероятно, напахнуло ветерком, и он почуял, вскинулся, залаял с крыльца, затем помчался прямо к Герману. Из дома никто не выбегал, в лесу висела полная тишина, ни переполоха, ни тревоги, хотя собака со злобным лаем закружила от него в двух метрах, счесывая с себя шиповником линялую шерсть. Будь тут засада, уже бы летели со всех сторон…

– Заткнись! – сказал Шабанов. – Чего орешь?

Пес на секунду закрыл рот, насторожил уши, и тут Герман разглядел его породу – чау-чау! В собаках он особенно не разбирался, однако этих лохматых увальней знал отлично: у начальника штаба в Подмосковье был точно такой же экземпляр, разве что молчаливый и совсем не злой. Ходил с хозяином на работу и с работы, летом страдал от жары, а все окружающие –

круглый год от бесконечных рассказов влюбленного в свою псину хозяина. Шабанов знал об этой твари если не все, то почти все…

Родина чау-чау – Тибет, где ее использовали в качестве охотничьей, ездовой и сторожевой.

Откуда взяться чистопородной тибетской собаке в такой безлюдной глухомани?..

Прошло минут пять – пес лаял, ничуть не ослабляя азарта, но хозяин даже на крыльцо не вышел. Через некоторое время там появился мальчишка, постоял, пописал и невозмутимо удалился, а скоро появилась женщина с подойником и преспокойно направилась в хлев, куда девочка загнала коров.

Это было хуже, чем засада, – не известно, что ждать. Или они привыкли тут, что чау-чау по вечерам на кого-то лает в лесу, или настолько самоуверенны и спокойны, что им все до фонаря. А ну как действительно выйдет тигр или медведь? Может, тут тибетские монахи живут? Их вроде как с детства натаскивают быть невозмутимыми, что бы ни происходило…

Хозяйка появилась из коровника с полным подойником и, даже не оглянувшись, понесла его в дом: Шабанову вдруг захотелось парного молока, вкус которого он помнил с детства. Сейчас бы взять полную солдатскую кружку и выпить залпом! По вечерам они с сестрой всегда ждали, когда матушка подоит корову, и сидели наготове со своими посудинами, уже накрытыми кусочком марли…

Тем временем девочка растопила летнюю печь под навесом и загремела посудой, а хозяин с мальчиком принялись развешивать по забору мокрые сети. И все делалось на этом хуторе молча, без единого слова, будто глухонемые тут жили! Подспудно Шабанов все время прислушивался, хотя из-за сверлящей боли в ухе звуки воспринимались искаженными, как эхо в пустой бочке. Только собачий лай, гремевший рядом, слышался отчетливо, да вся беда, псы в Китае, России или на Тибете брехали на одном языке. Лесная семейка эта, прямо сказать, выглядела странно и не внушала доверия. Мало того, когда сумерки сгустились, в доме и на улице внезапно вспыхнул электрический свет, показавшийся особенно ярким, даже слепящим.

Но вокруг на добрую сотню километров ни столбов, ни проводов! И не слыхать, чтобы работал движок электростанции…

Этот несопоставимый знак цивилизации окончательно сбил охоту выйти к хуторянам, по крайней мере сейчас: очень уж похоже на ловушку, куда его три дня словно подталкивали. Коль начата облава на «принцессу», то охотники, должно быть, знают, что девица эта с величайшим гонором и просто так в руки не дастся; заполучить ее можно лишь хитростью, усыпив

бдительность нынешнего владельца чем-нибудь в виде кружки парного молока и уютной постелью в теплом доме. И потому не реагируют на собачий лай, зная, что клиент явился к западне и теперь его надо заманить приманкой, например, домашним очагом, электрическим светом, чтоб сам пришел. Инструкций, как действовать в подобном случае, Заховай не дал, верно, не рассчитывал на такую ситуацию, однако Шабанов сам мог принимать решение в зависимости от опасности, грозящей «принцессе»: сразу рвануть кольцо и лишить ее жизни, или выбрать промежуточный вариант – зарыть в землю, утопить в воде, чтоб впоследствии можно было достать. Конечно, если тут засада, неплохо бы поморочить охотникам головы, спрятать изделие, выйти на хутор, попить молочка, выспаться, не исключено, и ухо полечить. И посмотреть, что станут делать, по-каковски заговорят, начнут ли интересоваться содержимым «малямбы», а там уже и сориентироваться…

И ответить наконец на вопрос – где я?

Но ведь, сволочи, могут так все организовать, не почувствуешь, как влетишь! Убедят, например, что он находится на территории России, вызовутся помочь пилоту, попавшему в беду, и тогда на хуторе непременно окажутся русские – у хозяина вон вроде борода рыжая, хотя дочка у него определенно китайского или японского вида. А когда Шабанов откопает «принцессу», вернее, приблизится к месту, где ее спрятал, тут и навалятся…

– А ху-ху не хо-хо? – вслух спросил Герман у собаки. – Пойди и так передай хозяевам. Мы тоже умеем хранить молчание и спокойствие. Чау-чау!

Он отошел поглубже в лес, но так, чтобы не терять из виду усадьбу и прилегающую территорию, сел под камень и, невзирая на сопровождающего пса, принялся чистить ухо. На хуторе ужинали возле печки под навесом, сидели чинно, по ранжиру, и как только встал хозяин, вскочили все остальные – правила были строгие. Отец семейства с мальчиком ушли в дом, жена с дочкой перемыли посуду и принялись что-то печь – хлебный запах достиг леса!

Эх, сейчас бы не просто кружку парного молочка, а еще бы и горбушку горячего черного хлеба!

Чтобы не искушаться, Шабанов переместился ближе к реке, но с пекарни по-прежнему доносились вкусные запахи, и тогда он сел у поленницы аккуратно сложенных дров и стал нюхать НАЗ, где лежала «принцесса». Яркий электрический свет на хуторе притягивал взгляд и чуть слепил, скрадывая окружающее пространство, и потому он не заметил приближающейся

опасности. И шагов услышать не мог: шорох в ушах и болезненный гул в голове делали воздух ватным, беззвучным, так что лай чау-чау, казалось, доносился издалека. Фигура человека будто выросла из-под земли в двух саженях от Германа, и бесформенная, освещенная лишь со спины и потому темная, медленно двинулась в его сторону.

Шабанов сунул руку в НАЗ, нащупал круглый разъем «принцессы» и осторожно высвободил кольцо…

3

Во время инструктажа представитель главного конструктора в подробности особенно не вдавался, устройство, принципы действия «принцессы» не объяснял, да и не мог бы ничего объяснить за полчаса общения. Высокородная особа уже была продана и принадлежала другому, и потому он больше напирал на особые взаимоотношения с нежной барышней в критических ситуациях – и ведь накаркал, подлый!

– Смотрите сюда внимательно! – Инструктор указал на разъем. – Здесь внутри имеется кольцо, связанное с предохранительной чекой. Оно достаточно легко вынимается из гнезда и становится кольцом обыкновенной гранаты. В случае, если невозможно сохранить изделие – а вам объяснили, какие это могут быть случаи, – вы коротким рывком приводите в действие запал. Замедлитель рассчитан на тридцать секунд, так что можно не бросать, просто оставить на земле и удалиться на полсотни метров. И прошу особо запомнить: ни в коем случае не теряйте это колечко, если конечно, хотите потом служить и летать. Лучше всего надеть его на палец, то есть обвенчаться: видите, выполнено в точности как серебряное обручальное. Оно и только оно послужит вам доказательством, что «принцесса» не попала в чужие руки и ликвидирована.

– Не приведи бог! – вздохнул Шабанов. – Свят-свят-свят…

– Что вы сказали?

– Говорю, не дай бог обвенчаться с такой принцессой. И полцарства в придачу не надо…

– Да, это будет для вас неподходящая партия, – серьезно согласился и намекнул на что-то инструктор. – Вопросы ко мне есть?

– Есть, – затосковал Герман. – От нее все время будет такой запах? Или выветрится?

– А на что предусмотрена кислородная маска? – обиделся он, обласкивая «принцессу». – Не знаю… Нормально пахнет, ничего особенного.

Сейчас Шабанов не чувствовал ни ее запаха, ни дразнящего хлебного духа – темная фигура надвигалась и, кажется, вырастала на фоне огней хутора. Со спины он был хоть и не очень надежно, но все-таки защищен высокой поленницей, по крайней мере, навалиться сзади на него будет трудно, и это уже неплохо. Кольцо в точности налезло на безымянный палец правой руки и таким образом приковало его к НАЗу; левой он нащупал «Бизона» и понял, что стрелять будет неловко, однако менять положение

было поздно. При малейшей агрессии оно изменится быстро: придется выдернуть кольцо, оставив на месте НАЗ, и, перехватив оружие в удобную руку, отскочить в сторону. Кто ее, «принцессу», знает, насколько у нее взрывной характер?..

Пес замолк и неожиданно, бросившись к человеку, стал облаивать его со свежей яростью: Герман ему порядком поднадоел.

А человек приблизился вплотную и, вдруг опустившись на колени, что-то поставил на землю. И тут Шабанов увидел, что перед ним уже знакомая молодая женщина, та самая, что являлась к нему обнаженной на хребте, но сейчас обряженная в некие восточные одежды, с открытым, призрачно белеющим юным лицом. Она принесла небольшой и вроде бы даже серебряный поднос, на котором стояли две зеленые эмалированные кружки с молоком, и в тарелке – тоже две приличные горбушки горячего черного хлеба.

– Это вам, – проговорила она отдаленным из-за его глухоты голосом. – Ешьте на здоровье.

Он ни секунды не сомневался, что прошлой ночью его мучили эротические сновидения, однако схожесть ее с той, что пригрезилась, была потрясающей. Единственное – эта казалась моложе и по-юношески целомудренней, без цепочек на запястьях и с потупленным взором. На сей раз она не снилась, поскольку Шабанов не спал, полностью контролировал свое поведение и ощущал реальность. Принесенная ему пища – особенно горячий хлеб, источала такой сильный и соблазнительный запах, что вонь «принцессы» мгновенно затмилась и улетучилась. Он едва подавлял желание протянуть руку и взять кружку – держало обручальное кольцо и горячая рукоятка пистолета.

Если бы эта женщина пришла с хутора, то чау-чау не лаял бы.

И смущала сдвоенная порция молока и хлеба на подносе.

– А где же принцесса? – чуть громче спросила она, осматриваясь.

Остатки аппетита пропали мгновенно: слово «принцесса» он слышал сейчас лишь в одном значении…

– Какая принцесса? – вроде бы весело спросил Шабанов, сгоняя одеревенение мышц.

– Лев Алексеевич сказал. Я случайно услышала…

– Что ты услышала?

– Что в горах ходит человек с котомкой и принцессой…

– Ладно, допустим, человек этот я! – засмеялся Шабанов. – А где принцесса? Может, в котомку влезла?

– Не знаю, – смутилась она. – Дедушка говорил, выпрыгнула из самолета вместе с летчиком. Мне стало интересно…

– К сожалению, это не так, – горько вздохнул Герман, чувствуя облегчение. – Принцесса осталась в самолете, что-то случилось с катапультой… В общем, она не выпрыгнула.

– И погибла? – Даже сквозь глухоту в голосе ее он услышал дрожащий страх.

– Вместе с самолетом. – Шабанов не знал, что и думать. – Вдребезги…

– Как жаль… Я никогда не видела настоящих принцесс. Хотела пригласить к себе в гости, подружиться… У меня нет подруги.

Эта великовозрастная особа говорила и вела себя как ребенок. Или как сумасшедшая…

Других мыслей в тот миг не приходило, и потому разговаривать с ней следовало соответственно.

– Ты сама как принцесса! – сделал он комплимент.

– Неужели ты узнал меня? – то ли изумилась, то ли устрашилась она. – Не может быть!

– Я видел тебя во сне!

– И как ты меня видел? – Эта скромница внезапно заулыбалась соблазнительно и грешно, словно знала, о чем был сон.

Шабанов снова вспомнил Лисю и отвернулся.

– Да так, ничего особенного…

– Я на самом деле принцесса, – жеманно похвасталась она. – Так меня дедушка зовет. «Моя принцесса»!

– Это заметно.

– Только вот нет подружки…

– А принц есть?

– Принц? – загадочно улыбнулась она. – Принц есть!.. Ты почему упал? Ты же так хорошо летаешь! Я видела!.. И упал!

– К сожалению, кончилось горючее, – трагично произнес он. – А техника хоть и военная, но не совершенная, без топлива не летит.

Реакция последовала неожиданная, совсем уже не детская.

– Значит, такова ее судьба, – утешительно проговорила она. – И ничего не поделать… Ты не переживай, все образуется.

– Чья судьба? – не понял Шабанов.

– Принцессы! Той, что с тобой летела… Зато тебе встретилась другая!

– Да, тут мне повезло!

– Возьми молоко, пока не остыло, и пей. Я только что подоила корову.

Шабанов освободил левую руку от пистолета, взял кружку, налитую до краев и нерасплескавшуюся: на молоке еще плавала

пенка, значит, цедили его как положено, непосредственно в кружку…

– Любопытно… Как узнала, что я хочу молока?

– Все дети вечером хотят молока. И ждут…

– Дети?.. Но я же не ребенок. – Он сделал глоток и, не удержавшись, выпил до дна.

– И все равно ждал, когда подоят корову.

– А кто же такой Лев Алексеевич? – Герман откровенно рассматривал ее смутное лицо.

– Забродинов, мой дедушка по матери.

– Такой рыжий и бородатый?

– Нет, он совсем старенький и седой. Очень милый и добрый человек.

– Дедушки, они все милые и добрые, – сказал Шабанов, кося глаз на вторую кружку, верно, предназначенную принцессе. – И глазастые, как боженьки на небе… Скажи, принцесса: он что, видел меня в самолете?

– В самолете я тебя видела!

– А он? Откуда твоему дедушке известно, что мы летели вдвоем с той принцессой?

– Это вовсе не обязательно – видеть… Выпей и вторую, ты же хочешь. Или съешь с хлебом! Смотри, какой горячий. Пять минут назад вынули из печи…

– Откуда ты взялась тут, внучка? – Он взял горбушку и вместе с будоражащим запахом ощутил: в руке ни с чем не сравнимый хлебный жар. – Только не говори, что с этого хутора!

– Нет, я не с хутора. Но живу не очень далеко отсюда, за рекой…

– За рекой? – не сдержал эмоций Шабанов. – Значит, приплыла на лодке? Или мост есть?

– Летом здесь натягивают лаву, а сейчас вода большая.

– В брод, что ли, перешла?

Она вдруг засмеялась.

– В брод?.. В брод я бы утонула! Не умею плавать! Я просто перешла по воде.

– А, ну понял. – Он вспомнил, с кем имеет дело. – По воде, аки посуху… Дедушка послал? Принести парного молочка бродяге с котомкой и принцессой?

– Сама пошла… Мне стало так интересно! Ты же летчик! С того самолета, который упал вчера ночью возле Данграласа.

– А это что такое – Данградас?

– Скалы так называются…. И зовут тебя – Герман Шабанов.

Он вздрогнул, услышав свое имя, и чуть кольцо не выдернул, но через несколько секунд справился с волнением, спросил,

усмехаясь:

– Тоже дедушка сказал? А знаешь, отчего он быстро состарился? Нет?

– От времени. Он так давно родился…

– Если бы!.. Пословицу слышала? Вот! Так что смотри, принцесса, как бы и тебе не растерять своих юных лет.

Самому же было совсем неуютно и невесело. Хребет с таким, или примерно таким по звучанию, названием значился на полетных картах и пересекался заданным маршрутом в предгорьях Тибета. Ну и черт бы с ним; иное дело, всезнающий дед этой барышни в восточном наряде, носящий, ко всему прочему, русское имя.

Его внучка, возможно, была вполне здорова и находилась не в том наивном возрасте, когда девочки не понимают ни намеков, ни сарказма, ни иносказательности; вероятнее всего, таким образом выражалась ее неразвитость мышления, первозданная дикость ума в смеси с неуемной фантазией и той самой простотой, которая хуже воровства.

Или прикидывалась и морочила голову…

– Почему я должна растерять? – изумилось это невероятно рослое создание.

– Слишком много знаешь для своего возраста!.. Кстати, давай уж тогда познакомимся. Тебя-то как зовут, красавица?

– Ганя.

– Редкое имя, – поразмыслив, сказал Шабанов, хотя внутренне вполне с этим согласился: обычно так ласково-уменьшительно в деревнях называли дурочек. У Лиси тоже было какое-то другое, настоящее имя, однако звали ее по прозвищу.

– Полное имя – Агнесса, – поправилась она. – Агнесса Тихоновна… Ты же правда летчик? И летел с принцессой? А потом потерпел аварию и нес ее на руках…

– Я же говорил: принцесса осталась в самолете! – внушительно проговорил Шабанов. – Она погибла!

И тем самым напугал ее.

– Да-да, помню! Но почему ты злишься?

– Ничего я не злюсь…

– Это потому, что голодный. Пей молоко и ешь хлеб, утром еще принесу.

– Спасибо, Агнесса, но сейчас не хочется.

Странная эта особа поставила полную кружку на камень и накрыла ее горбушкой.

– Съешь, когда захочется, а мне пора. – Она взяла поднос и пустую посуду. – Не уходи никуда. Приду, когда взойдет солнце.

Она ушла семенящей, девичьей походкой…

Было желание пойти за ней, посмотреть, как Агнесса станет форсировать бурную, горную реку, однако удержала ревнивая «принцесса», приковав своим обручальным кольцом. Выждав несколько минут, он попытался освободиться от «супружеского» знака и только сейчас обнаружил, что пережатый безымянный палец отек, раздулся и онемел. А когда «венчался», колечко наскочило легко и совершенно не чувствовалось: значит, либо отекла рука, опущенная вниз, либо этот инструктор не предупредил, что кольцо с сюрпризом и может сжимать свои челюсти, словно капкан.

Теперь придется ходить как дураку с писаной торбой!

Шабанов осторожно переложил НАЗ на поленницу, постоял на коленях с поднятой рукой, чтобы схлынула кровь и спал отек, затем ощупал палец – вроде стал потоньше и будто кольцо уже чуть проворачивалось.

– Ты мне эти шутки брось! – пригрозил он «принцессе». – Лучше отпусти по-хорошему. Я же сказал – упаси бог от такого брака.

Чтобы не терять времени понапрасну, Герман подтянул к себе кружку и наконец-то откусил горячего хлеба. Пища была божественной, разве что приходилось экономить молоко, чтоб хватило на две горбушки, и жевать медленно, без резких движений из-за боли в ухе, но от этого хлеб казался еще вкуснее. Пока он ел, палец в кольце ослаб еще больше – минут пять, и можно вообще разорвать эти брачные узы. Почти сытый и почти довольный, Шабанов прислонился боком к поленнице и прикрыл глаза. В шумной, больной голове где-то далеко стучалась интуитивная мысль, что надо бы уйти подальше от этих дров – с места, где его видели: кто знает эту Ганю с добрым и милым дедушкой? Может, в разведку посылал, сказал недалекой своей внучке, мол, поди, посмотри, там летчик ходит с принцессой. Она и побежала. А сейчас придут его бойцы в черных зековских робах…

Вместо того чтобы прислушаться к голосу разума, Герман поднял пистолет, пристроил его на коленях и снова прикрыл веки.

Он не спал и даже не дремал; находился в неком осоловелом состоянии, какое бывает, когда после долгих занятий на зимнем, ветреном аэродроме попадаешь наконец-то в теплую столовую, где, вкусив сытной пищи, ленишься даже встать, чтобы дойти до офицерского общежития. Сигналом тревоги стал внезапно и сразу везде погаснувший на хуторе свет. Шабанов встряхнулся и обнаружил, что перед ним, выставив карабины, стоят четверо – те, что преследовали его второй день или другие, не понять: в

темноте белеют смазанные пятна лиц и потертые стволы.

– Не двигайся! – предупредил кто-то из них. – Стой спокойно и слушай команды. Если хочешь сохранить жизнь.

– В ухе стреляет, не слышу! – Шабанов свернул предохранитель пистолета и, пошевелив рукой, нащупал «принцессу», плотно захватил пальцами кожух.

– Сейчас услышишь! – Они придвинулись ближе, выставили все четыре ствола веером. – Брось оружие, оставь НАЗ на месте и отходи с поднятыми руками. Понял?

Они знали, что находится у него в руках. Убедить их через эту молочницу Ганю, будто «принцесса» осталась в самолете, не удалось…

Герман по-прежнему стоял на коленях, привалившись плечом к поленнице, и теперь жалел, что не замахнул этих бойцов одной очередью, когда застал прошлой ночью дремлющими у костра. Двигаясь осторожно, он встал на ноги и одновременно вытянул «принцессу». Теперь оставалось совершить внезапный и резкий прыжок вверх, перескочить дрова и оттуда влупить очередь; он был уверен, что стрелять бойцы не станут – наверняка проинструктированы дедушкой, как вести себя, дабы заполучить взрывоопасную барышню живой и здоровой. А потом сразу – во тьму под прикрытием поленницы. Жаль, конечно, оставлять НАЗ, где еще полно продуктов, но руки всего две, да правая еще к тому же закольцована…

– Я-то понял! – намеренно громко сказал Шабанов, чуть разворачиваясь, чтобы переместить в нужную сторону толчковую ногу. – Но вижу, вы ни хрена не соображаете!

– Прыгнуть хочет, – заметил кто-то. – И оружие не бросил…

– Сказано, брось пистолет! – прикрикнул командир и, включив фонарь, осветил Германа. – И подними обе руки! А «принцессу» оставь на месте!

– Сейчас, разогнался! – огрызнулся Герман. – Вы что, идиоты?

Драгоценная привередливая особа доживала последние секунды. Это был тот самый случай, когда следовало не задумываясь дергать кольцо, и за это бы никто не посмел укусить – ни Заховай, ни конструктор, ни сам Господь Бог. Однако была пилотка, демонстративно брошенная в лицо особисту, и возвращаться назад только с колечком – это слишком мало, чтобы почувствовать себя победителем в поединке.

– Закрой рот и слушай команды! – рявкнули из темноты.

– Эй ты, командир, а теперь послушай меня! – Шабанов демонстративно поднял ствол «Бизона». – Если не глухой и не больной, значит дедушку слушал внимательно!

– Какого дедушку?

– Льва Алексеича!

– Да он же тянет время! – определил один из бойцов. – Забалтывает!

– А он предупредил! – нажал Герман, перебивая его. – Добыть «принцессу» в полной сохранности, верно?

– Не знаю никакого дедушки! – не сразу отозвался тот. – Выполняй, что сказано.

– Хорошо, согласен! «Принцессу» оставлю. Но ты же знаешь, что произойдет?

На сей раз пауза подзатянулась. Эти четверо устроили между собой толковище, но Шабанов не слышал, о чем конкретно, сквозь гремящий шорох в голове доносилось лишь далекое, глухое бухтение и отдельные слова. Обсуждали что-то при нем не стесняясь, знали про его воспаленное ухо, и Герман лишь догадывался: они имели слабое представление, как приводится в действие и работает самоликвидатор изделия. Дважды произнесенное слово «химический» натолкнуло на мысль, что охотники не предполагают взрыва «принцессы» и скорее всего опасаются бесшумного ее уничтожения: некоторые секретные приборы снабжались химическими ликвидаторами.

Фонарь не выключали, а прыгать через поленницу следовало сразу же, как погаснет свет – две-три секунды они сами будут слепые, наглядевшись на яркое пятно.

– Убери фонарь! – крикнул Герман и повел пистолетом. – Иначе расколочу!

Поплясав немного, луч сдвинулся в сторону, и Шабанов понял, что другого момента не будет, сделал доворот, пригнулся и вдруг увидел прямо перед лицом ствол винтовки. На поленнице оказался пятый! Сидел на корточках и только ждал, когда пленник вздумает сигануть через дрова. Песенка «принцессы» была спета.

– Ладно, Шабанов! – наконец-то подал голос командир. – Будем договариваться. Что хочешь за нее?

– А что ты можешь предложить? Деньги и свободу?

– Полагаю, это не так-то и плохо, когда есть деньги и свобода. Но у меня другая валюта, которой могу расплатиться. И ты ее примешь!

– Смотря по какому курсу!

– По самому высокому. Ты же не камикадзе, Шабанов, и за свою молодую жизнь отдашь эту шлюху, – командир говорил рассудительно и насмешливо. – Поверь мне, она мизинца твоего не стоит! Поразмысли, ты же ничего не теряешь. Летная карьера закончилась, военная служба тоже. Что тебя ждет по возвращении в часть, надеюсь, догадываешься. Срок дадут небольшой, да ведь

все равно срок! И здоровья убавят… Потом-то куда пойдешь? В гражданской авиации сокращение штатов, в бизнесе все ниши заняты да и начальный капитал нужен. У тебя в руках сейчас не «принцесса» – собственная судьба. Так что, капитан, не искушай ее, положи на поленницу и три шага в сторону.

– И все? – нагло спросил Герман, вдруг отчетливо осознав, что, добившись высокородной руки, эти гаврики тотчас же снесут ему башку и замоют кровь с плит тронного зала: новые женихи принцессы не потерпят его живым, и тут Заховай ничего не преувеличивал и не пугал. В жесточайшей войне за добычу высоких технологий не было ни законов, ни правил и пленных не брали, чтобы не оставлять свидетелей.

– Есть другие предложения? – Командир приблизился на шаг, оставив бойцов за своей спиной. – Выкладывай, рассмотрим.

В тот миг Шабанову и в голову не пришло, что это движение и громко сказанные слова – сигнал к захвату. С поленницы на его спину обрушилась тяжелая, цепкая туша, чья-то нога наступила на закольцованную руку и последовал тупой, мощный удар в больное ухо. Безымянный палец давно и окончательно онемел, и потому он не ощутил момента, когда отделилась «принцесса», – успел увидеть ее летящей в луче фонаря и потом чьи-то руки, жадно подхватившие желанную, таинственную невесту.

Отсчет времени он стал вести с этого мгновения. Через девять секунд его отпустили, но уперли ствол в спину и стали куда-то толкать; на счете семнадцать потух фонарь, Шабанов упал, запутавшись в ворохе сучьев и пополз. Его тыкали винтовками и что-то кричали – должно быть, приказывали встать, однако он упрямо карабкался по земле, зарываясь в кучу ветвей, будто страус, прячущий голову в песок.

Взрыв громыхнул на двадцать четвертой секунде, и отблеск его напоминал фейерверк: с неба долго потом сыпались звезды…

Тосковать по детству Герман стал сразу же, как только оно закончилось. Произошло это потому, что из жизни по его собственной вине и ребячьему заблуждению почти выпало переходное, временное звено – юность, и сразу же началась служба.

В девять лет он первый раз в жизни увидел военного, когда в поселок приехал погостить чей-то племянник. Был он в звании старшего лейтенанта, все время носил форму и, невзирая на летнюю жару, ходил в блестящих хромовых сапогах, кителе и портупее, весь такой ладный, красивый и мужественный. Про него говорили – офицер приехал! А спустя четыре года, когда Герман с отцом поехали в город получать учебники для школы и, ожидая кладовщицу, зашли поесть мороженого в кафе, случилось

невероятное: дверь распахнулась и вошел пацан в военной форме. Независимо и серьезно отстоял очередь, купил сразу несколько порций и сел за столик. Все это время вокруг него толкались, болтали и кривлялись такие же отроки в рубашонках и штанишках чуть ли не с лямками; он же оставался строгим, неприступным и как бы отстраненным от суеты. И все это время Герман просидел с открытым ртом, забыв о мороженом.

– Батя, – наконец шепотом спросил он. – А в суворовцы где принимают?

– Не знаю, должно в военкоматах, – ничего тогда еще не подозревая, объяснил отец. – Давай доедай и пошли!

Через месяц он знал все о суворовцах и, не дожидаясь установленного возраста, заявил родителям:

– Пойду в суворовское училище! Делают исключение и принимают даже с седьмого класса, только надо похлопотать.

Отец попытался сначала объяснить, что берут туда детей офицеров, да и то не всех, сынков больших начальников и прочих блатных, потом же притомился от требований сына и заявил, что таких, как он, двоечников и балбесов, не то что в суворовское, но и в армию-то не возьмут, велел выбросить дурь из головы и сидеть дома. А у него тогда действительно был какой-то шальной период: делать овчинные крылья из тулупчика и прыгать с крыши уже стало поздновато, а летать хотелось невыносимо. Однако же нигде поблизости не то что аэродрома не было – самолеты и те летали на такой высоте, что виделись маленькими крестиками с белым хвостом инверсионного следа. Герман чувствовал еще детский и непроходящий приступ отчаяния и жил тем, что мечтал и фантазировал, не воспринимая реальности, где надо было учиться так, чтобы не позорить родителей. Мать работала учительницей, страдала головными болями, бессонницей и слабыми нервами, потому, выслушав заявление сына, совершенно не педагогично добавила к отцовским аргументам подзатыльник и отправила косить траву.

Родительское непонимание подействовало неожиданным образом: весь следующий учебный год Герман получал одни пятерки, в том числе и по поведению, сдал на отлично все экзамены за восьмой класс и сделал новый заход на отца с матерью. В его разумении все складывалось отлично, за исключением одной детали: поскольку оставлять дома его было не с кем, то в школу повели пяти с половиной лет под личный материнский надзор, так что восьмой он закончил в тринадцать с половиной, а в суворовское принимали с пятнадцати. Могли, конечно, не принять по малолетству, и все зависело от того, сумеют ли родители убедить начальников: ведь принимали же

генеральских детей возрастом еще моложе!

Отец не имел никакого образования, самоучкой освоил столярно-плотницкое дело и благодаря матери давно работал преподавателем труда и физкультуры. Но кроме того, с начала лета занимался заготовкой дров для школы, потом сеном для подсобного хозяйства и к осени – ремонтом к новому учебному году. На сей раз убедительных доводов отказать он не нашел, пообещал, что похлопочет, но, занятый с утра до вечера дровами – школа была деревянная, старая, не натопишь, – никак не мог выкроить дня, чтобы съездить в райвоенкомат. Герман работал колуном неделю, вторую, третью и когда ни с чем не сравнимый, сладковатый запах расколотой березы сделался ненавистным, а напоминать родителю, что выходят все сроки, стало невозможно по причине того, что сразу же наворачивались слезы, он замолчал.

А когда совсем приперло, когда оставалось несколько дней до окончания набора в училище, отец все-таки собрался и поехал в город.

Сутки Герман просидел на дороге за околицей, поджидая его возвращения, и мать угнала его на другой день домой чуть ли не с палкой, поскольку никакие уговоры не действовали. Руками отец работать умел, но язык и речь у него были мужицкие, суконные и жесткие, так что объяснить толком, почему его сын жаждет учиться в суворовском, не смог. Выслушал доводы всех начальников, к которым удалось пробиться, после чего ушел в рюмочную, там напился и, снова вернувшись в военкомат, популярно сказал все, что думает про тыловых крыс: в то время шла война в Афганистане. Его увезли в милицию и выпустили только утром.

Домой он пришел черный и грозный, молча запряг казенную лошадь, бросил мотопилу в передок и поехал в лес пилить дрова. Основательно наревевшись на сеновале, Герман в ту же ночь побежал в город за полсотни верст, прихватив с собой метрики и свидетельство о восьмилетке. К открытию военкомата (дежурный не впустил) он уже сидел на крыльце и ждал начальника побольше, однако в тот день старше капитана с подбитым глазом никто не явился.

– Направьте меня в суворовское училище! – потребовал он с порога.

– Отставить! – бросил капитан. – Выйди и зайди, как положено.

– А как положено? – спросил Герман.

– Скажешь: «Разрешите обратиться, товарищ капитан?» Если разрешу – обратишься.

Он вышел за дверь, потренировался немного и снова предстал перед начальником.

– Разрешите обратиться, товарищ капитан?

Тот откровенно зевал, скучал, курил уже не первую сигарету натощак, часто смотрелся в бритвенное зеркальце, разглядывая фингал, и искал хоть какого-нибудь веселого развлечения.

– Отставить! Не вижу блеска в глазах, вид не бравый и во рту мухи… спят! Суворовец должен выглядеть молодцевато, докладывать громко и отчетливо. Еще раз!

Герман терпеливо удалился, перевел дух, набрался ярости, словно перед дракой, и снова открыл дверь.

– Разрешите обратиться, товарищ капитан?!

– Не разрешаю! Чего орешь? В ушах звенит!

– Сказали, громко!

– И как стоишь? Пятки вместе, носки врозь, спина прямая, грудь развернуть, подбородок вверх!.. Все сначала! Потренируемся!

С седьмого раза ему удалось войти, как положено, а может, капитану надоела игра.

– Понял, что такое армия? – спросил он.

– Так точно! – крикнул Герман.

– Желание не пропало?

– Никак нет!

– Ну вот, подождешь еще, поучишься и, как исполнится восемнадцать, пойдешь служить. А сейчас свободен. Шагом марш!

Герман не дрогнул, сделал три шага вперед (кабинет был совсем маленьким) и выпалил чуть ли не в лицо капитану:

– Хочу в суворовское!

Тот слегка отшатнулся, прищурил левый глаз – подбитый правый и так был прищурен.

– Знаешь, кого туда берут?

– Знаю, детей офицеров и всяких блатных!

– Вот! Правильно! А ты кто такой? Как твоя фамилия?

– Шабанов!

– Как?! – подскочил он. – Шабанов? Это твой батька тут вчера права качал?

– Мой!

От негодования и какого-то веселого возмущения капитан побегал по кабинету, закурил и еще раз глянул в зеркало.

– Да!.. Ну и семейка!.. Я вчера отцу объяснил!.. А он тебя послал? Ну, даете! На измор хотите взять?.. Можешь сам-то объяснить, откуда у тебя такое желание – в суворовское? Ладно бы, родители служили, военная косточка… Хоть знаешь, что делают в этом училище?

– Учатся! Потом идут в военное училище.

– Я бате твоему вчера сказал: нет у нас в районе разнарядки в суворовское. Девять мест на всю область было. Понимаешь? И они уже давно распределены, по заявкам прошлого года. Так что опоздал ты, парень. И вообще, через два дня прием заканчивается. Покупай билет на автобус и катись домой. Родители денег дали?

– Не дали…

– А как добирался?

– Бегом…

– Так вот, бегун. Или беги назад в свою деревню, или в милицию сдам, чтоб вернули родителям. Отец за дебош штраф заплатил и еще заплатит.

– Значит, направления не дадите, товарищ капитан?

Тот хмыкнул восхищенно.

– В офицеры захотелось? Командовать?.. А сначала надо научиться подчиняться!

– Летать хочу, а не командовать!

Капитан устало сел на место, вытряхнул из пачки последнюю сигарету и прикурил от окурка.

– Все летать хотят… Ты самолет-то близко видел?

– Нет еще… Только в небе и высоко.

– Вот! Зато родился среди тракторов и комбайнов… Так что иди-ка в механизаторы! В армии танкистом будешь, служить.

– Ладно, – сказал Шабанов. – Раз нет направления – сам побегу в Калинин и поступлю.

– Ну, беги, беги, – отмахнулся капитан. – Сейчас в милицию позвоню!

Задерживать сам он не стал, видно, вспомнил Шабанова-старшего, снял трубку и набрал двухзначный номер. Герман спокойно вышел из кабинета, скользнул мимо дежурного и на улице уже припустил рысью.

Оказалось, капитан на самом деле сообщил в милицию о подростке, сбежавшем из дома, и первый раз его чуть не поймали на посту ГАИ у выезда из города. После этого все опасные места он обегал стороной и часто сворачивал с дороги в лес, когда замечал подозрительную машину. Тогда он еще не знал, что и родители заявили о пропаже сына и, оказывается, за ним началась настоящая погоня.

К обеду он сильно проголодался и, огибая притрактовые деревни, почти не сбавляя скорости, заскакивал в огороды, рвал огурцы с грядок, лук и горох, набивал под рубаху и ел на ходу. А вечером вообще повезло, высмотрел курятник, стащил из гнезда девять яиц, которые выпил на бегу, и не останавливался уже до самого утра. И все-таки за сутки не добежал до Калинина, одолел

только сто шестьдесят километров. Усталости он не чувствовал, мысль, что сегодня последний день приема в суворовское, подстегивала его всю дорогу, и тут, когда оставалось всего-то тридцать верст, полетел, несмотря на опасность быть схваченным. Скорее всего на таком расстоянии его никто не ждал и не ловил, и Герман благополучно добежал до областного города и тут заблудился, поскольку не ожидал, что он такой огромный и запутанный. Потеряв часа три драгоценного времени в лабиринтах улиц, он так и не сумел отыскать нужной и впервые за всю дорогу обратился за помощью. Какой-то мужик на остановке посадил его в троллейбус и назвал место, где сойти.

В пятом часу, когда в здании училища было пусто и гулко, Шабанов предстал перед дежурным офицером.

– Разрешите обратиться, товарищ лейтенант? – переводя дух, спросил он.

– Обращайся, – разрешил дежурный.

– Где приемная комиссия?

Тот внимательно осмотрел подростка, спросил фамилию и глянул на часы. «Сейчас скажет – опоздал, – подумал Герман. – Прием закончился».

– Прием закончился, – сообщил дежурный. – Ты зачислен вне конкурса личным приказом начальника училища. Занятия с первого сентября. Надо прибыть без опозданий коротко подстриженным и с комплектом учебников для девятого класса. Я буду твоим начальником курса. Ну, или классным руководителем, понял?

– Понял! Тогда я побежал домой! – сказал Герман и ломанулся в двери.

– Отставить! – рявкнул лейтенант. – В армии на все спрашивается разрешение старшего. Отработаем азы устава – подход к начальнику ты знаешь, отработаем отход. Должен сказать – «Разрешите идти, товарищ лейтенант?» Если разрешу – пойдешь. Ясно?

– Так точно! Разрешите идти, товарищ лейтенант?

– Отставить! Смотреть при этом нужно браво и весело! Тебе что, военные порядки не нравятся?

– Нравятся, товарищ лейтенант!

– Тогда смотри весело и браво!

– Разрешите идти, товарищ лейтенант?! – Герман вытаращил глаза и скривил улыбку.

– Не разрешаю! Размер головного убора, одежды и обуви?

– Не знаю…

– Почему не знаешь? Обязан знать! Кто тебе личные вещи покупает? Мама?

– Так точно!

– Ты что, маменькин сынок?

– Никак нет!

– А почему тогда тебя зачислили личным приказом начальника училища?

– Не знаю, товарищ лейтенант!

– Кто твой отец? Где работает? В обкоме?

– Никак нет, учителем труда и физкультуры.

– Почему тебя по всей области ищут, розыск объявили? Странный ты какой-то парень… На поезде приехал?

– Нет, бегом прибежал.

Дежурный что-то понял, однако не поверил.

– Двести километров и все бегом? За сутки?.. Ты что, чокнутый?

– Учиться хочу, товарищ лейтенант! А разнарядки нет и времени не оставалось, дрова колол…

– Потом я с тобой разберусь… Ну, иди сюда, мерку сниму!

Дежурный долго и бестолково обмерял его, потом придирчиво разглядывал документы, попутно объясняя положения устава, и наконец отпустил, окончательно обескураженный и невеселый.

В то время Шабанов был настолько счастлив, что не придавал значения назойливости офицеров – капитана из военкомата и дежурного по училищу. Все, что они делали, казалось правильным и не подвергалось сомнению, поскольку он вступал в совершенно иную жизнь и жаждал ее. А заряд выносливости и терпения был настолько велик, что он готов был вынести даже откровенные издевательства, относясь к ним с детской философией и непосредственностью. И лишь потом, спустя несколько месяцев, когда он всецело вкусил армейской жизни и навсегда распрощался с детством, пришло взрослое осмысление уставной жизни и понятия военной карьеры. Эти первые офицеры, с которыми свела судьба, были явными неудачниками, однако доставали мальчишек вовсе не из желания покуражиться или показать свою власть; они завидовали их будущему, точнее, даже *возможности* будущего, или *состоянию детства*, куда они уже никогда не могли вернуться, обремененные прожитым и не удавшейся службой. Они слишком рано натянули на себя одеяло взрослого мироощущения и неожиданно для себя не согрелись под ним, а задохнулись от недостатка вольного воздуха.

Тогда Шабанов прощал их от незнания предмета; потом – из детской жалости к судьбе обделенных, которым всегда хочется кинуть в шапку копеечку.

Домой он прибежал через двое суток, застал лишь сестру,

выпил кружку молока и рванул в лес, где мать с отцом готовили дрова. Ни слова не говоря, взял колун и принялся крушить чурки.

Мать в летние каникулы успокаивалась, от обыкновенной крестьянской работы у нее приходили в норму издерганные нервы, и она становилась необычно ласковой, сердобольной и чуткой. Поглядев, с какой веселой и звонкой силой отскакивают поленья, она все поняла и, улучив минуту, тихо порадовалась за сына.

– Как же тебе удалось, Германка?.. У нас из военкомата были, сначала ругались, потом сказали, как начальник училища узнал, что ты в Калинин побежал за двести верст – сразу зачислил. Этот парень, говорит, должен учиться! Десяток блатных выгоню – его возьму одного! Так уж радостно за тебя стало!.. Жалко отпускать из дому, но иди, коль сам все сделал. Только отцу ничего не говори, пока сам не спросит. Его тут по милициям затаскали, переживает сильно… Пойди, поешь. Там, правда, один хлеб остался, но это зайчик послал…

В тот день отец и словом не обмолвился, хряпал березы на землю, распускал на чурки и, выжав потную рубаху, жадно хватал ледяную, родниковую воду из ведра. В сторону сына даже глаз не поднял за весь день, и когда свечерело, сунул мотопилу в телегу, подождал, когда сядет мать, и понукнул школьного мерина. Герман остался в лесу и, едва телега скрылась, отшвырнул колун и повалился на кучу свежерасколотых дров. Березовый сок давно уже отшумел в древесине, однако сохранился его сладковатый, чистейший запах, который дразнил воображение и одновременно навевал безмятежный и такой же вкусный сон. И под корой, сорванной с поленьев, еще оставалась хоть и жестковатая, но еще сладкая кашица, которой, если сдирать зубами и глотать не жуя, можно насытиться, не просыпаясь.

Эти же дрова были чужими, хвойными, смолистыми, пахли ярко и сильно, не вызывая приятных ощущений, и долго спать на них становилось невозможно из-за излучаемых в воздух угарных, эфирных масел. Кружилась голова, во рту накапливался горький вкус сгоревшей взрывчатки и невыносимо хотелось пить. Шабанов не проснулся – скорее, очнулся и обнаружил, что лежит на спине, раскинув руки, словно распятье. Разодрав слипшиеся веки, попробовал осмотреться: вокруг был лес, просвеченный восходящим солнцем, с оттенком прошлогодней блеклой зелени мох на земле и огромная куча дров. Ворочать головой он не мог, под черепом перекатывался тяжелый, чугунный шар – повел глазами…

– Где я? – спросил вслух и не услышал своего голоса.

В какой-то момент почудилось, снова в детстве, на заготовке

дров, и можно закрыть глаза и поспать еще – отец все равно поднимет, когда надо.

«Как хорошо! – подумал он. – Всего лишь начало лета и впереди целая жизнь…»

Он и в самом деле расслабился, готовый уснуть, однако желая изменить положение, пошевелил руками и ощутил, что нет одной кисти. В левой, живой и целой, что-то было зажато, а вот правой не существовало…

– Это я отлежал руку! – в следующее мгновение обрадовался он. – Сейчас разомну, появится кровоток и все пройдет.

Однако в это время откуда-то взялся и вырос над ним военкоматовский капитан.

– О! Здорово были! – засмеялся он. – Ты чего здесь разлегся? Вставай, пошли! Труба зовет!

– Какая труба? – спросил Шабанов.

– Обыкновенная, боевая! Вставай!

Тут он вспомнил, что этот капитан давно умер, сгорел от вина. Лет десять кряду, начиная с суворовских времен, Герман приезжал в отпуск и приходил к нему становиться на временный учет, а эта тыловая крыса всякий раз над ним потешалась.

– А! Спринтер! Ну ты как, на поезде приехал или бегом прибежал? – И смеялся откровенно, нагло, при этом обращаясь к кому-либо из гражданских – шоферу или уборщице: – Вот этот пацан чуть ли не за сутки до Калинина добежал! Умора! Говорит, летать хочу, пустите в полет!

Шабанов дважды получал звания досрочно, можно сказать, на глазах рос, а капитан словно не замечал этого и продолжал над ним подсмеиваться, находя в этом развлечение. Герман стоически терпел, не в силах преодолеть некий «сыновий» комплекс: этот сельский, омужиченный офицер годился ему в отцы, и язык не поворачивался послать подальше, по физиономии врезать рука не поднималась – будто держал кто-то! Для него, наверное, Шабанов действительно на всю жизнь оставался пацаном, невзирая на воинские уставы и порядок, и ничего нельзя было с этим поделать. Мало того, этот капитан стал неким стимулятором роста: все время хотелось доказать ему свою состоятельность, и хоть вспоминался он редко, обычно перед отпуском, однако Герман с удовольствием отмечал, что едет домой с новым результатом, который наконец-то будет на родине оценен по достоинству.

Но не тут-то было! Ни капитан, ни отец не замечали его успехов, относясь ко всему с каким-то странным спокойствием. И вот когда в двадцать шесть Шабанов стал майором, поступил в академию и приехал в отпуск, готовый и за грудки взять, и

послать, внезапно узнал, что капитан уж год как служит в подземных войсках.

Теперь стоял, посмеивался и звал:

– Хватит валяться-то! Встать! К воротам шагом марш!

– Я где, капитан? – спросил Герман.

– Как где? Теперь на том свете! Все, отбегался, отлетался, парнишка! – засмеялся и, обращаясь к кому-то невидимому, добавил: – Этот пацан кольцо на «принцессе» рванул. Совершил героический подвиг, жизнью пожертвовал. Так куда прикажете отвести?

– Да пошел ты в звезду! – заорал на него Шабанов. – Отвечай, когда спрашивают! Что у меня с правой рукой?

– Оторвало! – с удовольствием сообщил тот. – Как ножиком отрезало!.. Рука – ладно, ты себе на грудь посмотри и на живот. Все разворотило…

– Почему?

– Кольцо дернул! А инструктор обманул, никаких тридцати секунд, взрывается мгновенно. Ты сейчас электроникой напичканный, как робот. Глянь, всякие диоды, триоды из брюха торчат. В «принцессе» же не было замедлителя!

– Ну, сука!..

– Теперь поздно ругаться. Пошли к воротам.

– К каким воротам?

– В рай! За геройский подвиг автоматом влетаешь в рай, понял? Только брось оружие.

– А ты теперь здесь служишь?

– Где ж еще? Вот такой молодняк, как ты, принимаю, развожу по командам, кого в какие ворота… Беда с вами! Одна морока!

– Блин, и на том свете меня достал! – Шабанов выматерился.

– Отставить разговоры! – гаркнул капитан. – Встать! К воротам шагом марш!

– Слушай, крыса тыловая! – Герман привстал. – Отстань, а? Я сейчас полежу, и все пройдет. Чувствую же, пока живой, только рука… И ухо болит.

– Ты покойник, Шабанов!

– Не хочу…

– Знаешь, брат, на том свете, как в армии, хочешь – не хочешь…

Герман потянул к себе левую руку и обнаружил в ней пистолет-пулемет «Бизон».

– Вот наконец-то я с тобой расквитаюсь! За все насмешки и оскорбления! На, держи!

Нажал спуск, однако из ствола вырвалась струя пара или дыма, отчего капитан засмеялся, повертел пальцем у виска и

преспокойно куда-то пошел: пространство вокруг было странное, нереальное – земли под ногами не существовало.

«Это же сон! – обрадовался Шабанов. – Так бывает только во сне».

Солнце пробивалось сквозь деревья и уже пригревало щеку, мир сквозь прикрытые веки виделся радужным, изломанным, и все-таки настоящим. Правда, гудело в голове, режущий, пронзительный скрип отдавался в ухе и палило лодыжки ног, однако эти болезненные ощущения становились подтверждением жизни. Разве что из сна пришло и утвердилось ощущение, будто нет кисти правой руки.

Он с трудом склонил голову вправо, тотчас услышал знакомый командный голос:

– Отставить! Когда начальник находится перед строем, смотреть только на него, вести глазами и не вертеть головой!

Это был курсовой офицер, тот самый дежурный лейтенант, встретивший его в училище.

И тоже мертвец…

Перед выпуском в училище проводилось боевое гранатометание, и по приказу начальника, подобного удовольствия удостоились лишь те, кому исполнилось восемнадцать. Их обрядили в шинели, несмотря на жаркое лето, и каски, чтобы упаси Бог не царапнуло осколком. Остальные стояли в строю на боевом рубеже и смотрели. Лейтенант вызывал совершеннолетних, вел в окоп для стрельбы стоя, давал наступательную гранату РГД с ввинченным запалом и командовал:

– Взял в правую руку! Зажал скобу! Левой разогнул усики, выдернул чеку! Теперь бросок как можно дальше!

Все шло как по маслу, пока на боевой рубеж не вышел кадет Олег Жуков – тот самый, с которым они вместе учились в Саратовском летном и который теперь, списанный на землю, сидел на КП выпускающим. Олег сделал все, как положено, разогнул усики, выдернул кольцо, а поскольку был левша, то начал перекладывать гранату из правой в левую руку. Скоба отскочила сразу, из запала вырвался дым загоревшегося замедлителя, и кадет, несмотря на это, успел бы метнуть, но слегка запутался в длинных рукавах шинели. Лейтенант не выдержал, ударил его по руке, вышиб гранату и стал запихивать Олега в окоп. Запихал, и сам вроде спрятался, но рвануло на гребне бруствера, осколок величиной с копейку залетел лейтенанту под срез каски и попал точно в висок. Ничего не сообразивший, шокированный и придавленный сверху кадет не вылезал из окопа, пока в небо не взлетела тревожная красная

ракета и не прибежали офицеры…

Теперь курсовой стоял над ним в надменной позе и читал мораль.

– Я что сказал? Выдернуть кольцо и метнуть как можно дальше! А ты что сделал?

– Это же не я тебя взорвал – товарищ Жуков! – будто бы оправдывался Шабанов. – Мне тогда не было восемнадцати, и я стоял в строю!

– Но сейчас ты сам подорвешься, пацан! – заорал лейтенант. – Кольцо дернул, и время пошло! Я что, так и буду накрывать вас своим телом, оглоеды?! Бросай!

Шабанов двинул правой рукой, однако броска не получилось. Тогда курсовой навалился на него, прижал руку.

– Не шевелись! Сейчас вставлю назад чеку…

– Это невозможно, – сказал Герман, – как невозможно остановить нож гильотины. «Принцесса» – не граната РГД!

– Здесь все возможно, – проворчал лейтенант, – руку привяжу, чтоб случайно не дернул…

И стал ее прикручивать чем-то тягучим и липким. Шабанов терпеливо выждал и попросил:

– Ты бы меня разбудил, лейтенант… Это же все снится, правда?

– Ну, вставай! – Он засмеялся и пошел. – Если не хочешь на тот свет!

Герман еще раз продрал глаза – утро, солнце встает за частоколом леса, на хуторе затопили летнюю печь…

Вдруг увидел, что в левой руке пистолет со снятым предохранителем, а правая все еще находится в НАЗе и не вытаскивается оттуда, словно прикованная. Пальцы утратили чувствительность, и вообще, было такое ощущение, будто кисть оторвало…

Приоткрыв мешок, он внезапно обнаружил «принцессу», целую и невредимую!

Мало того, рука оказалась накрепко примотанной, прикрученной к прибору резиновым жгутом, вероятно, с той целью, чтобы случайно, во сне, не вырвать кольцо из гнезда.

Он не помнил, сам ли привязал ее, или кто-то на самом деле помог, ибо в то мгновение ощущал себя вне времени и пространства, и еще не верил, выпутался ли из этого каскада сновидений. Шабанов достал отекшую, посиневшую руку с «принцессой», положил на колени: прикручено толково, и кончик жгута завернут петлей – потяни, и сразу развяжется…

Одной, да еще левой рукой такого не сделать. Значит, все еще продолжается сон…

– Сейчас проверим! – громко сказал он и, подняв пистолет, прицелился в дерево.

Своего голоса он по-прежнему не слышал, однако резкий хлопок выстрела словно пробку в ухе пробил, и отдача была чувствительной, реально запахло сгоревшим порохом.

Пуля вошла в древесину, оставив на светлой коре черный зрачок, откуда выкатилась мутная слеза сока…

Нет, не сон! На выстрел примчался с хутора пес, тявкнул пару раз, обнюхал все вокруг и, не обнаружив причины тревоги, также быстро удалился. Шабанов потянул конец жгута и стал осторожно высвобождать руку. Кольцо по прежнему было на безымянном пальце, и чека в виде спирального, проволочного ободка стояла на месте, внутри разъема.

Разогнать кровь в одеревеневшей кисти оказалось непросто, и еще труднее – освободиться от кольца, врезавшегося в распухший, как сосиска, безымянный палец. Зажав «принцессу» между ног, Герман принялся растирать его и в этот миг заметил среди поленьев что-то зеленое. Он уже знал, что это, но не верил глазам. А точнее, не хотел вновь погружаться в болезненную, нескончаемую череду сновидений.

Однако кружка из-под парного молока оказалась реальной, как запах выстрела: на стенках осталась и теперь чуть сгустилась и подсохла белая пенка…

– Ганя, Агнесса, – вслух произнес он, мгновенно вспомнив самый первый сон, и тотчас принял решение: бежать!

Так и не приведя обескровленную руку в чувство, Шабанов поднял жгут и стал привязывать ее к «принцессе» – иначе не унести, не держат пальцы. Дважды обернув прибор и кисть, он натянул резину и попытался завернуть такую же петлю, как была, – ничего не получалось! Жгут или проскальзывал и тут же расслаблялся, или натягивался так, что даже пальца не просунуть. Тогда он склонился и зубами принялся вязать обыкновенный узел.

А когда оторвался от этого занятия и поднял голову, обнаружил, что перед ним стоит раскосая девочка с хутора и держит в руках деревянный поднос с кружкой молока и горбушкой хлеба…

4

Она улыбалась, показывая крупные, выпирающие зубы – эдакий китайский болванчик, готовый все время кланяться.

– Спасибо! – с откровенной радостью сказал Шабанов. – Ты самая лучшая девочка на свете! Тебя как зовут?

Хуторянка не отвечала и все улыбалась, рассматривая Германа с детским любопытством, как если бы перед ней сейчас сидел какой-нибудь диковинный, приручeнный и все-таки еще опасный зверь. Пришедший вместе с ней чау-чау стоял у ног хозяйки и тоже молчал.

– А, ты не понимаешь по-русски! – Шабанов отхлебнул молока, потом откусил хлеба – есть одной рукой было неловко, постучал себя в грудь. – Герман! Герман! А ты?

Девочка натянула губы на зубы, что-то произнесла, и Шабанов понял, что разговора не получится: в ушах беспрерывно дребезжало и слух воспринимал лишь громкие звуки – лай собаки, выстрел…

– Я плохо слышу! – объяснил он. – Говори громче!

Она продолжала улыбаться – не понимала! Тогда он указал на нее пальцем.

– Ганя? Агнесса?

И сам тут же подумал: какая Ганя, если она похожа на китаянку? Скорее, будет что-нибудь вроде Синь, Ман, Чан… Доедая хлеб с молоком, Герман догадался тоже угостить ее и, достав из «малямбы» шоколадку, протянул хуторянке:

– Это тебе! Возьми!

Из-за этой постоянной улыбки было не понять, обрадовалась она или нет, однако взяла шоколад, посмотрела на обертку и спрятала в карман коротковатой вязаной кофты. Шабанов допил молоко, поставил кружку и поклонился:

– Очень вкусно, спасибо!

Девочка подхватила поднос, улыбнулась еще шире и пошла, оглядываясь на Германа, и в это время ему на глаза попала зеленая, эмалированная кружка.

– Эй! Эй, погоди! – закричал он. – Возьми, забыла! На!

Хуторянка замедлила шаг и вдруг отрицательно помотала головой – не хотела брать.

– Как же? Твоя кружка! Вчера оставила!..

Она показала свою, алюминиевую, в которой приносила молоко, и засеменила дальше. Шабанов остался сидеть с пустой кружкой в руках, вновь обескураженный и возвращенный в нереальные события сна. И тут же пожалел, что не подумал о

последствиях, сделал ответный добрый жест – подарил шоколадку: если охота за «принцессой» продолжается, то обертка может стать доказательством, что он ночевал тут, возле хутора.

«Бежать!» Он влез в лямки «малямбы», стянул их на груди поперечным ремнем и засунул под него руку с прибором. Злополучная, материализовавшаяся из сна кружка оставалась на поленнице и могла бы пригодиться воды зачерпнуть или даже вскипятить чай, но взять ее – в тот миг значило признать сон за реальность. А это уже чревато! Будет все время напоминать о болезненном состоянии, и не заметишь, как съедет крыша…

Мысль оставить сухопутье и бежать по реке созрела внезапно: надо экономить силы и таблетки «Виры», еще не известно, каково расстояние впереди и какие будут ситуации. Да и с допингом вчера переборщил, оттого и мучили всю ночь сны-галлюцинации… Лодок у хуторян был явный избыток – две дюралевых на воде и две деревянных на берегу, но ни одного весла! Поглядывая на высокий угор, он по-воровски обследовал все лодки, нашел подходящую доску и, когда спустился к воде, обнаружил тонкий кабель, сопряженный с тросиком и подвешенный на колышках. Он тянулся к хутору, и было впечатление, что местные робинзоны получают электричество непосредственно из воды: ни плотины, ни какого-нибудь сооружения! Просто другой конец кабеля уходил в стремительную реку и вибрировал от напряжения струй. Если там, на дне, погружная электростанция с гидротурбинным генератором, то это слишком шикарно для небогатых крестьянствующих хуторян…

Шабанов отвязал лодку и едва успел запрыгнуть, настолько сильным было течение. И загрохотал ботинками по гулкому дюралю, так что сам услышал и присел, спрятавшись за борта. Сейчас же на уторе появился чау-чау, однако не залаял – проводил угоняемую лодку настороженными ушами и преспокойно исчез в прошлогодней траве. Буквально через минуту хутор скрылся за лесом, и Герман, не просто обвенчанный – повязанный с «принцессой», кое-как, одной рукой стал прилаживать доску на корме. Здесь оказался страховочный трос для мотора, а в доске – дыра от выпавшего сучка. Привязав таким образом импровизированный руль, он попробовал подбить лодку к берегу, но неповоротливая дюралька лишь вертелась на месте и неслась по воле струй. Чтобы управлять ею, требовались две руки! А лучше три, если впереди окажется порог или теснина…

И покуда река не обещала подобных сюрпризов, он снова зажал коленями прибор, отвязал руку и, смачивая водой, стал растирать кисть. Через несколько минут побежали колкие

мурашки, затем толчками покатилась ноющая боль и рука медленно ожила. За исключением безымянного пальца, которому уже не помогала ни холодная вода, ни массаж. Почерневший, он еще шевелился, сухожилия работали, но в сосудах, кажется, загустела или вовсе свернулась кровь. Тогда он достал нож и, глубоко проколов подушечку (резал хладнокровно, как чужой), принялся «доить» палец, словно коровий сосок. Сначала на «принцессу» потекла желтоватая сукровица, после чего, словно паста из тюбика, полезли черные сгустки крови.

– Ты самая подлая баба, а не принцесса! – довольно выругался Шабанов, предчувствуя успех. – Ты женщина-вамп! Ну, на, на. Пей мою кровь!

Река между тем вырвалась из гористых берегов в неширокую, ящикообразную долину, замедлила бег и пошла гулять от борта к борту, делая крутые, иногда под прямым углом, повороты. Лодку бросало между берегами, порой под днищем грохотали камни, и все-таки это был самый безопасный участок. Герман успевал посматривать по сторонам и доил, тер, мял палец, пока не хлынула свежая, яркая кровь. Хоть и с трудом, но кольцо начало шевелиться, и он наконец-то перевернул руку ладонью вверх. И тут вспомнил, как однажды сестра насадила на мизинец самодельное кольцо из ружейной гильзы и никто не мог снять – отец даже пилить пробовал. Однако пришла ведунья, бабушка Шабаниха, намылила под умывальником пальчик, что-то пошептала, поплевала, и все разрешилось само собой.

Мыла в НАЗе не оказалось – для выживания пилота в экстремальных условиях оно не требовалось, зато, обшаривая лодку, Шабанов отыскал в носовом отсеке банку с остатками моторного масла. Полив на палец, он растер, размылил его пополам с кровью и без всяких нашептываний, без особого напряжения высвободил руку.

– Все, подруга! Развод с тобой! – заправил кольцо в разъем и засунул «принцессу» в мешок. – Чтоб я еще раз!.. С тобой, заразой!.. Связал судьбу!..

Герман встал, помахал, потряс вольными руками, после чего отмыл кровь и масло, протер йодом и завязал рану на пальце. Долина расширилась еще больше, горы отступили вглубь, и река, вырвавшись из-за очередного поворота, вдруг покатилась прямо и, замедляя бег, превратилась в озеро. Сверкающая, золотистая от солнца вода простиралась на много километров вокруг, и гористые берега настолько отдалились, что заметить лодку на зарябленной, бликующей поверхности нельзя было, пожалуй, и в бинокль. Сама природа делала его призраком, пловцом-невидимкой без всяких электронных принцесс.

Озеро оказалось проточным, и хоть медленно, едва заметно, однако же его несло вперед; появилось наконец время спокойно поискать на карте эту реку и сориентироваться хотя бы приблизительно. Шабанов развернул планшет, пробежал глазами путь от Пикулино и ощутил, что клонит в сон. Прошлая кошмарная ночь вымотала его и принесла не отдых – назадавала кучу вопросов, над которыми даже думать было опасно. Тут же, освобожденный от брачных уз с хваткой барышней, согретый солнцем и почти умиротворенный, Герман почувствовал, как тает в голове все время саднящая боль и вроде бы возвращается слух: кажется, до ушей долетает плеск мелких волн о борта лодки…

Он лег на дно, положив под голову НАЗ, выставил больное ухо к солнцу, чтоб погреть, примостил пистолет под руку и закрыл глаза. И на сей раз уснул, как младенец, не помешала и назойливая зудящая боль. Одновременно сон этот был легким и чутким, потому что он почувствовал, как солнце поднялось в зенит и озеро вроде бы стало еще шире и потому спокойнее несло лодку по фарватеру между далеких гористых берегов; и еще он отмечал полное отсутствие какой-либо опасности. Лишь однажды, когда на чистом, без единого облачка, небе солнце склонилось к закату, некая тень будто бы оторвалась от воды, на секунду затмила его и ледяной ветерок ознобил разогретое, разгоряченное в комбинезоне тело. Шабанов запоздало открыл глаза и привстал – над головой кружились чайки…

Однако вновь укладывая гудящую голову, вдруг обнаружил груз на правой руке и, приподнявшись, сперва решил, что чудится или снится: кольцо вновь было на безымянном пальце, а сама «принцесса» привязана жгутом к руке. Аккуратно, с петлей, как утром…

Герман подтянул ее к себе, ощупал, заметил, что бинта на отекшем пальце нет, и выматерился вслух. Он отчетливо помнил, как прокалывал подушечку, затем снимал кольцо с помощью моторного масла, и это все происходило без допинга, в трезвом уме и ощущении реальности. Раны теперь на пальце не было, а зловредный прибор снова висел на руке, а это значит, освобождение от уз брака с «принцессой» ему пригрезилось. Вывод был простой, как карандаш: разум пустился в свободный полет и творил все, что заблагорассудится, и удержать его, проконтролировать невозможно, ибо слишком тонка грань между фантазиями и реальностью.

И тут впервые у него промелькнула мысль, вернее, смутная и пока ничем не подтвержденная догадка – а не в самой ли «принцессе» причина? Что, если эта тварь, даже оторванная от самолета и питания, продолжает излучать некую таинственную

энергию, которая сводит с ума не только локаторы, компьютеры и головки ракет, но и людей? Не было никогда прежде подобных безумных заморочек сознания! Что, если это изделие напичкано какой-нибудь постоянно излучаемой гадостью, способной рождать в сознании человека призраки, виртуальную реальность или хрен знает какие фантазии? Обманывает же она каким-то образом локаторы, создает у них иллюзии! Точно так же может и на мозги давить: в конце концов, там тоже все на электронах, как утверждают медики…

Он почти убедился в своем открытии и готов был рвануть кольцо, чтобы навсегда избавиться от проклятия, но внезапно увидел на развернутом планшете кусок мыла в простенькой бумажной обертке. То, что оно земляничное, можно было и не читать: с детства знакомое и любимое, это мыло тянуло за собой ностальгические воспоминания и в быту называлось просто духовым, поскольку имело тончайший, обволакивающий запах счастья: когда отец водил маленького Герку в баню, то мыл ему голову сначала щелоком, потом хозяйственным мылом, нещадно выедающим глаза, и, наконец, на десерт и радость – земляничным. И голова, и тело еще долго источали ни с чем не сравнимый дух…

Кусок такого мыла лежал сейчас на планшете и был не призраком. А коль скоро он появился здесь, значит все происходящее – плод воображения… Шабанов взял упаковку в руку, понюхал, сорвав зубами бумагу, выдавил розовый, душистый брусок – ну хоть ты лопни, все реально! Все, кроме загадки, как и кто его сюда подбросил. Он огляделся: блики на воде покраснели от низкого солнца, но озеро еще широко и по-прежнему пустынно…

– Да и наплевать, кто подбросил! – чтоб не впадать в томящие, липкие раздумья, сказал он. – Главное, ясно зачем!

Герман побулькал мыло за бортом, хорошенько растер его в ладони и принялся намыливать закольцованный палец, с удовольствием вдыхая щемящий запах. Разбарабанило палец не так сильно, как утром, и вообще он лишь покраснел и даже не утратил чувствительности, так что на сей раз обошлось без крови. Важно было не думать, отчего все это так и в каком он состоянии находится – спит и видит сон, или на самом деле снова повенчался с «принцессой». Выкрутив палец из кольца, Шабанов сполоснул с рук остатки мыла и все-таки не удержался от искушения, осмотрел подушечку: свежайший рубец от заросшей ранки перечеркивал ее наискось.

«Ну и что? – спросил сам себя. – Заросло да и все! Ну, заросло! Вообще, мир прекрасен, садится солнце, теплый вечер.

Лодка по морю плывет, прорва чистой воды… Голову бы помыть с духовым мылом, но ухо болит. А вот поесть будет совсем хорошо!»

При этом он поймал себя на мысли что говорит сам с собой, да еще и голоса не слышит, если не считать внутреннего, который, словно головная боль, зудит где-то под теменем, противится, подвергает сомнению все, что происходит, но у него такая участь – брюзжать. Чукчи, например, плывут вот так, на лодке, или на собаках едут и поют обо всем, что видят – их же не считают за умалишенных. Наоборот, вольные, счастливые люди…

Шабанов вскрыл НАЗ, вынул банку с мясом, хлебец (за счет чудес и местных жителей, между прочим, получилась неплохая экономия продуктов!) и стал неторопливо есть, жалея, что утром поддался голосу разума и не прихватил кружку – сейчас бы сгодилась, а то нечем воды зачерпнуть. И вообще, человек, взрослея, начинает задавать себе больше вопросов, чем в детстве задает их родителям. Самое интересное, в редких случаях может на них ответить, а больше ломает голову, мучается и в результате умирает с полным ощущением, что ничего не знает о мире. Зато ребенок знает о нем все, и в принципе ответы взрослых лишь запутывают его, сбивают с толку. Например, Шабанов лет до семи отлично знал, что такое подъемная сила, аэродинамика и теория полета. Иное дело, объяснить не мог, но знал! Стоит посмотреть, как летают птицы, как они отрываются от земли, набирают скорость, выстраиваются в клин или косяк и как затем приземляются или приводняются, и все становится предельно ясно. На практике он познал все эти законы, когда засунул ноги в рукава материнского тулупчика, много лет бывшего подстилкой на полатях, зажал полы в руках и сначала сиганул с печи. Полетать по избе не удалось, не хватило высоты, да и взмахнуть успел один раз. Тогда он забрался на крышу, на самый конек, сгреб с него снег, разогнался и прыгнул. И еще не успел долететь до земли, а уже все понял и готов был закричать – эврика! – если бы тогда знал это слово. Дело было не столько в крыльях, сколько в свойствах воздуха и земном тяготении, вернее, в возможностях преодолевать его, используя качества воздушной среды. Однако спустя несколько лет, изобретая первый летательный аппарат, он влез в специальную литературу и не просто оказался в глубочайшем заблуждении, но и напрочь забыл то, о чем имел представление.

Окончательно отупел и потерялся в теории полета – уже когда учился в военном летном…

После неспешного ужина Шабанов вновь спрятал «принцессу» в мешок и, закупоривая его, ощутил, как внутренний и внешний

голоса впервые заговорили в нем в унисон.

– Даже если в лодке кто-то был, – согласился он с благостными мыслями. – То был скорее друг, чем враг. Похулиганил из озорства, оставил мыло и смылся. Иначе бы не стал совать палец в кольцо и приматывать прибор к руке, спер бы – и привет. Коль его не интересует сверхсекретная «принцесса», значит, он либо по наивности не догадывается, что это, либо ему не нужны тайны оборонки. А таким другом может быть один ангел-хранитель!

Он не слышал себя со стороны, и потому логика казалась железной и расставляла все по местам. По крайней мере, лишала необходимости задавать себе вопросы и ломать голову над тем, что нельзя объяснить. Между тем Герман заметил впереди полоску низкого берега, в последних косых лучах земля четко проглядывала с трех сторон, и лодка побежала скорее. У него не было никакого желания ночевать на суше, относительно беззаботное и безопасное плавание прельщало больше, и было все равно, куда его несет. Кроме того, он скоро заметил столб дыма, который в полном безветрии показался высоким и угрожающим: возможно, там просто остановились рыбаки и теперь жгли костер и варили уху, но не исключено, что какие-то люди ждали его, Шабанова, и продолжалась охота за «принцессой». Осторожно подбивая доской на корме, он стремился увести лодку левее от дыма, но странное дело, красноватый от зари столб тоже передвигался по берегу и оказывался на курсе.

Тогда он бросил руль, взял пистолет и залег у носа, прячась за бортом. Коль на озере было течение, значит, из него начиналась река, вернее, продолжалась, но он никак не мог разглядеть ее истока. Тем более солнце ушло за дальние горы, и над водой сразу же стемнело, и совсем неестественно засветился дымный столб, роняя на землю зеленоватые неоновые отблески. И лишь приблизившись к берегу метров на сто, Герман понял, что это не костер, а некое явление, очень похожее на действующий мини-вулкан, когда раскаленная лава в жерле подсвечивает взлетающий в небо серебристо-серый пепел. Лодка вот-вот уж должна была ткнуться в чернеющие над водой камни, и он ждал удара, по-матросски расставив ноги, однако «вулкан» внезапно угас, словно его выключили, и в глазах осталось пятно, на какой-то момент ослепившее Шабанова. Тотчас днище скрежетнуло по мелководью, нос клюнул вниз, задралась корма и дюралька понеслась куда-то с горы. За бортами клокотал и бился пенный поток, вода заплескивалась в лодку, и в первые мгновения было не понять, куда попал и что впереди. На ощупь он схватил НАЗ, закинул за плечи и наконец-то проморгался: белесая бурная река

с грохотом катилась под уклон, и сорванные со дна валуны прыгали черными мячами. И хорошо, что русло было прямым, иначе любой, незначительный поворот, и лодку бы расплющило о скальные берега; каким-то чудом она летела носом вперед, взрезая буруны, сотрясаясь и прыгая, словно на трамплинах. Шабанов бросился на корму, схватился за импровизированный руль, однако сразу стала ясна полная бесполезность такого кормила. Тяжелый, совершенно неуправляемый утюг несся в полной власти потока, и оставалось лишь смотреть вперед, молясь, чтоб не оказалось водопада.

Опыта сплава по горным рекам у Германа не было никакого – в Тверской области речки равнинные, тихие, в детстве не пришлось, а потом началась служба. Единственное, чем он владел отлично и что сейчас спасало (или могло спасти!) – мгновенная реакция на изменение обстановки и способность быстро принимать решения. Сплав по этой гремучей реке чем-то отдаленно напоминал попадание легкого, спортивного самолета в турбулентные потоки воздуха, возникающие в грозовой зоне, но там можно прыгнуть, есть парашют; тут же прыгать некуда, лодка заменяла сразу все – средство передвижения и спасения. Так что решение есть одно: удержаться в дюралевой жестянке и не попасть в шаровую мельницу фарватера с валунами.

Не вечно же будет нестись с горы эта река, не в преисподнюю бежит!

Время и расстояние перестали существовать как отдельные величины, все обратилось в этот поток, существующий по своим жестким законам, где Шабанов играл роль случайного пассажира, не более. Однако когда впереди возник огромный камень, стоящий посередине реки и разрезающий ее надвое, и когда он увидел, что нос лодки летит точно на плоский каменный форштевень, более инстинктивно Герман прыгнул к правому борту, сделал резкий крен и в тот же миг отскочил на корму, загрузив ее, чтоб приподнялся нос. Этот неповоротливый утюг вдруг шустро скользнул в правый рукав потока и плавно вычертил дугу, огибая камень. А сразу же за ним отвесные берега вскинулись вверх, выросли, и река превратилась в каньон с мощным, однако глубоким и замедляющим бег потоком. Боковым зрением Шабанов засек некое движение на вершине камня, но обстановка тут же изменилась, и все, что оставалось позади, становилось не важным.

Все это напоминало первый полет на учебно-тренировочной спарке, еще в суворовские времена, когда обкатывали всех, кто изъявил желание идти в летное. На кадетов навешивали парашют, сажали в заднюю кабину, пристегивали, и пилот-

инструктор неторопко, с ленцой поднимал самолет метров на восемьсот, давая полюбоваться на землю, после чего без всяких предупреждений валил его в вертикальный штопор и, выходя в горизонтальный полет, спрашивал по СПУ:

– Еще прокатимся или на посадку?

И когда слышал в ответ, что кадеты желают прокатиться, будто с цепи срывался и целых полчаса вертел фигуры высшего пилотажа, но уже с объяснениями, что и за чем следует, при этом заставлял отвечать или прочесть детский стишок.

А сразу же после приземления, словно доктор, смотрел в глаза и ставил соответствующий диагноз…

Бегущий по каньону поток все больше приобретал аэродинамические свойства, ибо мало чем отличался от воздуха при скорости в полторы тысячи километров в час, так что, изменяя положение днища лодки, как плоскости, можно было вполне управлять ею без руля и ветрил. Едва Шабанов освоился и обвыкся в ипостаси мореплавателя, как заметил впереди сначала три пятнистых, странных предмета, висящих точно по курсу лодки и в метре над водой, и не разглядел – угадал людей в камуфляже, сидящих на тросе, натянутом поперек реки, будто куры-пеструшки на насесте. И секундой позже понял, что оранжевые воротники у них – надувные спасательные круги!

Они засекли лодку, двое изготовились прыгать, третий остался на месте, вывернув из-за спины оружие. Герман ударил очередью не размышляя, поскольку расстояние до них сокращалось стремительно. Один сразу же оторвался и канул в воду вместе с воротником, второй неожиданно и ловко сделал подъем переворотом, словно на перекладине, ушел от следующей очереди и тотчас же прыгнул в лодку.

Шабанов бил в упор и от живота. Десантник по инерции чуть не вышиб его из лодки и улетел через корму в воду. А третий, оставшийся на своем насесте, долбанул из подствольника и, сорвавшись с троса, повис на страховке, бороздя ногами поток. Граната легла справа, взбила бурун и через мгновение, уже за кормой, со дна реки вылетел белый пузырь и, лопнув, выпустил облако дыма.

Все, что позади – не важно!

Он закинул руку за спину, отыскал в НАЗе и, будто стрелу из колчана, выхватил запасной магазин – этот опустел как-то уж очень скоро. В запале Герман не отметил мига, не прочувствовал, что первый раз в жизни стрелял в людей, и все прошлые заморочки относительно комплекса молодого бойца пролетели бы мимо, не оглянись он назад.

Убитый им десантник пристроился за кормой и плыл не

отставая, касаясь самодельного руля спасательным кругом на шее. Девятимиллиметровая пуля снесла ему череп, и над оранжевым воротником торчала лишь часть лица с носом и ртом. Стараясь не смотреть, Шабанов двинул его доской в сторону, однако мертвец тут же вернулся в кильватер, словно привязанный.

– Сгинь, паскуда! – Он вскинул пистолет и продырявил круг. Оранжевое пятно медленно ушло под воду.

Слишком пристальное внимание, тому, что оставалось позади, в один миг было наказано: следующий трос едва самому не сдернул голову, и, уходя от него, Шабанов упал навзничь. И не услышал – почувствовал, как по лодке скребет металл и рогатая альпинистская кошка, свалившись с носовой площадки, захватывает деревянное сиденье, а вторая ползет по борту и ищет, за что бы зацепиться. Он сделал рывок вперед, но пули забарабанили по корпусу, дырявя его от носа до кормы. Лодку вмиг развернуло, кошка слетела со скамейки, но тут же плотно заякорилась на носовом багажнике, и ставшая послушной посудина забилась на крюках, словно пойманная рыбина. А по тросу, стремительно перебирая его руками, сразу с двух сторон скользили такие же камуфлированные с воротниками на шеях. Их кто-то прикрывал с берегов, на глазах превращая дюральку в дуршлаг и не давая Герману подняться, потому он видел лишь руки в черных перчатках, хватающих трос. Очередь из пистолета улетела впустую, стрелять прицельно не давала бьющаяся на привязи лодка, и тогда Шабанов разрядил весь «магазин» по кошке и дюралевой переборке.

Он не видел, что произошло, ибо уже смотрел вперед; лодка сорвалась с крюков и полузатопленная, отяжелевшая, слившаяся с потоком понеслась вперед кормой. С берегов еще долбили по ней длинными очередями, взбивая воду внутри и за бортом, но было ясно – прорвался! Он перезарядил «Бизона» и на четвереньках не пошел – поплыл в носовую, вздыбленную часть, поскольку один из «канатоходцев» выпустил трос и поплыл за лодкой, быстро сокращая расстояние. В сумерках виден был лишь спасательный воротник, и по нему, как по мишени, поражаясь своей хладнокровности, Герман трижды выстрелил одиночными. Круг будто бы растворился в воде, но струи, опрокинув мертвого противника, через секунду вытолкнули его кверху задницей и понесли за лодкой.

Насквозь мокрый и тяжелый, Шабанов попытался забраться на вспоротую пулями и кошкой носовую площадку и лишь сейчас почувствовал боль в ногах, причем одинаковую – в икроножных мышцах, и поскольку не увидел ни пробоин, ни крови, тут же

забыл о ней: река становилась тише, и можно было ждать новых сюрпризов каждое мгновение. Между тем лодку медленно развернуло вздыбленным и более плавучим носом вперед, а стенки каньона довольно резко расширились и значительно посветлело: вот где у них основная засада!

Но странное дело, ни над водой, ни на берегах никого не видно, разве что темный валун мертвеца все еще мелькает за лодкой в мелких, кипящих волнах…

Не смотреть назад!

После мощного, бетонно-твердого потока, зажатого в скалах, река здесь размякла, разлилась и напоминала омут, стоячий пруд – берега почти не двигались, и, выждав три долгих, настороженных минуты, Шабанов забрел в корму и шевельнул доской: может, удастся прибиться к берегу. И в этот момент заметил очертания лодки на воде, прямо по курсу…

Нет, не простой лодки! По мере того как затопленную дюральку подносило ближе, Герман все отчетливее видел белую морскую шлюпку с высокими дощатыми бортами, выгнутыми широко и плавно, чтобы держать крутую волну. Она стояла на месте, будто на якоре, на три четверти повернутая к нему бортом и – удивительно! – почти не касалась воды; скорее, парила над ней, словно была вырезана из одного куска легчайшего пенопласта. Шабанов ждал засады, и потому подплывал с пистолетом на изготовку, прячась за вскинувшимся носом лодки: в любое мгновение из-за бортов этой необычной для горных рек шлюпки могли выскочить пятнистые перехватчики. Однако расстояние сокращалось, и вместе с ним рассеивались тревога и настороженность; он чувствовал, что в странном суденышке никого нет. И будто в доказательство этому, оно неспешно развернулось носом вперед и медленно тронулось с места, на короткий миг показав пустое и тоже белое нутро. А в следующую секунду корма шлюпки задралась вверх, и Герман понял, что стояла она у верхнего бьефа гремящего, пенного порога, и что начинается новый, головокружительный и смертельный спуск. Дюралька сейчас же клюнула носом, сваливаясь в кипящий на камнях поток, и будто зажиревшая, тяжелая гусыня, понеслась следом за легкой и призрачной белой шлюпкой.

Шабанов сел на переднее сиденье, почти затопленное водой, и превратился в зрителя. Он вдруг понял, что все происходящее – сумасшедший сплав по бурной реке, засады, перестрелки и эта белая, «лоцманская» лодка – его бред, очередная фантазия воспаленного и, возможно, больного сознания. Смотреть на все это можно было точно так же, как смотришь страшный фильм по

телевизору, лежа на диване в полной уверенности, что с тобой ничего не случится, ибо все страсти отделены от тебя толстым стеклом экрана.

И ведь не глотал «Виру», не колол промедол, чтобы так разыгралось воображение! Значит, причина не в допингах, а в нем самом, в его мозге, где происходят неуправляемые процессы. Вероятно, причиной стало ушное кровотечение после катапультирования и последующая простуда, когда ночевал на хребте с названием Данграл. В ухе образовалась пробка, кровь нашла проход в черепную коробку, заполнила пустоты и сейчас разлагается, гниет, вырабатывая некий галлюциноген. Воспаление попросту перекинулось к головному мозгу, в тот его отдел, который отвечает за сознание, и воспалило кору.

Нет, он не сошел с ума, есть еще способность к трезвому осмыслению обстановки, к анализу, не утратилось чувственное восприятие (а может, и усилилось!). Должно быть, возбудились центры фантазии или мечты, и теперь он зримо и осязаемо видит то, чего нет на свете, но к чему он когда-то стремился. Хотелось ему встретить необыкновенную, таинственную женщину, и в обстоятельствах необыденных, – она явилась, принесла пищу детства, горячий хлеб с молоком и назвалась именем редкостным – Агнесса. Мечтал он с детства попасть на войну, будоражил себя выдумками, как сражается с врагами – пожалуйста, не только увидел их воочию, но и настрелялся. Боялся при этом убить человека – вон он, мертвец, так и плывет за кормой, словно наказание…

А впереди – белая морская лодка! Грезил же одно время морскими путешествиями и приключениями, даже кораблики строил, пока не перетянуло небо и пока не пришло в голову сконструировать летательный аппарат – махолет.

Немного обождать, так в следующей серии этого бесплатного кино и он появится, крылатый, с чугунным колесом!..

Шабанов думал так и одновременно как бы участвовал в действии, разыгравшемся в его воображении. Шлюпка легко держалась в пенной круговерти потока, однако вполне реально прыгала по бурунам и, рыская носом, искала глубокие сливы между камнями в порогах; за ней в кильватере, грохоча днищем, с неповоротливостью и тупостью плавучего танка, двигалась дюралька, но при этом чудесно и волшебно огибала все препятствия и уходила от опасных скалистых стен береговых прижимов – все как в кино. Потому Герман ничуть не сомневался, что головоломный этот спуск непременно закончится благополучно и в конце наши победят. Сколько он продолжался по времени и расстоянию, тоже было все равно, однако, будучи

активным зрителем речного слалома, Шабанов с трепетным внутренним чувством отмечал, что ему невероятно интересно, что не повторяется ни одна деталь этого потрясающего путешествия. В запасе воспаленного воображения имелись миллиарды вариантов ситуаций, положений и состояний!

И вот это единственное вызывало в нем сомнение или, точнее, внутреннее несогласие: больной бред обыкновенно был навязчивым, плоским и примитивным…

Гонка за недосягаемым лидером закончилась так же внезапно, как и началась. Шлюпка вылетела из порогов на кипящий спокойный разлив и поплыла вперед, не снижая скорости, а дюралевый утюг, выплюнутый пенным потоком, сразу же за нижним бьефом притонул еще сильнее, потерял поступательное движение и медленно потянул к берегу. Шабанов вскочил, словно недовольный, обманутый зритель, однако поправить положение не смог: белая лодка скользила по омуту еще с минуту, прежде чем скрылась в темноте. И в это же время днище шаркнуло по гальке береговой отмели.

Кино закончилось, и включился свет в виде огромной луны, поднявшейся над заречной горой.

Герман выскочил из дюральки, взбежал на горку и чуть не упал; он стоял на неколебимой суше, но вестибулярный аппарат еще не освоился с новым положением, продолжало качать и трясти, словно в порогах. Тогда он сел верхом на толстое бревно-плавник и, привыкая к земле, осмотрелся: пустынный берег, кусты, примятые и изжеванные ледоходом, выше их сумрачное, непроглядное пространство, над которым виднеется озаренный луной лес на склоне горы.

И опять ни души…

Впрочем, нет, души непременно появятся, когда начнется следующее действие спектакля-воображения, а иначе зачем следить и что переживать зрителю? Сейчас идут титры, прелюдия…

Пока Шабанов несся в затопленной лодке и вдоволь купался в ледяной воде, ни разу не дрогнул от холода; тут же, на суше, озноб охватил сразу же, и с головы до ног. Вот это было реально – чувство холода! Чакали зубы, колотило руки, плечи, тряслась спина и ноги. Вода, набравшаяся в НАЗ, стекала на поясницу, и от потери температурного ощущения казалась расплавленным свинцом. И еще почему-то жгло икроножные мышцы, обе сразу, приятно жгло, даже согревало. Все остальное будто покрывалось студеным, седым инеем.

– Надо согреться! – сказал он и тут же сделал вывод: – Если я мокрый и замерз, значит, плыл в лодке…

Дальше продолжать цепочку умозаключений Герман не мог, остатки здоровых мозгов в голове покрывались льдом. Не снимая «малямбы», он повесил пистолет на шею и побежал пенсионерской трусцой, поскольку все еще штормило, а земли под ногами было не разглядеть. Темное пространство, где-то далеко ограниченное лесом и горой, оказалось довольно чистым лугом, и он прибавил скорости. «Ну, теперь выживай, Шабанов!»

Он пробежал метров двести и уже набрал хороший спринтерский темп, когда со всего маху ударился грудью о преграду. И откинутый ею, упал на спину – в НАЗе что-то брякнуло, захрустело. Или в позвоночнике?..

Тут же вскочив на четвереньки, он различил перед собой деревенский забор в две жерди – поскотину – и обрадовался предстоящему зрелищу.

– Ага! Первые следы человеческой деятельности! Ну-ка, ну-ка, что дальше? Выбежит мужик с ружьем? Собака чау-чау? Или девчонка с кружкой парного молока?..

Изгородь, однако же, была реальностью, как и удушливый ком боли в груди. Шабанов отдышался, проскользнул между жердей, на бегу достал фонарик из кармана «малямбы» и осветил пространство впереди – выпас, чистый, словно выбритый еще с прошлого года.

– Эх, хорошо бы реального молока литра два, и горячего! Коровка в этом хозяйстве есть…

Герман бежал в полной уверенности, что здесь ему ничего не отломится: в этом кино двойных дублей не существовало, но вполне возможно повторение – раз в мечтах и раз наяву. Ведь наутро же принесла раскосая хуторянка молоко и хлеб!

Чтобы не ломать заборы, через некоторое время он еще посветил фонариком и увидел неясные очертания высокого каменного строения у подошвы горы, и пока бежал к нему, луна поднялась настолько, что высветила большой дом, сложенный из дикого камня с окнами на реку.

Шабанов замедлил шаг, потом и вовсе остановился возле дворовой изгороди.

Ни собак, ни скотины – и дух какой-то нежилой.

Какой-то странный сюжет складывался у этой серии, без героев и действующих лиц. Да и в мечтах не было даже намека, чтобы вот так найти заброшенный дом на берегу безвестной горной реки и пожить в нем, на худой случай, переночевать. Герман не любил безлюдье диких мест, ощущал забытые детские страхи, если в таковых оказывался, и не особенно-то часто жаждал одиночества. Так что дом этот скорее всего относился к вещам реальным, разве что исключение составляла круглая

тарелка телеантенны на крыше, смотрящая на луну.

Посветив в черные окна, он оставил выключенный фонарь на земле и отскочил в сторону. Ни шума, ни движения, ни тревоги, и все-таки дом – хорошая ловушка, и хоть зуб на зуб не попадает, лучше не переступать его порога: вдруг там опять скелет, как в землянке… И тут же отогнал ребячьи мысли, не раздумывая вошел во двор и поднялся на каменное крыльцо: в ручку двери был вставлен черешок метлы – верный, чисто сельский знак, что хозяев нет дома. В этом безлюдье еще действовали неписаные законы и правила, чужого не брали, привечали путников и ни о чем их не расспрашивали. По крайней мере, в родной тверской деревне такое наблюдалось даже в восьмидесятых годах.

Теперь, пишет матушка, и днем на крючке сидят…

В просторных сенях висели связки сетей, конная сбруя, мотки толстых канатов и совсем неожиданно – аккуратно связанные и установленные в пирамиду горные лыжи, четыре пары! Причем не для мебели, а рабочие, хорошо обкатанные за прошедшую зиму. Шабанов для порядка постучал и, держа пистолет наготове, открыл двустворчатую дверь в дом. Из тьмы дохнуло давно не топленным жильем, запахом масляной краски, свежими древесными стружками, и, что совсем странно, в углу мерцал маленький зеленый огонек. Он включил фонарь, и луч случайно выхватил на стене электрический выключатель у входа и провода, бегущие по стенам: в этом хуторке, как и в предыдущем, да как и на всем его пути, не было ни единого знака цивилизации, в том числе электростанций и электролиний. Однако когда Герман щелкнул кнопкой на стене, в доме ярко полыхнул свет, заставивший его инстинктивно дернуться назад и присесть, хотя ничего не произошло.

После долгих скитаний по диким горам и рекам обстановка в доме показалась ему вполне цивильной и уютной, несмотря даже на холод из-за непрогретых каменных стен. И при этом помещение не выглядело как постоянное жилище и напоминало скорее небольшую частную горнолыжную базу. В углу стоял большой холодильник (на нем и светился зеленый индикатор), далее – самодельная кухонная стенка со стеклянными дверцами и белым пластиком на столах, чуть правее, на специальной подставке, японский телевизор «Фунай» и музыкальный центр, а за барьером, на западный манер отделяющим кухню от комнаты, виднелись большой камин из природного плитняка и мягкая мебель. На всякий случай Шабанов заглянул в двери боковых комнат, посветил фонарем – в двух оказались спальни, в третьей мастерская резчика по дереву: верстак, заготовки, стружки, а по стенам, вплотную друг к другу, висели деревянные маски, одна

страшнее другой…

Должно быть, человек, постоянно живущий здесь, был сторожем и отличался оригинальностью для подобных таежных и отдаленных условий, занимался прикладным творчеством, а настоящий хозяин приезжал с друзьями или семьей кататься на горных лыжах.

– Сейчас всё узнаем! – Герман включил телевизор. – Ларчик просто открывался… А то – где я? Где я?..

Он пощелкал кнопками на пульте, однако был поздний час, и ни одна программа не работала, на экране мельтешил «снег». Тогда он вспомнил о космической антенне на крыше, нашел и включил в сеть усилительный блок: пожалуй, на трех десятках каналов гнали все, что угодно, от спорта до порнухи, и ни одной программы на русском…

Нет, это еще не значило, что он на китайском Тибете, на монгольском Алтае или в Японии; то же самое ночью можно увидеть и в Пикулино, однако и цивилизованный дом никаких точных ответов не давал и, напротив, еще больше вводил в заблуждение, смешивая реальность с произвольными фантазиями.

Все, что он видел, существовало не в воображении – щупай руками, пробуй на вкус и запах; окружающие вещи подвергались разумной логике и анализу, и вместе с тем, даже в этом благоустроенном, практичном и в общем-то привычном жилище рядом с предметами, вполне объяснимыми, встречалось то, чего быть не могло. Несколько освоившись и убедившись, что хозяев здесь нет уже несколько дней, Шабанов ощутил, как в доме начало теплеть. Сначала он не обратил на это внимания, полагая, что согревается сам в закрытом помещении, за счет внутреннего тепла, вызванного короткой и интенсивной пробежкой. Затем он неожиданно увидел на жестких, травяных циновках, всецело покрывающих полы, засохшие капли и мазки крови. Настороженный ими, Герман несколько минут обследовал жилище, прежде чем заметил, что следы оставлены им самим: из ботинок, в которых давно хлюпало, и со штанин комбеза брызгала кровь, разведенная речной водой, и как только он понял это, вмиг зажгло ноги.

Отвлекшись от всего, Шабанов расшнуровал ботинки, содрал их и, расстегнув «молнии» на мокрых штанинах, обнаружил, что левая икроножная мышца пробита насквозь, а на правой есть лишь входное отверстие: пуля сидела где-то в мякоти.

И это сейчас становилось лучшим доказательством, что сумасшедший спуск по реке и засады, устроенные на порогах, не бред! Все было! А иначе кто же тогда прострелил ему обе ноги?..

Причем не понять, одной пулей или двумя? Судя по кровоточащим, черным и на вид совсем не опасным ранам, калибр оружия был мелкий, по крайней мере, не «девятка», то есть не сам себе прострелил.

Шабанов, как смог, сделал первичную обработку, после чего забинтовал ноги, и когда более-менее привык к виду своих ран, как-то ненавязчиво сделал открытие: ступни согрелись так, что стало горячо, окровавленные носки и, главное, толстые, высотные ботинки, вконец размокшие, парили, словно у костра висели, и уже подсохли сверху. Да и сам окончательно согрелся и ощутил знакомую осоловелость, словно в офицерской столовой после аэродромных занятий.

И комбез просох, вместе со свитером и футболкой под ним!

Тогда он снова попытался разобраться, откуда идет тепло. Камин давно не топили, обшитые вагонкой стены прохладные, пол тоже без подогрева, а воздух в доме настолько теплый, что скоро придется раздеваться!

Десять минут назад входил, как в ледяной склеп, вот же часы на стене висят и показывают четверть третьего ночи. Куда этот горнолыжник запихал отопительные приборы?

Судя по просторам и малонаселенности, он, Шабанов, упал на территории России, но если судить по обстановке в доме и техническому прогрессу, наверняка это Япония. Последние полста лет они не оружие изобретали, а делали все во имя человека и на благо его, и такого навыдумывали! Стоит где-нибудь в углу неприметная коробочка – и оттуда горячий воздух. Вошел, свет включил, она и заработала. Потому что одним камином такое пространство не нагреешь, тем более зимой – без печи в каменных стенах не выжить…

Он спохватился, вспомнив, что уже не первый раз ломает голову над тем, что не подлежит пониманию, как тот кусок земляничного мыла, неведомым образом очутившийся в лодке. Причину следует искать в себе самом, в своем воспаленном воображении и, чтобы окончательно не свихнуться, лучше воспринимать мир, каков он есть, со всеми необъяснимыми причудами и явлениями, как он воспринимается в детстве.

Можно спросить у взрослых, почему течет вода в реке, отчего цветет черемуха или гремит гром, однако от их ответов *ничего не изменится*. Все равно никогда не понять сути явления: ученые мужи на это жизни кладут, а мир как был «черным ящиком», напоминающим «принцессу», так и останется.

На самом деле в доме горнолыжника холодно, теплый воздух ему лишь чудится, потому как очень хочется согреться…

Герман выключил свет и вышел на улицу. Луна, висевшая за

рекой, уменьшилась и светила ярче, как говорят, хоть иголки собирай, и весенняя ночь от этого показалась прохладной и знобкой. К тому же раны на икрах, лишь жгущие до перевязки, сейчас стали отдаваться болью при каждом шаге, особенно в правой, где сидела пуля. Удрать от охотников по суше с такими ногами нечего было и думать, а чтобы поджили, нужна неделя покоя и ежедневные перевязки – это при условии, что раны чистые и не будет нагноения. В аптечке «малямбы» остался последний стерильный бинт, так что придется стирать использованные и кипятить…

Он спустился по тропинке к реке, вернее, к оборудованной, благоустроенной пристани, и не нашел никаких плавсредств, за исключением водных лыж, висящих под навесом беседки. Кажется, за эту ночь Шабанов проскочил, прорвался через самые опасные пороги, река далее, насколько хватал глаз при лунном свете, была хоть и быстрая, но широкая и спокойная. Лодку бы сейчас с веслами и… куда вынесет.

Он проковылял вдоль бегущей воды вниз, затем вверх, высвечивая фонариком кусты (может, спрятана где?), и неожиданно наткнулся на свою дюральку, почему-то стоящую на береговом откосе. Вскинув пистолет, Герман присел и огляделся – ни души, от всех предметов на берегу такие тени, шевельнись, и сразу заметно.

То ли обсохла лодка, то ли кто-то вытащил?..

Борта и днище превратились в решето, и живым Герман остался лишь потому, что завалился в корму, оказался под прикрытием банок непотопляемости, заполненных пенопластом и расположенных вдоль бортов. Подбери, подожми ноги, и они бы остались целыми!

Стреляли по нему на убой, буквально задавливали огнем, чтоб не смел ворохнуться и уничтожить «принцессу», будто знали, что она спрятана на самое дно «малямбы».

Но почему же бросили потом, когда он вырвался из первых порогов и впереди очутилась призрачная белая шлюпка? В тихой воде можно было взять чуть ли не голыми руками…

– По кочану! – сам себе ответил Шабанов и отвлекся тем, что стал осматривать лодку.

Затыкать, заделывать дыры занятие бесполезное, днище, словно топором, изрублено пулями, попадающими по касательной, к тому же он сам прострелил верх носовой переборки, сбивая кошку, и разбил весь форштевень. Дюраль можно сдавать в лом по цене цветного металла, чем в тихушку занимались не летающие и не получающие денежного довольствия подмосковные пилоты…

А отстали пятнистые перехватчики, потому что он ушел из их зоны, заплыл в некую недосягаемую, возможно, принадлежащую этому горнолыжнику на правах частной собственности. У них же, буржуев, наложено табу на это дело, полная неприкосновенность. Может, хозяин здешней территории влиятельный человек или благородный разбойник, сражающийся против сил зла. Узнал, что за русским летчиком идет охота, и решил заступиться, выслал на границу своих владений спасительную белую лодку… По крайней мере, в сказках так бывает.

Утешая себя этими мыслями, Герман пошел назад, к пристани, и неподалеку от беседки чуть не упал, зацепившись за что-то растянутое у самой земли. В свете фонарика он увидел две жилы, уходящие в воду, кабель и привязанный к нему для прочности стальной тросик – все точно так же, как на первом хуторе. Хозяин горнолыжной базы мог себе позволить завести гидротурбинный генератор, мог даже подарить один своему соседу. В этом Шабанов не сомневался и никогда бы не стал смотреть, как он выглядит, ибо видел подобную штуку на авиазаводе, где начали их выпуск по конверсии, если бы не обнаружил, что трос с кабелем слишком уж легко вытягиваются из воды. Он не знал, что могли придумать, например, японцы, однако наши конструкторы-оборонщики уж точно перещеголяли всех и сделали самый современный образец, который весил не более двухсот килограммов. Игрушка эта была еще дорогая, однако незаменимая для фермерских хозяйств, где нет электричества и где есть небольшая речушка со скоростью течения выше двух километров в час. Все детство до суворовского училища Герман просидел при свете керосиновой лампы и мог оценить, что это за чудо технического прогресса: опускай на дно и получай от трех до пятнадцати киловатт энергии!

Здесь же турбогенератор вытаскивался так легко, будто на другом конце был топор или молоток. И когда подтащил к берегу, увидел привязанный к тросу небольшой голыш, вроде бы для груза, с естественно проточенной дырой посередине. В детстве они искали такие камешки на речке и называли их почему-то курицами. И тут бы было все нормально, разве что курица несколько крупновата и тяжеловата, чтоб вешать на шею в качестве талисмана; вот для якоря она годилась вполне и не вызывала бы никаких эмоций, если бы к этому дырявому валуну не подключили трехжильный кабель. Каждый провод по всем правилам электротехники имел дополнительную изоляционную трубочку, был вставлен в свое гнездо и залит веществом, похожим на эпоксидную смолу.

Дурь какая-то видится и лезет в голову! Шабанов забросил

камень в реку и, еще раз поклявшись воспринимать мир таким, каков он есть, поковылял было к дому и по дороге не выдержал, поднял кабель с земли и хватанул его ножом.

От удара током спасла пластмассовая рукоятка, но вспышкой ослепило так, что он несколько минут сидел с белым пламенем в глазах. Лезвие ножа в его руке выгорело в двух местах, будто от сварочного электрода, а с отрезанного конца кабеля текла в землю непрерывная голубая искра электрического разряда…

5

Неудачная попытка взлететь на крыльях из овчинного тулупчика ничуть не разочаровала Шабанова, и уверенность, что человек может оторваться от земли и подняться в воздух, росла с каждым годом. Увлечение авиамоделированием продлилось не долго и не вызвало тогда особенного интереса. На деньги, заработанные колкой дров для школы, он купил разобранную деревянную модель самолета, склеил ее, поставил моторчик и поднимал в воздух всего раз пять, после чего сунул на шкаф, и матушка до сих пор стирает с нее пыль. Теорию полета он изучал, глядя на птиц, поэтому его привлекало гибкое, машущее крыло, а в книгах, которые он выписал через посылторг, такой путь развития авиации браковали сразу, как заведомо нереальный, и везде подчеркивали, что нет и не может быть аппарата, на котором бы человек взлетел за счет силы собственных мышц.

В детстве подобные утверждения лишь раззадоривали его, в своих фантазиях Герман поднимался с земли и летал тысячи раз, и видел себя летящим как бы со стороны на самых разных видах крыльев, но всегда птичьих. Во сне же полеты совершались чуть не каждую ночь, причем иногда без всяких крыльев, просто вытянешь руки, оттолкнешься от земли – и воспарил. И когда он рассказывал свои сны бабушке (в деревне у них да и в семье было так принято, поскольку Шабаниха считалась знаменитой толковательницей), она гладила внука по голове и говорила ласково:

– Это ты растешь, Германка. Ручки вытягиваются, ножки вытягиваются, а тело становится легонькое, как перышко. Потому что ты еще ангелочек.

В пять лет ее объяснения еще устраивали, но в двенадцать, когда он уже начитался, насмотрелся и наслушался, эти сказки воспринимал с ухмылкой и устраивал бабке форменный допрос.

– Нет, ты мне скажи, я что, на самом деле становлюсь легче, когда летаю во сне?

– Конечно! Раза в два легче!

– Значит, изменяется гравитация?

Бабка точно не знала значения этого слова, но умела выворачиваться из любой ситуации – такова уж судьба всех знахарок и гадалок.

– Насчет гравитации не скажу, а то, что у ребенка ангельская, безгрешная душа никакого веса не имеет, это знаю. Почему люди, когда вырастут, не видят таких снов? Или видят, так редко кто? Да потому что грехи к земле тянут! Тогда и начинается твоя

гравитация.

Он никак не хотел соглашаться с ее теориями и все время старался загнать бабку в угол.

– Значит, по-твоему, летают только малолетние ангелы?

– Конечно!

– А как же архангелы? Они же вон взрослые и все равно с крыльями на иконах!

– Вон ты на что замахнулся! – тянула Шабаниха время, чтобы придумать достойный ответ. – Ишь, заметил!.. Архангелы, это ведь старшие ангелы. Им положено летать. Души чистые остались, вот и летают.

– Почему тогда черти летают? Ведьмы, Бабы-яги?

И тут бабушку Шабаниху не взять было голой рукой.

– Потому что у них душ вовсе нет от природы! Человек вот так продаст душу дьяволу и летает себе!

Насчет бабкиного толкования о душах Герман сильно сомневался, однако ее теория по поводу уменьшения веса тела в тот момент, когда во сне летаешь, с малых лет засела в голове и с годами находила подтверждение. После таких снов он и в самом деле чувствовал себя легко, ноги земли не чуяли, если приходилось куда-то бежать.

Эту загадку он перенес из детства в суворовское училище, и там, когда разговорил своих товарищей и выяснил, что большинство во сне летают, облек бабкины слова в целую научную теорию и предложил провести придуманный им эксперимент. С черного, хозяйственного двора училища они с товарищем Жуковым принесли выброшенные в металлолом складские весы, отремонтировали их, наворовали по магазинам гирь, сделали самописец из будильника и рулона миллиметровки, чтоб вычерчивалась кривая изменения веса, и, установив на платформе кровать, стали спать по очереди.

Это был последний всплеск детства, возможно, прощание с ним…

И результат оказался потрясающим. Шабанов не особенно-то верил, что рассказывали пацаны из их комнаты, разглядывая после подъема ленту самописца, однако для чистоты эксперимента сам проспал на весах сорок две ночи.

И ни разу за это время не взлетел во сне. Будто отрезало!

То же самое происходило с товарищем Жуковым. Правда, он скрывал, что ему не снятся полеты, и признался только спустя год, но факт оставался фактом.

А стоило лечь на свою кровать, прочно стоящую на незыблемом полу, как сны-полеты немедленно возвращались.

Можно было еще тогда сделать вывод, что есть на свете вещи,

не поддающиеся ни осмыслению, ни анализу, ни научному эксперименту. И всякие попытки проникнуть в их тайну такие же бесполезные, как подняться в воздух одной лишь силой человеческих мышц. Но Шабанов на этом не успокоился. В первые же суворовские каникулы летом он приехал домой и вместо того, чтобы красоваться в форме перед девчонками, взялся строить махолет. Дело в том, что накануне этого, в заброшенном армейском овощехранилище, куда суворовцев гоняли на уборку мусора, он увидел полет летучей мыши в луче прожектора. И мгновенно понял суть, позволяющую этой твари легко парить и передвигаться по воздуху.

В Твери он закупил двадцать квадратных метров уцененной болоньи – ткани, из которой шили когда-то модные плащи, а две рамы от спортивных велосипедов, колеса и лыжные палки нашел в школьном складе спортинвентаря.

Конструировать махолет он взялся в пустой по летнему мастерской, где отец вел уроки труда, и кроме него никто не видел, в каких муках рождались эти крылья. Мужик крестьянского, рачительного склада ума сначала не верил в затею сына, посмеивался или ворчал, когда Герман тащил со склада еще хорошие алюминиевые палки и резал их на каркас, потом стал чаще заглядывать в мастерскую, что-то подсказывать и незаметно втянулся так, что пожертвовал два школьных копья, три новых комплекта титановых лыжных палок и, наконец, стал оставаться ночевать на верстаке вместе с сыном.

Первое испытание проводили глубокой ночью, и не потому, что опасались чужих глаз или сомневались в возможностях аппарата – просто не терпелось взлететь немедленно, не дожидаясь утра. На школьном футбольном поле отец разломал и убрал ворота, чтобы не дай бог не зацепиться на взлете крыльями или колесами, сшиб лопатой травяные кустики и помог пристегнуться к сиденью. Вначале Герман прокатился по кругу, притирая детали – все работало, крылья махали с мощным, хлопающим звуком, поднимая пыль и обдавая ветром отца.

– Во! – кричал он, не отставая от махолета и показывал большой палец. – Давай на взлет!

Герман выехал на старт с неожиданным для себя спокойным, даже холодным сердцем и абсолютной уверенностью, что сейчас воспарит над землей. Кстати, и все последующие старты на самых разных летательных аппаратах проходили с таким же чувством. Уже в летном училище, когда после тренировочных винтовых самолетов Шабанов впервые сел за штурвал реактивной сверхзвуковой спарки и легко поднял ее в воздух, инструктор не сдержался, сказал по СПУ:

– Ну ты и слон, Шабанов.

Он просто не знал, что этот курсант тысячи раз мысленно поднимался в небо и так же мысленно переволновался тысячи раз…

– Только гляди, шибко высоко не взлетай! – предупредил отец. – Ночь, ничего же не видать. Как садиться-то в темноте? Не до рассвета же летать…

Герман раскрутил педалями маховик и, когда тот загудел, сотрясая всю конструкцию, включил привод. Пятиметровые, матерчатые крылья, точно скопированные с летучей мыши, захлопали с шипением и свистом, и, когда показалось, что подъемной маховой силы достаточно, он налег на педали и сбросил балласт – тот же маховик, отдавший свою энергию. Аппарат подбросило от земли метра на два и с легкими затухающими трясками опустило на землю.

– Хватит! Хватит! – заорал отец. – Летает, сука! Летает! Не должен, а летает!

Потом они долго рыскали по полю, на пустыре и в лесу, искали, куда укатился тяжелый, чугунный маховик, приспособленный от послевоенного трактора, и отец от восторга вдруг стал непривычно болтливым и энергичным.

– Надо же, из барахла собрали какую-то хреновину, а она – летает! Ну ты голова, Германка! Вот утром народ подивим! А пусть смотрят! Эдак пролетим над деревней и похохочем! Я тоже полечу! Видал, как маховик далеко укатился? Значит, в нем была еще сила, так что если всю отдаст, и меня поднимет!

В десятом часу утра они подвесили маховик и выкатили аппарат на поле. Герман еще раз проверил все системы, покатавшись по кругу, тем самым собрал ребятню с вытаращенными от страха и восхищения глазами, после чего выехал на старт и попробовал взлететь с разбегом, по-журавлиному. Махолет попрыгал, попорхал, проехал до леса и остановился. Тогда они с отцом прикатили его на исходный рубеж, снова навесили балласт и сделали еще одну попытку.

– Давай, как ночью, с места! Получалось же!

С места Герман делал три попытки, и всякий раз под радостные вопли односельчан махолет прыгал вверх, секунду трепетал крыльями на месте и почти плавно садился на землю.

– Дай я! Дай я! – просил батя, и сын наконец уступил место, превратившись в зеваку.

У отца тоже не получилось полета, однако он подпрыгивал на нем раз десять, и Герман со стороны увидел причину: у крыльев не было тянущего усилия!

Аппарат снова затащили в мастерскую и начали капитальную

переделку крыльев и угла их атаки, чтоб можно было летать горизонтально.

Через две недели сын уехал в училище, оставив усовершенствование махолета на отца. На зимних каникулах проведать родных не удалось, поскольку коллективно выезжали в город Томск, домой к товарищу Жукову, а следующим летом Шабанов поступал в летное и явился домой лишь на месяц, уже в курсантской форме.

Дом и мастерская были завешаны чертежами и моделями, собранными из лучин и тряпочек, мать еще не жаловалась сыну, однако смотрела на отца укоризненно. А тот день и ночь заливался соловьем, сверкая взором, показывал варианты новых решений по устройству крыльев и их привода, демонстрировал готовые овальные колеса, которые бы еще на земле настраивали аппарат на ритм полета и создавали дополнительную подъемную силу.

Одним словом, провести новые испытания в это лето они не успели и отложили их до следующего.

В тот год школа осталась без сена для последнего коня и без ремонта. Мать писала, что отец теперь дома почти не живет, ночует в мастерской, попортил много спортинвентаря (даже дюралевые гранаты переплавил в какие-то детали), тащит из дома отрезы ткани, полученной когда-то в виде премии, а всю зарплату тратит на запчасти.

В зимние каникулы Шабанов застал его злым и восторженным одновременно.

– Все равно полетит, сука! Уменьшил размах крыльев, увеличил мощность крутящего момента – полетит!

Это продолжалось в течение трех лет. Герман уже вкушал самостоятельные полеты на спортивной машине, осваивал первые фигуры высшего пилотажа, а батя все еще доделывал и переделывал махолет, всякий раз воплощая в металл и ткань все новые и новые открытия. Мать давно махнула рукой на него, сама готовила дрова, косила сено и ремонтировала школу, где осталось всего двадцать три ученика. И вот на четвертый год отец выкатил готовую, не подлежащую больше никаким усовершенствованиям машину.

– Ну, давай, сынок! – торжественно провозгласил он. – Ты начинал, тебе первому и лететь. Тем более небо ты уже освоил, имеешь всяческие представления… Садись!

Герман осматривал то, что стало с его детской мечтой: махолет потяжелел примерно раза в три, все узлы и детали были выполнены добротно, по-крестьянски, с троекратным запасом прочности, появились новые приспособления, совершенно другой

привод крыльев, да и сами они изменились и более походили на крылья бабочки.

Батя наконец заметил, что сын хмурится и молчит, потому сам замолк ненадолго, присмотрелся, спросил осторожно:

– Ты будто не рад?.. Ну, садись, испытывай! А я уж после тебя.

– Он не полетит, – признался Герман.

– Это еще почему? Мы же поднимались на нем в самом первом исполнении!

– Разве это полет?.. Не прокрутить крылья педалями, сил не хватит.

Отец побегал вокруг махолета и наконец взволнованно признался:

– Я уже на нем летал!

– Как – летал?

– А так!.. Ночью выкатил, чтоб никто не видел, сел, раскрутил колесо!.. И поднялся. Сразу метров на сорок подскочил!.. Освоился немного и пошел кругами, кругами. Сначала над деревней, потом выше, выше… И знаешь, страшно стало! Не заметил, как метров на пятьсот взлетел! Так веришь-нет, до утра потом спускался, устал как собака. И сел во-он там, за Пожней, на лугах.

– Ты не врешь, батя? – осторожно спросил Герман.

– А ты садись, попробуй!

– Я понял, батя… На первом испытании еще понял – без мотора в воздух не подняться. Помнишь, ночью?.. Если только на дельтаплане с горы… Возможностей человеческого организма не хватает, чтобы взлететь.

В тот момент отец ничего не хотел слышать, под радостный визг детей он сосредоточенно и отчаянно несколько часов катался по футбольному полю, затем втащил махолет в мастерскую, напился водки и всю ночь колобродил по деревне. Наутро вид у него был подавленный и виноватый.

– Что же ты сразу не сказал? – спросил он. – Эх, так обидно!

– Ты прости меня, батя…

– Да не про то я говорю! Обидно, что человек такой слабый!

Запой у него продолжался ровно столько, сколько и страсть к изобретательству и полетам – три года. Мать отвезла его к какому-то знахарю (бабушка к тому времени умерла), тот его закодировал от пьянства – и все уладилось. Батю снова взяли на работу в школу, он преподавал труд и физкультуру, летом готовил дрова и ремонтировал классы. Разве что сено не косил – последний конь сдох. Зато махолет, когда-то поставленный на чердаке дома, стоял совершенно целым, и отец иногда подолгу

сидел возле него, курил, рассматривал отдельные узлы, потом их сочетание и хмыкал:

– Ну да, с чего он полетит-то? Одной человеческой силы тут мало. Вот бы пять лошадиных…

И Герман сейчас, сидя перед «курицей» – дырявым камнем на тросе, вспоминал свой махолет и испытывал запоздалую обиду на самого себя и невероятную вину перед отцом. Если этот валун давал электроэнергию, причем достаточно мощную, то, значит, и его детская конструкторская мечта просто обязана летать! А он даже не попробовал, постеснялся, что подросшая ребятня, видевшая первое испытание, поднимет его, без пяти минут военного летчика-истребителя, на смех. И отцу не дал взлететь, можно сказать, по рукам ударил своим резким заявлением. Готовый, но так и не поднятый в небо махолет – извечная мечта человечества! – много лет пылился на чердаке, а люди продолжали передвигаться по земле пешком, испытывая ее притяжение. Или сидели при керосиновой лампе, не веря, что найденная на берегу «курица» может давать электрический свет.

Теперь вот и перед хозяином горнолыжной базы было неловко: приплыл сюда на ворованной лодке и, будто варвар, перехватил кабель, а сам уже несколько часов находится под его негласной защитой и покровительством, иначе бы охотники за «принцессой» давно были здесь. Шабанов зачистил ножом и скрутил разрезанные жилы, вместо изоляции обмотал соединения пластырем и забросил «курицу» в реку.

Уже рассвело, когда он вернулся в дом, где вновь ощутил его студеное, могильное нутро, много холоднее, чем на улице, однако более безопасного места сейчас не найти. Герман принес из мастерской стружки и обрезки древесины, сложил в камин и полез в карман за зажигалкой, и в это время огонь вспыхнул сам собой. Он уже ничему не удивлялся и лишь отмечал происходящее, как естественное, переложив все настоящее на язык сказки. Ну, бывают же и чудеса!

Он стащил с плеч НАЗ, положив ее под голову, затем снял ботинки и с удовольствием вытянулся на мягком диване у огня, пристроив раненые ноги на спинку. Застрявший где-то глубоко в мозгу ледяной осколок трезвомыслия колол и будил дремлющее сознание, тормошил, бил по щекам, истошно вопил, будто и дом этот, и огонь, и уютная постель – все призрак, и если он заснет, то уже не проснется, однако от излучаемого тепла лед сознания быстро таял, терял острые кромки и скоро вообще превратился в лужицу.

– Не спать! – приказал он себе и, положив пистолет на живот,

снял с предохранителя. Палец, лежащий на спусковом крючке, дисциплинировал, бодрил, но огонь, беззвучно полыхавший в камине, завораживал.

Шабанов очнулся с давящей головной болью, словно каленый обруч набили на череп и теперь медленно сжимали. Последние два дня она, было, совсем утихла, лишь изредка стреляло в ухе или ощущался прилив кипящего, как масло на сковороде, палящего жара. Он не обольщался, что дело идет на поправку, и относил это к процессу гниения, отмирания живой ткани, и вот теперь вместе с постоянной болью начался какой-то новый этап. Он ощупал НАЗ, расстегнув замок, сунул руку внутрь: в этом призрачном мире ничему верить нельзя! «Принцесса» преспокойно дремала на дне мешка, прикрытая сверху продуктами и боеприпасами.

В камине лежал холодный пепел, но в доме снова было тепло и настолько уютно, что не хотелось вставать с мягкого дивана. Пожалуй, если б не этот обруч на голове, ни за что бы не встал, но лежать и слушать в себе боль – мучительно, лучше ходить, двигаться, выветривать, размывать ее активным током крови. Спустив ноги на пол, он ощутил тупые толчки в ранах, зажгло обожженные, взявшиеся коростой лодыжки, а подошвы опалило, будто наступил на угли.

– Худо дело!.. И все равно надо расхаживаться. Ну, давай, выживай, Шабанов!

Он натянул ботинки, закинул НАЗ за плечи и, стискивая зубы, пошел на реку умываться. Слепящее яркое солнце добавило боли, в связку органов «ухо, горло, нос», кажется, входили и глаза. Зрение опять то раздваивалось, то собиралось в один круг, словно он смотрел в подзорную трубу. Герман привык к свету и огляделся на ходу: нет, пока он спал, ничего не изменилось: тот же пустынный берег с растерзанными ледоходом кустами, чистый, огороженный выгон, хвойный лес за спиной по склону. А восточнее и выше многоступенчатая и высокая гора с широкой, обращенной к солнцу залысиной – вон где горнолыжная трасса! Пейзаж, прямо сказать, швейцарский…

И вдруг глаз выхватил изменение. Чего-то не хватало, и не в общей картине, не в пейзаже и расстановке предметов – какой-то мелочи, детали, которая сегодня на рассвете притягивала внимание. И очень важной детали… Пристань пустая, в беседке торчат подвешенные водные лыжи, вдали на береговом откосе лежит его простреленная, изодранная дюралька… Стоп! Кабель! Сращивая жилы, он вместо изоленты намотал медицинский пластырь, который очень заметно белел, выдавая место разреза.

Теперь нет ни пластыря, ни самого стыка. Не сросся же он, не зажил, как безымянный палец!

Шабанов склонился, ощупал это место, затем достал нож из кармана «малямбы»: прогоревшее от электрического разряда лезвие ничуть не изменилось, по краям – нестираемая чернота, мельчайшие капли застывшего металла… Забыв о боли, он подошел к воде, потянул напряженный и вибрирующий в потоке трос – ого! На этой удочке сидела уже не «курица» – акула! Подтягивая к берегу, он руками почувствовал ее мощную, гудящую силу и, когда выбрал страховку, обнаружил на галечной отмели настоящий гидротурбинный генератор, из-за выпуклой предохранительной сетки напоминающий полутораметровый микрофон. Нечто подобное выпускал по конверсии авиазавод…

Какая уж тут «курица»! Чуткая к бегу речных струй машина продолжала работать даже на мелководье, внешние и внутренние лопасти турбины крутились, сливаясь в блестящие круги и вздымая веер брызг. Глядя на это перерождение камня с дыркой, Шабанов сделал вывод, давно и подспудно зревший в сознании: и на том хуторе, и здесь, на базе, нет никаких друзей или тайных жалельщиков упавшего русского летчика; и там, и здесь – враги, охотники за «принцессой». Только, если одни гонят его чуть ли не от места приземления и пытаются овладеть прибором с помощью грубой силы, то эти, «сердобольные», действуют исподволь, совершенно иными, мягкими методами. Попросту медленно сводят его с ума, и когда он полностью созреет, сам отдаст высокородную барышню. Их ласковая ненавязчивость продиктована тем, что они слишком хорошо знают Шабанова, его вкусы, нравы, психологию и манеру поведения. Отсюда и хлеб с молоком, принесенные наивной девушкой Ганей, и земляничное мыло, и «курица», дающая энергию киловатт в полста. Неизвестно чем отапливаемый и уютный дом горнолыжников тоже из этой серии…

Неясно пока одно: враждуют они с пятнистыми, грубыми перехватчиками или действуют заодно, играя на контрасте. Разумеется, после бешеного сплава по порогам и убойного огня пустая и гостеприимная база покажется больному гонимому скитальцу раем, и он расслабится, окончательно свихнется от сказочных чудес и, если еще раз перед ним явится живая и очаровательная принцесса с благородным и высоким именем Агнесса, на что ему будет секретный прибор, похожий на кусок дерьма?

Он думал так и одновременно хотел, чтобы она пришла. Пусть даже сама окажется охотницей за «принцессой» или пособницей – все равно…

Дом горнолыжников – это заманчивая гипнотическая ловушка, и охотники не спешат захлопнуть ее, отлично зная, что в таком состоянии он и так далеко не уйдет.

Но как, когда и где они так тщательно изучили его характер? В подмосковном полку ПВО исключено, а здесь, в Забайкалье, он прожил слишком мало, да и Заховай вроде тоже не дремал, отгонял посторонних, над собой поселил…

Абхазская княжна Магуль! Со своими братьями-разбойниками!..

Головная боль, вызванная воспаленным ухом, гниющей кровью или черт знает чем, оказывала действие неожиданное – отрезвляла, высвечивала разум и даже обострила гаснущий слух.

Ну конечно же! А он еще устыдился, исповедальное письмо написал, и там такого наворотил – даже про махолет…

Потому и дразнила, не подпускала к телу, чтоб он интерес не потерял – пхашароп! Братья ее очень ловко подыграли, встретив на узенькой дорожке в Парке Последней Надежды. И сразу же последовал заказ на тигровую шкуру – закамуфлированная проверка, куда он полетит с «принцессой». Где эти звери водятся? В Бенгалии… Стерва, какую красивую легенду выдумала с этой шкурой!

Заховай чуял это, потому и отгонял абхазскую семейку от Шабанова, но крутых мер принять не мог, видно, доказательств не хватало. А он ему – пилотку в морду…

Впрочем, доказательств и у Германа недоставало, все какие-то косвенные факты, ощущения, и в истории, как он очутился в этих неведомых краях, много неувязок и пробелов. Сбился с курса-то сам, неужели можно рассчитать с такой точностью вероятность его падения именно здесь? Или вывести из строя или как-то подействовать на спутник «круиз-контроля» и навигационные приборы в охраняемом МИГаре?.. С одной стороны, маловероятно, с другой – кто знает их шпионскую кухню? Могли же, например, повесить какой-нибудь спутник над маршрутом его полета, сбить с толку аппаратуру, пилота и вывести самолет в нужную им точку?..

С нынешней техникой и не такое возможно. Велика ли одноглазая «принцесса»? А самолет делает призраком…

Этот швейцарский уголок несомненно западня, и стелят мягко, ненавязчивый сервис: вчера в холодильник заглянул и чуть с ума не сошел, набор продуктов, согласно его вкусам – от морской капусты, всегда желаемой из-за недостатка йода, до красной рыбы в луковом соусе и шотландского виски, которое он любил, несмотря на свою патриотичность. И ладно бы все эти магазинные продукты, не сложно и угадать, что едят вечно

голодные пилоты, когда есть возможность. Но домашний сыр с острым перцем, несомненно сделанный матушкой, еще вчера насторожил его и не позволил немедленно устроить дармовое пиршество.

Тогда он подумал об этом видимом изобилии как о призраке: то, чего хочется…

И все-таки ловцы «принцессы» сильно просчитались, воспринимая пилота полуголодной армии, как некоего раба собственных желаний и устремлений, не знающего удержу перед дармовщиной, перед брюхом своим и несущего вечный крест душевной доверчивости и наивности. Их обманывало общеупотребимое и ложное представление, будто русского человека вообще очень легко расслабить сытой и вольготной жизнью, возбуждающей лень, как национальную черту характера, некими странностями и чудесами, на которые будто бы падок он от любопытства и мечтательности. Шабанова все эти подставки лишь настораживали, заставляли быть осмотрительным и внутренне просчитывать каждый шаг. Эту завуалированную хитрость и сметливость Герман считал наследственной, как ни странно, доставшейся от отца; он же в свою очередь получил ее от матери, от бабушки Шабанихи.

Дело в том, что когда начался дележ или, точнее, растащиловка государственной собственности, Шабанов написал письмо родителям, чтобы они хотя бы земли прирезали к усадьбе несколько соток и больше не сажали картошку в поле. Закодированный от пьянства и уже сокращенный из школы (перестали учить труду), как всегда батя расценил все по-своему, послушал радио, поглядел телевизор и внес в предложения сына свои неожиданные коррективы. Установив в семье жесткий временный диктат, он увел, унес и увез из дома все, что можно продать, изъял все сбережения и стал втихую скупать акции только что приватизированного и умирающего маслозавода в районном центре. Безработные маслоделы не знали, куда девать полученные бумажки, и отдавали их по дешевке, хотя бы на хлеб получить. Отца местные власти не воспринимали серьезно, особенно после эпопеи с махолетом, и, когда затеявший эту приватизацию председатель исполкома по фамилии Сальц, собрал акционеров маслозавода, чтоб прибрать его к рукам и «спасти» от краха, выяснилось, что владелец завода теперь бывший учитель труда Шабанов, которого тут же и избрали генеральным директором.

Отца вначале предупредили, чтобы не валял дурака, потом припугнули, не зная, что это пойдет лишь во вред, и, наконец, начали бесконечную судебную тяжбу. Батя тогда не знал, что вся

собственность давно поделена между такими совпартработниками от районного до российского масштаба и что они не мытьем, так катаньем будут рвать свое из горла. Родня пыталась остановить его, чтоб не лез против власти, не тягался с Сальцом, к которому масло обязательно прилипнет, и завод отнимут – отец уже раскрутил маховик собственной упрямости и готов был взлететь.

Как отнимали завод – отдельная история, но по району об изобретательности и изворотливости отца теперь рассказывали легенды. И будто этот Сальц до сих пор ходит и говорит:

– Я прощаю, что обманул меня, бывшего секретаря райкома. Прощаю, что провел меня, как бывшего прокурора. Но вы думаете, я прощу его, как настоящий еврей?

И Герман чувствовал в себе эту тайную, скрытую отцовскую жилку. Когда против него действовали открыто враждебно, он мог и подраться, и с гусарской бравадой пилотку бросить в морду, но если коварно и тихо припирали к стенке, он ощущал, как в нем пробуждается змейство и откуда-то берется мстительная страсть отплатить врагу его же оружием, но более изощренным.

Дом горнолыжника, начиненный всеми благами и хитростями, сейчас вызывал именно такое желание.

«Вам надо, чтоб я свихнулся – пожалуйста, прикинусь дураком, – мысленно сказал Шабанов. – Чтоб отлеживался в вашем доме и жрал любимые продукты – да ради бога. Хотите увидеть доверчивого простака, наивного пацана, которого можно купить ностальгическим запахом земляничного мыла – сколько угодно!»

Слух действительно немного приоткрылся вместе с головной болью: вчера слышал лишь выстрелы и грохот камней под днищем, сегодня стал различать шум реки и даже отдаленный крик чаек.

Он скатил генератор в воду и поковылял на базу. С этими мудрецами еще можно потягаться, главное, чтоб врасплох не захватили, а вот с пятнистыми ребятами в горах будет сложно, на таких ногах даже с «Вирой» далеко не удерешь, и, если рванешь при них колечко, не пощадят… Открывая дверь, Герман ощутил, как в лицо пахнуло теплом и совершенно отчетливым запахом хорошо зажаренного мяса с луком – нормальный и желанный запах ожившего дома…

И мгновением позже, перенося ногу через порог, увидел возле плиты Агнессу. Она кухарила, как у себя дома, невозмутимо и с проворностью заправской хозяйки одновременно делала сразу несколько дел – посматривала в духовой шкаф, что-то искала в

открытом шкафу и рядом стояла еще плошка с теркой и очищенной морковью.

– Вот так встреча! – нарочито весело сказал Шабанов. – Здравствуй, Ганя.

Она улыбнулась, что-то обронила, глянув мельком, словно расстались пять минут назад, – Герман не расслышал.

– Говори громче! Я старый глухой человек!

Это ее рассмешило, и все-таки она приподнялась на цыпочки и прокричала в подставленное здоровое ухо:

– Садись за стол, сейчас будет готово! – и опять засмеялась. – Твое любимое блюдо, мясо по-французски!

Ему действительно нравилось приготовленное по такому рецепту мясо, но ел он его раза два-три, на свадьбах и праздниках у друзей, и чтоб отнести к любимым блюдам, по крайней мере, надо было есть его почаще. Вот жареная с чесноком картошка, это да… Но дареному коню в зубы не глядят. Коль ей так хочется – пожалуйста…

– Обожаю! – воскликнул он, отметив, что Агнесса на сей раз явилась без восточного наряда – в ярко-желтом, шуршащем комбинезоне, а волосы связаны в легкомысленный пучок. И лицо наконец-то рассмотрел – слегка удлиненное, с высоко поднятыми, выгнутыми бровями и чуть великоватым, но типично греческим носом. Во всем облике ее проглядывало благородство, и она потянула бы, пожалуй, на светскую львицу, однако все портила простота и детскость выражения ее лица. Она гримасничала, сопровождая всякое свое действие, будто подчеркивая его чувственной мимикой: так обычно ведут себя девочки-подростки, еще не вертевшиеся у зеркала и не испробовавшие материнских украшений и нарядов. Или психически больные в Белых Столбах, куда однажды пришлось отвозить зама по тылу с белой горячкой.

А на вид – лет двадцать, не меньше…

Она открыла духовку и выхватила оттуда противень со скворчащим мясом. «И когда успела прожарить его? Отсутствовал я всего-то четверть часа…»

– Ты откуда здесь взялась?

Агнесса ни с того ни с сего расхохоталась, и Герман вспомнил пословицу бабушки: смех без причины, признак дурачины…

– Откуда и ты!

– Я приплыл на лодке!

– И я тоже!

– Случайно не на белой шлюпке?

Это ее развеселило еще больше, однако, закатываясь от смеха, она случайно коснулась противня и обожгла пальчик.

– Ой!.. На самой белой-пребелой!

Похоже, у нее было запоздалое развитие, точнее, отставание в развитии, причем значительное, и родители ее жалели, наряжали красиво, чтобы не отличалась от сверстниц.

– Признайся честно, – потребовал он. – Вчера, когда я плыл по озеру, это ты в моей лодке была?

– А ты заметил, да? Заметил? – обрадовалась она и затанцевала. – Я боялась, не заметишь! А тебе понравилось земляничное мыло?

«Ведь точно она была! – про себя изумился Герман. – Откуда бы ей знать, что я в лодке нашел?»

– Спасибо за мыло! Очень кстати! – Он немного помедлил, отвернувшись и пережидая приступ боли в голове, и спросил: – Это ты привязала мне к руке прибор?..

– Я! – поторопилась она с признанием. – Это я!.. Потому что ты меня обманул!

– Как же я тебя обманул?

– А так! Ты сказал, принцесса погибла в самолете! А она оказалась с тобой!.. И еще обманул – это не настоящая принцесса, а прибор, который так дурно пахнет.

– Откуда ты узнала? Кто тебе сказал?

– Дедушка… Глупая, говорит, летчик тебя обманул. Принцесса у него не человек, а такая штука, которая делает самолет невидимым.

– Догадливый у тебя дедушка, – похвалил Шабанов, мысленно теряясь: если ее дед охотится за прибором, или она сама охотница, то что же не стащить «принцессу»? Ведь ничего не стоило!

Или он сам кольцо во сне надел, опасаясь ее? И тогда она убралась, несолоно хлебавши?..

– Ты мне кольцо на палец надела? – спросил он.

– Конечно я! – с удовольствием призналась Ганя. – Ты же ее так любишь!

– И жгутом привязала к руке?

– Привязала… Чтобы во сне случайно не выдернул колечко и не взорвался.

Спрашивать, откуда ей известно о таких подробностях устройства «принцессы», после таких заявлений не имело смысла.

Вообще-то трудно было представить себе Ганю в роли похитительницы, вряд ли слабоумную пошлют на такое ответственное дело. А вот свести его с ума – лучше исполнителя не найдешь. Все ее внезапные появления, попадания в десятку – и с молоком, и с мылом, и французским мясом, а если учесть белую шлюпку, которая провела его сквозь убийственные пороги…

Но что они хотят?! Что за странная логика у них?..

Она расставляла приборы на столе, доставая их из шкафчиков. Будто век тут хозяйничала.

– Почему же не разбудила меня? Там, в лодке?..

– О-о! – пропела Ганя со смехом. – Ты так крепко спал! Пушками не разбудишь! Я хотела пробудить, брызгала водой, щекотала нос и губы лентой…

– Лентой?

– Да-да, лентой от шляпки!.. Ты не проснулся. И я любовалась, как ты спишь. – Она на миг смутилась. – Это нехорошо – смотреть, как спит мужчина. Маменька говорит, совсем стыдно… Я забыла и смотрела! О, это был богатырский сон!

– Храпел?

– Нет-нет, очень тихо спал! И как крепко! – Она закончила сервировку стола тем, что положила рядом с тарелкой белую, накрахмаленную салфетку. – Прошу к столу, Герман! Сними свою ношу и садись!

«Ага, сейчас, разбежалась!» – подумал он, однако сказал иное и совсем серьезно:

– Это не ноша, Ганя… Это «малямба».

– Малямба? Что такое – малямба?

– Такой специальный заплечный корсет, – объяснил он. – Исправлять позвоночник.

– Тебе нужно исправлять?

– Ну да! У меня с детства искривление, вот и ношу.

Бабка Шабаниха еще говорила – дураку дураково говори, скорее поймет…

– Но оружие ты можешь не брать за стол! – Ей нравилось кричать ему в ухо. – Здесь нечего опасаться. Вокруг друзья! Когда ты спал, был очень доверчивый…

Шабанов не стал делиться своими соображениями на этот счет, снял ремень с плеча, повесил пистолет на спинку своего стула.

– Я воин, Агнесса. И всегда должен быть при оружии.

– Это я знаю – воин! Все воины с оружием.

– А какой сегодня праздник, знаешь?

– Праздник?.. Нет… Не знаю… – смутилась она.

– Почему-то я решил, что ты сготовила праздничный обед, – вздохнул Герман. – Хотя обедать еще рано, а вот позавтракать в самый раз. У нас такое блюдо готовят лишь по праздникам.

– Скажи, какой это праздник? – осторожно спросила она.

– День Победы! Я бы по такому случаю даже выпил стакан! Или два!

– День Победы?.. Какой Победы?

– Над фашистами! Слышала, была Отечественная война? Самая страшная война в мире? Пятьдесят четыре года назад?..

– Не слышала… Но спрошу у дедушки, он должен знать.

Что это было? Простая необразованность, дремучее невежество или природная глупость?..

– Так вот, запомни: Девятого мая – самый радостный праздник. Со слезами на глазах….

– Да, я обязательно запомню!

– А ты разве не сядешь со мной за праздничный стол?

– Непременно! – Она поставила блюдо с тертой и посыпанной сахаром морковью. – Но я не ем мясо каждый день. Это вредно!

– Мне полезно, хоть три раза на дню!

– Я знаю, знаю! – рассмеялась чему-то Ганя. – Ты мужчина и пилот. Нужно много силы, чтоб управлять самолетом.

– Сегодня полеты отменяются! Так что, хозяйка, может, и спиртное найдется в этом доме? Ну, водка, коньяк, вино? – Он потер руки.

– О, вино я знаю и однажды пробовала! Так кружится голова!..

– Так, может, вскружим головы? В честь праздника?

– Здесь нет вина… Если бы знала, непременно взяла бы с собой.

Похоже, местные жители, будто кержаки, были трезвенниками…

– Открой секрет, Агнесса, – усаживаясь за стол, попросил Шабанов. – Откуда тебе известно мое любимое блюдо? Ну ладно, молоко с горячим хлебом любят все, кто родился в деревне. А про французское мясо?

– Это страшная тайна! – Она сделала большие глаза, одновременно сдерживая смех. – Язык на замок!

– Никому не скажу!

– Правда-правда?

– Возьму с собой в могилу!

– В могилу не надо! Ты должен выполнить одно условие! – Она отделила кусок мяса и положила ему в тарелку и, надо сказать, сделала это с изяществом, будто профессиональная официантка в ресторане.

– Какое, говори!

Эта притворщица закусила пальчик, хитренько сощурила глаза и указала на противень.

– Обещай, что ты все это съешь!

– И всё?..

– Пока довольно! – весело погрозила. – Неужели ты не сможешь съесть?

– Да в одну минуту! Вот клянусь!

Агнесса чуть ли не на одной ножке запрыгала от радости. Попутно и непроизвольно Шабанов отметил непривычное ее произношение: в том, что она русская, сомнений не было, но так обычно говорят иммигранты, живущие в иноязычной среде. Слышится и некая старомодность выражений, и одновременно, неправильно расставленные ударения, что делает ее болтовню безобидной и милой.

– О, не нужно клятв! Я верю! – Она положила себе морковь. – Мне сказала твоя маменька. А теперь съедай все!

У него чуть вилка не выпала, хорошо, вовремя спохватился – с кем имеет дело. Играя дурака, нельзя ничему удивляться…

Герман спокойно отрезал кусочек (надо же, ужарилось!), прожевал и еще раз скрыл чувства. Ее недоразвитость, похоже, касалась лишь области общения с людьми; относительно дел житейских, и особенно кулинарных, было все в порядке.

– Очень вкусно! – одобрил он. – Узнаю маменькин рецепт!

На лице Гани медленно вызрела гримаса крайнего разочарования, чуть ли не до слез! В детстве это называлось – скуксилась…

– Так плохо, да?.. Я старалась…

– Да нет, отлично! – искренне похвалил он. – Замечательно!

– У твоей маменьки не получилось, потому что для мяса по-французски непременно нужен майонез «провансаль», – тихонько оживая, заговорила Агнесса. – И голландский сыр… У вас же в деревне не было таких продуктов. А домашний сыр, который делает твоя мама, очень вкусный, но вовсе не идет для этого блюда. Зато он у твоей маменьки получается очень вкусный, особенно мне понравился с острым перчиком. Кстати, я принесла немного и положила в холодильник. Почему ты не стал есть?

«Спокойно, Шабанов! – приказал он себе. – Можешь и не то услышать…»

Это была чистая правда! Однажды, будучи в отпуске, он попросил мать сготовить такое блюдо и даже рецепт записал, но у нее получилось обыкновенное жареное мясо. Он тогда и виду не подал, ел и нахваливал…

– Ты давно была у моей матушки? – будто невзначай спросил Герман, уплетая за обе щеки.

– Вчера…

– И как там моя старушка?

Агнесса будто на глазах повзрослела, улыбнулась печально, вздохнула:

– Она же со второго полугодия снова на работу вышла… Говорит, денег не хватает, дело у твоего папеньки отняли и

самого чуть не посадили в тюрьму. А твой перевод получила, радовалась… Но все равно детей доучивать надо, бросить не может. Нервы у нее совсем расшатаны, за тебя сильно переживает, неладное чувствует. Успокоила, как могла…

Чтобы скрыть свои чувства, Шабанов сам положил с противня две порции сразу и стал есть без ножа, отрывая куски зубами.

– Привет мне привезла?

– Понимаешь, я не могла ей открыться, – вдруг призналась Агнесса. – Сказать, что видела… Намекнула, дескать, с тобой все хорошо. Ты скоро вернешься и все расскажешь сам… С тобой на самом деле теперь все будет хорошо!

– Да я и не сомневаюсь! Но мать есть мать…

Она так же быстро превратилась в девочку-подростка.

– О, Герман! – засмеялась и загримасничала. – Я видела твой самолетик! Он мне так понравился!

– Какой самолетик? Который на шкафу?

– Нет, который вы с папенькой делали!

– Это махолет, – серьезно поправил Шабанов.

– Ну, махолет!.. Такой интересный, много всяких забавных штучек. И красивый! Я представила, как лечу на нем! А люди смотрят с земли и говорят – вон белая птица летит!

– У тебя белая лодка лучше…

– Нет, правда, Герман! Ты позволишь мне когда-нибудь полетать на твоем махолетике?

– Да ради бога! Сколько захочешь!

– Спасибо!.. Но сначала научишь, я же не умею, не знаю, как!

– Там все просто, крути педали и все. – Надо было сменить тему, пока сам не поверил в то, что говорил. – Скажи мне, Агнесса, ты вообще-то чем занимаешься? Ну кроме дойки коровы и приготовления пищи? В свободное время?

– Чем я занимаюсь? – вновь погрустнела она. – Это очень скучно, Герман…

– Должно быть, вяжешь? Или вышиваешь крестиком, на пяльцах?

– Вязать и вышивать весело!.. Но некогда, слишком много работы. Дедушка иногда запирает меня в лаборатории на замок!

– Это тот самый Лев Алексеевич?

– Да, тот самый… Нет, он хороший и добрый. Я понимаю, нужно много работать… – Агнесса легкомысленно вздохнула. – Но так хочется везде побывать, посмотреть на мир…

– Что же делаешь в лаборатории, если не секрет? – нажал Шабанов.

– Никакого секрета… Как бы тебе объяснить?.. Ну, это можно назвать молекулярной оптикой. Чтоб не прибегать к другим

терминам…

– Чем-чем? – не сдержался Герман и сделал вид, что не расслышал.

– Молекулярной оптикой! Это не совсем точно, но примерно так!

Он разговаривал с ней как со слабоумной, а она обладала познаниями о молекулярной оптике – кажется, разделе физики, о котором Шабанов где-то что-то слышал…

– Я же говорю, очень скучное занятие, – Агнесса заметила выражение его лица. – Но приходится отдавать этому почти все время… Скажи, а что у тебя со слухом?

Герман мысленно облегченно вздохнул и даже изворачиваться не стал.

– Катапульта… Лопнул сосуд, какое-то осложнение или воспаление…

– Тебе нужно доктора! И немедленно! – Она вскочила из-за стола, так и не притронувшись к своей морковке. – Почему не сказал сразу?.. И я ничего не заметила. Впрочем, нет, когда спал в лодке, немного стонал. Мне показалось, тебе снится… Ну, в общем, переживаешь свое положение…

– Увы! И секунды не переживал! Это мне ухо рвало! – Шабанов дожевал последний кусок. – Видишь, я сдержал слово!

– Я сейчас же приведу доктора! – воспряла и повеселела Агнесса. – Иван Ильич просто замечательный доктор! Он вылечил меня от насморка!

– Да, насморк – заболевание страшное!

– Ужасно! Это ужасно! Я чуть не умерла!.. Пожалуйста, выпей сок и ложись на диван. Я сейчас! – Она поспешила к двери. – Иван Ильич – настоящая «скорая помощь». Кстати, он вылечит и искривление позвоночника! Только скажи ему.

– Ну уж нет! – засмеялся Герман. – Горбатого могила исправит!

– Ты просто не знаешь, какой он чудесный доктор! – Она выскользнула за дверь и, притворяя ее, добавила: – Я велю ему явиться немедленно!.. Только не говори про меня ни слова! Язык на замок!

Ему бы сразу побежать следом, однако, нагруженный информацией, слегка одуревший от нее и еще от сытной пищи, Шабанов в буквальном смысле тонул и соображал медленно.

И когда через полминуты, хромая на обе ноги, выбрался на крыльцо, оказалось поздно. Ни возле дома, ни в ближайших видимых окрестностях – в том числе и на реке, никого не было…

Упустив Агнессу, он решил отследить, откуда и на чем явится

доктор, потому в дом не заходил. Дороги в этой «Швейцарии» отсутствовали полностью, значит автомобиль или даже телега, запряженная конем, полностью исключались, оставалась вода и воздушное пространство. Немного поразмыслив, вертолет он тоже отмел, поскольку за пять дней скитаний лишь единожды слышал отдаленный гул и в воздухе не видел ни одного. Даже преследователи в черной униформе, впрочем, и в пятнистой тоже, передвигались скорее всего по воде и сухопутьем. Поэтому Шабанов стал наблюдать за рекой, видимой от горнолыжной базы на добрых полкилометра в каждую сторону. «Скорая помощь», как и везде, не особенно-то была расторопной, прошло пять, десять минут – никакого движения, а Германа после мяса начала мучить жажда. Он вытерпел еще минут пять и вошел в дом, чтобы взять со стола банку с соком, но когда снова вышел на крыльцо, увидел человека, поднимающегося по ступеням, и откуда он взялся, на чем прибыл, сказать было трудно.

Высокий, сухощавый, однако же круглолицый старик в брезентовой куртке и шляпе скорее напоминал рыбака, чем доктора, и только типичный, старенький саквояж сельского фельдшера выдавал его профессию.

– Вы куда-то уходите? – спросил он на ходу, скользнув взглядом по НАЗу.

– Нет, я ждал доктора, – Шабанов отступил в сторону.

– Почему же котомка?..

– Мне так удобно.

Он пожал плечами.

– Проходите вперед!.. Минуту, а что у вас с ногами?

– Пулевое ранение, – признался Герман. – Кости не задело…

– Мне сказали, у вас что-то с ушами!

– Ну и с ушами тоже…

Старик посадил Германа на стул, рук мыть не стал, как это делают приходящие доктора, протер тампоном – запахло, как в ветлечебнице.

– Теперь-то снимите котомку. Она вам мешает.

Противиться было бы смешно, ему не скажешь, что это корсет. Шабанов поставил НАЗ возле ножки стула, под руку. Там же висел пистолет…

Доктор натянул на лоб зеркальце с отверстием и, приблизившись вплотную, посмотрел в глаза, в нос, и лишь потом ощупал все вокруг уха, заглянул внутрь. Все наскоро, будто спешил куда.

– Понятно, – заключил. – Что произошло?

– Катапультировался, – не сразу признался Герман, решив, что скрывать, кто он и откуда взялся здесь, не имеет смысла. –

Лопнул сосуд, у меня такое уже было…

– Что значит – катапультировался? – или прикидывался, или на самом деле не понял Иван Ильич.

– Прыгнул с самолета. Вынужден был оставить борт…

– Откуда? – изумился тот, словно впервые слышал о самолетах и прыжках.

– Из боевого, военного самолета. Он оборудован специальным приспособлением – катапультой, – наблюдая за доктором, стал объяснять Герман. – Чтобы пилот успел покинуть машину в критической ситуации. Военный истребитель имеет высокую скорость…

– Что вы мне рассказываете о самолетах! – возмутился он. – Я их много раз видел. Самолеты летают очень быстро, очень высоко и издают при этом сильный неприятный звук… Лучше объясните, зачем прыгали? Вы что, с ума сошли? Это же очень опасно!

– Но я же с парашютом, – Шабанов никак не мог понять, дурака валяет этот доктор или на самом деле настолько не от мира сего, что видел самолеты лишь высоко в небе.

– А, парашют знаю, слышал! И все равно, зачем нужно подвергать жизнь такой опасности?

– У меня кончилось топливо…

– Как это понимать – кончилось топливо? – Он выпучил глаза. – Топливо, это же дрова…

Шабанов не считал себя тонким психологом, впрочем, как и физиономистом, однако сейчас вдруг уверился, что Иван Ильич не прикидывается, а на самом деле обескуражен и поражен словами пациента.

– В самолетах вместо дров используется керосин, – терпеливо объяснил он. – Так вот, у меня он и кончился…

– Керосин я знаю, это хорошо! – вдруг одобрил и обрадовался доктор. – Это уже прогресс… Знаете, молодой человек, однажды я ехал на поезде. Тогда был совсем еще маленький, но хорошо запомнил. Поезд тащил паровоз, такая большая черная машина, которая работала на дровах и испускала очень много пара. И сейчас подумал! – Он засмеялся. – Неужели и самолеты летают, сжигая дрова?

– Нет, они работают на бензине или керосине. – Шабанов разговаривал с ним как с ребенком. – Мой самолет был реактивным. Это такие двигатели, которые разгоняют машину до сверхзвуковой скорости…

– Постойте, постойте! – перебил он. – Но почему за самолетами тянется пар, как за паровозом?

– Это инверсионный след! Двигатель выделяет тепло, а в верхних слоях атмосферы очень холодно, настоящий мороз. И

получается облако…

– Конденсат влаги, это я знаю! Вы смелый человек. Прыгнуть с такой высоты… В моей практике первый случай!

Герман прикусил язык, неожиданно вспомнив Агнессу, которая занималась молекулярной оптикой – направлением в науке, о котором даже он, имеющий хоть и военное, но высшее образование, знал смутно и не мог даже точно сказать, к чему оно относится – физике или химии.

А этот доктор будто бы не имеет представления, на каком топливе летают самолеты…

Пауза заставила его вернуться к здоровью пациента.

– Ну-с! И когда же почувствовали боль?

– Четыре дня назад…

– Почему сразу не обратились за медицинской помощью?

Шабанов чуть не сказал, что не знает даже, где находится, в какой географической точке, в каком государстве, не то чтобы искать врача…

– Вот, обратился, – проронил он. – Первая возможность…

– Слишком поздно, молодой человек! – будто уже справку о смерти выписал. – Вы что, сами не чувствуете дурной запах?

– Откуда дурной запах?

– От вас! Из вашего уха! – Доктор принюхался. – Я сразу же почувствовал, идет процесс разложения тканей…

Герман обоняния не терял и дурного запаха от себя не чуял. Иное дело, воняла «принцесса» в НАЗе, и этот плут и хитрец сейчас на нее и намекал. А может, вообще явился проверить, жива она или нет…

– Это очень серьезно, молодой человек! Вы можете потерять не только слух, но и жизнь. – Иван Ильич застрожился, видно, припугнуть хотел. – Я с такими случаями вообще не сталкивался! Такое страшное заболевание! И как вы допустили? Сейчас придется сделать компресс… А ну, покажите ноги!

Разувшись и подтянув штанины, Шабанов поставил пятки на соседний стул и принялся разматывать бинт. Доктор увидел лодыжки, покачал головой.

– У вас еще и ожог! А это откуда?

– Тоже от катапульты, – сдержанно сказал Герман.

– Да что же это такое – катапульта?! Вы же изуродовали себя!

– Сам виноват, ботинки не зашнуровал…

Пулевые ранения доктор осмотрел молча, так же быстро и вынес вердикт:

– Нужна срочная госпитализация! Собирайтесь!

Шабанов откинулся на спинку стула, сказал определенно:

– В госпиталь не поеду! Лечите здесь.

– То есть как – не поеду? Вам необходимо очень серьезное и долгое лечение, под постоянным наблюдением, – он достал из саквояжа аэрозольный баллончик, опылил раны и ожоги на ногах. – Одевайтесь!

«А ху-ху, не хо-хо, доктор? – усмехнулся про себя Шабанов. – Может, поговорим о молекулярной оптике?»

Но вслух сказал:

– Если можете помочь – помогайте здесь.

– В этих условиях? – возмутился Иван Ильич. – Без специального оборудования и препаратов?.. Даже извлечь пулю нечем! Впрочем, и в лазарете нечем… Я никогда не видел пулевых ранений… Мне сообщили, обыкновенное воспаление среднего уха. Я практически ничего не взял с собой!

– Кто сообщил?

– Лев Алексеевич!.. А его! – Он сделал страшные глаза, словно сообщал великую тайну. – А его просила сама Агнесса!.. Что я отвечу им? Бросил вас с таким тяжелым заболеванием?

– Спасибо за заботу, Иван Ильич. – Шабанов натянул ботинки. – Мой поклон Льву Алексеевичу… ну и вашей Агнессе. Я остаюсь.

Он сломался, стал растерянным и беспомощным, чем опять пробудил сомнения.

– Хорошо… Ваша воля… Попробую доставить сюда кое-что… А сейчас могу сделать лишь согревающий компресс… Право же, ничего с собой нет!

– Компресс так компресс, – согласился Герман. – Если он поможет…

Доктор вынул листок промасленной бумаги, положил на нее большой клок ваты, обильно смочил ее спиртом, затем покрыл серой, марлевой салфеткой и пленкой; делал все со старанием, любовью, и Шабанов непроизвольно пришел к мысли, что он скорее всего даже не врач – фельдшер, и ничего, кроме компрессов да лечения насморка, не может.

– Послушайте, Иван Ильич… Может, мне и внутрь принять? – Герман кивнул на спирт. – В честь праздника!

– Внутрь? – испугался тот. – Это же спирт!

– Самый чистый напиток! К тому же если медицинский…

– У вас бред, молодой человек! – умоляюще проговорил доктор. – Не знаю, удастся ли мне вылечить вас в таких условиях? Если бы вы согласились на госпитализацию!..

Наконец он приляпал изготовленный бутерброд к уху, привязал полотенцем.

– Посидите немного, – предупредил. – Через минуту начнет греть.

Пока он собирал и укладывал в саквояж свои причиндалы, Герман почувствовал, как затихает головная боль и волна легкого, приятного жара катится от уха к горлу и темечку.

И в следующий миг понял, что теряет сознание! Дернулся за НАЗом, и вроде бы ухватил ее, поднял на колени, но пузырящийся огонь лавой хлынул вниз и обездвижил тело…

6

То, что он находится в операционной или в палате реанимации, Шабанов определил сразу, по стенам и потолку, выложенным белой плиткой, и все-таки спросил:

– Где я?..

И лишь потом обнаружил, что лежит на кровати, стоящей посреди комнаты, совершенно голый и даже ничем не накрытый. В ухе еще чувствовалась болезненная пробка, но при этом он слышал свой голос, шорох и скрип постели под собой. Ощущения его были такими, словно он только что катапультировался и сейчас благополучно приземлился, вернее, завис на деревьях: все окружающее плыло, мягко качалось, но была уверенность благополучного исхода. Земля рядом, он жив, и пока еще не так важно, куда упал…

Шабанов оперся руками и сел. Ожоги на лодыжках практически зажили, краснела молодая кожа, и пулевые раны в икроножных мышцах затянулись, оставив неглубокие, сморщенные ямки.

– Сколько же я тут лежал? – спросил он, озираясь.

В комнате окон не было, прямо от ног на стене виделся прямоугольник двери, и, на что он сразу же обратил внимание, – никакого медицинского оборудования, никаких приборов, обычных для операционной, нет даже ламп или светильников, просто голая, стерильно чистая палата, и непонятно, почему в ней так светло.

И тепло…

Сознание было совершенно ясным, без всяких провалов памяти. Герман отлично помнил, что произошло до того, как доктор привязал к его уху коварный, наркотический или наркозный компресс. Все, до мельчайших подробностей! Значит, с ума его не свели, а этот Иван Ильич против воли его усыпил и переправил в госпиталь.

Он еще раз осмотрел стены, потолок и сделал вывод, что находится в какой-то районной больнице: плитка мелкая, старая, положена неровно, бурый плитчатый пол хоть и чист, однако же вышаркан от двери к кровати, и сама кровать, грубовато покрашенная белой краской, узкая и старенькая, а постель под ним, то есть подушка и простыня, покрыты целлофаном, клетчатым, армированным, который используют для теплиц. Но пахнет отчего-то не больницей, а летним лугом, когда скошенная утром трава подвялится на жарком солнце и к вечеру начинает источать запах нектара. Этим духом заполняется все

пространство, воздух, сама земля и даже вода в реке Пожне напитывается сладковатым, вездесущим ароматом, и с сумеречной прохладой, вместе с выпадающей росой все это усиливается, пахнет до головокружения, и лишь к утру медовые испарения тяжелеют, иногда становятся приторными и, наконец, выпадают на листья деревьев, на траву и даже на случайно оставленную материну косынку липкой, сладкой падью.

В этом одиночном, стерильном боксе запах пади источался откуда-то вместе со светом…

В следующий момент он напрочь отмел предположение, что это операционная. И даже не реанимация: в изголовье стоял старенький, какой-то столовский, железно-деревянный стул и на нем одежда – его высотный комбез, свитер, майка, трусы с носками, ботинки и самое потрясающее – пистолет-пулемет «Бизон» висит на спинке. Шабанов вскочил, разгреб одежду…

«Малямбы» на стуле не было!

– Звезда прилетела! – сказал он и сел на кровать.

Колечко на пальце, разумеется, тоже отсутствовало, как и часы на руке, и офицерский медальон на шее.

Перехитрили, сволочи, не хватило змеиной натуры, чтобы их обдурить. Понадеялся на свои силы, на гены, унаследованные от бати или бабушки, – теперь расхлебывай кашу! Ведь и пистолет повесили, наверняка прежде разрядив магазин! Как издевку, мол, давай, парень, попробуй, даем тебе шанс…

Герман снял «Бизон» со стула, отсоединил магазин – на месте патроны! И один так и сидит в патроннике, все как было. Нет, изменения есть, пистолет почищен и смазан. Значит, боек спилили, боевую пружину прослабили, патроны сварили, наконец! Чтобы поиздеваться, посмеяться, если дернется…

Еще раз оглядев себя голого, Шабанов стал одеваться и неожиданно отметил, что вся одежда отстирана или так хорошо очищена, что на комбезе, прошедшем огонь и воду, нет даже пятнышка, ботинки вымыты, а дыры от пуль на штанинах аккуратно заштопаны. Офицерский жетон оказался в карманчике, и часы там же…

– Ненавязчивый сервис, – пробурчал он. – Забота о человеке… А «принцессу» умыкнули!

Часы показывали полдень, девятое мая…

Он не поверил, приложил к уху, понаблюдал за секундной стрелкой – идут! Выходило, что он пробыл в палате каких-нибудь пять часов, а было чувство, будто лежал тут недели две…

К двери он подошел как к роковой черте: могли оставить даже оружие, но запереть на замок! Уж очень этот бокс похож на камеру… Медная, старомодная ручка легко опустилась вниз,

массивная дубовая дверь с шорохом начала растворяться; за ней оказался небольшой казенный коридор с большими окнами, откуда падал яркий, обильный солнечный свет. И пусто!.. Шабанов выглянул на улицу – зеленеющий дворик, свежие, недавно вскопанные и засаженные цветочной рассадой клумбы, посыпанная песком дорожка, а за стальной изгородью – старый, плотный от деревьев, непроглядный и чуть зеленеющий по-весеннему парк. На сельскую больницу не похоже, скорее, какой-то пансионат.

И решеток на окнах нет, открывай и беги…

Ну да, теперь-то зачем его держать, коль «принцессу» захватили? Сунули в палату, вернули одежду и пистолет, очнешься и гуляй себе на здоровье. И благодари, что жизнь сохранили!

– А балалайку вам! – Герман толкнулся в соседнюю дверь и увидел точно такую же палату. На кровати лежал человек, сложив руки на груди, словно покойник. Это был наверняка умирающий старик, с иссохшим, синеватым телом, костлявый, немощный, жалкий, но живой. Дышал медленно, с хрипотцой, на проваленных щеках топорщилась седая двухнедельная щетина, а сквозь износившиеся, тончайшие, как промасленная бумага, веки просвечивались глаза.

В этом боксе пахло совершенно иначе – отстиранным в бане, отполосканным в проруби и высушенным на морозе бельем.

Шабанов попятился к двери, но старик вдруг поднял свою пергаментную руку и поманил к себе.

– Сестричка… Позови доктора, не могу уснуть.

– Я не сестричка, – сказал Герман, озираясь: бокс точно такой же, как у него, и так же ничего нет – шаром покати.

Умирающий приподнял веки.

– Кто ты?

– Да я тут… Лежу в соседней палате.

– А-а… Значит, сестрички нет?

– Я вообще тут никого не видел…

У Шабанова родилась идея. Этот на ладан дышащий человек уж никак не мог быть связан с охотниками за «принцессой», подвернулся первый случай, когда можно поговорить и выяснить хотя бы свое местонахождение.

– Слушай, дедушка, мы где сейчас находимся? – спросил он.

– В лазарете, – пролепетал старик.

– Это я знаю. Как называется селение?.. Или это город? Где стоит лазарет?

Тот поднял веки, посмотрел мутным, отстраненным взглядом – не понимал вопроса. Или вспомнить не мог…

– Ну хорошо, мы сейчас находимся в России? Или в Китае? Где?

– России нет, – вдруг обронил умирающий. – А так хотелось перед смертью взглянуть на родные места…

– Погоди, дедушка. А здесь-то что? Кругом русские люди…

– Здесь лазарет.

– Ладно. Чья это территория? Какое государство?

– Разве это государство?.. Государство, когда есть государь. А в империи – император…

Кажется, старик давно впал в детство…

– А здесь кто управляет? – спросил Герман.

– Здесь Иван Ильич…

– Иван Ильич – это доктор! А кто всеми людьми являет? Кто стоит во главе?

– Господь Бог…

– Да это понятно! – Шабанов терял терпение. – Я хочу выяснить, где я сейчас нахожусь! В какой стране?

Старик поморгал, слегка разогнав муть в глазах, посмотрел более осмысленно и вдруг спросил:

– Ты не летчик ли, мил человек? Это не твой самолет упал возле Данграласа?

Герман хотел немедленно уйти – кажется, он стал здесь популярной личностью, если даже этот божий одуванчик слышал о нем, да еще и узнал!

Но старик расцепил пальцы на груди и протянул сухонькую, блеклую ладонь.

– Дай руку… Дай, хочу подержаться за тебя. Скажи, что там теперь? В том пространстве, где была Российская империя? Люди еще есть?.. Нет, не животные в образе человеческом, не строители коммунизма… Обыкновенные грешные люди?

– Есть. И очень много! Их всегда было много…

– Какая хорошая рука… Крепкая… Я слышал, большевики первыми в космос полетели? Это правда?

– Правда…

– А ты большевик?

– Нет, не успел…

– Что не успел?

– В партию вступить. У нас же перестройка была. Коммунисты разбежались, теперь демократия.

Старик помолчал, опустив свои бумажные веки, затем приподнял их, проговорил дрожащим тенорком:

– Заблуждение, химера… Россия жива, если есть имперский дух. Нет империи, нет России… Ну, теперь ступай. И позови сестричку.

Мысль, что он попал на территорию некой русской общины, у Шабанова появлялась и раньше. Теперь же умирающий старик подтвердил догадку: безусловно, это иммигранты первой волны и их потомки, проживающие компактно в иноязычной среде, зарубежные соотечественники. Но это им не помешало заманить русского летчика в ловушку и захватить «принцессу». Конечно, им самим она не нужна, сделали это по чьей-то заявке. Подослали слабоумную или, напротив, очень опытную в таких делах девицу, усыпили бдительность духовым мылом, мясом по-французски и взяли как пацана…

Теперь и он иммигрант, потому что без «принцессы» или ее колечка возвращаться домой, значит сразу же угодить на тюремные нары. Наверное, дадут много, выйдешь стариком…

– А во вам! – уже в коридоре показал Шабанов. – Оставаться тут с продажными скотами… Да лучше сяду!

Он пробежал по всем шести палатам, в одной нашел мальчика-подростка на кровати, и никого из обслуживающего персонала. Ни врачей, ни дежурной сестры, и даже нянечки нет! Оказавшись на лестнице в конце коридора, он спустился на первый этаж и увидел дверь с надписью «Ординаторская». Иван Ильич спал на кушетке между двух стеклянных шкафов, укрывшись белым халатом, а рядом, на тумбочке, стоял его дурацкий старомодный саквояж.

Герман сунул ему пистолет под нос.

– А ну, встать!

Тот вскинул голову, сонно похлопал глазами и внезапно обрадовался:

– О! Вы уже здесь? Отлично! Кто вам помог выйти из анабиоза?

– Где НАЗ? – Шабанов вздернул стволом подбородок доктора.

– Что? Какая НАЗ?

– Не надо прикидываться, Иван Ильич! Моя котомка!

– Не знаю… Право же, я и не могу этого знать!

– Сюда ты меня привез с котомкой?

– Минуточку… Точно не помню. Вы были в плохом состоянии!.. Да, кажется, с вами что-то было. Возможно, и котомка.

– Так где она?!

– Погодите. Надо подумать…. – Иван Ильич не очень-то боялся оружия, скорее, оно просто доставляло ему неудобство. – Я сделал компресс, потом собирал саквояж…

– Не компресс – наркоз сделал!

– Помилуйте – компресс! Самый обыкновенный, спиртовый. Вы еще попросили употребить его внутрь! И хорошо, что я сразу

понял, что у вас бред… Вы и так упали в обморок… Да-да, припоминаю! На коленях оказалась котомка! Все верно! С ней вас и доставили. Значит, ваши вещи в кастелянной!

– Где?!..

– В кастелянной. Там хранятся вещи больных!

– Веди, показывай! – Герман поднял его, как мешок, толкнул к выходу.

Доктор на ходу обернулся и снова засиял от радости.

– Нет, скажите! Как вы сами вышли из анабиоза? Невероятно!..

– Сейчас самого отправлю в анабиоз! Если не найдешь НАЗ!

– У вас превосходный организм! Редчайший случай. В моей практике второй…

– Хватит болтать! Веди!

Иван Ильич рассеянно покружился, вспомнил, что от него требуется, и негромко позвал:

– Анна Лукинична? Больной интересуется своими вещичками… Не могли бы вы показать?

Не то что в коридоре, но и за окнами, во дворе, никого не было – к стене он обращался, что ли…

– Сами посмотрим! – Шабанов пихнул его в спину. – Какая дверь?

– Это невозможно! Без сестры-хозяйки мы ничего не найдем. Она очень строгая женщина…

В тот момент Герман увидел, как через двор степенно и чинно вышагивает пожилая женщина с манерами старой барыни. Через минуту она вошла в коридор, на ходу протягивая руки для поцелуя, заговорила снисходительно и царственно:

– Звали меня, Иван Ильич?.. Я прогуливалась сейчас в парке и смотрела на птиц. К нам прилетели перелетные птицы! На озере сели черные лебеди! Ах, какие они прекрасные, Иван Ильич! Зря вы сидите в больнице, когда на улице такая чудесная пора. Скоро же снова придет осень…

– Этот молодой человек, Анна Лукинична, уверяет, что поступил к нам с котомкой, – целуя руки сестре-хозяйке, ласково проговорил доктор. – Вы не припомните, так ли это?

– Котомка?.. Ах, да, я принимала заплечный мешок! – словно оперная певица, запела она. – От него так дурно пахло!

– И верно! – подхватил Иван Ильич. – Теперь и я вспомнил! Еще вначале подумал, дурной запах идет от уха, но позже выяснилось – из котомки. Запах преследовал всю дорогу и приходилось зажимать нос! У вас что-то испортилось!

– Верните немедленно! – потребовал Шабанов, негодуя на эти жеманные отношения. – Где она?

– Ах, молодой человек! – воскликнула сестра-хозяйка. – Вы так волнуетесь!.. У меня ничего не пропадает. Ступайте за мной!

В узкой, тесной кладовой Герман сразу же увидел НАЗ, сдернул с полки и вытряхнул на пол. Все оказалось на месте – продукты, нож, аптечка и запасные магазины. Все, кроме «принцессы»…

– Здесь находился прибор!.. Тот самый, что издавал неприятный запах! Где?

Доктор с сестрой-хозяйкой переглянулись, пожали плечами.

– Вероятно, была комиссия, – проговорила она. – Все дурно пахнущее изъяли…

– Да! Была комиссия! Припоминаю! – подхватил Иван Ильич. – Проверяли санитарное благополучие. Возможно, решили, что это у вас испорченные продукты… И выбросили на помойку.

Кажется, они в самом деле переживали за случившееся или искусно валяли дурака. Шабанов взял боеприпасы, рассовал по карманам.

– Где помойка?

– Помойка – это относительно, иносказательно, – затараторил виноватый доктор. – Весь мусор уничтожается в специальных печах, чтобы не загрязнять среду обитания…

Герман тупо походил взад-вперед, унимая клокочущее недовольство и отчаяние. Это был приговор! Окончательный, не подлежащий обжалованию…

– Сударь, сударь! – вдруг всполошилась сестра-хозяйка. – Вы летчик? Я вас узнала! Тот самый летчик! Ваш самолет упал близ Данграласа!.. У нас так редко падают самолеты, каждый становится целым событием!

Эта стареющая барыня радовалась, как девочка, и рассматривала Шабанова с таким видом, как будто сейчас начнет ощупывать или проверять на зуб.

– Вы разочарованы, молодой человек? – участливо спросил доктор. – У вас будут неприятности?

– Неприятности?! – чуть ли не взревел Герман, уже презирая этих слабоумных иммигрантов. – Да лучше бы у меня голова отгнила! Чем потерять «принцессу»!

– Принцессу? – устрашилась сестра-хозяйка. – У вас в котомке сидела… принцесса?

– Лежала, а не сидела!

– Уф, как напугали!.. У нас тоже есть принцесса. Ее зовут Агнесса! Очаровательная Агнесса!

– Она что, на самом деле принцесса?

– Нет, но мы так называем ее! Она очень умна и царственна,

хотя совсем еще дитя!

– Кто сжигает мусор? – спросил Шабанов. – Я должен убедиться, что «принцесса» уничтожена.

– У вас бред, молодой человек, – определил доктор. – Вы самостоятельно вышли из анабиозного сна, и это дало осложнения. Вам необходимо срочно вернуться в палату.

– С дороги! – Он повел стволом пистолета.

– Анна Лукинична, голубушка, проводите больного на свое место, – невозмутимо попросил Иван Ильич. – И отнимите у него одежду.

Шабанов дернулся к двери, через которую вошла сюда сестра-хозяйка, однако натолкнулся на незримую стену, упругий, спрессованный воздух толкал его назад, словно впереди был натянут прозрачный батут. Тогда он сделал отчаянную попытку пробиться с разгона, ударился всем телом и, отлетев, оказался в руках Анны Лукиничны.

– Я провожу вас, – ласково проговорила она. – Не волнуйтесь, найдется ваша принцесса, и все образуется. Вы еще очень слабы, юноша, вам требуется покой и отдых…

Она повела его по лестнице вверх, словно бычка на веревочке, растворила дверь палаты, раздела и уложила на кровать. Герман мог сопротивляться единственным способом – удерживать себя в сознании, не позволять вновь усыпить его хоть в анабиозный, хоть в простой сон. Он помнил один старый, еще детских времен, способ сохранить самообладание – сосредоточиться и быстро-быстро повторять упражнение для ума и языка:

– Жили были три японца: Як, Як Ци Драк, Як Ци Драк Ци Драк Ци Дроне…

Шабанов успел выговорить немного, язык начал заплетаться и отказал, потому что он вдохнул запах травяного нектара и увидел себя шестилетним мальчиком, бредущим по свежей и колкой стерне заречного покоса…

Во второй раз он пробуждался от сна с великой неохотой…

У него было полное ощущение, что он несколько дней прожил ребенком в своем доме, видел родителей молодыми, косил и ворошил с ними сено, ел недозрелую черемуху и купался в реке Пожне. То есть совершил невероятное – побывал в детстве, однако это потрясающее, радостное чувство было испорчено тем, что откуда-то появилась Лися – дурочка из соседней деревни. Тогда ей было лет пятнадцать, зимой работала она сучкорубом на лесоучастке, и потому как летом лес не готовили, Лися просто болталась по деревням и воровала где что под руку попадет, чаще

всего кур. Когда же ее хватали на месте преступления, кричала:

– Это не я! Это Лися! Лися куру сперла!

И еще одно сходство с лисой было у дурочки: огненные волосы, но кожа при этом чистая, шелковая, без единой конопушки, которые обычно бывают у рыжих. Она наверняка бы стала местной красавицей, но ее украл, изнасиловал и научил воровать какой-то проезжий цыган. И сделал из нее настоящую ведьму. В школу она после этого не ходила и лет с двенадцати стала бедой и яблоком раздора для всей округи. Кроме кур Лися начала воровать мужиков, мальчиков и однажды даже соблазнила старика лет под семьдесят, который на ней и умер. Несколько раз ее ловили и били женщины, но дурочка быстро отлеживалась и снова выходила на промысел, завлекая даже самых порядочных и стойких мужиков, а у тех, кто поднимал на нее руку, начинались несчастья и болезни.

Бабушка Шабаниха все свои колдовские чары употребила, чем только не поила, и тайно, и явно – ничего не помогало!

Вот теперь эта Лися пришла к черемухе, на которой сидел Герка, и начала звать:

– Иди ко мне, мальчик. Ну, иди! Я же вкуснее черемухи. Она вон еще бурая, наешься – потом не про……ся. А я зрелая и сладкая… Хочешь, дам за щелку подержаться? Смотри, какие красивые волосики вокруг! – приподняв подол, она показывала что-то огненное и притягательное. – Спускайся ко мне… Никто же не видит! Ну?..

Герка едва уже цеплялся дрожащими руками за сучья и висел на черемухе, как зрелая груша, готовая пасть на землю. Вся кровь, как во время катапультирования, прилила к низу, и в голове звенело от пустоты. А эта хитрая ведьма продолжала манить:

– Покажи, у тебя есть же в штанишках гвоздик? Такой горячий гвоздик… Сними трусишки и покажи? Никто же не видит. И никто не узнает!

Когда он отвернулся и из последних сил вцепился в ствол черемухи, схватываясь то жаром, то холодным страхом, Лися засмеялась и сказала:

– Сейчас стрясу тебя! Не удержишься!

И начала растрясать, раскачивать дерево, а Герка с глубоким внутренним сопротивлением будто бы закричал:

– Не хочу! Оставь меня здесь! Не хочу-у-у!..

Но горло слиплось от знобящего жара, и крика не получилось. Лися раскачала черемуху так, что он сорвался и брякнулся на землю прямо к ее ногам. И тут увидел, что это вовсе не дурочка склонилась над ним – сестра-хозяйка, эта матронесса Анна Лукинична!

Она растрясла, освободила Шабанова от кошмарного сна, однако заговорила сладенько, голосом Лиси:

– Проснитесь, молодой человек! К вам очаровательная посетительница, принцесса! Вставайте!

Он не встал, хотя мгновенно среагировал на слово «принцесса», однако уже и не спал, находясь в полудреме; почувствовал теплую руку на голове и, думая, что это рука матери, оттолкнулся от твердого берега и снова поплыл бы по волнам детства, если б не услышал знакомый летучий голос:

– Какой ты смешной!.. И такой шерстяной!

Сначала Шабанов увидел Агнессу, склонившуюся над ним, и чуть позже, себя, голого, – лежал, в чем мама родила! А она без всякого стыда лохматила на его груди волосы, щекотала живот и смеялась:

– Ты похож на медведя! На молодого, сильного медведя. Я буду звать тебя принц!

– Где «принцесса»? – спросил он или хотел спросить – губы и язык почему-то не повиновались.

– Вот, я принесла передачу! – Она не услышала, выложила ему на грудь три тяжелых апельсина. – Знаю, у вас принято приносить больным фрукты. Ешь! Или нет, открой рот, а я стану выдавливать сок. Ты же хочешь пить?

На сей раз она явилась в нарядах неожиданных – натуральное свадебное платье, ослепительно белое и с белым же узором по ткани, напоминающей парчу. В глубоком вырезе до основания высокой груди сверкало бриллиантами ожерелье в виде сетки, волосы связаны на темени и убраны мерцающими звездами. Сейчас она действительно походила на принцессу…

Агнесса медленно сняла белые перчатки, содрала с апельсина огненную шкурку, напоминающую волосы Лиси, и стиснула его двумя руками – сок побежал на лицо, попал в глаза, защипало и все задвоилось. Он сообразил, что это очередной и уже знакомый сон: почти так же она являлась в первый раз, когда он ночевал возле хутора. Разве что там она манила откровенно, как Лися, а здесь втягивала в какую-то полудетскую эротическую игру, от которой нельзя было отделаться.

Шабанов отер лицо ладонью, тем самым как бы принимая игру сна или воображения, и одновременно отмечая реальность происходящего.

– Ну, разожми зубы! – потребовала она. – Открой рот! Я хочу, чтобы ты открыл!

В последних словах зазвучал детский каприз. Шабанов и в самом деле обнаружил, что челюсти свело, стянуло рот, голосовые связки, и вспомнил, отчего это произошло – объелся

незрелой черемухи…

Она разлепила ему пальчиками губы и, приложив апельсин к зубам, стала тихонько давить сок. Когда набрался полный рот, он сделал глотательное движение, промыл гортань и обрел голос.

– Одежда… – Он сел и огляделся. – Где моя одежда?

Апельсины раскатились по полу.

– Зачем тебе одежда, мой милый принц? – зажурчал ее соблазнительный смех. – Ты такой красивый… Пей сок!.. Хочу, чтобы ты больше никогда не носил никаких одежд! Разве что набедренную повязку…

«Сейчас разденется сама», – обреченно подумал Шабанов, ничуть не сомневаясь, как и чем закончится этот сон.

Будь это наяву, он бы и сам вытряхнул ее из этого королевского платья…

– Ах, да! Почему доктор не оставил одежды? – возмущенно спросила она. – Велю немедленно принести!

Буквально через несколько секунд на пороге вырос Иван Ильич, нагруженный всеми вещами Шабанова, вплоть до пистолета и «малямбы».

– Агнесса Тихоновна! Сударыня! Ах, как вы сегодня прекрасны! – залепетал и затрепетал он, бросаясь к ее рукам, но вместо того, чтобы позволить поцеловать их, царственный этот ребенок гневно свел брови.

– Вы что принесли, доктор?! Я сказала – принести одежды. Которые я прислала в больницу! А это – амуниция!..

– Нет! – Шабанов ухватился за свои вещи и потянул к себе. – Нет, мне нужно именно эту… Все это!

– Но мы идем в театр! – капризно воскликнула она.

– В театр не хочу, – тупо сказал Шабанов. – В какой театр?..

– Захочешь! Я уверена, ты непременно захочешь, как только узнаешь, куда мы идем, что будем смотреть и кто там играет!

– Я хочу домой, – пробормотал он, ощущая в себе детскость, оставшуюся от сна. – И ничего не хочу знать.

– Хорошо, выдам секрет, – зашептала Агнесса. – Мы поставили «Женитьбу» Островского. И я там играю главную роль! Агафью!

– Все равно не пойду.

– Понимаю, у нас театр… домашний, самодеятельный, как у вас называют, но получился замечательный спектакль! И сегодня – премьера!

– Потому ты… в таком платье?

– Конечно же! Конечно! – Она решила, что продавливает его упрямство. – Надела, чтобы обносить, привыкнуть…

– Отдайте мою одежду! – сделав паузу, потребовал Шабанов и

потянулся за комбинезоном. – Вот эту! Я другой не хочу!

– Пожалуйста, сударь! – Иван Ильич с готовностью свалил ношу на кровать. – Право же, она идет вам лучше, нежели смокинг или сюртук.

– У вас хороший вкус, доктор! – одобрил он, хватая и натягивая трусы.

– Я бы никогда не осмелилась появиться в свете с мужчиной в столь экзотическом костюме, – Агнесса погрустнела и пригасила свой порыв. – Но сегодня уступаю! Как хочешь, Герман. Если тебе удобно в таких одеждах…

– Не гневайтесь, сударыня! – почувствовав слабину, заговорил доктор, при этом глядя на нее влюбленно. – Ей-богу, одежду сдали в кастелянную из самых благих соображений! Больной сам уже однажды вышел из анабиоза! И мы чуть не потеряли его!.. А у пациента сложный диагноз. Повышенная агрессивность, навязчивый бред… Кстати, сейчас он ничего не спрашивал о принцессе?

– Если только обо мне! – самоуверенно заявила она. – А если и бредил… то называл мое имя. Он звал меня, доктор?

– Ваше имя? – засуетился Иван Ильич, посматривая на Шабанова с явной неприязнью. – Нет! Он ни разу не называл вашего имени, дорогая Агнесса Тихоновна! Ни-ни! Пациент весьма озабочен некой навязчивой идеей. Да! Он все время искал какую-то принцессу, но не вас! – И тут же добавил с доверительным смешком: – Уверял, что спрятана в котомке! Вот в этой! Принцесса в котомке, смешно, не правда ли, сударыня!

– Герман, – Агнесса заглянула в глаза, выдержала паузу и заговорила внушительно: – У тебя же не было никакой принцессы? Ведь ты же помнишь, она погибла в самолете. Это же правда?

Шабанов не знал, что ей ответить: утверждение обратного снова бы вызвало подозрение, что он бредит. Оставшееся смутное чувство о путешествии в детство еще манило назад, но трезвеющий разум сопротивлялся этим наркотическим грезам. И все-таки он засунул руку в НАЗ, обшарил все уголки: «принцессы» не было…

Хотелось схватить доктора, тряхнуть и спросить, однако тот что-то почуял, отстранился, услужливо объяснил Агнессе:

– И еще уверял, что принцесса – это вовсе и не принцесса! А какой-то прибор! Да, и весьма дурно пахнущий!

Герман торопливо натягивал на себя одежду, одновременно проверяя карманы: все оказалось на месте – часы, планшет и даже радиостанция «комарик»…

– Оставьте нас, доктор! – повеселела и снова стала

легкомысленной Агнесса. – Мне кажется, он совершенно здоров.

– Но, сударыня! Я обязан наблюдать больного…

– Идите отсюда вон! – жестко произнесла она, глядя доктору под ноги.

Он не стал дожидаться, когда она поднимет взгляд, сверкнул глазами в сторону Шабанова и вмиг исчез из бокса. А эта странная взрослая девочка-диктатор подняла апельсины с пола и стала играть ими, с ловкостью фокусника катая в ладонях и любуясь ярким мельканием. Потом остановила это кружение и, подойдя к стене как к зеркалу, примерила фрукты к волосам в виде украшений, и Шабанов снова вспомнил Лисю.

– Мы уже встречались с тобой во сне, – вдруг проговорила она. – Помнишь?.. Я приходила в образе распутницы.

– Я все очень хорошо помню.

– Погоди! – Агнесса заговорила срывающимся полушепотом. – Хочу проверить тебя!.. Скажи, где мы встречались? И при каких обстоятельствах? Что я делала? Что делал ты? Ну?.. Говори, говори!

– Я сидел на дереве, – Шабанов, по сути, пересказывал предыдущий сон. – Ты стояла внизу и… звала меня. Потом потрясла дерево, и я упал.

– Все было именно так! – восхитилась она. – Но почему – на дереве? Я стояла на земле, а ты летел в небе!

– Не летел – висел, как мешок на черемухе!

– Что ты делал на этой черемухе?

– Ягоду ел…

Агнесса вздохнула с сожалением.

– Это была не я… Очень похоже, но встречался ты не со мной.

– Тогда ты еще была ярко-рыжая, – напомнил Герман. – И звали тебя не Ганя, а Лися. Да и наряды… другие. Вспомнила?

– Как? Лися?.. Чудное имя… Нет, я никогда не была рыжей, – она встряхнулась от воспоминаний. – Все было так: ты летел в небе, не очень высоко. Сначала я увидела твой самолет, и мне захотелось посмотреть, кто там летит. Просто из любопытства… И я посмотрела. Ты тогда что-то ел.

– Как же ты увидела? – спросил он, радуясь, что этот разговор происходит во сне и можно проснуться нормальным, здоровым человеком. – Обычно я обедаю на высоте в полтора километра.

– Я приблизилась к тебе и взглянула…

– На чем? Уж не на белой ли лодке?

– На белой лодке я катаюсь по воде… В общем, приблизилась и увидела, что это ты. Такой смешной и голодный. Ел что-то из банки руками… А потом заметил меня и взлетел очень высоко.

– Я не видел тебя. Видел только шар. Приплюснутый шар,

похожий на ярко-желтую тыкву.

– В этом шаре была я! – Агнесса счастливо рассмеялась. – И еще покружилась вокруг, чтобы ты заметил!

– Надо полагать, такой летательный аппарат? – не удержался и съязвил Шабанов, а сам еще раз подумал – хорошо, что сон.

– Что-то вроде твоего махолета, только без чугунного колеса… Ты мне очень понравился! И тогда я решила завести тебя в наши дебри.

– Так это я по твоей воле оказался здесь?

– Ну конечно же! – возликовала она. – Так долго кружила тебя в небе и закружила!.. Потом узнала, ты летел не один, с этой «принцессой»…

– Хорошо, что это сон, – вслух сказал Герман.

– Это не сон!

– Значит, сон разума…

– А вот и нет! А вот и нет! – запрыгала она от счастья, вызывая его раздражение. – Хочешь, ущипну? Или ущипни себя сам!

– В таком случае, где моя… «принцесса»? Была вот в этой котомке!.. Где?

– Не отдам! Не отдам! – Великовозрастное дитя откровенно дурачилось. – Зачем тебе прибор? Зачем дурно пахнущая «принцесса», когда есть настоящая? Я ведь тоже нравлюсь тебе, правда? Ну, скажи? Скажи, и будешь самым счастливым на свете!

Она возбуждала лишь тихое возмущение, готовое перерасти в глухую неприязнь и отвращение. Точно так же было с Лисей, когда она стряхнула Шабанова с черемухи и стала катать по земле, словно игрушку.

– Послушай меня, Агнесса, – сдерживаясь, проговорил он. – Если это не сон… Если ты действительно знаешь, где находится «принцесса»… Помоги вернуть ее.

– Какая принцесса? – прищуривалась она. – Здесь лишь одна принцесса – это я!

– Прибор! Ты понимаешь, что такое прибор?!

– Не совсем, но имею представление… А тебе он очень нужен?

– Я не могу без него вернуться!

Агнесса чуть отступила, провела рукой возле своего лица и будто смахнула дурашливую веселость.

– Вернуться?.. Куда вернуться?

– Домой. Домой, в свою часть. Я военный летчик и живу в военном городке…

– Я знаю, где ты живешь, – проговорила грустно.

– Тем более… Я должен вернуться домой.

– Неужели не хочешь остаться со мной?

Шабанов мысленно выругался, но сказал по-солдафонски тупо и определенно.

– Я служу в армии. Принимал присягу. Клятву такую, понимаешь? И я обязан вернуться!

– Если ты не получишь «принцессу», все равно вернешься?

– Все равно… Тогда меня посадят в тюрьму.

– В тюрьму?.. А что это – тюрьма?

– Такой дом, куда запирают на замок и лишают свободы.

Она подумала, растерянно покрутила головой, развела руками.

– За какой-то прибор… Лишают свободы? Разве это справедливо? Разве из-за такой безделицы можно посадить человека под замок?

– Я не выполнил своего долга, – с терпеливостью и надеждой объяснил Шабанов, не вдаваясь в подробности, что такое «принцесса». – Изменил присяге… Ты же понимаешь, кто нарушает клятву, тот преступник.

– Понимаю, – совсем грустно проронила Агнесса. – Нельзя изменять своему слову…

– Вот. Вот!.. Если можешь, помоги найти прибор. Конечно, если все это – не сон и не грезы.

– К сожалению, нет… Хорошо, я принесу твою «принцессу». Кто нарушит клятву – будет проклят. Идем!

– Вот это ты сказала правильно!

Наконец-то Шабанов покинул злосчастную больницу, которая казалась ему хуже тюрьмы. На улице дул теплый, весенний ветер, лопались почки, распускались листья, высокое небо отметилось крестиками перелетных птиц и одуряюще пахло жизнью, солнцем, свободой – как в путешествии в детство.

Нет, это была явь! Во сне он не ощущал таких ярких и многообразных запахов, кроме запаха парного молока и горячего хлеба.

И одновременно все напоминало сновидение, ибо в окружающем пространстве было много чего-то неестественного и бессмысленного, словно в древней и чужой цивилизации. Он жадно осматривался, уже по привычке выискивая приметы, по которым можно было бы установить свое местонахождение, но ни надписей, ни указателей, ни чего-нибудь знакомого, по чему можно определить хотя бы страну, на глаза не попадало. Вероятно, это был городок, расположенный в старом, ухоженном парке, или парк, где жили люди: сквозь просветы между огромными деревьями проглядывали каменные дома с нагромождением архитектурных излишеств, колоннады

неизвестного назначения, причудливые изваяния из камня, в том числе гигантские курицы, разлапистые беседки, мостики, перекинутые через ровное место, – что-то вроде огромной детской площадки, где все создано для воображения, фантазий и игры ума, и где не было детей – лишь изредка, вдалеке на парковых дорожках мелькали люди.

Кругом царил глубокий, оглушающий покой…

Агнесса оставила его в одной из причудливых беседок на берегу озера, где плавали вперемешку белые и черные лебеди, а сама удалилась куда-то в глубь бесконечного парка и пропала на два часа. Шабанов сначала исправно сидел на теплой каменной скамейке, затем прогулялся вдоль озера по дорожке, выложенной гранитными плитами, однако был вынужден спрятаться, поскольку впереди появилась легкомысленно одетая молодая пара. В их поведении было что-то детское, бездумно-веселое, и Герман, понаблюдав за ними, все-таки вышел и помахал рукой.

– Привет, ребята!

Застигнутые врасплох, они замерли на мгновение, а потом с криком бросились в парк, словно вспугнутые зверем дети. Конечно, в высотном комбезе, с НАЗом на плечах да еще пистолетом на ремне, он выглядел здесь как воинственный пришелец, и реакция туземных жителей была соответственной. Тогда он вернулся в беседку и стал ждать Агнессу, по-воровски озираясь по сторонам.

Она появилась внезапно, со стороны озера и, потому что Шабанов высматривал белое платье, в первый миг он не узнал ее: перед ним стояла девушка в высотном комбинезоне – точно таком же, как у него, и даже ботинки были зашнурованы лишь наполовину. Недоставало пистолета и «малямбы», но зато в руке Агнесса держала целую и невредимую «принцессу»…

– Спектакль не состоится, – заявила она. – Я отменила премьеру.

А он не мог отвести глаз от прибора и почти не слышал, что говорит Агнесса, все пролетало мимо. Она же приподняла «принцессу», брезгливо удерживая ее за «глаз» и чуть ли не зажимая носик.

– Ты искал вот это?

Герман потянулся рукой, однако она спрятала прибор за спину и отступила назад.

– Я верну… Но ты обязан выполнить одно мое условие!

Сказано было с той же капризно-игривой интонацией, как и на горнолыжной базе, где она кормила мясом по-французски, и это не предвещало никакой опасности.

– В театр? – спросил Шабанов. – Да ради бога!

– Нет, не в театр. Ты прослушал, что я сказала…

– Все равно выполню, – пообещал он. – Любое условие! Только отдай мою «принцессу».

– Нельзя изменять слову, – напомнила Агнесса и вручила прибор. – Ты сам говорил…

Шабанов чуть ли не выхватил его, поймав себя на мысли, что даже некогда отвратительный запах кажется сейчас приятным. Он тотчас же высвободил кольцо из разъема, натянул его на палец.

– Постой, Герман! Ты же не знаешь моего условия, – угадывая, что он собирается сделать, предупредила она. – Может, тебе захочется вернуть «принцессу», когда услышишь, что скажу…

– Считай до пятидесяти! – приказал он и, сжав руку в кулак, оторвал его от прибора. – Ты умеешь считать? Это будет примерно тридцать секунд!

Кольцо вышло с небольшим напряжением и ясным щелчком, словно выстрел из детского пистолета, и сразу же послышалось тихое шипение. Он огляделся по сторонам – никого! – положил прибор на гранитный парапет, взял Агнессу за руку и потянул в сторону.

Только бы не сон!

Шабанов толкнул ее за каменное изваяние в виде скрещенных рук, пригнул голову и выглянул наружу – «принцесса» виделась отсюда со спичечный коробок. Казалось, в этом тягучем, непоколебимом покое увязло и время…

– Сколько? – Он обернулся к молчаливой Агнессе, снимая с «обручального» кольца чеку в виде проволочной спирали. – Какой счет?

– Ты не выслушал моего условия, – вместо ответа сказала она. – Не пожалеешь? О том, что потерял?

– И что же я потерял?

– Я покажу тебе, что…

Вначале одновременно и резко ударили крыльями лебеди, все сразу, и белые, и черные, взметнулись с воды и потянули вверх; и вверх же ударил столб рыжего дыма, оторвавшись от парапета, и лишь потом ушей достал сухой треск взрыва. Гул прокатился по парку и увяз в кронах вековых деревьев.

Третье пробуждение было таким же, как первых два.

Разве что мир окончательно сузился, сжал его со всех сторон, и в первый миг Шабанову почудилось, будто он младенец, завернутый в пеленку вместе с головой. Высвободив руки, он попытался смахнуть с лица светящуюся матовую ткань и обнаружил, что это парашют. Шелестящий, многослойный шелк так спутался и перевился со стропами, что выбраться из него

оказалось непросто; разгребая его, он зарывался еще глубже, и когда наконец освободился и высунул голову на свет Божий, вновь спросил с удивлением и страхом:

– Где я?..

На сей раз вместо медицински стерильных стен вокруг был лес, дикий, захламленный, однако такой же светлый и стерильно-чистый. Гудело комарье, липло к вспотевшему лицу, вызывая зуд и ощущение реальности мира.

Шабанов выпутался из парашюта и увидел рядом, на мху, свою одежду, пистолет и НАЗ. Первым делом вскрыл ее, засунул руку, после чего вытряхнул на землю содержимое – «принцессы» не было…

И лишь потом обнаружил кольцо на припухшем безымянном пальце, в первый миг возликовал, подпрыгнул, потрясая кулаками: теперь было все равно, где он и куда попал, взять с него нечего.

– А балалайку вам!

Затем слегка угас, унял восторг: прошлое событие не было сном, а значит, Агнесса и в самом деле показала мир, который Шабанов утратил, оставила здесь и сама исчезла. И все было честно, достойно и благородно – он выполнил условие и был отпущен на все четыре стороны.

Пожалуй, кроме одного: не захотела проститься и ушла, когда он уснул…

Вечерний свет пронизывал голые кроны деревьев, невидимое за лесом солнце еще грело, но из темнеющих углов от земли несло сыростью, холодом, и оттуда же, как из преисподней, лезли комары. Оказалось, он лежал на небольшой мшистой поляне, между трех вросших камней, уже прогретой, совершенно сухой и усыпанной сиреневыми цветами сон-травы. И все бы ничего, даже столь резкая перемена обстановки, если бы не парашют, оставшийся тут по неизвестной причине. По самой безумной логике вещей, происходящих во время скитаний, его не должно было быть, поскольку он не имел уже никакого значения.

Он должен был, обязан был исчезнуть вместе с Агнессой!

Пожалуй, кроме одного, чисто практического – во время ночевок можно расстелить его на земле вместо постели и укрыться от злейшего, весеннего гнуса, иначе зажрут…

Может, и оставлен для этой цели?..

Отбиваясь от комарья, Шабанов торопливо натянул одежду, собрал, скомкал и засунул парашют в НАЗ, подхватил пистолет и еще раз осмотрелся, выбирая направление, теперь взглядом отрезвленным и деловитым. Кругом стояла плотная, непроглядная тайга, и лишь там, куда садилось солнце, виделся

обманчивый, призрачный просвет, какой бывает перед рекой, озером или дорогой. Бежать по этому лесу было невозможно, деревьев накрестило так, что приходилось карабкаться через завалы или огибать их стороной; Герман спешил, опасаясь сумерек и близкой темноты – можно без глаз остаться, а хотелось еще сегодня, сейчас узнать, куда же на сей раз его занесла судьба.

До заветного края света оставалось немного, когда он услышал знакомый гул в небе и, не видя машин, точно определил, что идут две СУшки, причем на небольшой высоте. Первой мыслью было – ищут его, и Шабанов включил «комарика». Сканер через три секунды отбил частоту, и тут же послышались знакомые позывные, запрашивали посадку…

Вместо того чтобы подать сигнал SOS или связаться с самолетами, он выключил рацию и сел на поваленное дерево. Все, приземлился… И впервые за семь дней скитаний ощутил пустоту, хотя казалось, радости не будет конца. Снова подняли на ноги и подстегнули его быстро спускающиеся сумерки, и когда он вышел на лысый склон горы, увидел впереди освещенные окна военного городка Пикулино и отдельно; чуть в стороне, огни взлетной полосы и рулежных дорожек. Если идти напрямую, всего-то километров пять…

Шабанов пошел путем долгим – спустился с горы на дорогу в Заборск и, не обращая внимания на автомобили, двинулся по осевой линии. Ему сигналили, крутили пальцем у виска, показывали средний палец, а с темнотой начали слепить фарами встречные машины. По оживлению на трассе можно было точно определить, что наступил вечер пятницы, и обнищавшие, оголодавшие офицеры его полка, обслуга, технари, пилоты да и прапорщики тоже, поскольку тащить со складов уже было нечего – вся эта служилая, по воле судьбы предприимчивая гвардия выезжала на промысел в торговый городишко. Там они брали на борт мешочников и гнали в Читу за товаром на круглосуточный оптовый рынок. Обернувшись в одну ночь, можно было заработать половину своего должностного оклада.

Здесь уже не нужно спрашивать, где я? Здесь все узнавалось, и только Шабанова никто не узнавал…

Он шагал безразличный, подавленный и к тому же ощущал, как наваливается усталость и одновременно – старческое спокойствие. Он не думал, что его ждет, кто и как встретит, и даже кольцо, доказательство уничтожения «принцессы» и выполненного долга, не вселяло никакой надежды на будущее.

Чуть ли не с того мгновения, как он пробудился в третий раз, в голове вставали картины того мира, который он утратил.

Так же безвозвратно, как человек утрачивает детство.

Изредка он поднимал глаза, озирался, будто возвращая себя в реальность, встряхивал свои думы, возвращаясь на землю, вспоминал, что впереди после таких передряг будет наверняка отпуск, отдых, и ничуть не сомневался, что для него все обойдется и от полетов не отстранят; что наконец пришла весна и скоро все оживет, зацветет, запоет, и он тоже постепенно избавится от памяти, освободится от абстрактного сознания и будет воспринимать мир таким, каков он есть.

Он хотел этого и усилием воли пытался отодрать себя от прошлого, но получалось, будто песочные часы переворачивал: золотистая струйка мыслей о потерянном мире вновь текла помимо его желания.

В Пикулино между домов дотаивали последние сугробы, и солдатики, несмотря на поздний час, собирали подснежники – сгребали вытаявший зимний мусор. И здесь его никто не узнавал и никто не обращал внимания, разве что воин с граблями сказал своему товарищу:

– Гляди, какой автомат интересный.

Шабанов сразу же отправился к командирскому дому, хотя ключи от квартиры и одежда оставались на КП в личном шкафу, однако топать еще два километра не было никаких сил. Он поднялся до двери Заховая, позвонил, прислонясь к косяку. Открыла старшая дочь Ульяна, сначала отдернулась, потом узнала, немо вытаращила глаза.

– Ключи, – сказал он.

– А папы нет дома…

– Мне нужны ключи.

Дочка особиста засуетилась и с испугу сначала отдала ключи, затем спохватилась, выскочила на площадку, пошла следом по лестнице.

– Там опечатано! Мы начали клеить обои… Потом опечатали дверь…

– Пропала халтура, – буркнул он, проткнул бумажки на скважинах, открыл замки и, войдя в квартиру, сразу же заперся, включил свет.

Повсюду царил ремонтный кавардак: сдвинутая с мест казенная мебель, сорванные обои на полу, ведра, банки, кисти… Он перешагнул через все это, сунулся на кухню, затем ушел в спальню, сел на диван и стал разуваться. Сорванная в каменной осыпи подметка неожиданно и некстати напомнила ему Агнессу.

Когда она явилась к Шабанову в беседку с «принцессой» в руках и летном костюме вместо свадебного платья, на левом ее ботинке тоже недоставало подметки и она заметно прихрамывала.

Потом ничего, привыкла…

Он отшвырнул обувь и повалился на диван. И лишь ощутив под спиной ком, вспомнил, что не снял НАЗ. Вставать больше не хотелось, потому Герман выпутался из лямок, выдернул ее из-под себя и тут заметил парашют, торчащий из горловины, потянул его, ощущая, будто вытягивает из себя память…

– Это будет наше брачное ложе, – сказала Агнесса, расстилая его на мшистой земле – играла, как в детстве играют мальчик и девочка, уединившись где-нибудь на сеновале или чердаке. – Смотри, как мягко! А шелк такой приятный на ощупь…

– На брачное ложе нужно стелить тигровую шкуру, – вспомнил Шабанов. – Есть такой обычай на Кавказе…

– Тигровую шкуру?! – встрепенулась она и тут же добавила с сожалением: – Но ее нет, здесь не водятся тигры… Пусть наше ложе будет покрыто парашютом! Я видела, как ты спускался на нем, и еще тогда подумала – вот бы лечь на купол и поваляться!

– Тогда он был наполнен воздухом…

– Хорошо! Сейчас мы его снова наполним!

Ткань под ними вдруг стала вздуваться и, отрываясь от земли, превратилась в упругий шар…

Герман затолкал, забил в НАЗ вытянутый клок шуршащей, будто змеиная шкура, ткани, запнул мешок в дальний угол и снова лег. Эх, снова бы впасть в анабиоз, закрасить, затушевать, заспать все, и очнуться с ясной головой и чистой душой, вернуть не тот утраченный мир, показанный Агнессой, а прежний, земной и реальный…

Он закрыл глаза и лежал так около часа, уговаривая себя спать, потом расстелил постель, разделся и лег под одеяло – должен сработать стереотип поведения; провалявшись еще час, включил телевизор. Раньше этот «ящик» помогал не только от навязчивых мыслей, но и от бессонницы. Шла развлекательная программа, юмор был припошлейший, на уровне живота, когда бьют барабаном по голове или тортом по морде, да еще к этому был приписан заэкранный дурной и беспричинный смех.

Вместо сна вскипало раздражение, однако он заставил себя смотреть и слушать минут двадцать и внезапно почувствовал в себе яростное озлобление незнаемой раньше силы, однако же без всякой истерики. С тем же старческим спокойствием Шабанов открыл окно, аккуратно отключил телевизор от сети, антенны и выбросил на улицу. Там похолодало, сеял мелкий дождик и пробрасывал снежок…

– Дождешься тут лета, как же! – прорычал Герман и захлопнул створки окна.

И вспомнил, что в эту пору наступают черемуховые холода –

странное, почти необъяснимое явление природы. Ну почему, почему на зацветающую землю, на белопенные, благоухающие берега Пожни каждый год в одно и то же время наваливается стужа? Не раньше и не позже, а именно в тот момент, когда расцветает черемуха?!..

– Напиться! – вдруг осенило Германа. – Нажраться, чтоб рога в землю, и придет покой!

Нет, разумеется, – похмелье, головная боль, тошнота, но все это лучше, все иного порядка, иного качества… Он помнил, что в доме нет ни капли спиртного, и потому, наскоро обрядившись в спортивный костюм, набросил летную куртку и выскочил на улицу. Ночных магазинов в военном городке не существовало по известным причинам, однако у прапорщика Сучкова в гараже существовал подпольный, и по этой причине ему приходилось ночевать в собственном «жигуленке» – зимой и летом в железном, неотапливаемом боксе. Шабанов пробежал дворами, напрямую, молясь по пути, чтобы Сучков (ударение делали на первый слог) не упылил в Читу за товаром.

Не упылил, оказался на месте и открыл после условленного стука.

– Дай бутылку, – Герман протянул деньги.

– Бери две, – сказал прапорщик, считая купюры в полной темноте – знал их на ощупь. – Все равно два раза бегать…

– Давай три.

Сучков подал водку – чистый, суровый самопал собственного приготовления: слитый из противообледенительных систем спирт разводился водой тут же, в гараже, разливался по бутылкам и закупоривался, как на заводе.

– А девочку, м-м? Есть две, на выбор.

– Это идея! Давай без выбора.

– До утра полштуки наших. И бабульки вперед.

В черных недрах бокса послышался шлепок закрываемой автомобильной двери. Шабанов отдал деньги и, не дожидаясь, когда путана выберется из гаража, пошел вперед, распихивая бутылки по карманам, а одну оставил в руках, как гранату – словно на амбразуру лез.

Она догнала уже возле домов, что-то доедала на ходу.

– Привет! Меня зовут Анжелика.

– Ладно, – обронил он, даже не замедлив шаг. – Пусть будет так. Давай выпьем из горла?

– А что, мы никуда не пойдем? Прямо здесь…

– Нет, пойдем. Выпить хочется.

Он отвинтил крышку и сделал три больших глотка. «Ночная бабочка» подала ему остатки бутерброда с колбасой.

– Закуси. – Отпила глоток. – Мне много нельзя.

Шабанов сжевал закуску с отвращением, словно комок грязи, однако не стошнило – значит, уже начался процесс адаптации.

Когда подошли к дому, Анжелика чего-то испугалась.

– Ты здесь живешь?

– Живу, пошли, – бросил он, открывая дверь подъезда. – Что, пхашароп?

– Как?.. Не знаю… Что значит…

– Пхашароп значит только пхашароп и ничего больше.

– Здесь опасно. Сучков запретил, – она вроде бы даже попятилась, – командирский дом, если увидят…

– Деньги заплачены, вперед!

На лестничной площадке, пока он отпирал дверь, она откровенно рассматривала его и, прежде чем переступить порог, спросила осторожно:

– Ты не садист? Нет?

– Что, похож? – Герман втолкнул ее в квартиру. – Иди, не бойся.

Анжелика сняла плащик и точно пошла к двери ванной комнаты – знала расположение командирских квартир, однако Шабанов остановил.

– На кухню шагом марш. Пить будем.

– Ты алкоголик? Или кто?

– Пришелец с того света. Меня уже искать бросили, похоронили, а я явился. – Он выставил два стакана, хладнокровно вытащил из «малямбы» и отбросил в сторону парашют, достал оставшиеся банки и упаковки с продуктами.

– Это заметно… До утра меня взял?

– Как получится, давай пей.

Сам рванул залпом стакан и сразу же налил второй – она смотрела с испугом, боялась за себя, а он даже лица ее не видел, и не пытался увидеть.

– Еда у тебя вкусная, – зачем-то похвалила она, возможно, хотела задобрить.

– Дерьмо, – сказал Шабанов и опрокинул второй стакан.

– Много не пей, водка плохая, – предупредила Анжелика все с той же целью. – Мы ее сами делаем, из спирта.

Он уткнулся лицом в руки, сложенные на столе, дождался, когда хмель прокатится по жилам и достанет головы.

– Хорошо стало…

– Мне идти в ванную?

– Погоди, еще не созрел… Ты выпей, выпей, чтоб не страшно было.

Ей от таких слов как раз и стало страшно.

– Ты когда-нибудь летала? – Он встал, разминаясь и облегченно взмахивая руками. – Во, буря по телу разливается!

– То есть, как? – Анжелика покосилась на окно – пятый этаж. – На самолете?

– Да нет, в свободном полете, как ночная бабочка.

– Никогда…

– Тогда почему тебя зовут – ночная бабочка? Нет, ты должна летать! Обязана!

– Почему – обязана? Я не умею! Не умею плавать и летать!

– Но ты же крылатое насекомое!

– Я не крылатое! – боязливо хохотнула она. – И высоты боюсь!

– Сейчас проверим. – Шабанов первый раз взглянул на путану. – Некоторые думают, что не умеют летать. Будто они просто насекомые… А придет миг, откуда-то крылья берутся. Пощупай, у тебя на спине нет наростов? В области лопаток?

– Нет… Никаких наростов… Ни в какой области…

– Жаль. – Он хватил третий стакан. – Тогда и поговорить не о чем…

– Знаешь, мне надо в туалет. – Она пошла бочком мимо Германа, однако тот схватил за руку, усадил на место.

– Сиди и пей! Еще не выпила, а уже в туалет…

– Но я писать хочу!

– Что хочешь?..

– В туалет! Писать!

Он сделал движение руками, словно выпустил птицу.

– Иди. Только на улицу иди, у меня туалет не работает, на ремонте.

Он видел сквозь дверной проем, как крыльями летучей мыши вспорхнул плащик, слышал, как щелкнул автоматический замок и горох каблучков рассыпался по ступеням.

Завтра будет рассказывать товаркам, как смылась от какого-то маньяка из командирского дома…

– И мне пора. – Шабанов ушел в спальню и поднял с полу «Бизона». – Жили-были три японца, Як, Як Ци Драк, Як Ци Драк Ци Драк Ци Дроне…

Выщелкал патроны из «магазина», поиграл ими, пересыпая как золото, из руки в руку, выбрал один, самый красивый, и зарядил пистолет. Половина третьего ночи, выстрел вряд ли услышат…

– Жили-были три японки, Ципе, Ципе Дрипе, Ципе Дрипе Лимпопони…

«Вообще-то стреляться в квартире мерзко, тем более с калибра девять миллиметров. Мозги разлетятся по стенам, у того пятнистого на реке полчерепа снесло… В квартире уж точно

потом никто жить не станет».

– Пхашароп!

«И бардак оставлять после себя нехорошо. Ободранные стены – ладно, человек хочет жить, если ремонтирует дом, а следы пьянки на кухне, вскрытые банки, раскрошенный хлеб, стаканы с водкой и на одном помада – всё мерзость!»

– Вот они переженились: Як на Ципе, Як Ци Драк на Ципе Дрипе, Як Ци Драк Ци Драк Ци Дроне на Ципе Дрипе Лимпопони…

Это было упражнение для отработки дикции, детский стишок, который бормотал отец, когда запил после неудачи с махолетом, и доказывал матери, что он трезв. Пьяному таких словесных кружев было не сплести, а дальше они еще усложнялись, потому что у каждой японской пары родились дети с именами, более замысловатыми, у детей – внуки. И вот батя в любом состоянии четко выговаривал весь стишок до конца; самообладание и вестибулярный аппарат у него были в отличной форме, а сознание всегда чистым.

Шабанов прибрал на кухне, спрятал НАЗ в диван, с собой прихватил пистолет и парашют, предварительно отхватив ножом подвесную систему – брачная постель уместилась за пазухой.

– И у них родились дети: сын у Яка с Ципой – Цип Як Сане…

На улице разыгралась настоящая метель, в голом, безлесном городке гудело, как в аэродинамических трубах, выйдешь из-за угла – и валит с ног. Герман направился в Парк Последней Надежды, который отделялся от леса глубоким оврагом, давно превращенным в свалку. По наследству ему досталось отличное самообладание, после выпитого ничуть не штормило, и сознание оставалось чистым, только он не знал до конца эту скороговорку, чтобы проверить себя на трезвость. Он не хотел смотреть в сторону почты, бежал мимо, отвернувшись, как в детстве ночью бегают мимо кладбищ, однако случайно заметил свет в дежурном окне, настолько сильный, что и пурга не помеха.

– Загляну в окошко и все, – успокоил себя. – Может, она сегодня и не дежурит.

Магуль спала возле телеграфного аппарата, положив голову на стол. В руке был зажат штамп-молоток: играла им и уснула…

«Пхашароп, – мысленно проговорил он. – Подарка не привез, но теперь знаю, зачем тебе тигровая шкура…»

Не оборачиваясь, Шабанов наискось пересек ППН и стал спускаться в овраг по горам осклизлого, вытаявшего мусора. Сучков делал водку на самом деле гадкую, в том смысле, что очень слабую. Покупали ее только ночью хорошо выпившие до этого офицеры и уже не чуяли крепости, не могли оценить

качества, и потому прапорщик гнал натуральную халтуру. Или, может, работал по заданию того же Заховая и делал не водку, а нечто противоположное, эликсир для быстрого вытрезвления. Герман чувствовал, как выходит хмель, и жалел, что не прихватил с собой остаток в последней бутылке: сейчас добавить, и все бы получилось как надо, рука не дрогнула бы, не поколебалась решимость.

Он еще не спустился до самого дна, но уже почувствовал отвращение к этому месту и внезапный приступ стыда: не дай Бог сообщат родителям, что он пьяный застрелился на помойке! Вот будет им позору! А слух обязательно пойдет, поползет и останется в умах навсегда…

Он сел на кучу мусора и стал перебирать в памяти все, что удерживало или могло еще удержать его в этом мире. Родители само собой, служба, авиация – после того, как и на чем он летал, даже космические корабли выглядели самодельными детскими игрушками…

Шабанов окончательно протрезвел и понял, что сидит на свалке не для того, чтобы застрелиться, а чтобы найти причину жить в этом мире.

И она нашлась, как только он вспомнил Заховая и пилотку, по-гусарски брошенную ему в лицо. Ведь точно, застрелись – такого наплетут вокруг! Припомнят драки-поединки в суворовском, а депутат Госдумы будет в восторге от его смерти! И вообще, пуля в лоб, это слишком примитивно и гнусно, особенно на трезвую голову. Если уж стреляться, то водку надо брать настоящую, монопольную, а не сучковский самопал. Умирать надо красиво, не на дуэли с подлым особистом: во-первых, мастер тайных дел – человек не благородный по своей сути, и устраивать поединок с ним пошло, во-вторых, струсит, не встанет к барьеру и, чтобы оправдаться, отправит под арест на гауптвахту. И из окна выбрасываться, как психопатической студентке, тоже не дело, впрочем как и пихать голову в петлю – вешаться это вообще удел конченых неудачников!

А вот, например, пройти реабилитацию, отдохнуть, получить допуск к полетам и, когда появится топливо, взлететь и не выйти из штопора…

И никто никогда не узнает, гибель это или добровольный уход из мира.

Он тут же и в прямом смысле похоронил саму идею стреляться – закопал «Бизона» в мусор – подальше от соблазна, мало ли, попадет нормальная, монопольная водка и снова сыграет неуправляемая, доставшаяся по наследству натура? – и, облегченный, пошел назад.

Снежный заряд пронесло, ветер сразу же потеплел и принялся слизывать наметенные на зеленеющую землю сугробы. Кажется, светало, или небо, освободившись от зимних туч, прояснилось, и когда Шабанов подошел к командирскому дому, увидел гаснущие звезды и почувствовал, как клонит в сон. На машину возле подъезда и двух офицеров из комендантской роты он не обратил внимания, тяжело переставляя ноги, поднялся к своей квартире, отомкнул замки и толкнул дверь.

В передней стояли Заховай со своим помощником.

– Руки! – чуть ли не в голос потребовали оба. – Покажи руки!

7

Разбор полета начался тем же утром, причем возник спор за право «первой ночи» и начальник особого отдела выспорил, показав командиру полка некие секретные инструкции на сей счет. Наличие кольца удовлетворило всех и несколько сбило страсти; с помощью кровопускания, массажа и мыла его сняли в санчасти, заодно там же сделали первоначальный врачебный осмотр, определили легкий похмельный синдром и ничего больше. А заветное колечко убрали в сейф Заховая, несмотря на то что майор-маркитант хотел забрать его себе (дескать, материальную ответственность за самолет и «принцессу» несет его фирма), а представитель главного конструктора – себе, руководствуясь весьма убедительными аргументами.

О том, что пилот исчезнувшего неделю назад МИГа внезапно явился в расположение части сам, без всякой помощи и при странных обстоятельствах, было незамедлительно сообщено по команде на самый верх, и теперь ожидалась какая-то серьезная комиссия из Росвооружения, ВВС и Генштаба, а за сохранение государственных тайн и за секретность перегона самолета более всех отвечал Заховай. Он лучше остальных знал, что спрос за сверхсекретный прибор и его утрату в первую очередь будет с него – почему не проинструктировал, не обеспечил, не предостерег, не принял должных мер и так далее. У всех руководителей были определенные должностные обязанности; особист отвечал сразу за все и сполна.

В общем, в рядах начальников возник временный разлад и взаимное недоверие. Но все это могло продлиться недолго, до приезда комиссии и экспертов, после чего корпоративные полковые интересы возьмут верх и вся эта братия выступит одной командой против любых проверяющих. Но и тут можно отличиться, выделиться из толпы, если вытащить из Шабанова побольше информации, сделать собственные «правильные» выводы и своевременно доложить. Нечто подобное он уже проходил, когда шла разбираловка по поводу его отношения к реформатору Вооруженных Сил и депутату Госдумы: каждый начальник в приватной беседе поддерживал Германа, но все вместе они ополчились на него и чуть в клочья не разорвали.

Заховай привел его в свой кабинет и сразу же запер за собой дверь, словно только что купил на аукционе драгоценную вещицу и хотел в одиночестве и спокойствии рассмотреть ее, прощупать и оценить, не зря ли выложил бешеные деньги. Он думал начать разговор необычно, нестандартно, без всякой официальности, но,

сдавленный тисками неожиданности и не подготовленный внутренне, не сумел совладать с человеческим любопытством, однако не забыл о своем положении и потому, усадив Шабанова, сам пал в кресло и долго сидел в ошеломленном отупении.

– Ну, давай, докладывай! – наконец решился он. – Откуда ты взялся? Мы же тебя обыскались! Идет круглосуточный поиск! Весь округ на ушах стоит! Москва рвет и мечет, спецпредставители МИДа работают аж в четырех странах! Разведку подняли на ноги, спутники в космосе работают, тебя ищут! А он – нате вам, нарисовался!..

Далее минут пять шел обыкновенный начальственный разнос, пока Заховай не опомнился, что теряет время на эмоции, когда время ограничено и надо выжимать и выкручивать информацию, снимать сливки и бить масло к приезду комиссии.

– Откуда ты взялся здесь, Шабанов? – наконец устало спросил он.

– Не знаю, – откровенно сказал тот.

– То есть, как не знаешь? Не помнишь, что ли? Пил?

– Пил, но водка хреновая, самопал сучковский, не берет…

– Погоди, знаю, что пил в квартире. Но где ты был неделю? – Сам сбитый с толку, он никак не мог спросить то, что хотел. – Нет, постой! Сначала скажи, где ты упал?

– Не знаю.

– Ты мне это брось – не знаю! – рассердился особист. – А ну давай все как на духу! И по порядку! Самолет разбился, а ты катапультировался, так?

– Примерно так…

– В каком районе? На чьей территории? В какой стране?

– Знаю единственное: примерно в десяти километрах находится хребет Дангралас.

– Нет хребта с таким названием, – не моргнув глазом, заявил Заховай. – Я за эти дни карту так выучил!.. Есть на нашем Алтае небольшой хребет Дангал. Может, он?

– Нет, я несколько раз слышал, именно Дангралас.

– От кого слышал?

– От местных жителей.

– Местные говорили на русском?

– Ну да…

– Чего же ты не спросил, где находишься?

– Не было возможности. – Шабанов терял всякий интерес. – Вступать в контакт опасался из-за «принцессы». Сами же настращали…

Заховай все-таки достал из стола планшет, раскинул на столе.

– В междуречье Витима и Лены есть гора Дангар.

– В принципе его можно назвать и горой, – лениво согласился он. – Столообразная гряда, в тумане похожа на Великую Китайскую стену, тянется километров на восемь-десять… Но название точное – Данграласс.

– Да нет, нет ни хребта, ни горы! Можешь сам посмотреть!

– Я смотрел…

Заховай что-то заподозрил, возможно, нежелание Шабанова говорить с ним, чтобы отдать все козыри, например, командиру полка, маркитанту, представителю Конструктора – короче, конкурентам, и постарался сменить тон и напор допроса.

– Ты что, сосед, разговаривать со мной не хочешь?

– Нет, я готов разговаривать.

– Так в чем дело?

– Дело в шляпе…

Особист вскочил, побегал по кабинету и постепенно успокоился, сломил и собственное самолюбие, и любопытство. Он как неопытный вождь племени, добившись права первой ночи, ничего не мог поделать с чужой невестой и начал искать подходы.

А ситуация требовала жертв, причем значительных, и он сделал ход неожиданный и, в общем-то, неоправданный.

– Слушай, Шабанов… Ты же знаешь нашу службу?

– Не знаю, – сказал тот.

– Ну, понятно. Только я не о том… Ты извини, я понял. Применил к тебе… короче, неоправданные средства. Имею в виду случай в Парке Последней Надежды, – он помялся и зыркнул на Германа оценивающим взглядом. – У нас так принято… Есть особые методы работы с личным составом… А как тебя еще было отлучить от этой… невесты с почты? Если хочешь откровенно, не хотел я, но стояла задача. Ты как офицер понимаешь…

– Не понимаю, – тупо произнес Шабанов.

– Да ладно, не понимаешь… Все ты понимаешь! И правильно, что вызов бросил. На твоем месте я сделал бы то же самое… Теперь-то дело прошлое. Думаешь, ее братья и сама она просто так здесь сидят? Фруктами торгуют? Хрен! Деньги для своей республики зарабатывают, и главное – подыскивают волонтеров, летчиков сманивают в Абхазию. И на тебя сделали ставку!

– Я что, рысак на ипподроме?

– Рысак! Да еще какой!.. Ладно, Герман, мы с тобой все-таки соседи, вместе жить. Не держи зла, – он подошел к карте и раздернул старомодные черные занавески. – Покажи, где упал. Последняя посадка и дозаправка были в Алтупе, что дальше?

Герман некоторое время смотрел на карту – бегал взглядом от бывшей авиабазы в Монголии по разным сторонам, после чего

отрицательно помотал головой.

– Не знаю…

– Но ты же опытный пилот – не пацан! – опять сорвался особист. – Что ты заладил – не знаю! Не знаю!..

И тут же смолк, спрятал возмущенное раздражение. Понять его было можно, держать ответ перед комиссией, а идиотские, дебильные ответы кого хочешь выведут из терпения…

– Хорошо, давай начнем с конца, – спокойно предложил Заховай. – Сейчас ты откуда взялся? Пришел, приехал, прилетел?.. Откуда?

– Очнулся тут, недалеко, километров пять. Пришел.

– Без сознания был? Или спал?

– Не спал, но все было, как сон, – проговорил Шабанов, борясь со сном. – Дали бы отдохнуть пару часиков…

– Нет! – оборвал он. – Думаешь, мы тут отдыхали? Да мы целую неделю на ногах! Такой прессинг!.. Как очутился там?

– Где? – теперь уже с умыслом тупо переспросил он, ощущая внутреннее злорадство.

– Там, где очутился!

– Не знаю.

Наконец, до особиста дошло, что из-за своей торопливости и высокого нервного накала он попросту неверно ставит вопросы и не может ни сам расслабиться, ни расслабить и разговорить собеседника. Пропавший пилот свалился как снег на голову, и не хватило времени хотя бы привыкнуть, что он сидит напротив, живой, здоровый да еще и с кольцом от «принцессы». А Шабанов в свою очередь вдруг сделал неожиданное предположение, многое объясняющее: автором проекта тайного перегона переоборудованных машин в Индию был Заховай! Опыта доставки такого товара еще не было, «Антей», навернувшийся в Иркутске, поставил точку в удобной и безопасной транспортировке истребителей с секретным оборудованием, а маркитантам кровь из носу надо продать парочку МИГарей, оженeнных на высокородных особах. Ему поставили задачу – он сделал предложение не рисковать, не связываться с воздушными коридорами, а коль скоро МИГ стал невидимкой, гнать его втемную, и тем самым всю ответственность за доставку товара, по сути, взял на себя. Это было выгодно всем, меньше хлопот, и заодно можно на практике проверить, насколько действенен новый прибор, позволяющий будто шилом протыкать все границы и воздушные пространства. За это даже ухватились, и кто-нибудь из вышестоящих уже подготовил специальный секретный доклад об открывающихся возможностях. Прошло б все гладко – он на коне и с солидной премией, купил бы обновы своим женщинам,

начальство похвалило бы за отличное знание оперативной обстановки и умение проводить дерзкие замыслы в жизнь.

Он сильно переживал за этот проект, потому и на кухню прибегал, чтоб дополнить инструктаж, на всякий случай девицу с почты отшил своим иезуитским способом и по стремянке в кабину залез, чтоб благословить, и схлопотал пилоткой по морде, и простил сейчас, не раздумывая.

Но не прошло, не пролезло, и он теперь становился козлом отпущения. Не вернись Шабанов с кольцом – путь Заховаю в очередь на бирже безработных. С маленькой пенсией, без выходного пособия, с тремя женщинами на руках…

– Жалко мне тебя, – вслух подумал Герман.

– А ты себя пожалей! – отпарировал особист, словно угадав ход его размышлений. – Если как школьник у доски будешь твердить: «Не знаю!» – представляешь, что с тобой будет?

– Я взлетел с базы в Алтупе и через пять минут обнаружил, что сбился с курса, – добровольно признался Шабанов. – Причем круто, на сто восемьдесят.

– Ну?! – поторопил он, почти ликуя в душе. – Дальше?..

– Встал на курс. Трижды потом сверялся по спутнику – все было в норме. А на Гуйсан не вышел…

– Тебя обнаружили? Сбили? – ухватился Заховай, и сразу стало ясно, куда он клонит.

– Нет, кончилось топливо, упал возле хребта Дангралас.

– Какая же причина? Почему сбился с курса? В это трудно поверить, чтоб опытный пилот, налетавший столько часов, и вдруг сбился! И спутник подвел!..

– «Принцесса» – это такое дерьмо! – сказал Шабанов и поймал себя за язык, поскольку чуть не выпалил окончание своей мысли. – По сравнению с тем, что я видел…

– Так все-таки «принцесса»! – клещами вцепился и возрадовался особист. – Я так и думал!

– А что же еще? – потрафил он Заховаю. – Другой причины нет.

Замысел его становился ясным – перевалить неудачу с перегоном машин на конструкторов, на несовершенство прибора, и теперь каждое сказанное слово против «принцессы» будет ему спасительным словом. Пусть это даже не так, или не совсем так, и прибор невидимости нормальный, но пока разберутся, пройдет год, а там, глядишь, все забудется…

– Она что, каким-то образом воздействовала на систему ориентации самолета? – подсказал он ход. – На компас? На бортовой компьютер?

Шабанову вдруг стало жаль валить все на электронную, но

все-таки женщину.

– Я бы так не сказал…

– Но тогда что? Что?

– Сам прибор работал исправно, меня не обнаружили на границах. Скорее, несогласованность «принцессы» и бортовых систем, – осторожно предположил он, зная, что проверить ничего теперь невозможно. – На языке электронщиков это называется вроде бы конфликтом систем или программ. Когда они вступают в противоречие между собой…

Именно этими словами Заховай будет отбиваться от комиссии…

– Так! – Он положил бумагу перед Шабановым, достал свою ручку. – Пиши рапорт, на мое имя! Свои выводы, заключения… И отдыхай!

Герман едва написал «шапку», как оживившийся особист снова затосковал: нервы на тайной работе пообтрепались у него основательно, не мог скрывать своих чувств, а значит, дисквалифицировался.

Но одновременно стал более человечным…

Он с трудом выдержал десять минут.

– Но все-таки, капитан, где ты упал? Хотя бы примерно! Где искать обломки? – И почти трагично добавил: – И как ты выбрался?

– Пришел пешком…

– Да кто в это поверит? Ты же не в ППН упал, чтоб пешочком прийти! Мы облетали всю территорию до монгольской границы! Спутник не может найти обломки! Радиомаяк-то должен работать. Не мог же и он разбиться!

– Я на самом деле пришел пешком, – Шабанов отложил ручку.

– Что, от места падения? От места приземления?

– Практически, да…

– Тогда ты должен знать, где упал самолет!

– У хребта Данграласс.

– Что ты со своим Данграласом! – вскипел, но сразу же и остыл особист. – Нет его, не существует.

– Тогда не знаю…

Заховай сунул руку в нишу стола, загремел там пустыми бутылками – пил неделю от расстройства! – достал початую с сучковским самопалом. Шабанову налил щедро, по рубчик, себе лишь обозначил, замочив дно стакана.

– Герман, давай за возвращение. И за здоровье. Боюсь, сердце остановится.

– Не хочу, товарищ подполковник, – откровенно сказал тот. –

Меня с этой заразы воротит. Коньяку бы выпил. И вам для сердца лучше.

Особист на минуту удалился за дверь и, вернувшись, сообщил:

– Сейчас принесут коньяк. Молдавский, «Белый аист» пойдет?

В тот миг пришла шальная мысль: если Заховаю удастся выкрутиться из сложного положения, он представление напишет на орден. Или на медаль. Не за подвиг – из одних только благодарных чувств, за последнюю неделю он сильно сдал…

Даже в нос перестал говорить…

Коньяк принесли через три минуты.

Особист заховал стаканы с водкой в стол, достал чистые рюмки и налил обе до краев.

– За здоровье, – поднял тост. – У тебя как? Все при всем? Или жалобы есть?

– Все при всем, – Шабанов выпил.

– Тогда должен знать, где упал. Хотя бы примерно. Только отстань со своим хребтом.

– Не знаю…

– Пойми, Герман. Кольца от прибора маловато, нужны «черные ящики». Запись показаний приборов, подтверждение твоим заключениям. Чтоб сделать выводы.

– Это я понимаю.

– Ты катапультировался, сел… Что дальше? Собрал парашют и пошел в Пикулино?

– Примерно так.

– Но ты же трезвый шел. И с головой у тебя все было в порядке, вот первоначальное заключение нашей санчасти. Должен запомнить дорогу, направление. Не мог не запомнить!

– Все было как во сне.

– Ладно. Давай рассуждать, – предложил Заховай и налил еще одну рюмку. – Ты приземлился на нашей территории. Если бы не на нашей, то через неделю уж никак бы не заявился. Тем более пешком, верно?

– Верно.

– Идем дальше. После дозаправки в Алтупе топлива у тебя должно было хватить… – он снова подошел к карте, – максимум на две с половиной тысячи километров. Отбиваем северную границу дальности полета. Это примерно по линии Кежма – Витим – Тяня. Восточная: Тоора-Хем – Бородино – Тасеево. И западная: Борзя – Букачача – Чара. Выйти из этого квадрата ты не мог. При условии, если упал на территории России.

– Не мог…

– И пешком прийти за неделю никак не мог.

– Разумеется…

– Территории Китая и Монголии исключаются. Ты же не переходил границ?

– Вроде бы не переходил.

– Значит, катастрофа произошла на нашей территории. Так на чем же добирался?

– На летающей тарелке, больше не на чем.

– Шутки будут после того, как уедет комиссия, – предупредил Заховай. – Причем удовлетворенная уедет.

– Как иначе объяснить?

– Постарайся!

– Хорошо, на летающей тыкве. Спелой такой, желтой… Устраивает?

– Капитан, не надо ля-ля. Давай серьезно.

– Если серьезно – не знаю.

Особист спрятал коньяк в стол, едва скрывая отчаяние, несколько минут стоял у карты, но не смотрел в нее – думал.

– Судя по парашюту, ты завесился на деревьях, – вдруг сказал он. – Объясни, зачем тебе понадобилось снимать купол? Это же знак, по которому тебя довольно легко обнаружить. А ты снял… Зачем?

– Не знал, на чьей территории упал, – Шабанов понюхал пустую рюмку. – Действовал по инструкции.

– Добро… А за каким хреном тащил его на себе столько верст? Мог бы закопать, спрятать…

– Комары заели! Да и спать на земле холодно.

– Зачем ты взял его с собой, когда уходил из дома?

– По привычке, наверное…

– А почему подвесную систему отрезал только в своей квартире? Столько тащил лишний груз! Жалко было?

– В общем-то, да…

– Самолет не жалко, «принцессы» не жалко – парашют пожалел?

– Выходит, так.

– Не так выходит, Шабанов! Все не так! Почему ликвидировал секретный прибор?

– Все по инструкции, – отпарировал он. – Предполагал, нахожусь на территории чужого государства.

– Была явная угроза?

– Гнались какие-то люди…

– Годится. Зачем портить парашют в своей квартире? – Заховай становился циничнее, и все надежды на орден или медаль рушились.

– По пьянке. Видели на кухне бутылки?.. Ну и со злости.

– И это годится, – он открыл шабановскую планшетку, лежащую на столе. – Откуда у тебя такой документ?

Особист выложил удостоверение личности японского солдата.

– Нашел в землянке. От хозяина остался скелет, прикрытый тигровой шкурой. Еще винтовка и самурайский меч.

– Чем прикрытый?

Это был ляп – про шкуру…

– Ну, каким-то мехом, – поправился Герман. – Показалось, тигровым. Лет-то сколько прошло!

– Лет прошло много, – заключил мастер тайных дел. – А живые люди тебе встречались? Пройдено-то было много, и не совсем уж по пустынным местам.

Ответ ему был не важен, Заховай что-то задумал и теперь тщательно прокручивал в голове.

– Гнались какие-то люди в черной униформе, – не совсем убедительно ответил Шабанов. – Потом в камуфле…

– Я прослушал ваш радиообмен с капитаном Жуковым, – вдруг сказал Заховай. – Он выпускал тебя четвертого мая… Как обычно, болтовня в эфире!.. Но скажи мне, о каком звере ты говорил?

– О звере?..

– Да, собирался войти к нему в клетку, зная точно, что он там есть. Что все это значит?

– Ничего особенного, старая шутка, еще с кадетских времен.

– Странная шутка… Напоминает некий условный язык, иносказание.

– В общем-то, да, напоминает, – согласился Шабанов. – Одно дело входить в клетку медведя, когда знаешь, что его там нет, и другое – если точно известно, что зверь там.

– Вот что, капитан, – особист подсунул незаконченный рапорт. – Подписывай и ложись на мою тревожную койку. Отдохнешь – продолжим. Ты и в самом деле устал.

Когда Заховай притворил за собой дверь, Герман с удовольствием взбил подушку, лег лицом к стенке, натянул на ноги край одеяла и мгновенно уснул. В тот миг ему было все равно, что замыслил мастер тайных дел; он уже понимал, что предстоит пройти огромную дистанцию, и, как опытный спринтер, берег силы…

Следующим в очереди стоял не командир полка, что было бы справедливо, а представитель Росвооружения. Вероятно, рынок имел свою собственную внутреннюю логику и иерархию, не связанную с чинами и званиями – спрашивал за погубленный

товар тот, кто платил деньги. Полковник Ужнин в этой ситуации напоминал конюха, с чьей конюшни взяли коня для перевозки товара, а он опрокинул воз и все испортил. Из благополучного, бравого весельчака маркитант превратился в серо-синюю тень, словно его поймали за кражу с уличных лотков. Он не заключал непосредственных сделок, скорее, исполнял роль приказчика в хозяйской лавке, но им в случае чего больше всех и достается. Место у него считалось хлебным, сытным, и если офицеров посылали в Забайкальский округ, что расценивалось многими как ссылка, то этот поехал сам, по доброй воле, как братья-абхазы, и готов был стойко переносить все тяготы и невзгоды. Недавно он с трудом пережил суровый декабрь в Иркутске и гибель товара в упавшем на город «Антее». Если там и была его вина, то весьма косвенная; тут же, чувствовалось, на него вешают всех собак, и если Заховаю для отмазки достаточно кольца «принцессы» и более-менее вразумительного объяснения, где и почему упал самолет, то полковника Ужнина этим не успокоить.

Приказчику для оправдания перед хозяином требовалось показать товар лицом, а не его ярлыки, остатки и обломки.

Несмотря ни на что, маркитант умел держать удар и, как всякий бизнесмен, понимал степень рискованности торговых операций, поэтому не дергался, не горячился и не читал морали. Но вид его предательски выдавал внутреннее состояние. И чувствовалось, пока Шабанов спал, представитель Росвооружения получил от Заховая кое-какую информацию, перетолок, перетер некоторые вопросы, однако сразу же подчеркнул неприязненное отношение к особисту. В прошлом он служил в военной прокуратуре, был юристом по образованию и потому видел проблему с другой стороны.

– Убытки серьезные, – вполне спокойно сказал он. – Вместе с неустойкой по контракту, упущенной выгодой, поисковыми работами с использованием авиации и космоса, где-то порядка пятидесяти миллионов долларов. Хорошенькая сумма, верно? Вот бы нам с тобой поделить ее, и мы – состоятельные люди. Живи и в ус не дуй.

– Много, – отозвался Шабанов.

– Это кажется много! – отмахнулся маркитант. – Аппетит приходит во время еды… Но я не об убытках хотел сказать. Ситуация куда сложнее и опаснее. Для тебя.

– Мавр сделал свое дело. Кольцо у Заховая в сейфе. Все как учили. Меня крайним никак не поставить.

– Эх, святая простота!.. К колечку нужны «черные ящики», а ты не можешь показать место, где упал. И как выбрался, тоже загадка, – он побродил по кабинету с неармейской кожаной

мебелью. – Много загадок в твоей истории… Короче, Шабанов, особый отдел под тебя очень серьезно копает.

– Мое дело кучерское. Лошадь сломала ногу – пристрелил, чтоб не мучалась.

– Так-то оно так. Но я тебе скажу, как юрист: у Заховая есть все основания подозревать, что ты по предварительному сговору перегнал самолет в третье государство и передал его в руки вероятному противнику. То есть, налицо измена Родине.

– А колечко? – усмехнулся Шабанов. – И потом, я катапультировался. И даже принес парашют! Родной, на подвесной системе номер моего МИГаря.

Маркитант заглянул в бумажку на столе и тоже улыбнулся.

– Ты не катапультировался. Ты посадил машину на вражеском аэродроме, где тебя поджидали с крупной суммой в инвалюте. Вот смотри, выписка из твоей медицинской карточки. У тебя было три тренировочных катапультирования за службу. И во всех трех случаях из уха шла кровь, лопался сосуд, и дважды был ожог лодыжек второй степени. В течение двух недель находился под наблюдением врача. А согласно медзаключению, у тебя сейчас никаких следов. Это как понимать?

Шабанов ругнул про себя доктора Ивана Ильича и развел руками.

– Адаптация организма, сосуды больше не лопаются. А ботинки я зашнуровал как полагается.

– Нет, брат, это не проходит! – погрозил тот пальцем. – К перегрузкам сосуды не адаптируются. Если уж раз лопнул, то будет лопаться до самой смерти. Где тонко, там и рвется, это любой участковый врач подтвердит.

– Есть следы на штанинах комбеза! Опалило взрывом заряда. А я его получал здесь новенький и ни разу не катапультировался.

– Следы? Вполне возможно, – согласился тут же бывший прокурорский работник. – В твоем комбезе, может быть, кто-то и катапультировался. Не исключено, что из твоего самолета, стоящего на полосе. Но только не ты. Враги наши – не дураки, алиби тебе готовили продуманно, толково.

– А кольцо? – Герман показал безымянный палец. – Представитель главного конструктора сразу же подтвердил его натуральную природу.

– Копия. Полный аналог. Время позволяло, а при нынешних компьютерных технологиях… Могли изготовить копию?

– Вполне, – согласился он, вспомнив высотный комбинезон Агнессы, в котором она явилась к нему в беседку. На нем были даже заштопанные пулевые пробоины на штанинах, и у ботинка отсутствовала подошва…

– А ты говоришь! – Маркитант сел на пыхнувший кожаным духом диван. – Нет, на следствии ничего определенно не докажут. Но дело до суда доведут. И там оно благополучно развалится. Однако прежде тебя будут мытарить года три в казематах. Представляешь, три года на нарах, и ни за что! Разумеется, потом ни службы тебе, ни авиации…

– Зачем это надо? И кому? – не сразу поинтересовался Шабанов.

– Вопрос поставлен правильно. Отвечаю: убытки большие, история связана с государственными тайнами. Нужно кого-то бросить под колеса состава, иначе без этого на тормозах не спустить.

– Все понял, товарищ майор!

– Ничего ты не понял, капитан, – вздохнул тот. – Я рассказал лишь схему, по которой под тебя будет копать особый отдел. И в частности, Заховай.

Это второе предостережение окончательно убедило Шабанова, что особист и маркитант действуют в одной упряжке. Наверняка они вместе разрабатывали план доставки секретного товара в Индию и, когда потерпели неудачу, встали спиной к спине, чтоб отбиваться от нападающих, чтоб самим не угодить под колеса.

Он открыл было рот, чтобы сказать, мол, а кому нужна эта вонючая, драная «принцесса», когда в мире есть такое, отчего глаза на лоб лезут!.. И снова прикусил язык, но маркитант заметил порыв, обронил буднично:

– Что-то хотел сказать?

– Невеселая перспектива, хотел сказать…

– Да уж!.. Надо подумать, с какого борта загребать, чтоб к берегу подчалить, – многозначительно проговорил он. – Или вспомнить, куда летел, кто посадил и в каком месте. Тебя же перехватили в воздухе? Над Южным Китаем? И посадили на аэродром.

Он предлагал версию, подсказывал, что говорить Заховаю при следующей встрече, заманивал в какую-то странную игру. Шабанов промолчал, и маркитант вдохновился.

– Не исключено, что «принцесса» работала с перебоями. Самопроизвольно включалась и выключалась. Твоя машина то появлялась на экранах, то исчезала. А ты полагал, что летишь на самолете-невидимке. Техника хорошая, но не доделанная, не совершенная еще. А эти два экземпляра, которые решили продать в Индию, вообще были с браком.

Потому и толкнули.

– Она на самом деле примитив и дерьмо, – подтвердил

Герман.

– Вот, правильно!.. Китайцы подняли перехватчиков, обнаружили, дали предупредительный залп, обложили и повели на аэродром. По радио передали: катапультируешься – расстреляют в воздухе немедленно. Ты понял, что уничтожить «принцессу» не успеешь, а в кабине самолета сделать это невозможно. И еще ты понял, что прибор неисправен, коль тебя засекли, да еще почему-то индикатор на нем все время помигивал, а то и вовсе гас. Так что китайцам достался не самолет-невидимка, а машина с дерьмом.

Если маркитант не был в сговоре с Заховаем и не выполнял его задания, то очень ловко валил вину сразу на двух противников – на Заховая, разработавшего маршрут движения и отвечающего за безопасность перегона техники, и на конструкторское бюро «принцесс», подсунувшее Росвооружению явную халтуру.

– Не годится, – подумав, заключил Шабанов.

– Почему?

– «Принцесса» была исправна, индикатор все время горел. И китайцы меня не садили. И вообще никто не засек. Я не нашел базу Гуйсан. Кончилось топливо, пришлось дернуть ручку…

– Район падения? Обломки? «Черные ящики»? – очередью выпалил маркитант.

– Лежат в районе хребта Данграласс.

– Нет такого хребта!

– А был, насколько помнится, – съязвил Шабанов.

– Последствия катапультирования на твоем теле? – пропустил мимо ушей остроты зажатого в угол виновника катастрофы.

– Зажили последствия.

– В таком случае, полежал бы еще месяц в лесу, и тогда выходил. Можно и поверить, что зажили.

– Комары зажирают.

– Так и комиссии скажешь?

– Так и скажу.

Маркитант достал бутылку минералки, налил в два стакана – дорогого фирменного коньяка не предлагал…

– Заховай сделал у тебя обыск в квартире, – вдруг сообщил он. – И нашел в НАЗе и высотном комбинезоне много улик. Одну очень важную, по сути, безделушку, но улику неопровержимую. Отправил все на экспертизу.

– Интересно, что он мог там найти? – Шабанов пожал плечами, однако стал лихорадочно вспоминать, что могло остаться в его вещах от мира, который он утратил.

– Да много чего! Частицы грунта на обуви, пыльцу растений на одежде… Но особенно кусок земляничного мыла.

– Это что, улика? И можно шить измену Родине?

– Но ты же сказал, людей близко не видел, в населенных пунктах не бывал. Тем более в магазинах. А такое мыло в комплект НЗ пилота не входит. Где взял?

– Купил – украл. Хотел отдать – не могли догнать.

– Шустрить будешь на нарах. – Он не мог скрыть глубокого презрения. – Не наживай врагов, Шабанов. Тебе сейчас лучше друзей искать.

– Тогда я пошел!

– Куда?

– Искать друзей!

– Решено ограничить свободу твоего передвижения, – глядя в сторону, заявил маркитант. – Сейчас придет офицер комендантской роты и отведет куда надо.

Таким образом, он показал, кто на самом деле тут владеет ситуацией и кто правит бал…

Представитель главного конструктора и НПО, где создавалась и производилась «принцесса», в прошлый раз выглядевший интеллигентным снобом, сейчас встретил Шабанова, как отца родного. Тотчас отправил сопровождающего офицера, закрыл форточку – единственный источник воздуха в маленькой комнатке с низким потолком, и включил чайник. По виду он был нормальным нищим ученым эпохи перестройки, чудом удержавшимся в системе военно-промышленного комплекса и теперь рьяно отрабатывавшим свой скудный хлеб. Посол главного конструктора был гражданским человеком и, верно, потому щепетильным, честолюбивым и вольным.

– Все, все, все знаю, – заговорил он. – О чем не знаю – догадываюсь. Они хотят свалить всю вину на наше НПО! Сами наворотили дел, сами подвергли риску весь проект, и теперь им нужен стрелочник.

Уверяю вас, господин Шабанов, установленная на вашей машине «принцесса» находилась в полной исправности и на стенде не давала сбоев. Это весьма прочное, отработанное и совершенное изделие нашего предприятия! И мы из чувства достоинства и чести не могли отправить индийским друзьям неисправный прибор. Нам близка эта страна. Что имеем мы – должны иметь они! Да как можно для истинных братьев делать, пардон, грубую халтуру?! Будь это другая страна – откровенно скажу вам! – Югославия, Словакия, Беларусь, могли бы отправить продукцию с некоторыми мельчайшими отклонениями от нормы.

Самыми незначительными! Например, по данным Мохова.

– Я не знаю его, – серьезно сказал Шабанов.

– Ну, разумеется! Это один из создателей «принцессы». Он разработал защиту самолета от попаданий ракет «воздух-воздух». Если выпущенная ракета, не долетая до цели, уходит резко вверх на восемьсот метров и там взрывается – норма. Но если она летит к земле – отклонение. Да вы просто не представляете, Герман Петрович! В нашем изделии сосредоточено до пятидесяти открытий «ноу-хау»! Нам удалось перепрыгнуть через поколение подобных приборов в США! Я же говорил вам: «стелс» – это же чисто рекламный проект! Просто весь мир условился, что американская военная техника – самая лучшая, но случись война с НАТО, мы будем без всякого напряжения молотить их авиатехнику, даже стрелковым оружием. И они об этом – знают!.. А сейчас ответственные люди из особого отдела и Росвооружения пытаются убедить нас, что мы сделали халтуру. Некое сырое, нестабильное устройство, способное не защитить самолет, а погубить его. Потому вы для нас, господин Шабанов, самый главный эксперт в этой ситуации. Мы чувствуем, как некие силы намерены опорочить отечественные открытия в этой области и тем самым погубить целое направление в науке. Это же открытое, явное вредительство! Хотя, подобное слово сегодня не в почете.

– Ваша «принцесса» работала отлично, – похвалил Шабанов. – Без всяких сбоев.

– Да я в этом уверен! Если бы вы знали, как мы спасали эту благородную деву от черного глаза! – Чувствовалось, что представитель главного конструктора давно возмущен положением дел. – Наше бюро заполонили иностранные разведки, проникли во все отделы и структуры, фиксировали каждый шаг, каждую новую разработку. И тогда наш главный пошел на хитрость! Он создал сверхсекретный сектор якобы для разработки суперсовременных систем наведения, и туда сбежались все жиды. Все до одного! А он месяц их поманежил и сократил весь сектор. Всех выкинул на улицу! Тогда это поощрялось в ВПК. С чем боролись, на то и напоролись! Но какой поднялся шум! Нас чуть не закрыли!.. Но мы выстояли. И у нас до сих пор сохраняется государственная тайна… Сейчас главный у нас – один из первых хакеров в России. Знаете, у нас сразу деньги появились. Иначе бы давно погибли. А мы «принцессу» сделали! До ума довели! И сколько всяких наработок! Например, проект «Скиф»!..

Он осекся, поняв, что болтает лишнее.

– Нет, прибор ничего, – еще раз похвалил Шабанов. – Только вот запах…

– Да это ерунда! Главное, самолет становится невидимкой!

– Во всяком деле должна быть эстетика.

– Здесь вы не правы, товарищ Шабанов! Оружие должно быть грозным!

– Для врагов. А почему я должен сидеть в кабине, как в сортире? У нас всегда так: создадут что-нибудь приличное, и обязательно к этому – ложку дегтя.

– На это у вас существует кислородная маска!

– Все равно, ваше изделие – примитив, – заключил Герман. – Я носился с «принцессой» как с писаной торбой, думал – верх технической мысли. Оказывается, есть в мире вещи… Вы знаете, что такое – «курица»?

– Курица? Имеется в виду, птица?

– Нет, камень такой, с дыркой. Ну, помните, в детстве ходили по берегам и искали…

– Ах, камень с дыркой! Понимаю… И что же?

– Так вот, одна «курица» размером с ваш чайник вырабатывает около пятидесяти киловатт электроэнергии.

– Постойте, постойте, господин Шабанов… Каким же образом? Как может камень с дыркой вырабатывать энергию? Вы ничего не путаете?

– Но вырабатывает, я сам видел! К «курице» подключены провода, а сама она лежит на дне горной реки. Я тоже не поверил, перехватил кабель… Хотите, покажу вам нож? Лезвие десантного ножа выгорело на сантиметр.

Представитель главного конструктора засмеялся, снял чайник с плитки, поставил два граненых стакана и бросил чайные пакетики.

– Ну знаете!.. Если бы каждый камень с дыркой давал по полсотни киловатт! Зачем строить атомные станции?

– И я о том же. Наша цивилизация и вся наука идут по порочному пути. По пути самоуничтожения. – Шабанов придвинул к себе горячий стакан. – Благоустройство и удобство жизни требуют бесконечных затрат: энергетических, финансовых, собственных физических сил… И жертв! Люди гибнут за металл. Да, вот так удобнее и приятнее. – Он подергал нитку заварного пакета. – И в этом смысл жизни?

– Что-то я вас не совсем понимаю, – интеллигентно признался собеседник. – Вы очень странно выражаете свои мысли…

– Да я их вообще не умею выражать. Привык больше чувствовать.

– Должно быть, вы поэт по природе!

– Ничего подобного… Чтоб человечество не погибло, оно

должно научиться не вырабатывать энергию, а снимать ее. Со всех вещей и предметов, которые ею насыщены. – Герман погрел руки о стакан. – Вот так, например, мы снимаем тепловую, верно?

– Концептуально я согласен, – проговорил ученый человек. – Но это невозможно, потери…

– Ломоносов что сказал? Ничто не берется из ничего, и ничто не исчезает бесследно…

– Ей-богу, вы фантазер, товарищ Шабанов!

– Вы когда-нибудь задумывались над простейшими вещами, которые так понятны в детстве?

– О чем, например?

– Ну вот зачем мы бродили по берегам и искали «курицы»? Потом продевали нитку и вешали на шею. Оказывается, так делало человечество во все времена. И до сих пор делает! А зачем? Почему? Можно ведь просверлить в камешке дырку, правильно? Нет, надо найти такой, который просверлила вода, за сотни и тысячи лет!

– Так-так, продолжайте! – попросил он задумчиво.

– А что продолжать? Вы же поняли. «Курица» по энергетической насыщенности – ядерный реактор. Вот и все. Только надо уметь снять, вынуть эту энергию.

– И вы видели, как ее снимают?

– Видел!.. Но не понял как. Три провода к камню прикручено, и всё. Я в физике не силен. Даже точно не знаю, что такое молекулярная оптика…

– Где это видели? Где вы видели такую «курицу»?

– На горнолыжной базе.

– На какой базе? Где?

– Не знаю! Да что вы к «курице» привязались? – Шабанов вытянул губы и отхлебнул горячего чая. – Камень с дыркой тоже ерунда, примитив, как ваша «принцесса». Прошлый век… Вот деревья – это да! Представляете, растет дерево, корни тянут соки из земли, крона все время под солнцем, происходит фотосинтез, вырабатывается хлорофил. Это я со школы знаю… И вместо воды – ветер все время обдувает. Там целый комплекс энергий! Разных, мощных, а мы валим их, пилим на дрова и получаем только тепловую. И то – три процента… Знаете, я в детстве столько дров наколол! И столько печей истопил! У меня батя в школе работал учителем труда, и заодно – истопником. Мы с ним в пять утра вставали и топили печи, шесть штук. Я тогда еще смотрел и думал: природа сотворила дерево, березу, например. Белую, красивую, с крепчайшей древесиной, приятной на ощупь, матовой, шелковистой… А весной у нее сок сладкий-сладкий! И хочется обнять и долго стоять… Мы же взяли и бездарно спалили

ее!

– С деревьев тоже снимают энергию? – перебил представитель главного конструктора.

– Разумеется, и даже без всяких проводов.

– Каким образом? Вы видели какую-то установку? Приборы, преобразователи?

– Видел, но внутрь же не заглянешь. Между прочим, как в вашу «принцессу».

– Вам объясняли принцип действия преобразователей?

– Нет, я сам догадывался. И объяснять было некому, да и некогда. – Шабанов оторвал нитку от пакета и намотал на палец. – Например, входишь в холодный, нетопленный дом, и через несколько минут там становится тепло. Я на коленках лазил, обогреватели искал – нету. Уходишь, мгновенно выстывает… Что это? Может, каким-то образом с нас самих снимается тепло для обогрева? Сколько мы его выделяем в атмосферу?.. Но если китайцы одной свечкой кипятят огромный котел воды, значит, есть способ? Ну, не мог же я надышать плюс двадцать за пять минут!

– Все это весьма любопытно… Но голословно. Вы же могли… получить некие доказательства, выяснить в беседах…

– Говорю же, не хватало времени, и все из-за вашей дурацкой «принцессы»!.. Правда, у меня было что-то вроде экскурсии, но все галопом по европам. Но я сделал для себя выводы.

– В чем же они заключаются?

– Мне трудно объяснить, я слабо разбираюсь в области высоких технологий. Можно сказать, не понимаю вообще ничего. Но вот вы говорите. Главный конструктор у вас – хакер, и я подумал – символично. Вы никогда не сделаете чего-то принципиально нового. Ну, к примеру, не сможете вытащить энергию из «курицы». Никогда!

– Почему?

– Потому что вами руководит хакер, разрушитель! Наука все время идет по пути взлома. Мозги так повернуты, что ли… И термины как у бандитов: бомбардировка ядрами, расщепление, критические массы, разгон частиц… Вы же вламываетесь в процесс! А они входят в него, как рука в воду.

– Кто – они? – мгновенно спросил родитель «принцессы», вдруг утратив свою научную интеллигентность и растерянность.

– Люди. У которых я побывал в гостях.

– Они земные люди? Или пришельцы?

– Пришельцы-то скорее мы, – не согласился Шабанов и допил чай. – Потому что врываемся, как варвары… Они очень даже земные, и ниоткуда не прилетали. Живут, как деревья… слово

есть такое…

– Органично?

– Нет, гармонично! Сначала я подумал… дикие они или одичавшие. Совершенно не такие, как мы! Была мысль – слабоумные, недоразвитые… Но все наоборот! Мы идиоты и дебилы! Ну вот как расценить такое: молодая девушка, по нашим понятиям, полная дура, доит корову, печет хлеб, болтает глупости и одновременно занимается… в общем, у нас это называется молекулярной оптикой.

– Да… А вы сами знаете, что такое – молекулярная оптика?

– Говорю же – не знаю!

– И кто они? Откуда взялись?

Шабанов поразмыслил, говорить или нет представителю хакера о происхождении этих людей, и все-таки решился: ученый муж внушал доверие и внешне чем-то напоминал доктора Ивана Ильича.

– Эмигранты… Это я так понял, – поправился он. – До революции был в Петрограде один малоизвестный ученый. Вместе со всей лабораторией бежал сначала на юг, оттуда попал в Сибирь, хотел уйти через Китай в Индию. Колчак довез его до Иркутска, ученого со всей компанией из поезда высадили, чуть не расстреляли, но отняли какое-то лабораторное оборудование, золотое или с содержанием золота… и отпустили.

– Как его фамилия?

– Забродинов…

– И он – малоизвестный! – ревниво вскричал собеседник. – Это вам мало известный, молодой человек! Но мы-то его знаем. Лев Алексеевич Забродинов, автор монографии о солнечном ветре. Действительно, эмигрировал, умер в двадцать третьем году от туберкулеза в Харбине…

– Жив до сих пор.

– Не болтайте ерунды! Тогда ему должно быть сто десять лет!

– Не знаю, я его не видел, только с правнучкой разговаривал. Она сказала – жив…

– То есть, хотите сказать, вы приземлились в Китае?

– Не имею представления, где приземлился. Но думаю, не в Китае, – неуверенно проговорил Герман. – Людей нет, пустая тайга, горы, река… Скорее, предгорья Тибета по ландшафту.

– К сожалению, я в географии ничего не понимаю, – сокрушенно сказал представитель хакера. – Но вы просто обязаны вспомнить и назвать место, где находились целую неделю!.. Забродинов! Если вы действительно!.. Нет, не может быть! Вы читали его монографию?

– Я похож на человека, который читает монографии? –

спросил Шабанов.

– Да-да, вы похожи на пилота… Если не читали, откуда вам известна фамилия – Забродинов?!

– От внучки. Точнее, правнучки.

– А, вы говорили… Это она рассказала про камень с дыркой, про деревья?

– «Курицу» я видел сам. Про деревья – она, но мимоходом. Не было времени, надо было улетать.

– Улетать? Куда улетать?

– Я обязан был выполнить условие, дал слово… Она показала мне мир, который я утратил.

– Ничего не понимаю! Какой мир? Параллельный?

– Да почему параллельный? Нормальный, реальный… Мы летали и смотрели на землю.

– На чем летали?..

– Ну, аппарат такой. – Шабанов подыскивал слова. – Вернее, самолет – это аппарат… Мы летали в оболочке… Не знаю, как назвать. Короче, некий шар, сделанный из нескольких энергетических оболочек. Мне так объясняли… Что-то вроде шаровой молнии… Но внешне похожей на тыкву…

Ученый муж вдруг зажал себе рот, сморщился от негодования на себя и замахал рукой, требуя замолчать. Затем огляделся, схватил бумагу, карандаш и, что-то размашисто написав, показал Шабанову.

«Забыл предупредить, нас прослушивают!» – прочитал он.

И в тот же миг на пороге очутился офицер комендантской роты: разбор полета с одним из родителей «принцессы» закончился…

8

Командир полка Ужнин года три уже пересиживал на своей должности. Он был молодой, летающий полковник и отбывал в Забайкалье не ссылку, а нормальный этап своей карьеры после академии Генштаба. У него впереди был приличный запас роста, однако передержка на уровне полка ему вредила, не давала развиваться – надо было давно уже пройти ступень начальника штаба дивизии, чтобы потом определиться на генеральскую должность; он же торчал на полковничьей, и с каждым годом шансов вырваться оставалось все меньше и меньше. Он чувствовал, что происходит явление, в авиации называемое провалом, – ситуация, когда, отказавшись от посадки, включаешь форсаж и пытаешься набрать высоту. Двигатели ревут в полную мощь, нос задран, однако машина продолжает валиться к земле, поскольку нет достаточной тяги.

И в авиации, и в карьере такое положение можно расценить как аварийную ситуацию, и Ужнин находился в ней вот уже три года. От тесной связи с Росвооружением что-то наконец замаячило впереди: маркитанты обладали незримой властью и авторитетом и при благоприятном состоянии звезд на небосклоне вполне могли создать дополнительную тягу, чтобы выскочить из провала и набрать высоту. Однако торговцы оружием из собственных выгод и соображений тянули его в главный штаб ВВС, а он хотел остаться летающим генералом хоть в Африке, чем подземным столичным, висящим каждое утро на поручнях метро. Причину Шабановой ссылки он раскусил сразу, и сразу отметил, что к сему руку приложили те же маркитанты, которым требовались опытные, надежные пилоты, и, теша тайную мысль отмщения торгашам, Ужнин уже после месяца службы опального пилота попытался сделать его начальником штаба – парень после академии, будет кому полк передать, но получил сильнейший, необоснованный отлуп – выше комэска не назначать!

Бывшего завклубом Федотовской дивизии и настоящего депутата Госдумы знали в войсках как облупленного: он генералов в Москве по стойке «смирно» ставил, объясняя, что такое демократия и вооруженные силы новой России. И те стояли, поскольку не знали, что такое демократия и что такое – новая Россия. Стояли и в душе ненавидели народного избранника, который свои выступления начинал с рассказа, как он выбился из офицерских низов, и что он – сын алкоголика. Так что Шабанова встретили в полку будто героя и поначалу приходили посмотреть на опального пилота, пожать ему руку – ту самую, которой он

треснул по физиономии депутата-реформатора, преодолев статус неприкосновенности.

Когда МИГ, оборудованный «принцессой», бесследно пропал вместе с пилотом, Ужнин понял, что это очень серьезно, и за происшествием скрыто нечто особенное, требующее внимательного изучения и разбирательства, что и подтвердилось после доклада Заховая, проведшего с Шабановым первую беседу. Потому командир полка не стал ничего спрашивать, вызвал начальника медслужбы полка и приказал поместить пилота в командирскую палату со всеми удобствами и для начала провести полное обследование и лечение, если потребуется. По настоянию особиста к нему приставили офицера – полуохранника, полуденщика, который теперь сидел в холле аппендикса, где располагались палаты для старшего начсостава, и читал газеты. С обеда и до вечера Германа водили по врачебным кабинетам, где заранее предупрежденные доктора ни о чем не спрашивали, а молча выслушивали, выстукивали, высматривали в рентгеновских лучах и отбирали анализы.

В десятом часу, когда Шабанов лежал у телевизора и гонял пультом каналы, роясь, как нищий в мусорном баке, чем бы поживиться, к нему неожиданно пришел командир полка. Одет был в гражданское, поводок в руке – вышел с собакой погулять и заглянул в госпиталь. Однако показалось, вид у него далеко не прогулочный, чем-то крайне озабочен и возбужден, иначе бы не бросил своего драгоценного кокер-спаниеля одного на улице.

– Покажи ноги! – с порога потребовал он.

– То руки, то ноги, – проворчал Герман и скинул одеяло. – Нате, смотрите…

– Знаешь, что у тебя там пуля сидит? – ткнул пальцем в левую ногу.

– Догадываюсь…

– Откуда у тебя ранения?

– Я говорил, была охота за «принцессой», гнались какие-то непонятные люди, – устало объяснил Шабанов. – Сначала в черном, потом в камуфле…

– Была перестрелка?

– Еще какая… Лодку издырявили в прах.

– Ты плыл на лодке?

– Плыл…

– Что же ты ничего не рассказал Заховаю? – укорил командир, возбужденно расхаживая. – Где это случилось, при каких обстоятельствах?..

– Он не спрашивал. Уперся в одно – где упал, где обломки…

– Ты вообще как себя чувствуешь? Здоровье имею в виду?

– Нормально…

– А почему так быстро раны зажили?

– Иван Ильич лечил…

– Кто такой?

– Доктор… Я у них в больнице лежал.

– В больнице?! Ладно! – ахнул и сам себя оборвал Ужнин. – Рано утром встанешь и все напишешь в рапорте. А то послушаю тебя и не усну. С ног валюсь!.. – Он шагнул к порогу и задержался. – Кстати, зачем ты телевизор выбросил из квартиры?

– Пошлятину гонят, – дернул плечами Шабанов. – Ужас…

– Ну выключил бы. Зачем выбрасывать? Новый телевизор, импортный… Да, и еще. В НАЗ был заложен пистолет-пулемет «Бизон». Заховай нашел только два «магазина»…

Сказать ему, что хотел застрелиться на мусорной свалке в овраге, так точно уж не уснет…

– «Бизон» утонул, – соврал первое, что пришло на ум.

– Как это – утонул?

– Плавать не умеет, железный.

– Укажешь в рапорте. – Ему хотелось, видимо, расспросить подробнее, однако он хлопнул по ноге поводком и вытолкнул себя из палаты.

Этот поздний визит и вопросы тогда ничуть не насторожили Шабанова; он подумал, что Ужнин не хочет наскоро проводить разбор полетов, а, дождавшись своей очереди, сделает это основательно, и рапорт нужен ему, как исходный документ для показа комиссии. Потому с утра Герман сел за сочинение, чем-то напоминающее школьное «Как я провел каникулы». Всю лирику он отбросил – о внучке Забродинова и о летающей тыкве можно ученому рассказывать; командир и члены комиссии подобных фантазий не поймут. Он подробно изложил свои приключения, начиная от взлета с базы Алтупа и до того, как очнулся в лесу близ Пикулино. Поскольку же упущенная лирика разрушала стройность и логику, то Шабанов кое-что придумал, например, относительно своего выздоровления, как снимал парашют с деревьев, куда делся «Бизон», и когда не находил толкового объяснения некоторым обстоятельствам, валил все на болезненное состояние и провалы памяти от сильнейшего воспаления уха. В общем-то, так оно и было.

Через два с половиной часа рапорт на семнадцати страницах был готов и передан дежурившему в холле офицеру. После завтрака к нему пришел капитан из особого отдела и подробнейшим образом, с записью на магнитофон, расспросил о полете после старта с аэродрома монгольского Алтупа, а в конце беседы между прочим сообщил, что комиссия уже в Пикулино.

Шабанов стал ждать визитов высокого начальства, но вместо него явился главный хирург госпиталя, пощупал икры на ногах и заявил, что необходимо сейчас же, немедленно сделать операцию. Вчера он сам смотрел рентгеновский снимок и говорил, что пуля находится внутри мышцы, обволоклась пленкой, совершенно не мешает и о срочности ее извлечения не заводилось речи.

– Это что, такой приказ? – спросил Герман.

– При чем здесь приказ? – уклонился хирург. – Ты летать хочешь?

– Хочу.

– Тогда пулю надо вынимать. Это минута работы, под местным наркозом и почти безболезненно, – он показал снимок на свет. – Чтоб лишних дырок не делать, достану через раневой канал. А то потом снова в госпиталь, анализы… Тут за один скрип все равно дней пять лежать еще.

– Валяйте, – ничего не подозревая, разрешил Шабанов.

Через пять минут он уже лежал на операционном столе, и симпатичная, с игриво-улыбчивыми глазами сестрица раскрашивала йодом икроножную мышцу. Потом взяла шприц, но воткнула иглу не в ногу, что было бы естественно для местной анестезии, а в вену на руке и стала медленно выдавливать лекарство.

– А это зачем? – спросил он и ощутил, что сознание поплыло. Хотел еще сказать – вот суки, обманули! – однако язык уже не повиновался. Последнее, что он отчетливо запомнил, это маску со шлангом, которую кто-то нес к его лицу, все остальное воспринималось с уже знакомым чувством полусна-полуяви.

Он ни разу не испытывал на себе наркоза, если не считать того, что делал с ним доктор Иван Ильич. Тогда он просто провалился в сон, против которого не помогло даже испытанное отцовское средство сохранения самообладания, и ничего не помнил; тут же сознание до конца не угасло, Шабанов все видел, слышал, но смутно и как бы со стороны, а спустя некоторое время смог даже говорить и слышал собственный голос.

– Жили были три японца: Як, Як Ци Драк, Як Ци Драк Ци Драк Ци Дроне…

И при этом ничего не чувствовал, находясь в полнейшем безразличии ко всему, что происходит вокруг. Пулю ему действительно достали в одну минуту. Хирург тотчас же очистил ее, протер и куда-то удалился, так что рану заделывал ассистент. Потом его перегрузили на каталку и увезли в палату, где оказался незнакомый человек в белом халате с рыжей козлиной бородой. Тут и начался странный, мучительно-долгий разговор-допрос, от

которого в памяти абсолютно ничего не осталось. О чем его спрашивали и что он говорил в ответ, не запомнилось ни слова, сознание запечатлело лишь сам факт нудной беседы, мерзкий, гнусный голос козлобородого мужчины и то, как он время от времени поил его водой из стакана.

Потом его опять куда-то везли на каталке, вроде бы грузили в машину – запомнился белый автомобильный фонарь на потолке, но в ушах почему-то остался звук поршневого авиамотора и отвратительный, гадкий голос, неотступно преследующий повсюду.

Кажется, он так и не заснул и вышел из этого неприятного состояния, когда смог двигать руками и ногами, почувствовал страшную жажду и обнаружил, что лежит в другой палате, а рядом на стульчике сидит и читает книгу молоденькая сестрица в бирюзовом колпаке.

– Где я? – спросил Шабанов.

– А, очнулись? – Сиделка отложила книгу и поднесла стеклянный чайник с длинным носиком. – Пейте!

Он выпил больше половины, осмотрелся, отметил, что одет в другую пижаму, потряс головой.

– Так где я все-таки?

– Это окружной госпиталь, хирургическое отделение, – объяснила сестрица. – Как самочувствие?

– Значит, привезли сюда под наркозом?

– Да, вы очень крепко спали! И рассказывали сказку.

– Какую сказку?

– Про каких-то японцев и японок, столько имен – не выговорить. Они переженились, нарожали детей, дети – внуков…

– А еще что говорил?

– Кажется, ничего…

– Ну и зачем надо было тащить сюда сонного? – Герман осмотрел заклеенную икру ноги. – И вообще, говорили достанут пулю под местным наркозом!

– Не знаю, – свела она плечики. – Я дежурный анестезиолог…

– Послушайте… А был здесь мужчина… стриженый и с рыжей бородой, как у козла?

– Нет, не был…

– Ну как же! – возмутился он. – Сидел на вашем месте! И что-то молол!..

– Это вам приснилось, – ласково заулыбалась дежурная. – Под наркозом бывают причудливые сны, все зависит от психических особенностей.

Она измерила давление, еще раз напоила водой и ушла, оставив на пороге дразнящую улыбку. Шабанов тотчас же встал,

осторожно ступая на ногу и держась за стенку – еще штормило, – подошел к окну: второй этаж, решетки нет, на улице сильный ветер, и не понять, утро или вечер. Палата ничего, тоже командирская – ковер на полу, картинка на стене, стол, телевизор, индивидуальный санблок…

Козлобородый хмырь с нудным голосом стоял перед глазами. Был он здесь! Этот стульчик все вертел, то на край сядет, то верхом, и долбит, долбит вопросами… Стакан граненый, вот он, на столе, разве что помыт, протерт и поставлен на стеклянный поднос к графину.

– Я тебе дам – причудливые сны! – вслух подумал Герман. – Психические особенности…

Мерзкий тип поил его и ставил стакан на край полированного стола… и там остался мокрый след! Вода, конечно, высохла, но мутноватый кружок на полировке есть и легко стирается пальцем.

– Будут мне тут лапшу на уши вешать, – проворчал он, довольный собой, и выглянул за дверь: уютный холл, пальма, журнальный столик с креслами и пейзажи на стенах…

Ему сделали какой-то хитрый наркоз, чтоб этот козлобородый выпытал, вытряхнул из него все, о чем он не говорит и не пишет. Вот сволочи! Как будто шпиона поймали! Заховаева работа, он мастер тайных дел, это у него есть особые способы работы с личным составом…

И вдруг нахлынула знакомая, щемящая тоска, вспомнился утраченный мир, вернее, полет с Агнессой над этим миром – словно от перегрузки отяжелело лицо, руки, плечи… Безвозвратно ушедший мир детства, где ему посчастливилось побывать, и можно было остаться там навсегда, если бы поверил, что он существует, что это возможно, будучи в зрелом возрасте, ощутить себя ребенком и, главное, увидеть мир детскими глазами…

Нет! Коль вернулся в этот суконный и суровый мир, нечего жалеть и нельзя поддаваться соблазну. Иначе снова захочется напиться и откопать «Бизон»…

Шабанов нашел в шкафу теплый халат, натянул его и похромал через холл к выходу из отделения. Навстречу встала постовая сестра, заслонила дорогу.

– Больной, вы куда?

– Во-первых, я не больной, – сквозь зубы процедил он. – Во-вторых, хочу погулять!

– Но вы только что вышли из наркоза!

– Лучше дай палку или костыль!

– Ничего не дам! Вам гулять запрещено!

– Кем? Этим стриженым с козлиной бородой?

– Не знаю, – объемы у сестрицы были такие, что не обойдешь. – У меня записано – постельный режим.

– Я что, арестован?

– Не знаю, у меня записано!

Из-за операции он попал в хирургию, где царили строжайшие правила и жесткие законы.

В это время в другом конце коридора появилась анестезиолог в бирюзовом колпаке, постовая бросилась к ней.

– Алина Сергеевна! Шабанов собрался гулять!

– Шабанов, вам нельзя, – не совсем уверенно сказала та. – Постельный режим, идите в палату.

– Пойдем вместе? – Он приблизился к ней вплотную и поправил колпачок у нее на голове. – На улице весна, почки лопаются. Подышим свежим воздухом, а то в палате после этого козлобородого три дня проветривать нужно. Кстати, сейчас утро или вечер?

– Вечер…

– Тем более, Алина!

– Выдай ему костыль, – попросила она постовую. – Я пальто наброшу…

– А можно на твое плечико опереться? – засмеялся он вслед.

Когда спускались по лестнице, Шабанов приобнял анестезиолога за талию и получил вполне обнадеживающий, игривый отказ:

– Не забывайтесь, больной! У вас костыль есть для этой цели.

На улице выздоравливающие солдатики в казенных фуфайках собирали подснежники. Ветер раздувал их, а они снова собирали…

Алина увела его за угол в скверик, где почти не дуло, достала сигареты.

– Время прогулки – десять минут, пока курю.

– Да мне и десяти хватит, – ухмыльнулся он, встав поплотнее к ней. – Ты же ночью придешь ко мне?

– Что? – с наигранным возмущением протянула она. – Закатайте губешку, капитан! Какой шустрый. Только от наркоза отошел – и уже!..

– Я пилот. У меня на принятие решения слишком мало времени. Наркоз, не наркоз – не имеет значения.

– Что, тоскливо в генеральской палате? – дунула дымом в лицо.

– Угадала! Тоска наваливается смертная, а вокруг ни души. Да и с детства один боюсь спать.

– Это серьезно?

– Еще бы!.. Приходи!

– Ты что, с ума сошел? – зашептала. – Завтра уволят… Вышла покурить с тобой, уже доложат…

– Ладно, – тут же согласился Шабанов. – Слушай, все-таки этот козлобородый был у меня в палате?

– Зачем тебе это? – спросила не сразу, переламывая себя.

– Хочу проверить качества самообладания.

– Хорошие качества, успокойся.

– А кто он, знаешь?

– Откуда?.. Видела второй раз. Неприятный тип, правда?

– Где первый раз видела?

– У начальника медслужбы в кабинете… А что? – Алина почему-то насторожилась.

– Да нет, все в порядке! – засмеялся Герман и, оглядевшись по сторонам, сунул руку под наброшенное на плечи пальто, обнял, прижал, зашептал в ухо, как совратитель: – Какая ты сладкая… Займи двадцать рублей?

– Зачем? – опешила она, отталкиваясь. – Что это значит?

– На бутылку, выпить хочу!

Обида ее была мгновенной и жесткой. Затоптав окурок, указала на дверь, произнесла стальным голосом:

– Идите в палату, больной!

– Прости, Алина, – повинился Шабанов. – Мне на самом деле очень плохо, тоска… И хочется сделать глупость, подурачиться, посмеяться…

– В палату, я сказала!

От группы солдат отделился один в фуфайчонке, порысил в их сторону, придерживая на голове пилотку – закурить стрельнуть.

– Ну, не сердись, – стал подлизываться Герман. – Ты что, шуток не понимаешь? Это же шутка… Лучше дай воину сигарету, я-то не курю и не пью, между прочим.

А воин остановился в трех шагах, вдруг раскинул руки и сронил пилотку в грязь.

– Мать честная! Герка!.. Кипит-т-твое молоко! Я же слышал, ты нашелся!..

Олега Жукова Шабанов едва узнал в таком наряде, обнялись, завозились, затоптали и пилотку и костыль. Алина стояла чуть ли не с открытым ртом и сигаретой в протянутой руке.

– А ты-то что здесь? – когда расцепились, спросил Шабанов. – Заболел, что ли?

– Да я же каждые полгода прохожу реабилитацию! – цвел и пах от счастья старый кадетский приятель. – Следят, не потекла ли крыша! На две недели, четко!.. Да хрен с ним! Ты давай

рассказывай! Смотрю – ты стоишь или не ты? Пригляделся – а вроде ты!

– Время вышло, – опомнившись, предупредила Алина помягчевшим голосом. – Идите в палату. Встретитесь завтра.

– Стой здесь, из окна махну, – сказал Шабанов. Товарищ Жуков понимал все с полуслова, вытащил костыль из грязи.

– А чего ты с клюкой?

– Потом! – Герман попробовал обнять Алину, однако заработал по руке.

Пожалуй, впервые с того момента, как очнулся в лесу, запеленатый в парашют, Шабанов ощутил радость и легкий, едва уловимый вкус к жизни.

Товарищ Жуков забрался к нему около двух ночи. Парень он был резкий, страстный, но и хладнокровный одновременно; в палату он буквально влетел, забравшись на березу под окном и раскачавшись на ее вершине. Годы ничего с ним не сделали. Когда Шабанов поступил в СВУ и на первых же занятиях стал присматриваться и выбирать друзей, взгляд его пал на товарища Жукова, как он себя называл. Олег был городским парнем, развитым и умным, как показалось деревенскому учительскому сыну, отвечал на уроках коротко, четко и всегда по делу, а выбрал военную стезю, как сам признался, из-за своей знаменитой фамилии, хотя к маршалу никакого отношения не имел. Но по своим военным способностям и таланту выгодно отличался от остальных – через месяц получил должность командира отделения, а СВУ закончил старшиной.

Но когда без оглядки влюбился, не пошла у него служба…

До четырех утра старый кадетский товарищ слушал исповедь, сидя на ковре в позе йога, и боялся дохнуть. Шабанов впервые рассказывал все, как было, без купюр и прикрас, и чувствовал, как освобождается переполненная душа. Олег лишь дважды встрепенулся и вскинул голову: когда услышал о шаре в виде тыквы, и еще раз, когда Герман пытался обрисовать свои ощущения в первый миг полета внутри этой шаровой молнии. Все остальное время сидел с опущенным взором, уставившись в одну точку, словно медитировал. И, выслушав, тяжело распрямляя затекшие ноги, встал, потом бухнулся на колени, перекрестился в пустой угол:

– Господи! Свершилось! Хоть одного подпустили! Хоть один свидетель есть теперь на свете!

И еще потом несколько минут, ошарашенный и просветленный одновременно, ходил по генеральской палате и время от времени шлепал пилоткой по ляжке.

– Все точно! Сначала как шар, потом сплюснулась… И

действительно похоже на тыкву! Я еще подумал, надо же, какой яркий и глубокий цвет, а не слепит… Вроде бы сгусток какой-то, на вид рыхлый, туманный, но прочность…

Он что-то вспомнил, опустил плечи и сразу отяжелел.

– Когда я первый раз зашел и попробовал из пулемета – ноль эмоций, будто в пустоту. Цель вижу! Все реально, расстояние – сто метров, на экране отбивается физический объект! Ну что еще?.. Со второго захода когда из пушек вдарил, мгновенно реакция пошла! Сначала вытянулась, будто кто изнутри распорку вставил, и выключилась. Знаешь, как телевизор выключается, медленно гаснущая точка, и всё… Думаю, завалил! Аж руки затряслись. Глянул на экран, и страшно стало: цель не поражена, летит впереди и вроде бы приближается…

– Стрелок хренов…

– А кто бы знал?! Она же двадцать минут вокруг меня моталась и что только не вытворяла. С хвоста зайдет, к соплам вплотную, и хоть бы что! – У Олега затряслись руки. – Запрашиваю землю, что делать, а мне эти чурки – выполняй полетное задание… Откровенно сказать, я с испугу атаковал, боялся столкновения… Понимаешь, натуральное хулиганство!

Он взмок от волнения и наконец догадался – содрал солдатскую маловатую ему фуфайку, пижаму и напился из графина.

– Значит, так, фраер! – со знанием дела заявил Жуков. – Если хочешь летать, про эту тыкву ни гу-гу. Сразу обратят внимание на твою тыкву. А если брякнешь, сам испытал, психушка тебе обеспечена.

– У меня есть доказательства, – хмуро проговорил Шабанов.

– Какие, солнце мое?.. Вот если бы ты угнал у них один экземпляр и закатил в ангар, тогда бы да! Или притащил секреты этих высоких технологий, а заодно и внучку.

– Правнучку…

– Да какая разница?

– А то, что я перемещался в пространстве с космической скоростью? И за пять часов побывал в разных частях света?

– Вот если ты хотя бы в сельсоветах отметился! Чтоб записали в книгу: тогда-то, во столько-то, прилетал такой-то…

– Я видел торнадо в Тихом океане.

– Было сообщение по «ящику», вот и все.

– Хорошо. В девять сорок две по Гринвичу российский танкер «Семен Дежнев» был на траверзе острова Галлета в Средиземном море. – Шабанов говорил и чувствовал, что Олег прав. – Нас заметили. Должна быть запись в судовом журнале, проверить очень легко, по радио, например…

– Кто станет проверять? Заховай? Да он после твоего исчезновения ходит на подогнутых стропах… А потом, если даже есть запись и вас заметили, где доказательство, что в тыкве сидел ты? Надо было ручкой сделать капитану танкера, фамилию крикнуть.

Судьба так отбила и откатала бывшего суворовца, так вынудила подвергать все сомнению, что он уже давно не верил и в собственное существование. Пожалуй, мог запросто убедить, будто его сейчас и в генеральской палате нет…

Проходить два раза в год обследование и тестирование на состояние психического здоровья – это что-то значило.

– Меня увидела мама, – выдал последнюю тайну Герман. – Это было одиннадцатого мая в четырнадцать двадцать три.

– Вот как? – тихо и задумчиво изумился Жуков. – Ну-ка, ну-ка…

– Мы приземлились на берегу Пожни. Черемуха расцветала, холодно было… Она еще пошутила, вот, говорит, возьму и оставлю здесь. Вернешься – меня нет. Что станешь делать?..

– Кто – она?

– Агнесса… Я задами пошел к дому, чтоб никто не видел. К огороду приблизился, смотрю, матушка морковку сеет. Наберет семян в рот и прыскает на грядку… Она всегда в черемуховые холода сеет. Стою и смотрю на нее. А батя в это время канаву чистил возле дома, лопата мелькала… Она почувствовала, голову подняла, руками так лицо зажала… Руки в земле… И пошла ко мне. Чую, бежать надо, а стою… Вплотную подошла, на губах морковное семя…

– И что дальше-то, говори! – У кадета вдруг не стало хватать терпения.

– Ничего… Я тихо так отошел и рукой помахал.

– И всё?

– В том то и дело! – закричал Шабанов. – Я в тот миг не смог стать ребенком! Броситься на шею!.. Не готов был смотреть на мир детскими глазами и воспринимать его таким, какой он есть. И вот – потерял.

Олег стукнул себя по колену.

– Дурак! Мог ты оставить ей какую-нибудь вещицу? Характерную?

– Да что-то не подумал в тот момент… Не было, не родилось сознания! Думаешь, это так просто – целиком вернуться в детство?

– А при чем здесь детство?

– При том…

У Жукова с кадетских времен была хорошая привычка: когда

чего-либо не понимал – не оспаривал, не рвал глотку и не смеялся. И то, что он принял решение атаковать некий явившийся ему летающий объект, было удивительно – черт его дернул, что ли…

– Не годится! – отрезал он. – Никоим образом!

– Почему? Мать-то меня видела!

– Старушка просто уснула на грядке.

– Где же уснешь – такая холодина!

– Ну, не уснула, сильно тосковала по тебе, думала. Вот ты ей и привиделся! Бывает такое от тоски? Да сколько угодно! Материнское сердце, брат.

– Пошел ты!.. – Шабанов ругнулся. – В комплексе-то все это ведь стоит чего-то!

– Вот именно, чего-то! – вдруг разозлился кадет. – Чего-то – значит ничего конкретного! Запомни: я не выделываюсь тут перед тобой. Мне больше, чем тебе, надо, чтоб ты доказал! Вместе с собой ты и меня реабилитируешь! Соображаешь?.. Но я все подвергаю сомнению. Потому что любая комиссия сомневаться будет еще больше! Знаешь, в какой оборот меня брали? Сначала вообще уволили!.. Если бы мне Коперник не подвернулся и я бы не доказал, что атаковал эти летающие тарелки не первый, а сто первый, давно бы бутылки собирал или работал рекламным агентом. А я собрал информацию по всем случаям и доказал.

– Какой Коперник? Астроном, что ли?

– Не читал его книгу? Во!.. Кстати, и про меня там есть.

Поразительно, этот безответно влюбленный человек совершенно не походил на такового и словно подчеркивал свой трезвый и холодный ум.

– Ладно, ты битый волчара, – согласился Шабанов. – Предлагай варианты. Систему защиты.

Жуков все еще потел – содрал майку, допил воду в графине.

– В первую очередь, твоя задача – пройти реабилитацию, отбрехаться перед комиссией и получить допуск к полетам. Значит, про летающие тыквы ни слова! Забыл, умерло! Вали, что ухо болело, что «Виру» жрал непомерно…

– Принято. Дальше.

– Второе – до зарезу нужны обломки машины. Значит, надо найти место падения.

– Хребет Данграласс…

– Но сам говоришь, нет его на карте.

– Фокус может быть в местном произношении названия. Или его обновили, сократили буквы… Короче, нужны старые карты, допустим, двадцатых годов.

– Это годится! – воспрял Олег. – Можно через знакомых

порыскать в окружных архивах или службе картографии.

– Рыскай. Что еще?

– Есть одна большая дыра: неизвестно, что ты намолол этому козлобородому под наркозом. Если выдал то же, что и мне, дело худо. Он тут как местный Кашпировский, лечит от алкоголизма, лишнего веса. Меня однажды пользовал, гад, но я выкрутился. Ему не очень-то верят, но в качестве оперативной информации могут использовать твой бред. Надо бы его нейтрализовать.

– Как? Взять у Алины какой-нибудь психотропик и самого вытряхнуть?

– Зачем? – ухмыльнулся Жуков. – Сделаем дешево и сердито. Он мужик запойный, но гуляет тайно и в основном на халяву. Сам себя вылечить не может. Денег надо с тысчонку – и все. Собутыльника я ему найду. Вторая дыра поменьше – зажившие у тебя быстро огнестрельные ранения.

– Какая же это дыра? Плюс! И доказательство, что лечился я не в окружном госпитале.

– Тогда – где? У пришельцев с другой планеты?

– Они не пришельцы….

– Да понятно! И все равно придется уйти от этой темы. Лучше придумай знахаря, народного лекаря – в это скорее поверят. Мол, намазали чем-то, пошептали – факт налицо. И третья прореха – мыло.

– Мыло?..

Олег вздохнул и развел руками.

– Земляничное! Что, если экспертиза докажет его особенное происхождение? Скажем так, с помощью не наших, а высоких технологий? Из веществ, которых не применяют в мыловарении? Особенно в отечественном?

– И это доказательство! – подскочил Герман. – Смотри, сколько набирается!

– Сразу видно, в преферанс не играешь!

– Не играю.

– То-то и оно… А мы сейчас должны сыграть мизер неловленный. То есть, не взять ни одной взятки. И пойти в гору!.. Короче, или мы упрощаем работу комиссии и она вскоре сматывается; или, наоборот, усложняем, и тогда она торчит тут и роет до скончания века. А нам она тут ну никак не нужна! Ты обязан получить допуск к полетам!

– И что это даст? – стал увядать Шабанов. – Знаешь, откровенно сказать, я даже боюсь снова оторваться от земли. Взлечу, припрет тоска смертная…

– Во! – сложил фигу Олег. – Идиот! Мать вспомни, как она морковку сеяла!.. Ты взлетишь. И я уверен: эта твоя пассия на

тыкве непременно объявится.

– Ах, вот оно что…

– То, брат, то! Как иначе-то ее выманить?

– А нужно ли выманивать?

– Ну, понесло тебя! – Кадет начал одеваться, но не в обратном порядке – с фуфайки. – Ложись спать, тоскующий идальго… Я пойду, пока совсем не рассвело. Завтра приду.

Он отворил окно, высунулся по пояс и, подтянув за ветки березу, прыгнул на нее, покачался, однако спускаться не стал – вновь приблизился к подоконнику.

– Герка, а знаешь, я рад, что они не пришельцы, – шепотом проговорил он. – Значит, у нас есть будущее…

Утром его разбудила Алина – то ли ей захотелось перед уходом домой еще раз встретиться, то ли по служебной необходимости пришла, сдавала дежурство и больных, которых выводила из наркоза. Принесла две стекляшки, выразительно поставила в туалет.

– Ну что с тебя взять, кроме анализов?

Взгляд был смешливый, чуть высокомерный, говорила со скрытым сарказмом, мерила давление, брала кровь из вены и пальца, задавала дурацкие вопросы относительно самочувствия, а сама вертела глазами, отыскивая следы ночной пьянки.

– Что же не пришла? – спросил Шабанов больше для порядка. – Я ждал всю ночь.

– Пришла бы, да место было занято, – грудным полушепотом проговорила Алина – очаровывала. – У тебя другая ориентация.

– То есть? Что ты хочешь сказать? – слегка опешил он.

– У тебя был мужчина.

– Никого не было!

– Красиво свистишь… Я подходила к двери. Вы так ворковали, голубки…

– Да это друг, еще с суворовских времен! Сам товарищ Жуков. Помнишь, вчера встретились?

Она стала мстить за его вчерашнюю неуместную шутку.

– Старая любовь, с юных лет… Суворовцы!

Герман внезапно сгреб ее, завалил на кровать, хотел поцеловать, но несло запахом табака в смеси с губной помадой – придавил сверху и ощутил, как когтистые пальчики вцепились в руку и сразу же зажгло. Он вскочил – четыре глубоких следа перечеркивали всю тыльную часть ладони.

– Ты что, с ума сошла?

– Могу расписаться и на физиономии! – бросила Алина, встряхнулась, как оттоптанная курочка, и хлопнула дверью.

Этой тоже требовалась тигровая шкура…

Когда привезли завтрак – привилегия для лежащих в генеральской палате, – он попросил бинт, замотал руку, чтоб в глаза не бросалось, и скоро этот инцидент отошел на задний план, поскольку в окружном госпитале началась повторная сдача анализов. Он уже смело наступал на оперированную ногу, ходил без костыля и все утро чувствовал душевный подъем. Полагая, что Шабанов все еще лежачий, хирург пришел к нему сам, привел сестру с перевязочными материалами и осмотрел прооперированную ногу.

– Через недельку снимем швы, – пообещал он. – А две недели придется погостить у нас, молодой человек. Кто вас оперировал, руки бы ему оторвать! Зачем было нужно вскрывать зарубцевавшийся раневой канал, когда пуля прошла мышцу почти насквозь и сидела в сантиметре от кожного покрова?

– Этого я не знаю, – на всякий случай предупредил Шабанов, чтобы избежать лишних вопросов.

Но хирурга не интересовали подробности ранения, он приказал сестре два раза в день проверять состояние раны (что-то ему не нравилось), пожелал скорого выздоровления и ушел.

– Жить буду? – спросил Герман у сестры, заклеивающей ногу. – Скажи по секрету?

– Есть опасность нагноения, – призналась она. – Возможно, придется почистить или поставить дренаж.

– Ничего себе! Мне там отлично вылечили ногу! – забывшись от возмущения, развязал он язык. – А здесь угробят!..

Спохватившись, замолчал, но сестра спросила выразительно:

– Где это – там?

– Там! – показал он на потолок и отвернулся.

– Что у вас с рукой? Сменить повязку?

– Нет! – Шабанов спрятал руку. – Это вас не касается.

Переосмысленный ночной разговор вдохновлял его, и теперь уже не казалась бредом мысль, что стоит ему снова подняться в воздух, как Агнесса обнаружит себя, подаст какой-то знак и можно будет все поправить.

Поднаторевший в вопросах медицины Олег Жуков рассуждал совершенно правильно – главное, доказать, что ты здоров и вернулся без всяких отклонений, и ни Заховай, ни маркитант со своим прокурорским гонором ничего ему не докажут, а представитель главного конструктора – человек свой в доску, ибо на его КБ хотят свалить всю вину.

Когда Шабанов вернулся в палату, застал там молодого человека в очочках, типичного программиста, который установил компьютер и заканчивал его настройку.

– Все очень просто, – объяснил он. – Вы легко справитесь. Здесь новая программа тестирования, в виде симбиоза компьютерной игры и развлекательного шоу «Угадай мелодию». Не спешите. Работайте, когда появится настроение.

Тест начинался с вопросов пустячных, к тому же каждый имел три варианта ответов и на экране появлялся джинн, сильно смахивающий на козлобородого, который, словно змей-искуситель, шептал на ухо «правильные» ответы, смущал, совращал и сбивал с толку. С ним можно было разговаривать, советоваться и даже посылать на три буквы, на что этот чертенок разражался крутым прапорщицким матом, однако с ним можно было найти общий язык, выполнив три нехитрых условия – перечить, но не ссориться, на каждый шестой вопрос отвечать так, как он подскажет и, самое главное, не загонять его в кувшин с пробкой. И тогда джинн становился добрейшим и за правильный ответ в качестве награды показывал короткие ролики с эротикой. И еще: пока не ответишь на один вопрос, не получишь следующего, то есть вперед не забежишь и не заглянешь, что авторы программы хотят в конечном итоге.

– И это ваши высокие технологии? – проворчал он и все-таки сел за компьютер, поскольку никакой реабилитации без тестирования не могло быть, а значит, пройти через это придется. Он знал, что в этой игре есть много хитростей и каверз и что вопросы будут усложняться и иметь двойное и тройное дно: создатели программы намеревались всецело изучить его личность и вывернуть все, что есть на душе и в подкорке. Игнорируя джинна, под его отчаянные ругательства, он нащелкал десятка три вопросов, в общем-то, уже знакомых по прежним тестам, и внезапно споткнулся на очередном. Ему предлагалось назвать, а точнее, выбрать одно из трех блюд, пристрастие к которым было с детства и сохранилось на всю жизнь. И шло перечисление – домашний сыр, мясо по-французски, парное молоко с горячим хлебом. Увлеченный игрой, он сначала автоматически вывел стрелку на последнее блюдо – и чертенок заблажил, дескать, хочу мяса по-французски! – однако спохватился и первый раз удовлетворил аппетит джинна. Тот немедленно выдернул билетик с новым и незначительным вопросом, однако Шабанов включил паузу и вскочил из-за стола.

Все эти блюда появились в тесте не случайно, значит, напичканный какой-то дрянью, под наркозом, он выдал козлобородому первую встречу с Агнессой возле хутора и вторую – на горнолыжной базе. Мало того, сейчас он совершил прокол, и компьютер зафиксировал его колебание, и исправить ничего невозможно…

И аналогичных рифов впереди будет еще множество, это не тест и не игра – детектор лжи, и без опытного товарища Жукова нечего к нему и подходить. Придет ночью, тогда можно и продолжить… Шабанов выключил компьютер, выдернул шнур из розетки и тут заметил, что от системного блока под ковер у стены уходит серый кабель. Он проследил его до прихожей и, когда кабель нырнул в свежепросверленное отверстие в полу, стало ясно, что его игрушка подключена к компьютерной сети и сейчас кто-то где-то сидит, отслеживает все его ответы и по необходимости может вмешиваться в процесс тестирования, подбрасывая нужные вопросы.

– Вот суки! – искренне и взволнованно изумился он. – Как с пленным обращаются! Как во вражеском стане! А балалайку вам!

Пользуясь столовым ножом вместо отвертки, он вывернул шурупы крепления и вытащил разъем кабеля: если ночью этот компьютерщик пойдет искать разрыв в сети, значит, за ним организован круглосуточный контроль. И это тогда уже не реабилитация, а заховаевские тайные дела, секретные способы работы с личным составом…

Особист был легок на помине. Он пришел в начале тихого часа, набросив халат на плечи, и выглядел повеселевшим, взбодренным и не таким упертым, как при первом разборе полетов. А самое неожиданное и странное (что это значит?!), принес пакетик с тремя крупными апельсинами – передачу!

– Ну, как ты тут устроился? – по-свойски спросил он, озираясь. – Тебя, как генерала, содержат! Поди, и обед привозят?

– А также завтрак, полдник и ужин, – уточнил Шабанов.

– Я не надолго, – непривычно засуетился Заховай. – Уточню несколько вопросов. Понимаю, тихий час…

– Да ради бога! Всё веселее!

– Пуля, извлеченная из твоей ноги, от натовского патрона калибра 7,62, – сообщил он. – В рапорте ты описал перестрелку и попытки перехвата лодки некими людьми в камуфляжной форме. Одного ты застрелил в упор… Скажи, какое оружие было у них?

– Зачем надо было вытаскивать эту пулю? – пробурчал он. – И таким зверским образом?.. Теперь вон, говорят, нога загниет!

– Да ну уж, загниет, – утешил особист. – Здесь все предупреждены, чтоб по высшему классу!.. Так что за оружие было?

– Автоматическое, но точно не разглядел, – осторожно сказал Герман. – Боевая ситуация, не до того…

– Понятно… На каком языке они говорили?

– Вы представляете, что такое порог на горной реке? И какой грохот?

– Как же, я рыбак!

– Тем более…

– Лица европейские?

– Который в лодку заскочил – европеец.

– Почему они вдруг прекратили преследование?

– Думаю, отстали. Там скорость реки такая, берегом да по горам не догнать. – Шабанов еще не понимал, куда он клонит, но компьютер уже научил быть осторожным.

– Как же ты на дюральке, без мотора прошел через такие пороги? – между делом спросил Заховай, очищая апельсин. – У нас однажды движок заглох, так знаешь, что от лодки осталось?

– Мне повезло! Бог пронес.

– А нам нет, сами едва спаслись… Погоди, ты в рапорте писал, какая-то лодка впереди появилась?

Он врал не моргнув глазом: Шабанов в рапорте не писал о белой шлюпке. Если только под наркозом козлобородому проговорился…

– Какая там лодка! – отмахнулся. – Летел – небо с овчинку…

Особист настаивать не стал, словно тут же и забыл о водном слаломе.

– «Принцессу» уничтожил до перестрелки или во время нее?

– После нее, на горнолыжной базе.

– Ни в Бурятии, ни в Иркутской, ни в Читинской областях на подобных реках горнолыжных баз нет, – заявил особист уверенно. – Есть одна частная на Алтае, но там нет подъемника. Эта штука, как известно, дорогая.

– Значит, я был в предгорьях Тибета.

– Вполне возможно, – походя бросил Заховай. – На чем же тогда добирался до Пикулино? Через несколько границ?

– В семимильных сапогах и шапке-невидимке, – усмехнулся Шабанов. – На чем же еще?

– Только это и остается… – Он положил несколько фотографий, полученных по электронной почте. – Посмотри сюда. Не этот за тобой гонялся?

На всех снимках был один и тот же труп, лежащий на галечнике в остатках камуфлированной одежды, полурастерзанный, вспухший и почти без головы.

– Кто его знает, может, и этот… Где его выловили?

– На реке Лене… Камуфляж был такой?

– Нет, тут слишком яркий.

– Это за счет искаженной цветопередачи. А по рисунку?

– Примерно такой… Он потом плыл за лодкой.

– Кто плыл?

– Убитый… Я отталкивал, а он все равно, как наказание.

– Страшно было? – участливо спросил Заховай.

– Ну конечно… я же первый раз стрелял.

– В этом трупе найдена девятимиллиметровая пистолетная пуля, – он собрал снимки. – И позарез нужен твой «Бизон». Если это ты его… Значит, мы найдем обломки.

И как недавно в компьютерном тесте, Шабанов на миг замер, ощутив подвох и одновременно будто услышал в себе голос джинна-искусителя: разгадка, где он упал, была так близка! Стоит выдать, где спрятан пистолет, и после баллистической экспертизы все встанет на свои места. Но зарытый «Бизон» потянет за собой целые гроздья вопросов, и даже одной мысли о самоубийстве будет достаточно, чтобы его больше на выстрел не подпускать не то что к боевой машине, а к аэродрому. А вдруг еще окажется, что этот неизвестный убит из другого оружия?

Свалить все на желание утаить, украсть пистолет – не поверит, да и глупо…

Затягивать здесь паузу было опаснее, чем при тестировании.

– Мой «Бизон» плавать не умел, – вздохнул Шабанов.

– Кстати, когда ты его утопил? – тихо вцепился Заховай.

– Да когда труп отталкивал… Но в НАЗе остались патроны!

– А что патроны?.. Нужны следы нарезов ствола.

Теперь он потянул паузу – прятал фотографии в конверт, затем в кейс, и Шабанов изготовился еще к одному вопросу, за который бывший прокурор и нынешний маркитант грозил вменить статью за измену Родине – о земляничном мыле. Но Заховай сунул в рот дольку апельсина, потянулся и еще раз оглядел палату.

– Эх, я б тоже с удовольствием брякнулся на пару недель! Провожу комиссию – напишу рапорт… Но ты тут не залеживайся! – Он встал, собираясь уходить. – Врачи позволят – больше гуляй, не теряй форму. Разбор полетов, все эти комиссии – само собой, а машины перегонять надо. – Особист вернулся и знакомо заговорил в нос: – Вторая-то с «принцессой» в ангаре стоит, гнать некому, ни у кого формы допуска нет. А за одного битого двух небитых дают…

И, подмигнув, тихо затворил за собой дверь, оставив Шабанова в легком недоумении.

9

В тот день он ждал ночи и товарища Жукова, как не ждал свиданий с девушками. Под вечер Шабанов увидел его в окно. Неуемный, минуты не способный просидеть на одном месте, он на всех своих реабилитациях вызывался командовать «инвалидной командой» – госпитализированными солдатиками: гонял их собирать подснежники, колоть лед, мести, красить бордюры или траву к приезду начальства, разгонять лужи и высаживать цветочную рассаду на клумбах. Поначалу это его солдафонское рвение расценили как отклонение от нормы, но потом пригляделись, изучили жуковскую личность и отстали.

После двадцати двух часов, когда постовая забрала термометры и пожелала спокойной ночи, Герман заперся на ключ (привилегия генеральской палаты) и встал на дежурство к окну, поскольку надо было успеть открыть его, чтобы этот резкий, пока что не состоявшийся маршал не вышиб стекла – вломиться мог в любой момент. Однако ближайшая береза стояла не шелохнувшись, зато через двадцать одну минуту в дверь тихонько постучали. Почему-то Шабанов решил, что это пришла с повинной анестезиолог Алина, взглянул на забинтованную руку, решил обидеться и не впускать. Стук скоро прекратился, однако через несколько минут повторился, и уже с голосом постовой сестры:

– Товарищ Шабанов, откройте, пожалуйста!

Тогда он решил, что это проверка, нет ли у него в палате посторонних и не пьянствует ли он, открыл дверь и увидел на пороге козлобородого! Сестра удалялась по коридору, выполнив свою миссию. Он был в черном плаще и черной широкополой шляпе – имидж, вполне сообразующийся с магом или чародеем.

– Здравствуйте, – весьма приятным голосом сказал поздний гость. – Позвольте войти?

Герман молча отступил в сторону. Этот народный целитель, экстрасенс, шаман, кашпировский или черт знает кто, вообще-то должен был где-нибудь пьянствовать на халяву; он же мягко переступил порог генеральской палаты и был трезв как стеклышко и сосредоточен. Взгляд его вдруг замер на компьютере, и, готовый уже пройти вглубь, он изменил решение, вышел из палаты и поманил рукой Шабанова.

– Нам необходимо поговорить, – шепотом произнес он. – Я врач-психотерапевт, моя фамилия Елынский. С сестрой договорился, мы можем выйти на улицу и погулять. Погода стоит прекрасная.

– Вообще-то я собирался спать, – на ходу соврал Герман, размышляя, что бы это значило.

– Для вас очень важный разговор, – чуть ли не гундящим голосом Заховая сказал козлобородый.

– Я сейчас, – согласился Шабанов и прикрыл дверь, оставив гостя за порогом.

Визит был неожиданным, сбивающим все планы, однако Шабанов угадывал его важность, и вопроса, идти или нет, не стояло. Он натянул халат, обулся в мягкие, теплые боты старого образца, прихватил костыль и вышел из палаты.

– Как ваша нога? – поинтересовался Елынский угодливым тоном.

– Нормально, – буркнул Герман, и это был весь диалог, пока не вышли на улицу.

Там козлобородый несколько минут вышагивал рядом, пытаясь подставить руку под локоток в грязных местах, и, когда удалились на приличное расстояние, завел разговор весьма странный, будучи уверенным, что Шабанов ничего не помнит.

– Я знаком с историей болезни, Герман, а также со всей историей, что с вами приключилась, – начал он тоном священника, усмиряющего гордыню в своем прихожанине. – И должен сказать, дело складывается не в вашу пользу. Есть много обстоятельств, которые невозможно преодолеть. К сожалению, традиционная медицина не способна ответить на некоторые важные вопросы бытового плана… Вы понимаете, о чем я говорю?

– Продолжайте, – благосклонно разрешил Шабанов.

– Я должен быть откровенным с вами, – будто под декларацией, подписался он. – Потому что из всех этих… один знаю, что с вами произошло. Иначе бы они не обратились за моей помощью. Лечить, а точнее, залечивать некоторые язвы бытового характера в человеческом организме они еще могут, иногда успешно и за счет хирургического вмешательства. Вам когда-нибудь приходило в голову, почему до сих пор не могут найти средств для борьбы с раковыми опухолями, инфарктом, СПИДом, простейшим псориазом, наконец?

– Не приходило, – честно признался он.

– Все потому, что эти заболевания бытийные, а значит, и должны быть соответствующие подходы. И тем более если речь идет о заболеваниях душевных, как они называют, психических. Я абсолютно уверен, вы здоровый в этом отношении человек, и держат вас здесь по той причине, что сами не в состоянии объяснить, с точки зрения быта, историю, с вами произошедшую, – он усмехнулся холодно. – В данном случае больны они, но никак не вы.

Козлобородый явно льстил, завоевывал доверие, расположение, и потому Шабанов тупо спросил:

– Кто это – они?

– Черви! Черви, разъедающие всё: пищу, разум, плоть, кровь, нервную систему и даже землю. В данном случае паразитирующие на человеческих болезнях существа. Так я называю последователей Гиппократа и Авиценны.

– Ясно, продолжайте.

– Вы человек мыслящий и тем более прошедший… определенную школу, о которой стоит лишь мечтать, – подливал сиропа психотерапевт Елынский. – И вы должны четко осознавать, что вас во всей этой истории сделают козлом отпущения. Никто не станет подставлять свою голову – ни ваши непосредственные начальники, благословившие перегон злосчастного самолета, ни торговцы оружием, потерпевшие убытки, ни тем более Особый отдел. Все они перевалят вину на вас, а потому как взять с вас нечего, а наказать необходимо… Увы, такова практика нашей бытовой жизни!.. Вас, Герман, грубо говоря, объявят дураком со всеми вытекающими последствиями.

Он не сказал – умалишенным, психом, недееспособным, душевнобольным; он в самом деле хорошо изучил природу психологии Шабанова и сказал вразумительно и по-деревенски понятно – дураком.

И это следовало оценить…

– Вы уже дали достаточно поводов и оснований сделать соответствующее медицинское заключение, – продолжал он. – Совершенно неосмотрительно – и я отлично понимаю, почему! – вы весьма откровенно рассказали о своих приключениях, которые не имеют места быть никогда. С точки зрения быта. Бытийный же пласт жизни червям не доступен и потому не понятен. И если даже в ком-то возникает определенное сомнение или желание проникнуть в запредельное, оно усилием бытового ума всячески задавливается. Паразиты подобного склада психоорганизации становятся еще опаснее в том плане, что они, как тайные, тихие алкоголики громче всех кричат о вреде алкоголизма и разложении личности.

Шабанов про себя расхохотался, вспомнив о негласном пороке козлобородого, и тут же разозлился, испытывая желание врезать ему по роже. Этот психоаналитик, этот праведник, подчеркивая свою благородную роль в ситуации с Германом, самым подлым образом воспользовался его бессознательным состоянием, вытянул из него сокровенное, и мало того, поделился «бредовой» информацией с друзьями человека, которых якобы презирал. Откуда бы иначе программист узнал о любимых

блюдах?..

Подмывало дать ему между глаз – шляпа бы красиво взлетела и даже набрала высоту, но пришлось сдержаться из-за восставшей из глубин души змеиной натуры: а поговори еще!

– Вас несколько месяцев подержат в госпитале, – рисовал перспективу Елынский. – Нашпигуют спецпрепаратами, поставят окончательный диагноз и отправят домой с небольшой пенсией. И это, я вам скажу, самое благоприятное развитие событий. Есть подозрения, что вам готовится участь более тяжкая – закрытая психолечебница для социально опасных. Основания есть: во-первых, вы связаны с какими-то важными секретами из области вооружения и можете в отместку развязать язык, во-вторых, меня насторожила провокация, устроенная сегодня утром.

– Провокация? – сделал стойку Шабанов.

– Как иначе расценить это? – Козлобородый указал на забинтованную руку. – Мне стало известно, дама, оставившая характерные следы, уже дала показания, будто вы напали на нее и пытались изнасиловать.

– Вот сучка! – весело произнес он.

– Будет еще несколько аналогичных акций, – невозмутимо заявил психотерапевт. – Попытаются вызвать буйство, чтоб кого-нибудь ударили, сломали мебель… В их арсеналах достаточно способов, чтоб упечь здорового человека в палату номер шесть.

Он на самом деле обладал неким гипнотизмом, умел обволакивать, заманивать в словесные лабиринты, а грубо говоря, загонять в угол. И все у него сходилось! А если вспомнить неожиданный намек Заховая, явно рассчитанный на притупление бдительности, то Елынский вовсе не черт козлобородый – агнец Божий, прилетевший спасти его душу!

– У вас не совсем уж и мерзкий голос, – похвалил Шабанов, вращая костыль. – Вполне сносный… А под наркозом показалось, отвратительный.

Он нагнулся и сорвал какой-то стебелек.

– Девясил обыкновенный… А вы слышали мой голос?

– Еще и видел вашу личность…

– Замечательно. Моя задача несколько упрощается… Должен вам признаться: черви столкнулись с явлением необычным и потому пригласили меня, чтобы получить от вас информацию, доказывающую, что вы психически неполноценный человек. Им сейчас нужно только это и ничего больше. Они просчитали вас и поняли трудность своей задачи. А дело в том, что вы обладаете невероятно устойчивой и одновременно пластичной психикой. Она в том состоянии, какое наблюдается у трех-четырехлетнего ребенка. Не знаю, были ли вы таким до полета, или приобрели ее

вследствие… определенных условий… Но данность такова. Без специальных познаний им не вытащить из вас и одного процента против того, что вытащил я. – Елынский снял шляпу, пригладил ежик, чуть встрепал бородку, но красивее от этого не стал. – Да, я иногда сотрудничаю со специальными службами. Делаю это сознательно, потому что получаю материал, которого не отыщешь в быту. Можете меня осуждать, но это так. Должен сказать сразу: ваша история меня потрясла, и я единственный, кто способен поверить каждому вашему слову. Вы, Герман, исключительно здоровый человек, что я готов засвидетельствовать под присягой. Но окончательный диагноз ставлю не я, и не я начальник ВЛКа…

– Поэтому вы засвидетельствуете то, о чем вас попросят, – продолжил его мысль Шабанов. – И представите больной бред, полученный от невменяемого человека. Точнее, уже представили.

– Нет, весь полученный материал находится сейчас у меня, – возразил он. – Во время консультаций я дал самые незначительные детали по быту, а основной доклад должен сделать завтра. Обо всем, что касается… специфики ваших приключений, что относится к бытию, я спрашивал в самолете, где невозможно сделать качественную аудиозапись. Но безобидные рассказы записаны в других, нормальных условиях.

– Понял. Я должен выкупить у вас компрометирующие меня факты?

– В какой-то степени – да.

– Господин шантажист! Я бы выкупил, но нет денег.

– Мне не нужны деньги.

– Значит, вы хотите знать, где я упал.

– Хочу знать, где и у кого вы лечились, – перебил козлобородый. – В современной медицине, в том числе и нетрадиционной, нет методик и лекарственных средств, чтобы за несколько часов заживлять огнестрельные раны, сильнейшие ожоги… А вы представляете, сколько людей на земле переживают страшные боли в ожоговых центрах?.. И нет способов остановить такой воспалительный процесс, который был у вас. По остаточным явлениям установлено, что вы были на грани тяжелейшего поражения мозга, а то и смерти. В любом случае должны лишиться слуха, а он у вас отличный.

– То есть, в оплату, вы в своем докладе убеждаете комиссию, что я не дурак?

– Мне очень важно, чтобы вы получили допуск к полетам.

Он был второй, кто жаждал его возвращения в строй, но Шабанов об этом промолчал.

– В принципе мне такая сделка нравится, – сказал он.

– И еще один момент: вы никому больше об этом не

рассказываете, – предупредил Елынский.

– Понимаю, конкуренция!

– Я шел к этому много лет. А сейчас возле вас начнут виться люди, ничего не смыслящие в таких вопросах. Это «дождевые черви», чуть брызнуло с неба – полезли отовсюду. Но ведь эти твари ползучие способны даже землю переваривать в дерьмо. И скоро переварят…

– Тут я с вами согласен. – Герман остановился и оперся на костыль, как на посох. – Но к сожалению, ничего существенного сообщить не могу. Разве повторить то, что сказал в бреду… Я тоже ошалел, когда увидел ожоги, раны. Часов пять прошло, а даже коросты нет, молодая, чистая кожа… Ничем не мазали, не нашептывали, ничего не привязывали. Если не считать компресса…

– Компресса?

– Ну да… Доктор сляпал большой спиртовый компресс и привязал к уху. Самый обыкновенный. Правда, я потерял сознание…

– Значит, был не простой компресс…

– Но пахло-то спиртом!.. И потом его больше не привязывали. Да, еще деталь: доктор опрыскал раны и ожоги из баллончика.

– А говорите, не мазали!

– Всего один раз!

– Вы же не знаете, что делали во время сна.

– Не знаю…

– Как шел процесс лечения? Проснулись и обнаружили, что все зажило?

– Нет, было два сеанса… Первый раз меня усыпили так же по-предательски, как вы, но я проснулся сам. Ноги зажили, а ухо еще болело… Второй раз просто отвели в палату и уложили…

– Опишите палату!

– Да обыкновенная, как в районной больнице, – пожал плечами Шабанов. – Только стены обложены плиткой, как в операционной, кровать посередине и окон нет.

– Приборы, оборудование…

– Ничего нет, голые стены. И я голый лежал на койке.

– Все это похоже на барокамеру?

– Что вы!.. Обыкновенная деревянная дверь, медная ручка… И даже не заперта.

Козлобородый стал чем-то недоволен, снова надел шляпу, засунул руки в карманы и некоторое время обиженно молчал.

– В бреду вы были откровеннее, – проворчал он. – Почему не говорите о самом главном? О своих сновидениях? Об ощущениях?

Оказывается, и об этом проболтался…

– Еще раз повторить? Но вы же слышали!

– Я слышал бред, набор слов, несвязные обрывки фраз, – голос его стал требовательным. – Почему я должен расшифровывать ваши ребусы и строить догадки?.. Что-то бормотали про японцев, называли имена или какие-то заклинания… Что это?

– Упражнение для развития правильной дикции.

– Для дикции? При чем здесь дикция?

– Можно использовать для тренировки самообладания. Жили-были три японца: Як, Як Ци Драк…

– Это я слышал! Хочу теперь услышать что-нибудь вразумительное, мы с вами договорились. Поймите, это в ваших интересах. Достаточно мне доложить комиссии о попытке суицида, и вы до конца своих дней распрощаетесь с авиацией.

«Вот так продают душу дьяволу», – отрешенно подумал Шабанов и вспомнил свою бабку-знахарку, которая наперечет знала всех, кто это сделал, и утверждала, что все они меченые и их довольно легко отличать от людей, душа которых принадлежит Богу. И это бабкино наставление, полученное с раннего детства, помогало Герману всю жизнь и не однажды выручало. Важно было не пропустить самого первого впечатления о человеке, пусть сиюминутного, мгновенного – именно оно оказывалось самым точным и впоследствии обязательно подтверждалось. Когда началась перестройка, Шабаниха не отходила от телевизора и, тараща глаза, лишь руками хлопала.

– Ой, батюшки! Эвон какие лезут-то, гляньте! Одни сотоны! Что старые, что малые! Ой, принесут они беды! Надо скорей помирать, чтоб глаза не видели!

Шабанов еще спорил с ней, защищал «прорабов перестройки», как они себя называли, а бабка крестилась и тыкала пальцем в экран.

– Да глаза-то разуй, Германка! Этот же хромой, глянь, идет – припадает. А тот вон рыжий и шары пучит! И дедушка этот картавый – истинно бесноватый и бомбу сделал. Вот еще, смотри, со свинячьей рожей-то! Разве можно с эдаким рылом да на люди? И дед у него не сказки для ребятишек сочинял – народ расстреливал, сами говорят… Бог шельму метит!

Этот психотерапевт был точно меченый, или никогда в зеркало не смотрелся и своей козлиной бороды не видел. Иначе бы побрился, привел себя в порядок, прежде чем на глаза являться…

– В бреду вы упомянули о каком-то полете. – Козлобородый чувствовал себя хозяином положения, подчеркивал это и делал напрасно. – Излечение связало с путешествием, говорили, пахло

свежескошенной травой, парились в бане, надевали чистое белье… Куда вы летали? Может, возили куда-то спящего? Вспоминайте!

– Летал в детство, – сказал Шабанов и пошел к своему корпусу. – Могу научить! Берешь тулуп, рукава натягиваешь на ноги, хватаешь полы руками и прыгаешь с крыши. Чем выше, тем лучше. Главное, верить, что взлетишь!

Товарищ Жуков в ту ночь вообще не пришел. Не оказалось его и на улице, когда после утренних процедур солдатики вышли с лопатами и метлами. Шабанов сразу же заподозрил, что таким образом аукнулась ему вчерашняя ночь; в военном госпитале и порядки были соответствующими, могли запретить прогулки, прописать постельный режим, еще какую-нибудь гадость сделать. Вообще-то посадить под замок резкого, взрывоопасного и находчивого кадета можно было лишь в одном случае: если это требовалось для реабилитации и допуска к полетам. В иных случаях он все равно бы вырвался или подал весточку, тем более такое дело закрутили! Пусть уже поздно спаивать психотерапевта, наверняка сделал доклад на комиссии, но надо искать старые карты и хребет с названием Данградас.

После обеда Герман сел за компьютер, решил шесть несложных вопросов, но электронный чертенок подбросил ему задачу со всеми известными, опять предлагал сделать выбор, на сей раз из трех имен – Магуль, Алина, Агнесса. Это уже было слишком! Тест превращался не только в детектор лжи, но еще и в средство для издевательства, личного оскорбления! Он наугад щелкнул среднее и тотчас же отключился.

Разъем компьютерной сети стоял на прежнем месте, привернутый на шурупы. Вероятно, игры эти были серьезными, и не зря козлобородый шарахнулся из палаты, как только увидел на столе технику. А мастер тайных дел прикинулся несведущим и разговаривал здесь, в палате, будто не знал, что слушают!

Простояв у окна весь тихий час, Шабанов отправился в корпус, где размещалось пятое «веселое» отделение, куда окружное командование время от времени укладывалось, чтобы отдохнуть, спрятаться от армейских буден, министерских комиссий и проверок. Попасть туда простому смертному было не так-то просто, требовалась основательная причина, как у товарища Жукова, деньги или чье-то покровительство.

Олега знали тут все, начиная от солдат-охранников у входа, кончая руководством, относились к нему благосклонно и с любовью, ласково называя Митрич. Рослые, откормленные срочники, экипированные как крутой спецназ, Шабанова

впустили, однако на все вопросы лишь переглядывались, явно что-то скрывали, и в результате послали к старшей сестре. Но и та ничего толком не объяснила и больше допытывалась, кто он, кем приходится Митричу и что здесь делает. Наконец, разрешила подняться на этаж, к лечащему врачу. Таинственный флер вокруг кадета настораживал все больше, и возникала сумасшедшая, подламывающая коленки мысль – уж не случилось ли чего? Жив ли он? Обычно так темнят, когда никто не берет на себя смелость сообщить близким о смерти…

Лечащий врач (непонятно, от чего она лечила Жукова), сорокалетняя красивая женщина, мягкая, как кошка, с улыбкой, загадочной и отвлеченной, сначала ни в какую не хотела признаваться, где же Митрич, темнила не хуже привратников, потом куда-то удалилась, но скоро вернулась, что-то вспомнила и резко изменила отношение.

– Да-да! Он говорил о вас! Пришел утром, такой радостный, счастливый! Сказал, случайно встретил друга по суворовскому…

– Что с ним стряслось? – терял терпение Шабанов.

– Лично с ним – ничего!.. Впрочем, трудный вопрос, – заволновалась она. – Если вы друг Митрича, то знаете, у него есть Катенька… Это дочка полковника Харина.

– Знаю. – Герман уловил наконец, в чем заключается это нежное отношение к кадету: его тут принимали как блаженного. Это было редкое, ни с чем не сравнимое восприятие всем известного человека, уважение и любовь к которому возникали по той причине, что он не такой, как все, – страстный, перед всеми открытый, одержимый и чистый во всем, за что бы ни взялся: убирать ли весеннюю грязь с улицы, атаковать летающую тарелку или любить.

История товарища Жукова была известна и в окружном госпитале…

– Митричу сейчас очень трудно, мы отпустили его в город, – призналась лечащий врач. – У Катеньки погиб жених, ей нужна поддержка… О мертвых плохо не говорят, но знаете, он был эдакий избалованный недоросль, гонял на мотоцикле и кололся…

– И это знаю.

– Вчера ночью налетел на грузовик и разбился. Катенька в ужасном состоянии…

– Я все понял. – Шабанов собрался уходить. – Когда вернется, пусть зайдет ко мне.

– А вы приходите сами. – Она автоматически и Шабанова воспринимала теперь так же, как Жукова. – Скажите, к Митричу, и вас пропустят…

Назад он возвращался шальной и веселый, будто надышался

воздухом одноименного отделения. Было радостно, оттого что и в этом, привычном мире есть зачатки, а может и атавизмы, рудименты того, утраченного, и в нем еще можно жить. Не зря же бабка Шабаниха часто говорила:

– Спасены будут блаженные духом!

Он опаздывал на ужин, но сейчас никак не мог заставить себя снова запереться в стенах. Хотелось продлить это ощущение, пожить еще несколько минут в состоянии, отдаленно напоминающем то, которое он испытывал в полете с Агнессой, за которое любая медкомиссия могла принять его за невменяемого, и о котором он не рассказал бы даже в бреду под воздействием психотропных средств.

Вечер был теплый, солнечный, на деревьях вовсю распускались листья, с тополей сыпалась клейкая чешуя с почек, волны согретого весеннего воздуха гуляли по госпитальному парку сами по себе, без ветра, и Шабанова невыносимо тянуло побегать по пустынным, чисто выметенным дорожкам. Он огляделся, подхватил костыль и побежал вприпрыжку, не чуя боли в заросшей, но потревоженной недавно ране. Так же точно они бегали с Агнессой по берегу родной Пожни, правда, день тогда стоял холодный, ветреный, но было невероятно весело, так что замирал дух, и если бы в тот час кто-нибудь из деревенских увидел их, то уж точно посчитал за сумасшедших. Хорошо, что в черемуховые холода на берег никто не ходил и на свежей зелени паслись одни коровы, которые тоже иногда поднимали хвосты и, взбрыкивая задними ногами, неслись куда-то просто так.

Он промчался вдоль всего парка чуть ли не до КПП, и, когда бежал назад другой дорожкой, внезапно был остановлен высоким подполковником в фасонистой фуражке.

– Капитан Шабанов! Вы что, с ума сошли? – Перед ним оказался хирург, коего узнать в форме, без халата было нелегко.

– Да нет, не сошел, – сказал Герман. – Тренирую ногу…

– Я еще швы не снял! У вас должен быть постельный режим!

– А совсем не болит. – Он поплясал. – Нисколечко… Только зудит.

– Маресьев нашелся… Ну-ка покажи!

Шабанов поставил ногу на ручку костыля, завернул штанину – ватно-марлевый тампон на ране был сухим и чистым.

– Добро, – поуспокоился доктор. – Но бегать еще рано. Идите в палату!

Ему же самому стало любопытно; подковырнув приклеенную марлю, Герман отодрал край – хирург отреагировать не успел. Швы вместе с коростой отвалились от раны и остались на тампоне. Заросший разрез чуть углубился против прежнего

пулевого входа, оформился в красноватый еще шрам и в повязке не нуждался, потому Шабанов сорвал заклейку и бросил в траву.

– Это что? – ошалело спросил хирург. – Вы что делаете? Вы что, больной?

– Здоров, товарищ подполковник!

Тот был откровенно растерян, снял фуражку, склонился над ногой, забыв, что нестерильные руки, ощупал рубец.

– Не может быть…

– Зажило… Со вчерашнего дня чесаться начало!

– Ладно, идите, – сказал он, чтобы скрыть смущение. – Идите! И не разбрасывайте мусор!

Шабанов поднял скомканный тампон, однако хирург отнял его, спрятал в карман.

– Идите!..

Подождав, когда он скроется в здании КПП, Герман развязал бинт на руке – от царапин, оставленных этой кошкой Алиной, остались легкие, едва заметные по цветовому тону следы. Если и всаживала она свои коготки, то эдак месяца два-три назад…

Он кинул бинт в кусты, однако вспомнил, кто собирает подснежники, выудил его назад и побежал трусцой. Потом осмотрелся – нет никого! – перескочил на соседнюю аллею и помчался со всех ног, ощущая резкий приступ ничем не укротимого аппетита, какой бывает лить в детстве. Ужин могли увезти назад, сдать на кухню, и потом ищи-свищи его! И денег ни копейки, чтоб подхарчиться в буфете на первом этаже… Он заскочил на крыльцо, костылем откинул дверь и чуть не столкнулся с представителем главного конструктора.

– Герман Петрович!.. Наконец-то! – Тот воровато и даже затравленно огляделся, сбавил тон. – Я здесь инкогнито!.. Никто не должен знать! Идемте!

– Куда? Я есть хочу!

На голове ученого был какой-то старенький картуз, а поверх костюма – зеленый солдатский бушлат, одежда более чем странная.

– Потом! Успеете! – Он потянул Шабанова с крыльца. – Не терпит отлагательства! Это катастрофа, Герман Петрович!

– Что такое? Что случилось-то?

– Не мог искать вас официально, – бухтел тот про свое. – Пришлось наряжаться, что под руку подвернулось… Меня к вам не подпускают! Запретили встречаться! За мной следят! Идемте подальше в лес!

– Чем дальше в лес, тем больше дров, – проговорил Шабанов, ощущая сосущий голод.

Конспиратор он был аховый, в своих декоративных одеждах

напоминал американского шпиона – в их, американском представлении о русском человеке, а вообще-то, если приплюсовать сюда его взволнованность и вороватый вид, то обыкновенного незадачливого мошенника.

– Представился вашим родственником, – на ходу бормотал он. – Так что имейте в виду! Если что – родственник приходил, брат жены!

– Да я же холостой!

– Тем более! – совсем уж невпопад обронил представитель и наконец остановился за старым кирпичным сараем, где помещался морг.

– Вы мне скажите, комиссия заседала сегодня? – спросил Шабанов.

– Заседала!.. Потому я и здесь! Но все по порядку, Герман Петрович! – Он вдруг проникся к нему уважением, величал, а помнится, во время первого инструктажа глядел насквозь, словно через стекло.

Меняются люди!

– Ситуация просто катастрофическая! – Представитель не мог стоять на месте. – Комиссия пришла к заключению, что гибель машины и «принцессы», а равно связанные с этим убытки произошли по нашей причине. То есть все свалили на наше научно-производственное объединение! И на нас повесили пятьдесят миллионов долларов! Вот так, без суда и следствия! Мало того, вообще вознамерились ликвидировать наше НПО! Потому что заключили какие-то договора с частной фирмой у нас и в Израиле. И теперь будто они совместно начнут выпускать аналог «принцессы» следующего поколения! А требуют – заметьте! – передать им все секретные наработки! Ложь! Гнусная ложь и подлость! Предательство отечественной электронной промышленности! Вредительство! Хотят угробить самое перспективное направление! И я не исключаю, что вы сбились с курса и погубили машину с изделием по их замыслу!.. Ой, простите! Конечно, вы ни при чем, но к вашей ситуации они могли приложить руку!

– Нет, они не прикладывали руку, – возразил Шабанов. – В этом я уверен.

– Но какое странное совпадение! Какая неожиданная готовность и подтасовка фактов! – Он сглотнул комок обиды и возмущения. – Но я по порядку!.. Комиссия пришла к выводу, будто излучение… одним словом, наше изделие отрицательно воздействует на систему ориентации самолета, бортовой компьютер и человека, то есть на пилота. Причем на его психику! Некоторые горячие головы из Росвооружения договорились до

того, что вы… простите, Герман Петрович, из-за «принцессы» сошли с ума!

– Из-за принцессы можно сойти с ума, – подтвердил серьезно Герман. – Об этом мечтает каждый мужчина. Или вы не согласны?

Он весь был объят пламенными мыслями о защите чести мундира и ничему не внимал.

– Да, я забыл сказать: медики практически уже вынесли вам приговор, объявили значительные психические отклонения, вплоть до маниакальных. Какой-то тип из медслужбы заявил, будто вы тут нападаете на женщин-врачей и одну чуть не изнасиловали! Какой бред!

– На заседании был психотерапевт Елынский? – спросил Шабанов. – Козлиная борода, востренькие глазки…

– Зачитывали кое-что из его доклада. Самого не было, выяснили, что он в запое.

– Это уже хорошо!

– Ничего хорошего нет! Им выгодно запереть вас в психушку, чтоб помалкивали, а наше НПО разогнать!

– Что же вы предлагаете?

– Вместе спасать положение!

– Спасены будут блаженные духом.

– Пожалуйста, не смейтесь! – взмолился ученый. – Положение крайне опасное. Я совершенно уверен, вы здоровый человек и «принцесса» не оказывает никакого влияния на человеческую психику. Это домыслы невежественного ума и желание погубить отечественную науку! Мы же проводили сотни, десятки сотен опытов с лучами… одним словом, с прибором, в том числе изучали его воздействие на животных и человека. Я сам! Лично сам сутками находился в излучаемом поле и, как видите, цел и невредим. Понимаете, они практически отказались от поисков обломков самолета. Будто это связано с огромными расходами! Им не нужны «черные ящики», потому что там доказательство исправной работы изделия. Там алиби «принцессы»! А против нее учинили натуральный заговор!

– Ну это как водится! Есть наследница престола – жди гадостей.

Он коротко и дежурно рассмеялся – уловил юмор, но не настолько, чтобы веселиться.

– Вы правы!.. Если обломки вашего самолета не хотят искать ни военные, ни Росвооружение, мы сами должны организовать поиск. Да! Сами! Слишком много поставлено на карту!

– Искать иголку в стогу сена?

– Самолет не иголка. На месте катастрофы непременно будет развал леса, последствия взрыва, пожара…

– Баки сухие, с чего пожар-то?

– Все равно будем искать!

– Но я не могу назвать даже приблизительного района падения!

– Это поправимо! – не сдавался ученый. – На все нужно иметь желание, страстное желание и ничего больше!

– Тут я согласен!

– Вы назвали хребет Данградас, и это уже кое-что!

– Такого хребта нет на карте, – с сожалением вымолвил Шабанов, завидуя упорству представителя.

– Есть! – задавливая в себе неуместный восторг, выпалил тот. – Есть гора Дангар по реке Чае! Это правый приток Лены! На старых картах она называлась Данграласа. Но есть и хребет с похожим названием – Дранский. Местные охотники до сих пор зовут его – Дангаранский или Дангаралский. При современных топосъемках произошла трансформация. Это часто случается, все идет по линии упрощения. Главный конструктор лично сделал компьютерный анализ и расчет вашего вероятного курса. Все сходится.

– В Лене выловили труп, – вспомнил Герман.

– Какой труп?..

– Не знаю, полголовы нет…

– При чем здесь труп?

– За мной гнались какие-то люди, я отстреливался… И одному снес полчерепа.

Ученого передернуло от омерзения, однако в следующий миг он забыл о чувствах.

– А вы говорите!.. Пожалуйста, есть горная река, гора, хребет и косвенные указания с вашим трупом. Вот вам и район поиска!

Он уже профессионально сделал то, что они с товарищем Жуковым собирались сделать кустарным, дилетантским способом…

– И все равно остается сомнение, – помедлив, проговорил Шабанов. – Что, если я упал в предгорьях Тибета? Меня не оставляет чувство…

– Если потребуется, будем работать там! – перебил он.

– Не слишком смело?.. На территории чужого государства искать обломки самолета?.. Я же летел «темными» коридорами, нарушил воздушное пространство.

– Сейчас изучаем этот вопрос, готовимся технически…

– Искать за границей? На территории Китая?

– Вы просто не знаете возможностей нашего НПО, – со спокойным достоинством ответил ученый муж. – И наших разработок… Они не зря острят свои хищные когти!

– А затраты? Расходы? Если за поиски не берется богатое Росвооружение?..

– Ничего, наш вероятный противник трижды ограбил Россию. Пусть теперь их банки поделятся…

Он все-таки не сдержан был на язык и опять проболтался, намекнул, кто стоит во главе НПО и каким образом можно получать деньги. Шабанов будто бы «не услышал» это, но спросил для отвода глаз:

– Вы согласовали планы со своим руководством?

– Непременно, – с готовностью сообщил представитель, желая замять свою несдержанность. – Главный конструктор находится здесь. Сейчас работает на борту самолета. К сожалению, приехать сюда не смог. Ему нельзя засвечиваться. Он ждет.

Вот это была оперативность!

– Ждет нас?

– Разумеется. Я пришел за вами. Готовы рискнуть во имя своего честного имени и общего дела?

В НПО отстали от жизни, запершись в своих научных лабораториях, и еще умели говорить пламенные речи высоким штилем.

В компьютере чертенок предлагал задачи попроще, по крайней мере, там было три возможных ответа и один правильный. Тут из двух равнозначных зол и выбирать нечего: сбежать из госпиталя равносильно поставить себе соответствующий диагноз. Сбежав, найти обломки и «черные ящики», значит вступить в борьбу с теми, кто выносил вердикт по катастрофе с МИГарем, противопоставить себя машине, асфальтовому катку. Выбора не было, и потому Шабанов принял решение с такой же скоростью, как в тесте.

– Хотели сегодня уйти в Киренск, но пилотам хоть ночь поспать надо, сами понимаете. Из столицы без передышки на ЯК-40 пилили. – Представитель говорил спокойно, будто не сомневался, что сагитирует Германа. – В пять тридцать утра за вами придет машина. Вот здесь, за изгородью, встретит наш человек, – он указал пальцем. – Но вам предстоит самому выбраться отсюда.

– Сигану через забор, – пожал он плечами.

– А как же ваша нога?

Шабанов молча задрал штанину и показал затянувшийся рубец…

Ночью он проснулся от приглушенного мата за окном и непонятного шороха по стеклу, вскочил, не включая света, распахнул створки: товарищ Жуков едва держался на согнутой

березе, вернее, она чуть держалась, согнувшись в дугу и опасно потрескивая. А ему оставалось лишь материться. Вышибить раму было нельзя, всякое резкое движение ногами сгибало березу еще ниже, а постучать – не оторвать рук от дерева.

Герман поймал его за одежду, подтянул и втащил за ноги на подоконник. Ночной гость выпустил дерево и рухнул на пол.

– Нет, ну ты здоров спать, Шабанов! Полчаса кувыркаюсь, он хоть бы что!

– Вчера тебя ждал, – отозвался он, запирая окно.

– А сегодня уже не ждешь?

– Резкое изменение обстановки…

Жуков посмотрелся в зеркало, отер лицо, измазанное белой пыльцой, охлопал штаны и фуфайку.

– У меня тоже… Очень резкое.

– Я в курсе…

– Тем лучше, – спокойно проговорил он. – Но я ничего не забыл. Нашел девку из отдела картографии, сосватал порыскать в архивах. Уже завтра, возможно, будет результат.

– Там уже порыскали и всё нашли. Ты опоздал.

– Кто? – Кадет подскочил. – Вот падлы!

– Есть ребята попроворнее тебя. – Шабанов завернулся в одеяло. – Но ты не расстраивайся.

Жуков ударил кулаком в ладонь, походил по палате, как усмиряющийся тигр, сказал в сторону:

– И этого экстрасенса уронить в запой пока нет возможности. Куда-то слинял.

– Он уже в запое, со вчерашнего вечера.

– Ну? А кто его?

– Сам, и будто пьет на свои.

– Прогресс!.. С Катериной совсем плохо. – Глаза его потемнели. – Оказывается, этот пацан приучил к наркоте, кололись на пару или он ее снабжал дозами. Теперь некому, ломка, так поместили в «веселое», под надзор. Но это ладно. Байкер навернулся не один, с девкой, а на ней трусов не оказалось, одна кожаная юбочка… Катерина не отпускает ни на минуту, за руку держится – ей легче. Папашка Харин в трансе, спаси, говорит, что хочешь, сделаю. Будто раньше не знал, не видел, что с дочерью происходит! А знаешь, что сказал, когда я руки попросил? Никогда не забуду… Она же молодая была, дуреха совсем, не пошла за меня. Хотел, как раньше принято было, сговориться с родителями, высватать. Куда бы она делась? Не забуду этого папашке! И помощи не приму!.. Сейчас уснула, я сюда…

– Ну иди к ней, – помолчав, сказал Шабанов. – Мне бы тоже

выспаться надо.

– Почему – тоже? – вцепился кадет, мгновенно что-то почувствовав. – Есть новости? Что за смена ситуации?

– Да ничего особенного, – попытался увильнуть Герман. – Завтра нужно съездить в одно место…

– Вываливай всё! – вдруг заявил он. – Как договаривались, полный обмен информацией.

– Помнишь, как в суворовском прикрывали друг друга? На вечерней поверке?..

– Ну?!

– Останешься здесь и меня прикроешь.

– А ты в самоход?

– Женщину надо бы навестить…

– Не надо лапши, Герка, – предупредил товарищ Жуков и, скинув фуфайку, сел в кресло. – Ты меня знаешь, и я ничуть не изменился. Позавчера ты не темнил, а что сегодня? У меня рожа другая?

Шабанов взял нож, молча отсоединил компьютерную сеть, подумал и завалил компьютер одеялом и подушками: хрен их знает, как они слушают? Козлобородый не случайно выволок на улицу, не стал говорить в палате…

Кадет все понял, заодно осмотрел стены, посовал пальцы в дырки и ниши, встав на четвереньки, проверил за батареей, со стула осмотрел люстру.

– Могут быть закладки, – шепотом объяснил старый пройдоха. – Проводок такой и маленькая фиговинка на батарейке…

– Завтра я улетаю, – сообщил Шабанов. – Проверить одно место на реке Чае. Это приток Лены…

– Ты мне будешь объяснять! – не сдержался Олег. – Я тут полетал… А что там?

– Не исключено, я упал в том районе. Много совпадений…

– На чем летишь?

– Вроде пассажирский ЯК-40…

– Не понял, чья машина? Чей экипаж? Кто пассажиры, кроме тебя? Кто платит за фрахт? Кто платит, тот танцует…

– Борт из Москвы пригнали, все надежно.

– Кто платит?! – Он забыл о подслушивающих устройствах.

– Насколько я понял, американские банки. Ну, или банки стран НАТО… Долго объяснять.

– Ты что, больной?

– Не больше, чем ты, – усмехнулся Шабанов, укладываясь на кровать. – Кстати, мне понравилось в «веселом» отделении. Такое там к тебе отношение, я скажу! Все Митрич, Митрич… Вот бы

полежать!

– Еще належишься… Короче, я лечу с тобой! – Он пристукнул ладонью по колену, видя движение к противлению. – И без обсуждений! Тебя сейчас обдурить – раз плюнуть. Ты находишься во внутреннем и внешнем стрессе, не замечаешь деталей, не видишь тонкостей проблематики. Сейчас ты упертый, оглашенный, или, говоря на местном языке, пациент с утраченным психоанализом и частичной потерей ориентации в пространстве суггестивности.

Кадет вырос в среде ученых и еще с суворовского отличался заковыристой, научной речью и владел некими словами, значение которых иногда знал только он один или уж слишком узкий круг лиц. Тогда неотесанному деревенскому Герке Шабанову это очень нравилось, и он некоторое время даже пытался подражать товарищу Жукову, рыская в философских словарях.

– Сам-то понял, что сказал? – Герман отвернулся к стене. – Вали отсюда. Я так и знал, липнуть начнешь. Вали. У тебя есть дела поважнее… Нет, на самом деле! Неужели оставишь Катерину в тяжелейшем состоянии? А, Митрич?.. Я бы не оставил.

Он молчал минут пять, скрипел креслом, чесался и швыркал носом.

– Пожалуй, ты прав… – сказал на выдохе. – Нельзя оставлять…

– Прикрой меня, – еще раз попросил Шабанов. – Тебя здесь знают и любят… Прикрой, чтоб в хвост не зашли.

– Прикрою, – товарищ Жуков решил уходить через двери. – Заодно проверю их чувства…

Герман уснул, так и не поняв ничего о чувствах, и проснулся оттого, что постовая сестра стояла над ним с солдатской фуфайкой, шапкой и резиновыми сапогами в руках.

– Вставайте, одевайтесь! – скомандовала отвратительным, мерзким голосом, будто старшина на подъеме. – Быстро! Быстро!

Он продрал глаза – время всего три часа! И сестра – та самая толстая тетка, что дежурила в первый день, – тоже заспанная, с припухшими глазами, но какая-то настороженная, с затаенным испугом, прикрываемым властным окриком.

– Зачем? – Шабанов утер слюнку, набежавшую на подбородок, – спал крепко, как в детстве.

– Вас перевели в другое отделение!

– Ого! – Остатки сна слетели мгновенно: началась какая-то подвижка! Неизвестно, в лучшую или худшую сторону, но что-то произошло, иначе бы не стали дергаться ночью, перевели бы утром. При всем раскладе такая срочность могла означать, пожалуй, начало нового периода и задействованный в игре

госпиталь приступил к выполнению решения комиссии. Его признали невменяемым и теперь переводят в «веселое» – это в лучшем случае…

А эту тетку предупредили, что пациент со сдвигом и набрасывается на женщин…

После генеральской палаты и стеганого барского халата предложенная сестрой одежда наводила на мысли, более печальные: даже солдатики в таких обносках не ходят… В принципе пусть переводят хоть куда, главное, чтоб решеток на окнах не было, поскольку через два с половиной часа надо быть за территорией госпиталя. На улице тетка стала посмелее, все-таки уже рассвет пробивался на небе и в парке не так темно. Шагала она впереди и вела не к «веселому» отделению – по направлению к моргу, за которым вчера состоялся сговор с родителем «принцессы».

– Туда мне еще рано, – попробовал пошутить Шабанов. – Я солдат еще живой.

Она не удостоила ответом, прошествовала мимо каменного сарая и потянула в глубь парка. Дорожки тут были малохоженные, подснежники еще не убранные, и под ногами зачавкала грязь – в густом, молодом ельнике дотаивали сугробы. Сестра единственный раз оглянулась на него, посмотрела как-то странно, и Герман подумал, что возможен совсем иной оборот: эта тетка запросто может напасть и изнасиловать кого хочешь.

– Как на расстрел ведете! – шлепая по лужам, засмеялся он. – Даже страшно становится…

Через минуту все прояснилось. Грязная дорожка вывела к старому двухэтажному особняку с решетками на окнах – инфекционному отделению госпиталя, внешне мало чем отличающемуся от морга. Сестра ввела в приемную, посадила на скамейку и сунулась в какие-то двери.

– Привела, принимай, – пробурчала, шурша бумагами. – Хватит спать-то…

И ушла, даже не взглянув на Шабанова. А он тем временем решал, сейчас сорваться и сигануть через забор, или еще часика полтора подремать на новом месте. Задача была нелегкая: слишком ранний побег опасен тем, что могут начать розыск, поднимут тревогу, а переждать оставшееся время в палате – как выбираться, если выход лишь через дверь и порядки в инфекционном намного строже, чем в хирургии. Но это ерунда, можно прорваться в наглую. Хорошо, что привели сюда, а не сразу в дурдом, где охрана и могучие санитары с дубинками и смирительными рубашками. Запихали в инфекционное не просто так, чтоб ощутил контраст после генеральской палаты. Хирург

доложил, что рана зарубцевалась, Заховай отдал соответствующий приказ задержать в госпитале под любым предлогом, пока не вынесли окончательный диагноз, и заодно чтоб прихватил к основному заболеванию что-нибудь сопутствующее, например, дизентерию, гепатит или еще какую заразу. Коли к нему относятся как к душевнобольному и уже списали со всех счетов, ожидать можно все, что угодно! Машина катит на него! Здесь нельзя ни к чему прикасаться и желательно дышать через раз…

Пока он размышлял, из комнаты появилась сестра в марлевой повязке, халдистая, развинченная девица, включила настольную лампу и долго смотрела в бумаги – туго соображала после сна. Флиртовать с такой, тем более соблазнять он не смог бы даже в голодный год за мешок картошки, но тут надо было расположить ее в любом случае и просидеть в приемной до нужного часа, чтобы потом незаметно сквозануть из отделения и таким образом избежать ранней тревоги.

Скрываясь под маской, сестра вкусно зевнула, пошелестела бумагой.

– Кто зевает днем, тот не зевает ночью, – проговорил Шабанов, придвигаясь к столу.

– Не пойму… – Девица нашла очки. – Когда последний раз стул был?

Он все понял, однако облокотился на стол, отвел в сторону разделяющую их лампу.

– А не было стула! Ни стола, ни стула!

– Ладно, остряк… Где анализы?

– Пока еще во мне…

– Здесь написано – результаты анализов… – Она перебрала бумажки, нашла. – Пишут, как курица лапой… Понимай как хочешь… Так когда последний стул?

– Хочешь, по секрету? – Герман потянулся к сестре. – Я запорами страдаю…

– Это заметно. – Она отодвинулась, не отрываясь от бумаг. – Ерунда какая-то… Какой врач сюда направил? Фамилия?

– Откуда же знать, красавица?.. И за что, тоже не знаю!

Сестра наконец-то подняла глаза, прикрывая рукой слепящую лампу, разглядела задрипанную фуфайку, шапчонку на макушке.

– Контрактник?

– Что ты, милая! Я пилот, звание – капитан. А был даже майором! И зовут – Герман.

Она взяла трубку, набрала номер и, дожидаясь ответа, все еще разглядывала Шабанова. Тот же снял шапку, пригладил ежик, готовый в атаку, но сестре наконец-то ответили.

– Зинаида Васильевна, – заговорила она мягко и виновато. – Простите… Тут пациента привели, Жабанов фамилия…

– Шабанов! – в другое ухо прошептал он.

– Кажется, тут какая-то путаница, – продолжала говорить в трубку сестра. – В направлении одно, в анализах… Да, Жабанов!

– Верно, путаница! – подхватил Герман. – Шабанов я, Шабанов!

Девица послушала еще, покивала головой, стрельнула глазами в сторону пациента и положила трубку.

– По коридору прямо, – указала она. – Девятый бокс по левой стороне.

– На Страшном суде за меня спросят, – пригрозил он, тяжело вставая. – За то, что человека с нормальным пищеварением… В общем, придется отвечать!

– Верхнюю одежду и обувь оставь здесь, – сестра швырнула шлепанцы и вынула связку ключей из стола. – За мной шагом марш.

Садиться под замок, а равно как и бежать по грязи в тапочках и прыгать через забор он никак не хотел, поэтому сделал пару шагов вперед, скорчился и схватился за живот.

– Что?.. – Она звякнула ключами. – А говоришь!..

Шабанов ринулся в комнату, где отдыхала сестра, но она закричала, замахала руками, стараясь преградить путь.

– Не туда!.. Туалет направо!

Он бросился направо, толкнул запертую дверь, забил кулаками. Девица засуетилась, заругалась от такой бестолковщины.

– Куда ломишься! Вон сортир, олух! Вот только наделай мне в приемной!..

Издав мучительный стон, Герман кинулся к выходу, крикнув на бегу:

– Засекай время! Последний стул!..

Сбежав с крыльца, он рванул через ельник к забору, с ходу взял высоту и оказался на пустынном шоссе, прямом и бесконечном в обе стороны…

10

Хакер ждал на аэродроме возле самолета, расхаживал с разовой тарелкой в руке и что-то ел. На взломщика он не походил никоим образом: человек лет тридцати пяти, тонкое спокойное лицо, несколько отсутствующий взгляд, по одежде ничем не отличимый от чиновника средней руки, да и вообще невыразительный, поставь в толпу и не заметишь. С Шабановым поздоровался сдержанно, глянул в сторону охранника, солидного здоровяка с жизнерадостным лицом, и тот мгновенно вручил поднос с полетным завтраком.

– Взлет через десять минут, – предупредил командира экипажа и одновременно Германа, чтобы особенно не разжевывал.

Хвостовой трап был откинут, и возле него стоял гражданский с автоматом, сама машина оказалась на задворках аэродрома, прикрытая стройным рядом отработавшей свое малой «кукурузной» авиации. Четкая, неторопливо-деловитая и полувоенная обстановка внушала доверие, не говорили лишних слов, не суетились, организованно завтракали, и потому никто не обратил внимания на человека, бегущего к стоянке от сетчатого забора. Лишь один из двух охранников, не переставая есть, коротким шажком двинулся ему навстречу.

Шабанов узнал товарища Жукова, когда тот был остановлен в двадцати метрах от самолета, и, оставив поднос на траве, бросился к нему.

– Это ко мне! – предупредил охранника. Кадет прибежал в том же, в чем собирал подснежники с солдатами, видимо, спешил, но при этом был весел и чем-то доволен.

– Успел! – сказал он. – Гадство, пока вас высмотрел, пока стоянку нашел!..

– Что случилось? – тревожно спросил Шабанов.

– Ничего, летим!

– Куда летим?..

– Искать обломки!

Герман оглянулся на людей у самолета, приступил ближе к Олегу.

– Мы договорились!.. Остаешься здесь и прикрываешь! И больше ничего!

– В чем дело? Я прикрыл! Полная конфиденциальность, гарантия качества.

– А ты знаешь, откуда я сорвался? Знаешь, куда меня заперли?

– Знаю, в инфекционное, – невозмутимо сказал кадет. – А где

тебя еще спрятать? Там же карантин по гепатиту. Никто не сунется!

– Это ты меня упек? – изумился Шабанов.

– Не упек, а прикрыл! Через папашку Харина. Пришлось обратиться к стервецу…

Все присутствующие у самолета теперь глядели в их сторону, чуть ближе, особняком, стояли охранники, готовые прийти на помощь.

– На кой ляд ты полетишь со мной? Что делать? Видишь, сколько народу!

– Я хочу, – сказал товарищ Жуков. – Понимаешь, я хочу!

– Это я понимаю. Но захотят ли они? – Герман кивнул на самолет.

– Скажешь им: я твой адвокат! Они поймут правильно.

Когда Шабанов подвел кадета и представил хакеру, тот беглым взором окинул его кургузую фуфайчонку, больничные штаны и сразу же не поверил, однако согласно кивнул, приказал всем подниматься на борт и отозвал Германа в сторону. Вероятно, хотел что-то спросить, уточнить, обсудить, наконец, однако лишь издалека понаблюдал, как этот дуралей Жуков забылся от радости и, не касаясь руками, взбежал по хвостовому трапу.

– Он пилот, – определенно заявил хакер.

– Бывший. Отлично знает район поиска, много летал, – сказал правду Шабанов и тут же соврал: – Сейчас занимается адвокатской практикой.

– Не хотелось бы посвящать в это дело случайных и лишних. Но под вашу личную ответственность.

Герман заметил, как его отстраненные глаза налились тяжелой, неотвратимой решительностью, достойной военачальника перед крупным, судьбоносным сражением, человека, способного погнать на смерть сотни людей и взять ответственность за их смерти.

Хакеры ему представлялись самоуглубленными, интеллектуальными мошенниками, людьми талантливыми, но с психологией картежных игроков, крупных ворюг и взломщиков…

Этот мог с холодным сердцем убить человека, если того требует обстановка.

Когда они поднялись на борт, сразу же стало ясно, почему рядовой с виду самолет гнали из Москвы. Пассажирских мест оказалось всего девять – остальное пространство заполняли электронные блоки бог весть какого назначения, существовал даже единый пульт управления, словно на космической орбитальной станции. А помня о «принцессе» и тематике работы НПО, можно было представить, чем начинен этот салон.

Принюхавшись к запахам, он как пес, натасканный на наркотики, тут же уловил знакомый, дурноватый запах: кроме всех электронных прибамбасов, эта машина точно была оборудована «принцессой» и могла быть невидимкой. Правда, воняло намного слабее, чем в истребителе, но это все из-за просторности салона.

Шабанов сел рядом с кадетом, пристегнулся ремнем, и едва запустили двигатели, как Олег склонился к уху и, сохраняя невозмутимое лицо, горячо зашептал:

– Видал? Вот это да! Летающая лаборатория. Знаешь, что это за техника стоит? Обалдеть! Я кое в чем разбираюсь!..

– Дерьмо, – сказал Герман. – Все познается в сравнении…

– А, ну да! – согласился кадет и слегка унял свой пылкий восторг. – Понимаю… Но все равно впечатляет.

Хакер по-прежнему надеялся на свои доводы и расчеты, за весь полет до Киренска ни разу ничего не спросил, а на подлете к истокам реки Чаи пересел за пульт и стал отслеживать на экранах какие-то сполохи, плавающие светящиеся точки и бегущие кривые, напоминающие кардиограмму. Изредка к нему подходил представитель, и они вместе глазели на мониторы, переключая тумблеры и кнопки, и однажды к ним вышел пилот, тоже потыкавший пальцем в экран. Шабанов несколько раз выглянул в иллюминатор, однако из-за облачности ничего на земле не увидел, так, отдельные клочки в разрывах туч. После приземления в Киренске охранники – а их было четверо – вытащили автоматы, и когда откинулся хвостовой трап, вышли первыми и встали со всех сторон самолета. Кроме них борт никто не покидал, за исключением бортмеханика, который следил за заправкой машины. Едва заправщик отвалил на положенное расстояние, запустились двигатели, автоматчики вошли в салон и тотчас же самолет порулил на взлетную.

Шабанов пересел к иллюминатору и, когда самолет поднялся в воздух, увидел реку Лену, затаеженные горы и больше ничего: машина снова ушла за облака. Скоро хакер вновь пересел за пульт, рядом с ним уже капитально устроился представитель, и минут на сорок началась их прежняя работа. Что они искали и каким образом – оставалось непонятно; впрочем, как и все то, что они делали. Правда, товарищ Жуков, неотступно наблюдавший за действиями родителей «принцессы», однажды склонился к уху и сказал:

– Зондируют. Я усек по курсу. Мы все время идем вдоль реки.

А Герман поймал себя на мысли, что все это время рыскает взглядом по пространству над тучами и ищет, высматривает ярко-желтый шар, похожий на тыкву…

Потом ЯК-40 сделал разворот, снизился наконец до четырехсот метров, пробил облачность и пошел над землей. Внизу действительно оказалась река, стремительная, бурная, с белой накипью частых порогов, с отвесными скальными берегами, иногда каньонообразным руслом; в стороны от нее, во всю охватываемую глазом ширь четко просматривались горы, затянутые тайгой, распадки и долины. Часто попадались заснеженные гольцы, небольшой протяженности, конусные хребты самых разных форм, редкие горные озера совершенно круглые, будто выведенные по циркулю и все соединенные протоками с рекой Чаей. Глаз выхватывал каменные развалы, неширокие плато с угнетенной тундровой растительностью, мощнейшие береговые осыпи, языками спадающие к воде. Все это очень напоминало тот ландшафт, по которому целую неделю блуждал Шабанов. Но лишь напоминало, поскольку он сверху этих просторов практически не видел, а с земли все выглядит совершенно иначе. Он вылавливал взглядом жилье на берегах, вспоминая хутор с крестьянствующей семьей и горнолыжную базу, однако кроме трех охотничьих зимовий в кедровых стланниках близ гольцов ничего не обнаружил.

И тем более городка в рукотворном парке с озером и лебедями…

В нижнем течении Чая стала тихой, спокойной, и его интерес пропал: в этих местах он точно никогда не был.

Самолет снова сел в Киренске на дозаправку, и на сей раз хакер покинул борт. Следом за ним вышли все остальные, а бортмеханик вынес на травку пластмассовую НАЗ с полетными обедами. Шабанов ожидал, что главный конструктор хоть сейчас подойдет, чтобы спросить о впечатлении, но он, увы, напротив, откололся от коллектива и в обществе охранника с автоматом сел есть отдельно. После обеда тот же механик достал брезентовую «мабуту», извлек оттуда авиационный форменный камуфляж и раздал по комплекту хакеру, Шабанову и Жукову. Три охранника, каждый сам по себе, вынесли из самолета ОМОНовский зимний пятнистый и тоже начали переодеваться. Четвертый остался в костюме, впрочем, как и представитель главного конструктора.

– Что это значит? – спросил кадет, с удовольствием освобождаясь от больничного. – Ты в курсе или как? Тебе не кажется, что команда поделилась?

– Воспринимай мир таким, каков он есть, – проговорил Шабанов. – Поглядим…

Через двадцать минут после взлета хакер знаком подозвал Шабанова, усадил рядом и подал наушники СПУ.

– Мы обнаружили пять аномальных точек по наличию

металла, – сообщил он, расстелив карту на пульте. – Три из них идентифицированы. Здесь находится заброшенная буровая скважина с рассеянным по земле металлоломом… Вот здесь крупный металлический массив, вероятно, трактор, вездеход или автомобиль…

– На моей машине аварийный радиомаяк был в исправности, – перебил его Герман. – Неужели не идет сигнал?

Главный конструктор будто бы не услышал, лишь сделал интеллигентную паузу и продолжил:

– Тут лежит на земле не совсем понятная стальная конструкция, что-то вроде высоковольтной опоры, и это хорошо отбивается визуально. Итак, остается две точки, где есть металл неизвестного происхождения, – он указал их на карте. – Сейчас будем проходить первую, неподалеку от Дранского хребта. Если хотите, можете понаблюдать из пилотской кабины.

Бортмеханик передал ему наушники и уступил место. ЯК-40 снизился до трехсот метров, сбавил скорость.

– Я все время на связи, – предупредил главный конструктор по СПУ.

Машина вышла на предельно минимальную скорость. Шабанов вглядывался в набегающую, изломанную линию затаеженных гор. Он отчетливо видел хребет, вернее, правобережную часть, отрезанную рекой от основного массива. Его географическое положение, высота, общий внешний рисунок – все походило на тот, носящий другое название и в утреннем тумане принятый Шабановым сначала за буддийский монастырь, потом за Великую Китайскую стену. Разница наблюдалась пока единственная: Данграласмел столообразную вершину, этот же конусную, и объяснить такое несовпадение можно было лишь тем, что сейчас он смотрел с высоты, а тогда с земли.

– До цели две тысячи триста метров. – Голос хакера почти не менялся, пройдя сквозь электронное решето: здесь и внутренняя связь была какой-то особой.

В сознании Шабанова осталась некая картинка, запечатленная за несколько секунд до катапультирования – пологий склон горы, чуть левее – глубокий распадок…

– Тысяча пятьсот, – известили наушники. Он видел момент соприкосновения МИГаря с землей: машина будто нырнула в предутреннюю темноту леса, значит, особенного развала деревьев может и не быть. Сломало две-три вершины, может, завалило пару, а баки сухие, пожар не случился…

– Пятьсот, – сказал хакер.

Земля набегала медленно, все ощущения были совершенно иными, чем в ситуации, когда находишься в маленькой,

скоростной машине. Склон горы был похож, и распадок какой-то маячил впереди, но все это не вызывало уже испытанных эмоций и не произошло мгновенного узнавания места. Вроде бы мелькнули внизу поваленные с корнем деревья среди молодого подлеска, даже что-то блеснуло на земле, отразив небесный, рассеянный облаками свет – все то и не то…

– Командир, можешь спикировать на цель? – спросил Шабанов.

Некоторое время в наушниках была тишина, хотя тангента была включенной.

– Может, командуйте, – разрешил главный конструктор, видимо переговорив с командиром.

– Могу, но в пределах возможного, – отозвался тот. – Я не истребитель…

– Давай в пределах.

Самолет сделал круг, достав облаков, вышел на исходную и покатился с пологой горки, будто мешок с сеном, ни шатко ни валко. Пилоты были опытными, однако машина не позволяла играть с собой, заскрипела, завибрировала на выходе из пике, предупреждая, что не позволит совершать над собой насилие.

– Видел обломки, – спокойно проговорил Шабанов. – На земле дюраль. Еще бы один заход…

– Только на бреющем, – не согласился командир. – Машина трещит.

– Ну давай.

С высоты пятидесяти метров белесые клочья металла виделись отчетливее, но всего мгновение. Их успели разглядеть и пилоты, и товарищ Жуков.

– Обломки! – крикнул он, когда Шабанов вышел из кабины. – Видел среднюю часть фюзеляжа!

Самолет ушел на круг с набором высоты, а хакер и представитель, сомкнувшись головами над пультом, о чем-то совещались. Герман сел на свое место, испытывая неуместное спокойствие, а кадет, вертясь как школьник, совался к иллюминатору с одной, с другой стороны, пока его не окликнул охранник и не усадил в кресло. Как только хозяева разошлись от пульта, машина взяла курс на юг, вдоль русла реки, и на некоторое время все успокоилось.

– Куда они? – никак не мог угомониться Олег. – Домой, что ли?

– А знаешь, – устраиваясь поспать в кресле, проговорил Шабанов. – По мне, так скорей бы домой.

– В инфекционное?

– Да хоть бы и туда…

Через четверть часа ЯК-40 вновь пошел на снижение, и Главный дал Герману знак – в кабину. Он был на этом борту царь и бог, и с чужими людьми так быстро освоился, что, видимо, считал их своими подчиненными, причем самого низкого звена, и по этой причине не считал нужным обсуждать планы, советоваться или хотя бы коротко ввести в курс дела. Чувствовалась, ему не больно-то и надо, чтобы Шабанов вел наблюдение за целями, опознавал местность и обломки; посылая его в кабину, он как бы оказывал небольшую услугу, дескать, на вот, полюбуйся. И вообще было странно: вчера представитель говорил пламенные речи, дабы увлечь, сагитировать и заполучить его на борт своего самолета, а выяснилось, он нужен здесь не более чем зритель.

Командир экипажа без всяких просьб вышел на цель, и машина, клюнув носом, пошла на резкое снижение – пикированием это назвать было нельзя. И здесь тоже был склон горы, однако переходящий в седловину, и Шабанову показалось это место более подходящим. Во время падения МИГа прямо по курсу вроде бы мелькнул заснеженный голец – высокая, более освещенная точка. Конус высокой горы со снежной шапкой сейчас стоял впереди, и будь это раннее утро, узнаваемость была бы полной…

И здесь, в достаточно редкой тайге, тоже забелели разбросанные по земле пятна, так похожие на дюраль! Да что тут, под каждой елкой по самолету?!

– А если на бреющем и с креном на цель? – предложил командиру Шабанов.

– Попробуем, – отозвался тот.

На втором заходе сомнений почти не оставалось. Земля на площади в полсотни квадратных метров была усеяна кусками рваного белого металла. Все сходилось! Самолет Шабанова должен был рассыпаться от удара о землю, и потому обломки лежали кучно; взрывом топлива их бы разметало на большое расстояние, и на месте осталась бы меньшая часть машины, в основном двигатели. Все, что полегче, разлетелось бы на сотни метров по округе.

Почти в центре места катастрофы отчетливо виднелся совсем свежий выворотень и ствол лежащего набоку кедра с огромной кроной. А самое главное – следы небольшого пожара – опаленная и пожелтевшая хвоя на близстоящих деревьях!

– Еще бы один заход, только от солнца, – попросил Герман. – Сменим освещенность.

– Нет проблем. – Командир повел машину на разворот.

– Можно этого и не делать, – вдруг вмешался хакер, не

отходивший от пульта. – Цель идентифицирована. Это три сгоревших лесоустроительных вагончика. Были обшиты алюминиевым листом… Но если есть желание, можно удостовериться визуально.

При заходе от солнца Шабанов и в самом деле разглядел рассыпавшиеся, искореженные в огне листы и даже две железных печки с трубами, на которых висели лохмотья металла. Пожар, видимо, случился зимой, потому кедры и пихты вокруг лишь чуть припалило, снег на кронах не дал распространиться огню… Герман молча вернулся в салон.

У товарища Жукова сияли глаза.

– Во техника! Слушай, когда она будет в войсках? Это же класс! Можно находить любую замаскированную цель. Причем на расстоянии!

– Дерьмо, – буркнул Шабанов. – Ты же знаешь.

Тот нахохлился, затосковал, взирая на пустынную землю.

– А, ну да. Это я так… Что там с Катериной? Надеюсь, сейчас-то домой?

Как только машина легла на обратный курс, бортмеханик открыл шкаф в хвостовой части и стал доставать парашюты. Выставил в проходе шесть штук, а к седьмому, грузовому, стал пристегивать тяжелую брезентовую «мабуту», набитую инструментами и оборудованием. Кадет ничего этого не видел, прилипнув к иллюминатору, и оглянулся назад, когда механик натягивал в салоне выпускной трос…

Прыгали сразу все, кучно, с прицелом на небольшую болотистую проплешину с чахлым кустарником – другой подходящей площадки было не отыскать поблизости от обломков разбившегося самолета. И приземлялись также кучно, один за одним: спортивные, планирующие купола – это не тупые парашюты-спасатели. Немного оторвало в сторону одного из охранников, не имеющего хорошей подготовки, хотя Жуков кричал ему, как подтягивать кильванты, чтоб не уносило от цели.

На втором заходе из самолета вытолкнули «мабуту».

Парашюты на земле не собирали, кое-как скомкали, придавили камнями, чтоб не унесло ветром, разобрали инструменты, приборы и продукты, расфасованные по рюкзакам, и под предводительством хакера полезли в гору, к обломкам машины. Он предусмотрел и рассчитал все, за исключением одной детали – защиты от злейшего весеннего комарья. По рельефу местности, по приблизительному расстоянию от Дранского хребта, наконец, по точной идентификации белеющих внизу кусков металла, это было примерно то место. С поправками, с оговорками, но все очень уж похоже, да плюс к

тому – неоспоримые данные бортового технического чуда, способного распознавать характеристики наземных целей. Но первое несовпадение с действительным районом падения Шабанов ощутил буквально на своей шкуре, через секунду после приземления, когда плотная туча гнуса облепила с ног до головы.

А *там*, за неделю скитаний, не видел и не слышал ни комарика…

Пока он молчал об этом – впрочем, его никто и не спрашивал – и силился доказать себе столь резкое отличие тем, что весна ранняя и теплая и что наступил сезон массового выхода насекомых. Выбросив десант, ЯК-40 сделал круг и ушел в сторону Киренска, вероятно, на дозаправку, однако спустя час, когда поднялись на гребень седловины и сделали привал, Шабанов увидел его на горизонте километрах в пяти. Самолет кружил над горами и, будто коршун, высматривал что-то на земле.

Оставшееся расстояние до места падения самолета одолели за один бросок по каменистому, сырому и скользкому склоны горы, где практически не было грунта, лишь мох и лишайники, и на котором каким-то чудом росли деревья. Наверху еще таял снег и вода бежала под щебенкой, под мхом, вырываясь на поверхность в местах скального выхода. И всю дорогу был виден самолет, бреющий таежные просторы, казалось бы, с ненужным теперь упорством.

Разочарование наступило в тот же миг, как только сам хакер обнаружил первый обломок хвостового оперения. Подтянувшись, все молча встали возле рваного куска дюраля, будто возле покойника. Несомненно, это были останки военной машины, сохранился кусок луча от красной звезды; возможно даже, тут потерпел катастрофу истребитель МИГ, но много лет назад, и по металлу, по остаткам крепкой авиационной краски давно расползся и укоренился серый, жесткий лишайник. Охранник вырвал из мха и зачем-то перевернул обломок – под ним оказалась каменная крошка со следами прели.

Потом ошметки от самолета стали попадаться чаще, однако к ним уже не подходили и остановились лишь в эпицентре, где лежала куча искореженного бесформенного дюраля, засыпанного сухой хвоей, остатками сопревших кедровых шишек и подернутого изморозью лишайника, будто символом времени. С воздуха ничего этого нельзя было ни рассмотреть, ни прозондировать с помощью самой умной электроники. Самолет рубанулся сюда, падая отвесно, не повалил ни одного дерева и тоже не взорвался, поскольку старые сучья близстоящих кедров оставались целыми. Разлет обломков произошел за счет динамики удара, эффекта обратного выброса, и основная их часть

осталась на месте, не ушла в землю – скальные породы здесь лишь на три вершка были покрыты щебнем и перепревшим подстилом хвои.

И здесь никогда не ступала нога человека, иначе бы останки самолета разобрали, исследовали, в крайнем случае, потревожили бы, случись обнаружить их постороннему, случайному прохожему.

Охранники освободились от ноши и повалились под деревьями, притомленные подъемом и гнусом, хакер пил чай из термоса, а возле обломков, будто возле могилы ходил один товарищ Жуков, что-то высматривая в груде металла. Чтобы не давать волю печальным мыслям, Шабанов вообще не подходил к останкам самолета, ушел в сторону, за деревья, и тут заметил темный, зеркальный блеск стекла у корневища старой валежины. Это был колпак пилотской кабины, вросший в землю, совершенно целый, стоящий на земле, словно чаша, и наполненный светлой талой водой. Сначала хотел поднять его и положить на колодину, но жаль стало расплескивать эту чашу, тем более после подъема в гору мучила жажда. Он встал на колени и напился словно конь, делая передышки, потому что заложило нос – то ли от остаточных явлений после воспаления уха, то ли просто от сырости. И потом, увлеченный поисками, будто грибник, он еще некоторое время бродил по лесу вокруг места катастрофы, не зная сам, что ищет. Пока не натолкнулся еще на один фонарь. Этот стоял горбом кверху, и не особенно-то врос в мох, однако под ним ничего не росло: толстое, небьющееся стекло работало, как увеличительное, и под воздействием солнца выжигало все, что под ним всходило.

Надо же! Прочнейший металл превратился в лепешку, будто кремовая роза с торта, уроненная на пол, разлетелся трухой, развеянной по округе, а хрупкое на вид, хрустального блеска стекло осталось целехоньким!.. Он не стал трогать и этот фонарь, постоял возле, погладил отполированную поверхность и, неожиданно опустошенный, вернулся к эпицентру катастрофы.

– Это наша машина! – заявил Жуков. – За полком числятся две без вести пропавших. СУхой гробанулся в семьдесят первом, МИГарь в семьдесят девятом. Это, похоже, СУхой, вон кассета лежит…

Ракетную кассету давно облюбовали муравьи, недавно проснувшиеся, суетливые и работящие, выстроили над ней конус. Еще пару лет, и похоронят…

Несмотря на ошибку, главный конструктор держался стойко, почти без эмоций, да и та небольшая нервозность была легко объяснима свирепым гнусом. Он допил чай, вынул радиостанцию и отошел в глубь леса – не хотел, чтобы слышали его переговоры

с бортом ЯК-40.

– Они оба здесь, – проговорил Шабанов. – Колпаки нашел… Катапультироваться не успели. Почему-то…

– Давай растащим обломки? – предложил кадет и достал из рюкзака мощные ножницы по металлу. – Посмотрим…

– Без команды ничего не делать! – строго сказал один из охранников.

– Какая еще команда нужна? – возмутился товарищ Жуков. – Пошел ты!.. Там пилоты! Двадцать лет не похороненные! Пошли, Герман!

Кадет с суворовских времен остался старшиной и не мог сидеть просто так, в созерцательной позе. Шабанов взял топор с крюком на обухе, что под руку подвернулось, и тоже направился к обломкам. Охранник отступил, но не успокоился, побежал за хакером – видно, докладывать о непослушании. Сплющенную в лепеху, с торчащими конструкциями, остатками шасси, рваньем жесткой обшивки, гору дюраля разобрать вдвоем и добраться до кабин было не так-то просто. Жуков отстриг несколько клочков, с трудом перерезал клепаный лонжерон – рубить их вообще было невозможно, все пружинило, отдавало назад, топорище сушило руки. Вот бы зацепить тросом и опрокинуть ее набок…

Через пять минут на грохот жести пришел главный конструктор, посмотрел со стороны, пожал плечами.

– Зачем это нужно? Вы что хотите?

– Надо найти останки экипажа, – объяснил Шабанов.

– Дадим информацию в воинскую часть, – пообещал хакер. – Пусть работают специалисты. У нас мало времени.

– А у нас мало топлива, – орудуя топором, отпарировал кадет. – Они тут еще года два будут валяться, пока руки дойдут…

– Через два часа на месте приземления будет вертолет! – отмахиваясь от комаров, занервничал главный конструктор. – Нам надо успеть спуститься вниз.

Охранники тотчас похватали рюкзаки, оружие, один потянулся к Жукову за ножницами, но Олег завелся с полоборота, пошел в атаку.

– Слушайте, мужики! Ну, не надо козлить, а? Что вы стоите с такими харями?! Не нравится? Вам бежать надо – ну бегите! А мы пока не достанем кости – никуда не уйдем! – Он чакнул ножницами на хакера. – Ну что ты вылупился? Не понял, да? Не врубился?.. Тогда забирай своих и вали!

Главный конструктор, этот сильный и решительный игрок, даже не обиделся на хамскую речь «адвоката»; он увидел личность не менее сильную, мгновенно переориентировался и вышел из положения с достоинством.

Умел проигрывать.

– Проверьте обломки на предмет взрывоопасных предметов, – жестко приказал он охранникам. – И помогите ребятам.

Те бросились исполнять приказ с тем же рвением, с каким несколько секунд назад готовы были схватить, скрутить ослушников и насильно увести с места катастрофы. Хакер снова достал радиостанцию и ушел в лес.

После того как исполнительные охранники «прозвонили» окружающее пространство и сами останки с помощью миноискателей, реагирующих на взрывчатое вещество, собрали и сложили на муравьиную кучу рассыпавшиеся ракеты – навалились всем скопом и попробовали приподнять с помощью лома дюралевую глыбу. Один край расшевелили и оторвали от земли, но опрокинуть ее даже впятером оказалось невозможно. Невесомый на вид металл, имевший когда-то стремительную, скоростную форму, превратившись в угловатую, колючую груду, стал неподъемным. Пришлось вырубить три длинных слеги, и, постепенно подваживая и подсовывая камни, приподняли останки, вывели до критической точки и уже руками, под «раз-два взяли!», под единый братский выдох и с помощью чьей-то матери, перевернули. Охваченные трудовым азартом охранники под руководством любившего покомандовать товарища Жукова тут же набросились разламывать и расковыривать дюралевый пирог, а Шабанов отошел в сторонку и сел на кусок подкрылка.

Через пару минут это заметил кадет, поставил лом.

– Я перекура не объявлял. Ты чего?

– Там их нет, – обронил Герман, утирая лицо от пота, комаров и крови, выпитой ими. – Там пусто…

– Куда же они денутся из подводной лодки? – Жуков вознамерился было всадить инструмент в прошитый корнями, проводами и сухой крапивой дюраль, но отступил к муравьиной куче, выпустил лом и засунул руки в карманы.

Удар о скальный грунт был такой силы, что обе кабины сбило вместе и будто наизнанку вывернуло, пилотские кресла с остатками привязных ремней вместе с приборными досками и дюралем впрессовало в общую глыбу, однако при этом отчетливо видно, что в момент удара штурмовик оказался пустым, и сейчас в этом пироге не было ни костей, ни остатков одежды, ни клочка от спасательных парашютов. Только смотреть на все это следовало издалека, как смотрят на большую картину…

И на лице Жукова тоже спрессовалось сразу несколько противоречивых чувств, от глубокого недоумения и растерянности до крайнего возмущения и скрытой радости. На Шабанова сразу пахнуло ностальгическим воспоминанием самого

последнего всплеска детства…

На зимние каникулы в десятом классе, под большим секретом и в обстановке полной конспирации товарищ Жуков собрал команду из пяти человек, добился, чтоб всем выправили проездные документы до города Томска, и повез к себе домой. Его родители жили в пригородном закрытом поселке физиков-ядерщиков, ученых-оборонщиков. Они тоже были учеными, имели роскошный, по тем временам, коттедж в сосновом бору, и оказались людьми веселыми, компанейскими и понятливыми. Чтоб не мешать молодежи, уехали куда-то на неделю, оставив в распоряжение сына дом и автомобиль «Волгу».

Гусарить начали в первый же день вольной жизни, купили много шампанского, привезли на машине девушек – бывших Олеговых одноклассниц, приготовили целый таз плова, и пошел пир горой. В то время к женскому полу они относились трепетно и даже боязливо, о грехе никто не помышлял, и в основном хвастались перед девушками своей смелостью и удалью. После танцев и стрельбы из мелкашки на приз – поцелуй королевы бала, каковой выбрали подружку Олега, стало скучновато, набились вдесятером в «Волгу» и поехали кататься по поселку. Но и это скоро надоело, и тогда товарищ Жуков придумал игру для настоящих мужчин, и под восторженный визг девчонок они помчались за десять километров на охотничью базу ученых. Там в лесу, на отшибе, стояла огромная клетка, где держали медведя для притравки собак. В углу ее была устроена берлога – сруб, засыпанный соломой и землей, из отдушины курился парок, значит, зверь спал. Простенький замок на решетчатой двери открыли куском проволоки и бросили жребий, растащили из шапки номерки, и первому входить в клетку выпало самому товарищу Жукову. Тогда и в мыслях не было, что он мог каким-то образом смухлевать, подтасовать и получить бумажку с цифрой один.

Девчонки затаили дыхание в предчувствии зрелища, и только королева бала прошептала испуганно:

– Мальчики!.. Мальчики, может, не надо, а?

Олег, словно дуэлянт перед поединком, скинул на снег шинель и шапку, снял китель и, оставшись в одной белоснежной рубашке и перчатках, потянул на себя дверь. Тогда Шабанов так и не смог понять, отчего этот взрывной, импульсивный человек вдруг становится холодным и бесстрастным в решительное мгновение – от безудержной храбрости или от тщательно скрытой, тайной трусости, которую всякий раз приходится подавлять. Ему хотелось верить, что это от природной храбрости,

от полного отсутствия чувства страха, как у некоторых пород благородных охотничьих собак. Шабанов в тот момент отчаянно трусил, душа дрожала, билась у горла и хотелось закричать или убежать, хотя очередь его была третьей. Товарищ Жуков вошел в клетку, оставляя глубокие ямы на снегу, пробрался к устью берлоги, хотя это не требовалось по условиям игры, спокойно развернулся спиной и неторопливо, будто смакуя страх, прошагал назад своим шагом. Напряженные от ужаса девчонки просияли, захлопали, но Олег показал кулак и приложил палец к губам – разбудите медведя!

Они уже все любили его! И теперь хоть в доску расшибись, хоть в берлогу залезь и поцелуйся со зверем, такого эффекта уже не произведешь. Будут говорить, ты тоже – ничего, не сдрейфил, не струсил, не сачканул…

Второй по жребию тоже скинул верхнюю одежду – в детстве всегда хотелось кому-то подражать! – довольно смело открыл дверь, втиснулся в клетку и громко сказал:

– Мишка! Кончай ночевать! Подъем! На зарядку становись!

Все чуть нервно засмеялись, зашевелились – оценили находку.

В тот момент Шабанов и увидел багор, прислоненный к клетке. Вероятно, им доставали опустошенные зверем тазы с пищей, чтобы не входить каждый раз. Он взял этот шест со стальным крюком на конце, и в шинели под ремнем, чтобы не видно было, как трясутся коленки, ступил за дверь. Снегу в клетке было столько, что быстро не отскочить, да еще мешали длинные полы шинели, и потому Герман двигался к берлоге, протаптывая целую дорогу.

– Мальчики! Мальчики! – громко сказала королева бала. – Может, все-таки не надо? Ну хорошо, я вас всех поцелую! Ну, пожалуйста!

Юная, а вернее, детская еще, но благородно-королевская душа чувствовала, чем может закончиться эта шалость, но ее никто не слушал, никто даже из девчонок не поддержал. Шабанов пробил путь к заснеженному холму и сунул в отдушину багор. И сейчас же сухой, чуткий шест отозвался обратным, сильным толчком. Была мысль отступить, выскочить из клетки, но этого толчка никто не заметил, не ощутил, и потому Герман пихнул багром еще раз.

В следующее мгновение произошел взрыв. Столб снега взметнулся фейерверком, запорошил лицо, вырвался за клетку, а из полуразрушенного холма восстал огромный, мохнатый зверь. Солнечный свет и сверкающий снег ослепили его, медведь присел, держа перед собой когтистые передние лапы, с шумом

потряс головой.

– Беги! – закричала королева бала.

Шабанов хотел развернуться к зверю спиной, но не смог, не пересилил себя и медленно попятился, выпустив багор. И перед тем как спиной открыть клетку, обернулся и увидел совсем рядом лицо товарища Жукова.

На нем был целый конгломерат чувств – от недоумения до возмущения, от гнева до радости…

И сейчас, при виде явных доказательств того, что в момент катастрофы пилотов в машине не было, на его лице отразилась та же гамма чувств. Дело в том, что спустя полгода, когда они вместе поступили в летное, Олег признался, что на каникулах хотел попросту разыграть пацанов, поскольку заранее знал, что медведя в берлоге нет и быть не может. Отец ему еще осенью написал, что старого, ленивого и давно безразличного к собакам зверя пустили в расход и теперь не на ком притравливать молодых лаек…

А когда Шабанов вышел из клетки, на Жукова обрушились все, в том числе и девчонки. Кричали, что он дурак, фраер и вьпендрежник, и особенно старались те двое, которым так и не удалось войти в клетку с растревоженным, орущим зверем и довести игру до конца. Но Олег молчал, никак не мог побороть фонтан своих чувств.

Потом еще прибежал сторож с кнутом…

Когда спускались назад, на болотистую площадку, где должен был сесть присланный из Киренска вертолет, шедший впереди товарищ Жуков несколько раз останавливался, поджидал Шабанова и заводил примерно один и тот же разговор:

– Не может быть! Фонари на месте, кресла на месте, значит, они не катапультировались! Тогда где останки? Зверям не растащить… Где? Надо обязательно вернуться, найти «черные ящики»… Нет, этого быть не может!

– Может, – на ходу бросал Герман. – Я же говорил тебе…

– Ну да, может, – как-то туповато соглашался кадет. – Но *там,* где ты был! Нет, я верю! Сам видел! И допускаю… Только *там, там*! А здесь откуда? А потом, как это возможно, технически? Взять и вынуть пилотов из летящей машины?.. Чую, здесь какая-то авантюра, фокус! Что-то здесь не то!

Он успокоился лишь в вертолете, когда вспомнил о Катерине. Полагая, что сейчас из Киренска их доставят домой, во время обильного, двойного ужина товарищ Жуков вытащил из самолета свою больничную одежду и стал переодеваться.

– Это вы напрасно, господин адвокат, – сказал ему хакер, вдруг зауважавший кадета. – В камуфляже удобнее и не

продувает. Можете вообще оставить его себе.

– Ладно, обойдусь, – скромно и себе на уме ответил он. – А потом, у меня этой формы уже накопилось – не знаю, куда девать.

Перед заходом солнца главный конструктор дал команду подняться на борт, трап подняли, запустились и начали выруливать на полосу. Шабанов после сытного ужина пристроил голову на спинке, укрылся летной курткой и уснул еще до взлета. Вообще-то он очень редко спал в пассажирских самолетах, срабатывал внутренний приказ, забитый в подсознание – не спать в воздухе. А что греха таить, частенько, бывало, задремывал даже на высоте в пятнадцать тысяч, пусть и на автопилоте, но все же… Тут будто в яму рухнул, причем спалось так сладко и беззаботно, что напрочь отлежал руку и затекла шея.

Время было без двадцати трех десять, за бортом темнотища и звезды, а в полете уже третий час! Товарищ Жуков бодрствовал, сидел с остекленевшим взором, глядел в одну точку и не реагировал на обстановку. Наработавшиеся физически охранники спали, у мерцающего экранами мониторов и индикаторов пульта сидел неустанный хакер со своим представителем.

Внизу была непроглядная, без единого огонька, земля. Судя по оборотам двигателей и частым разворотам, летели невысоко, утюжили какую-то территорию. Главный конструктор пользовался случаем и, вероятно, обкатывал свои новейшие разработки. Шабанова не обижало, что возят его вместо куклы, для балласта, а сами тем часом занимаются своими научными делами. В конце концов, лучше спать сидя в самолете, чем лежа в инфекционном отделении или даже генеральской палате; однако чувство своей ненужности обычно лишало его всяческой инициативы.

– Слушай, Гер, а вот если бы я не был таким идиотом и не атаковал эту тыкву, – заметив, что Шабанов проснулся, заговорил кадет, – что бы было?.. Если бы вместо стрельбы попробовал связаться по радио? Включил какую-нибудь музыку? Вальс, например?

– Раньше надо было думать, – пробурчал Герман, устраиваясь спать.

– Нет, погоди! Можно таким способом наладить с ними контакт? Показать свое миролюбие, не агрессивность?.. Я сейчас думаю об упущенных возможностях. Что было бы, а?

– Летал бы до сих пор и не сидел на КП. Тем более не лежал бы в «веселом»…

– Это само собой… Я не о том. Ладно, я дал маху, не выдержал. Но ты-то почему отказался? Тебя приняли, обласкали, вылечили, иной мир показали! Взял бы и остался там. Тем более, говоришь, встретил такую девушку… Вот эти ребята с СУшки

наверняка туда слиняли. А куда еще?

– Не готов был. К этому же надо привыкнуть.

Кадет посидел со стеклянными глазами несколько минут. Потом, заметив, что Шабанов уже засыпает, толкнул его в плечо:

– Кончай ночевать!.. Ты думал или нет, как с ними контакт установить? Не обязательно же летать? Если они могут появиться в любой час и где угодно, что им стоит найти тебя? Нет, в самом деле! Если ты понравился этой принцессе, она вполне может соскучиться и выйти на связь. Оставить знак какой-нибудь…

– Тебе-то зачем контакт? – спросил Шабанов.

– Мне?.. Ого! Вот мне он как раз и нужен. Взял бы я Катерину и свалил бы из этого драного мира!

– Помечтай, – пробормотал он и отвернулся к иллюминатору.

Герман уже засыпал с открытыми глазами, когда услышал за спиной тоскливый голос Олега:

– Слышь, Гер… А что тебя остановило? Когда ты пошел на свалку стреляться?

Он хотел дать ему наугад по роже, но попал в лоб. И ощутил, что ладонь стала влажной от пота…

ЯК-40, блуждавший бог весть где три часа, наконец-то коснулся посадочной полосы, закончил пробег и долго куда-то выруливал. Шабанов слышал все это в полудреме и ждал, когда откинут трап. Но странное дело, время шло, однако в салоне никто не двигался, и не слышно было характерных звуков хвостовых створок. Когда он поднял голову и огляделся, обнаружил, что самолет превратился в общую спальню: похрапывали слегка ожиревшие охранники, клевал носом, сидя на откидной банкетке, представитель, откинувшись на спинки кресел и даже не отстегнувшись, протяжно сопели пилоты в кабине, а за пультом, уткнувшись лицом в планшет, беззвучно, как женщина, спал главный конструктор, и выпавший из его руки курвиметр лежал на носке ботинка.

Жуков полулежал в кресле, насадив на глаза обтрепанную солдатскую шапчонку.

А самолет, как оказалось, находился на дальней стоянке аэродрома в Киренске.

…Общую побудку сыграли ровно в пять утра, причем с первого же момента была заметна необычная для этой команды лихорадочность сборов. Завтрака не предлагали, вместо него бортмеханик снова вытащил парашюты – шесть штук и один грузовой (когда и уложить успели!), и тут же начал помогать застегивать, оправлять ремни и одежду – чувствовалось, что хакером объявлена тревога и боеготовность номер один. Сам он больше не подходил к пульту, о чем-то разговаривал то с

пилотами, то с представителем и охранниками, всем давал указания, однако с Шабановым и словом не обмолвился. Товарищ Жуков переодеваться из одного казенного в другое принципиально не стал, натянул подвесную систему парашюта прямо на фуфайку, распустил у шапки уши и завязал их на бантик под подбородком.

Через двадцать минут после подъема самолет стартовал из Киренска и взял курс на юго-восток. Завтракали уже в полете, после набора высоты, и тоже суетливо, наскоро, давились крошками и обжигались огненным чаем. Ко всем признакам тревоги и началу какой-то особой операции прибавлялось еще одно обстоятельство: старая знакомая «принцесса», высмотренная еще вчера в салоне среди прочих приборов, сейчас была включена и на ее «глазе» светился зеленый индикатор.

Вчера за целый день к ней никто не подходил…

Это и натолкнуло Шабанова на любопытные мысли.

– Эй, адвокат? – Он толкнул Олега. – Ты международное право знаешь?

Товарищ Жуков находился слишком далеко, чтобы сразу врубиться в тему, должно быть, сидел возле страдающей Катерины и держал ее руку. В нелепом своем одеянии он походил сейчас на девочку-радистку, забрасываемую в тыл врага.

– Ну, хорошо, а китайский язык? Или хоть одно тибетское наречие?

– Чего? – Он покрутил головой, глянул в иллюминатор. – При чем здесь наречие?

– За границу летим, без паспортов и виз. А в китайских тюрьмах, говорят, могут годами держать без суда и следствия.

– На Яшке в такую даль? С такой начинкой? – Жуков помотал головой. – Что-то мне не верится… Или они больные.

– С такой начинкой только и летать.

– Топлива не хватит в один конец. Кто их заправит?.. Да ну!

Погода с утра выдалась ясная, видимость отличная, и можно было следить за курсом. Вчера напичканный электроникой самолет утюжил районы, прилегающие к реке Чае, и летал в Киренск и обратно вдоль ее русла; сегодня маршрут был изменен, по всей видимости, летели в заданную точку, и аппаратура на борту, за исключением «принцессы» да еще пары каких-то блоков, не работала. Главный конструктор по-прежнему хранил молчание, теперь, возможно, и по причине вчерашней оплошности.

На высоте шести тысяч шли чуть больше получаса, затем самолет резко пошел на снижение, на восьмистах метрах заломил один круг, второй, и стало ясно – ищут площадку для высадки

десанта. В горнотаежных ландшафтах обычно есть много схожести, но этот, над которым кружили, и близко не походил на место катастрофы: нет главного ориентира – хребта, да и реки поблизости не видно. Однако же пилоты высмотрели в долине открытый участок со снежным покровом – с соседнего гольца этой зимой сошла лавина, оставив след в виде полосы переломанных деревьев. И тут произошло краткое совещание или даже спор между старшим охранником и хакером. Победил первый, открыл ключом шкаф в хвосте, достал два автомата АКСУ, два разгрузочных жилета с «магазинами», молча положил на колени Шабанову и «адвокату».

– Будем прорываться с боями, – невесело пошутил товарищ Жуков. – Вот пехотинцем еще не служил…

Оружие и боеприпасы пришлось заталкивать под ремни подвесной системы, оба сразу растолстели, сделались неуклюжими; впрочем, и остальные десантники выглядели не проворнее. Прыгавший впереди Шабанова охранник вообще запнулся на трапе, и его вынесло потоком воздуха ногами вперед.

Обледеневшие остатки лавины, снег, перемешанный с деревьями и камнями, были не лучшим местом для приземления. На ногах не удержался никто, хакер ободрал руку, один охранник разбил лицо, другой сел на расщепленный торец дерева, и теперь у него выщипывали огромные занозы, Шабанов ударился коленом, а товарищ Жуков, естественно, потерявший в воздухе резиновые сапоги в момент открытия парашюта, приземлился в носках. Однако настроение у всех было приподнятое еще и потому, что над ледяным языком в долине почти не было комарья. Пока охранники доставали улетевшую на кромку леса «мабуту» и раздавали рюкзаки, кадет невозмутимо снял фуфайку, оторвал рукава, завязал тесьмой концы и, натянув на ноги, поплясал.

– Дойдем до Берлина! Мать его!..

Три свежезаломленных дерева на склоне противоположной от гольца горы Шабанов заметил, когда еще спускался на парашюте, но на земле за ними ничего разглядеть не успел. Такие заломы и даже полосы вываленного леса в горах встречались часто, и происходили они от ураганных порывов ветра; это вовсе не значило, что здесь лежат обломки его машины, однако Шабанов загадал: если хакер поведет команду туда, значит, МИГарь там.

Хакер приказал выложить из полосатых парашютов квадрат на леднике, срубить тычки – вертикально стоящие деревья, и повел точно на заломленные пихты. Стоило лишь сойти со снега, как гнус облепил не меньше, чем вчера, однако вчерашняя недоработка была исправлена, противокомариной мазью

запаслись в избытке и теперь чуть ли не умывались ею.

Исправит ли главный конструктор свою вчерашнюю оплошность?

Двигались цепочкой, с повышенными мерами безопасности. Один охранник в бронежилете на приличном отрыве шел впереди, другой прикрывал тыл, и все остальные были настороже, часто вертели головами, в том числе и безоружный хакер. Склон оказался не крутым и не таким мокрым, как вчера, так что шагали без привалов, и к концу второго часа пути остановились минут на пятнадцать, и то не для отдыха: разведчик в авангарде сделал знак, ушел вперед и, вернувшись, обронил главному конструктору всего три слова:

– Они побывали там.

Их значение окончательно стало понятным, когда команда поднялась на широкий уступ горы и оказалась перед свежайшими обломками МИГа. Самолет падал по касательной к земле и на небольшой скорости. От удара о землю не взорвался, чуть погорел, закоптился слегка и разбился не так, как найденная вчера СУшка. Отлетели крылья, расшиперились в разные стороны сопла двигателей, оторвало и забросило вперед хвостовое оперение, но вспоротый повдоль, изжеванный, смятый в гармошку и скрученный фюзеляж все-таки сохранял какую-то форму.

И еще сохранял следы человеческой деятельности: кто-то откопал его, вытащил из прорытой в момент падения канавы, опрокинул набок и пытался проникнуть внутрь, вырубить кусок обшивки в носовой части.

Как раз в том месте, где был начертан номер машины, проданной маркитантами индийским друзьям…

11

Главный конструктор оправдался за вчерашнее, но никак не выражал чувств. Пока десант лазил вокруг исковерканной сигары и изучал следы катастрофы, он достал радиостанцию и удалился в сторону. Спустя три минуты вернулся, ткнул пальцем в охранника, занозившего себе задницу.

– Здесь останетесь вы, – перевел палец и взгляд на обутку кадета. – И вы, господин адвокат. Максимум через пять часов сюда прибудет вертолет со специалистами из округа. Ничего тут не трогайте. Ваша задача охранять обломки. Кто бы ни приблизился – задерживать. В случае неповиновения или вооруженного сопротивления – огонь на поражение. Старший вы, господин адвокат. За подзащитного не опасайтесь, с ним будет все в порядке.

Он был действительно даже не генералом – маршалом. Не зря взломщика компьютеров просчитали, вычислили умные люди и назначили главным конструктором. Будущее электроники в оборонной промышленности страны было в надежных руках.

– Есть, – вяло сказал товарищ Жуков. – Наше дело телячье. А кормить будут вовремя?

Хакер пропустил издевку мимо ушей и наконец-то соизволил снизойти до уровня капитана, взял его под локоток, словно барышню, ненавязчиво заставил отдалиться от остальных.

– Герман Петрович, узнаете свой самолет?

– Что уж тут, – развел руками Шабанов. – Номер машины узнаю, место – нет.

– Это не важно, – обронил главный конструктор. – Катастрофа произошла на рассвете, считайте, ночью. А ночью все кошки серы. Да, это безусловно ваша машина. Прилетят специалисты, исследуют, найдут «черные ящики»… Одним словом, ваша репутация, как и наша… имею в виду НПО, будет полностью восстановлена.

– Хотелось бы верить…

– Мы не зависимы от комиссии и ее действий. Пусть занимаются. У нас свой план.

– Это я заметил…

– Но времени не очень много. Тем более сюда прибудет спецназ, и начнется операция по захвату… группы, которую вы назвали в рапорте охотниками за «принцессой», – наконец-то хакер начал посвящать в свои планы, и это не предвещало ничего хорошего. – Вчера мы спугнули их с места катастрофы. Я пытался немедленно вызвать в этот район… ну хотя бы милиционеров.

Мне не поверили. Пришлось перегонять командованию округа видеозапись. И все равно никто не спешит.

– Да уж, такова реальность…

– Нам предстоит совершить марш-бросок по пути вашего следования после катастрофы, – сообщил хакер. – Промежуточная цель пока – хутор, возле которого вы провели вторую ночь. А конечная – горнолыжная база.

Упоминание о хуторе на миг возвратило Германа в прошлое, захотелось парного молока с горячим хлебом…

– Кстати, как наша гора?

– Вроде бы ничего.

Шабанов испытывал два чувства одновременно, которые на деревенском языке можно было выразить коротко – и хочется, и колется…

– Вы готовы провести меня этим маршрутом?

Вот для чего хакер катал его на самолете второй день!

– В принципе готов, – подавляя внутреннее сопротивление, сказал он. – Вся беда – не узнаю местности. Нет, даже уверен: мы находимся не там, где я был.

– Погодите. Машина ваша?

– Номер борта мой…

– Логично. Через час легкого бега трусцой я покажу место вашего приземления. Надеюсь, узнаете его?

– Полагаю, да…

– Что же, дальнейший разговор там и продолжим, – пообещал он и сделал знак двум охранникам, стоящим в отдалении.

Его выносливости можно было позавидовать. На что уж Шабанов считал себя бегуном, однако, по бездорожью, на очень пересеченной местности, да еще с грузом на плечах, через час стал пусть и не выдыхаться – экономить силы. Хакер молотил ногами, словно бесчувственный агрегат, ничуть не сбавляя темпа, хоть на спусках, хоть на подъемах. Будучи физически вдвое сильнее его, охранники – один бежал впереди, другой сзади – не поспевали катастрофически, и один получал чуть ли не пинки, другой же суровый и жесткий окрик.

– Говорил же батя, – бухтел тот, – учись, дурак! Так нет же…

Одолев долгий и крутой подъем, они остановились среди старого, высокого леса. Главный покрутился на месте и точно вывел к камню, на котором стоял гермошлем Шабанова. И слово, написанное на стекле кровью, все еще прочитывалось.

Тут же лежал собранный им тогда мусор… Охранники посдирали с себя бронежилеты и рухнули на землю, растянулись, невзирая на висящую в воздухе тучу гнуса.

Главный конструктор взял гермошлем, отвел Шабанова

подальше от посторонних ушей и предложил сесть на поваленное дерево.

– Нами получены любопытные данные, – начал он, разложив на коленях планшет. – Во время вчерашних работ, проведенных в этом районе, выявлена обширная территория, в которой не проходит ЭФ-излучение. Как вы можете это объяснить?

– Я не знаю, что это за излучение, – Шабанов разглядывал вычерченный на карте эллипс.

Конструктор подумал, как бы проще объяснить, но ничего иносказательного, доходчивого не нашел и решил приоткрыть тайну разработок своего НПО.

– У нас имеется установка… опытный образец. Она позволяет с помощью особого излучения считывать… Ну, скажем так, состояние флоры и фауны на определенной территории. Вы же знаете, всякая живая и неживая материя испускает определенный тепловой, световой и энергетический спектр…

– Догадываюсь… Поиск живой силы противника?

– Живой и неживой силы, – с некоторым удовольствием уточнил Главный конструктор. – Дело не в этом. Зоны непрохождения ЭФ-излучения выявлены во многих регионах, но это весьма ограниченные территории, можно сказать, точечные, порядка двести – триста квадратных метров. Здесь мы столкнулись с необычными размерами. Площадь ее составляет в тысячи раз больше. Явление это мало изучено, точнее, не изучено вообще. Мы установили лишь некоторые особенности таких зон. Например, в них наблюдается полное отсутствие всех кровососущих насекомых… Клопов, вшей, блох, оводов, комаров и мошек. Вы же наблюдали это во время своих скитаний?

– Наблюдал… Но тогда еще было рановато для комаров и мошек.

– В рапорте вы написали, что не помните, как очутились… в районной больнице, – продолжал он. – Что у вас были провалы памяти, галлюцинации, причудливые сны…

– Я этого в рапорте не писал! – Шабанов погрозил пальцем. – Это вы мне бросьте!

– С моим представителем вы были куда откровеннее, Герман Петрович, – укорил хакер. – Что случилось? Вы не доверяете мне? А я, напротив, верю всему, что вы рассказали и в здравом уме, и в бреду. Вы один из немногих счастливчиков, кому удалось вернуться назад, соприкоснувшись… с вещами необъяснимыми. Необъяснимыми для тупых невежд.

– Вам известно, где все эти немногие счастливчики?

– Но вам это не грозит.

– Надо знать наши медицинские комиссии… Видели моего

адвоката? А за что его отстранили от полетов – знаете? Посадили на КП, да и то на птичьих правах.

– Я сделал запрос по вашему… адвокату, – признался главный конструктор. – Мне все известно. Вам нечего волноваться. Место катастрофы обнаружено, «черные ящики» изымут, их данные подтвердят вашу невиновность в произошедшем. Надеюсь, там зафиксировано появление… неопознанного летающего объекта и его воздействие на приборы управления… Я вам помог. Теперь слово за вами.

– К сожалению, у меня нет равноценных возможностей, – произнес Шабанов, все больше испытывая протест. – При всем желании…

– Да, я знаю ваше отношение ко мне лично. Вы сказали, я взломщик и намерен вломиться в недоступный пока еще мир. Вас это смущает?

– Нет, не смущает. Вам виднее, какой пользоваться методикой. Вламываться или входить плавно. Чувствую только, все напрасно. Не то место! Я здесь не был!

– Это узнаете? – Главный конструктор показал гермошлем. – Автограф ваш?

– Все мое. Но место незнакомое. Ваш самолет вчера нашел хутор или горнолыжную базу?

– В том-то и дело, что нет. Потому я принял решение пройти весь маршрут пешком, по земле.

– Куда же я поведу? – Шабанов, покрутился на месте, указал рукой. – Там должен быть хребет. Столообразный хребет Данграласс. Тогда был туман, и я принял его сначала за монастырь, потом за стену… Сейчас-то отличная видимость! А где хребет? Куда идти?

Хакер поднял бинокль, долго всматривался в горизонт, после чего достал компас, засек направление, указанное Германом.

– И комары! – ухватился он. – Видите, дышать нечем! А там их не было ни единого!.. Да, и еще! Я видел дикий виноград, деревья оплетенные были до вершин. Тоже нет!

– Наблюдения интересные, но незначительные. – Хакер поманил рукой охранников. – Хорошо, попробуем согласовать ситуацию точно по времени. Может и туман на рассвете появиться, и выйдет из него древний монастырь, затем Китайская стена. И наконец, ваш хребет Данграласс. Возможно, увидите виноградные лозы, исчезнут комары.

Хакер распорядился ставить палатки и готовить обед. Обрадованные охранники засуетились, начали потрошить рюкзаки, с благодарностью поглядывая на Шабанова; они не слышали разговора, но догадывались, в чем дело, и с тоской

думали о предстоящем длительном марш-броске.

– Комары тут исчезнут после первых морозов, – уверенно заявил Герман.

– Вы не читали монографию Льва Алексеевича Забродинова? – вдруг спросил главный конструктор.

Шабанову хотелось ответить так же, как он уже отвечал его представителю, однако в руках хакера оказался пластиковый пакет с бумагами.

– Возьмите и почитайте. У вас есть время до рассвета…

Он с детства знал и помнил это состояние в природе. Оно начиналось лишь ясными утрами, чуть раньше восхода солнца, до первых его лучей, когда безоблачное небо уже высветлялось, разбегалось множеством красок и оттенков, от глубокого темно-синего до бирюзового и алого, когда слепли и разом смолкали ночные птицы, а утренние или дневные, проснувшись, еще не пели, и когда земля еще лежала темная, незрячая, однако уже не ночная. Если дул ветер, то наступал полный штиль, вдруг расправлялась, выглаживалась рябь на воде и река тоже будто останавливала бег, делалась задумчивой, остекленевшей, и ни одна рыба не смела разбить это зеркало, поскольку тоже костенела и была не в состоянии шевельнуть плавником.

Вместе с птицами все в мире замолкало, становилось неподвижным, оцепенелым, но не спящим; все живое и неживое в единый миг замирало, словно парализованное, и этой неведомой стихии всецело подчинялся и человек. Отчего-то становилось страшно говорить громко, и если шептать, то одними губами, дабы не потревожить, не нарушить вселенской минуты молчания.

Он не понимал, что происходит в это время, какое свершается действо, да и не нужно было понимать, ибо в детстве это вовсе необязательно; очень важно было почувствовать, а вернее, прочувствовать это состояние до спирающего горло комка неясной и какой-то высочайшей тревоги, до волны озноба, пробежавшего по телу, до слезы, словно выдутой ветром. Все это происходило не часто и лишь при условии, когда ему случалось в ведренный предрассветный час быть уже на ногах и испытать, пережить недолгие минуты неведомого очарования, в самый пик которого и происходило это необъяснимое явление. Его можно было бы назвать дуновением – не движением воздуха, и даже не волной тепла, излучаемого светом – неким беззвучным, таинственным вздохом небес. Как только он достигал земли и, не шевельнув ни волоса на голове, ни травинки, ни даже листа на осине, разливался во всю ширь и заполнял все пространство, оно тотчас оживало, и первым, кто обретал движение и голос, был петух.

Бабка Шабаниха всегда вставала к заветному часу, бежала за огород или в поле, становилась лицом на восток, ждала чарующего мига и тихим шепотом произносила свои заговоры, заклятия, молитвы и причеты. Она тоже не знала, как называется это природное явление, однако всегда говорила, что всякое важное дело нужно начинать именно с этого момента и кто рано встает, тому Бог дает.

А оказывается, есть ему и название – солнечный ветер!

Шабанов прочел монографию Забродинова за четыре часа, забравшись в палатку от гнуса, и не слышал, как над головой пролетел военный вертолет и сел в распадке на снежный язык тающей лавины. Потом к нему на помощь пришло еще два, и началась настоящая война. Машины кружили над горами, высаживали десант, затем долго барражировали в воздухе, атаковали наземные цели, молотили из пулеметов по тайге, выпустили несколько ракет и не улетели, а расселись где-то и затаились. И все это время на месте катастрофы вручную, с помощью топоров и кувалд рубили дюраль, издавая грохот, слышимый на несколько километров вокруг.

Герман вылез из палатки, когда в небе было пусто, а в мире так тихо, что слышно биение собственного сердца, и будто не к месту, не в срок вдруг подул этот солнечный ветер и очаровал все живое. За исключением кровососущих тварей, знающих лишь одно природное явление, один момент истины – всадить жало и напиться крови. Монография не произвела того впечатления, которого ждал главный конструктор, к тому же Шабанов сделал вид, что он не похож на человека, читающего подобные труды. Другое дело, для него сочинение еще молодого «дедушки» Льва Алексеевича вдруг стало прикосновением к *тому*, утраченному миру. Не лазейкой в него, не дверцей, открыв которую, можно вернуться назад или проникнуть, что хотел бы сделать хакер, – всего лишь чувственным прикосновением, таким же, как кусок земляничного, духового мыла, вызывающего призрачный возврат в детство.

И по этой же причине Шабанов не осознал до конца и не принял всерьез сообщение главного конструктора о том, что «адвокат», за которого он поручился, еще днем исчез с места катастрофы. Будто бы сказал, что сходит к ручью за водой, взял автомат, котелок и ушел. Боевые вертолеты, разбросавшие по тайге засады, секреты и подвижные группы захвата, сориентированы в этом отношении; однако вполне возможно, что он попал в руки охотников за «принцессой», каковыми хакер считал неизвестных людей, пытавшихся найти что-то в обломках МИГа. Они плохо знали товарища Жукова, ни в чьи руки он

попасть не мог, и если бы такая угроза была, если б кто-то напал на вооруженного кадета, все бы непременно это услышали, пусть толку б не было, но грому – до небес! Многие пилоты и не один раз видели всевозможные НЛО, всяческие неизвестные явления, объекты, однако докладывали о них на землю и продолжали полет. Товарищ Жуков не мог никогда пройти мимо! Товарищу Жукову непременно хотелось войти в клетку к зверю, даже если он заранее знал, что его там нет.

В ту ночь, когда он забрался в генеральскую палату, в порыве чувств и откровенности признался Шабанову, что сам начал приставать к шару в виде тыквы. Сначала облетал вокруг, хотел установить контакт, посылал какие-то радиосигналы, даже песни пел, затем подсекал ее курс, перехватывал, если НЛО резко уходило ввысь, и даже пытался не таранить, а пролететь насквозь, полагая, что это туманность. Одним словом, возникла рискованная детская игра, шутливая борьба, естественно переросшая в настоящую драку. После атаки и пушечного огня самолет кадета внезапно потерял управление, и ему пришлось катапультироваться.

И вот теперь товарищ Жуков вздумал взять реванш, подобно хакеру, прорваться сквозь незримые заслоны, войти в медвежью клетку, на сей раз зная, что он там. Потому он и стремился полететь на поиски обломков и в самолет главного конструктора залез всеми правдами и неправдами; потому он и стоял ошалевший перед разбившейся давным-давно СУшкой, обнаружив, что нет там останков погибших пилотов.

Ночью в горах стреляли. В лагере никто не спал, охранники сидели с оружием на изготовку, высматривали в приборы ночного видения окружающее пространство, реагируя на каждый шорох. Только главный конструктор оставался невозмутимым и плотно занятым своими делами. Он с вечера распустил огромные усы штыревых антенн, установил на земле какие-то приборы и теперь неотступно дежурил возле них, снимая показания. Изредка выходил с кем-то на связь, и потому что ничего не сообщал, было ясно, что «адвокат» еще не объявился.

Все ждали рассвета: одни как избавления от ночных страхов, другие как возможность испытать на себе солнечный ветер – момент истины.

И он наступил. Все было так, как в детстве, и так же, как в то утро, когда Шабанов бежал от места приземления. Мир на минуту оцепенел, разом и повсюду исчезли комары, перестал бежать даже сок из березы, подрезанной охранниками, и муравьи, плотно облепившие сладкий ствол дерева, не смели пошевелить усиками. Но в этот миг из темной сини запада в светлый бирюзовый нимб

ворвался красный самолет – красный, потому что летел высоко и был уже освещен солнцем, и сейчас же все зашевелилось, подул утренний ветер, зашумела хвоя над головой, в воздух поднялись вертолеты, а горизонт не открылся – так и остался стоять сумрачным, пустынным, сохраняя свой прежний, изломанный, игольчатый рисунок.

Град Китеж, о котором писал в монографии Забродинов, не восстал, и не появилось из сумрачно-туманного пространства ни древнего монастырского здания, ни Великой Китайской стены, ни хребта со странным названием Данграл ас.

– Момент истины пойман! – объявил хакер. – Бортовые датчики засекли его на семь сотых секунды раньше, но погрешность произошла из-за разницы точек наблюдения. Самолет снимал показания на высоте пяти с половиной тысяч метров. Можно определить скорость распространения солнечного ветра!

– А хребта нет, – сказал Шабанов и, подняв с земли гермошлем, побрел к месту падения самолета. – И вообще, это другое место…

Когда он вернулся к обломкам, солнце стояло уже высоко и на месте катастрофы вовсю кипела работа. Разрезанный по пилотской кабине фюзеляж с помощью ваг и веревок спасатели МЧС тащили к длинному ряду кусков дюраля и агрегатов машины – готовили к транспортировке, а в двадцати метрах от него солдаты срочной службы с мотопилами и топорами разрубали вертолетную площадку. На Шабанова никто не обращал внимания, и он, незамеченный, прошел вдоль останков самолета. «Черных ящиков» здесь, разумеется, уже не было, наверняка уже отправили в округ, но зато среди битого и рассортированного металлического хлама он нашел ручку управления, сломленную у основания в момент крушения. Оглядевшись, Герман поднял ее, сунул за пазуху и, отойдя подальше от людей, осмотрел хват: тот самый, исковырянный возле большого пальца…

Это была последняя ручка, за которую он держался в небе, штурвал последнего самолета – можно сказать, вещь памятная, музейная, и можно повесить на стену вместе с гермошлемом, как экспонаты. Шабанов отскоблил номер, начертанный красной краской – каждый обломок успели промаркировать, затем снял тельняшку, аккуратно завернул ручку и спрятал за брючной ремень под куртку. Выпирает, конечно, но в суете вряд ли кто заметит, и даже, если заметят, никак не подумают, что он стащил что-то из кучи металлического мусора, в который превратился самолет.

Он не знал, когда будет вертолет и как скоро его вывезут

отсюда; впрочем, это было теперь не особенно-то важно; и казалось, все равно где лежать – в инфекционном, в генеральской палате, в «веселом» отделении или вовсе в дурдоме. Он уже был уверен, что возврата в утраченный мир нет и никогда не будет, и нечего обольщаться, что ярко-желтый шар, так напоминающий зрелую осеннюю тыкву, найдет его над землей, когда он снова будет допущен к полетам и поднимется в небо. А раз так, то нужно ли прикидываться, выкручиваться, врать, просчитывать все и хитрить, отвечая на вопросы тестов, начальников, хакеров и маркитантов. После полетов с Агнессой всякий летательный аппарат казался неказистым, смешным и несовершенным, пожалуй, за исключением одного – махолета, построенного в школьной мастерской.

Часа через три появился главный конструктор с охранниками, избавился от ноши и подошел к Шабанову.

– Не расстраивайтесь, Герман Петрович, – успокоил он. – Я все равно верю вам. Просто сегодняшний опыт не удался, но отрицательный результат – тоже результат.

– Все равно она вертится, – сказал Шабанов.

– Кто вертится?

– Земля.

Он воспринял это как некое философское обобщение.

– Если здесь, в части ничего не получится, я готов взять вас в НПО летчиком-испытателем, – хакер всегда говорил уверенно и определенно. – Независимо от диагноза, который вам поставят… И вашего адвоката тоже, если вернется живым и здоровым. Мне нужны такие люди.

– Спасибо, не надо, – не раздумывая, обронил он.

– Не говорите мне «нет». Подумайте.

– Уже подумал…

Хакер посчитал, что Шабанов переживает неудачу, решил, что такой разговор пока не к месту, и удалился.

Герман же сидел и ждал, когда солдатики сварят обед на костре, потому что испытывал нестерпимый, как в детстве, голод. А они едва шевелились, хотя время близилось к полудню, и еще только кипятили воду в котле и продували макароны.

В это время на недорубленную площадку стал садиться военный вертолет. Солдатики разбежались по сторонам, ветром от лопастей подняло и частью разметало легкие обломки самолета, чуть не опрокинуло котел, однако залило костер, и повара принялись раскочегаривать и раздувать его вновь, вызывая еще большее недовольство Шабанова.

Из вертолета вышел один товарищ Жуков, после чего машина вновь взмыла в воздух. Кадет плелся, будто пьяный, держась за

деревья; оружие и разгрузочный жилет он или потерял, или отняли, безрукавая фуфайчонка была изодрана в клочья, отовсюду торчала вата, а босые ноги разбиты и изодраны так, что нет живого места. Он сел рядом с Шабановым, скрючил израненные, кровоточащие ступни и долго молчал, не поднимая глаз.

Потом сказал в землю:

– Ты меня обманул.

Герман не ответил, поскольку не знал, что говорить. И тогда Олег вскинул голову, облизнул запекшиеся губы и проговорил отчетливо:

– Зачем ты меня обманул?

– Ты же не барышня, чтоб обманывать, – сказал Шабанов миролюбиво. – Вот я девушку одну обманул. Знаешь, Магуль с почты…

– При чем здесь девушка?! Ты мне наврал!

– А ее обманул. Пообещал тигровую шкуру достать и привезти…

– Какую шкуру?! – чуть не задохнулся он. До взрыва оставались считаные секунды. Кадет уже выдернул предохранительную чеку, и в душе его догорал замедлитель.

– Обломки моей машины видишь? – Шабанову хотелось остановить или хотя бы приглушить этот взрыв.

– Ну! Обломки!..

– Вот мой гермошлем с места приземления.

– Ну и что?!

– Вертушки всю ночь гонялись за охотниками! Это что, не аргумент?

– Да в звезду все твои аргументы! Где?.. Где хутор? Где хлеб с молоком? Где город в парке с озером и лебедями?!

– Ладно, остынь, горячий Парамоша. – Герман хотел его приобнять – кадет вывернулся. – Хакер предлагает тебе работу, независимо от диагноза, летчиком-испытателем в НПО. Ему такие люди нужны.

– Пошел ты со своим хакером! – громыхнул товарищ Жуков. – Ну зачем ты наврал?! Я же поверил! Поверил, что он есть, этот мир! Каждому слову поверил! А ты наврал, как последний!.. Зачем?! Зачем ты все это придумал?! И обманул! Я обрадовался, поверил, у нас есть будущее. Не у нас с тобой – у всей цивилизации! Но его – нет. Нет!

Он орал, бесслезно плакал и давился невидимыми слезами. А Шабанову не хотелось утешать – наоборот, подкатывало какое-то ярое, мстительное озлобление.

– Зато мы теперь квиты! – сказал он. – Ты первый меня

обманул!

– Я?! – взревел Олег. – Я обманул?!

– А помнишь клетку с медведем?!

Товарищ Жуков вскочил, выпучил глаза, вытянул губы трубочкой.

– Ничего себе – вспомнил! И сравнил!.. Да я уверен был – медведя там нет!

– А он оказался в берлоге!

– Но я-то не знал! И был уверен!

– И все равно! Медведь оказался в клетке!

Он сел и замолчал, уставившись на свои побитые ноги. Шабанов выждал минуту – солдатики уже спустили в котел макароны и теперь валили туда тушенку из банок, забросил на всякий случай автомат за спину и подошел к ним, выбрал миску из посудного ящика побольше и подставил.

– Наваливай!

– Дак еще не сварилось, – сказал солдатик, осматривая Германа. – Погодите немножко…

– Жрать хочу, наваливай! И побольше! – достал две ложки.

Повар удивленно хмыкнул, взял половник и зачерпнул макарон.

– А вы откуда? – спохватился. – Из какого подразделения?

– Вон из того! – Шабанов кивнул на обломки.

– Из спецназа, что ли?

– Из спецназа, наваливай!

– Дак мы не кормим спецназ. Вы отдельно!..

– Я кому сказал?!

Солдатик навалил миску до краев, она палила руки, но Герман вытерпел, донес и поставил на бревно. Товарищ Жуков демонстративно отодвинулся, отвернулся и стал смотреть, как воин с мотопилой пытается завалить толстую ель.

– Бери ложку и давай! – сказал Шабанов. – А то не останется.

Обманутый, насмерть обиженный кадет и ухом не повел. Макароны действительно не доварились, клейкое тесто приставало к зубам и комом становилось в горле, но он все равно ел и не выбирал мясо, черпая все подряд. Когда в миске заметно поубавилось, Олег все-таки взял ложку, но вдруг бросил ее и заматерился.

– Ну кто так пилит, а? Ну кто так тебя учил?! – Он подбежал к солдатику. – Ты же сейчас на нас елку завалишь! Надо же сначала посмотреть, в какую сторону наклон кроны, остолоп!.. Руки тебе оторвать!

Выхватил пилу, глянул вдоль ствола, зашел с другой стороны и в полминуты уложил дерево на землю. Сунул воину

инструмент, подтолкнул в спину:

– Вперед, служивый!

Пошел было назад, но тут заметил сучкоруба, поглядел, как тот неумело тяпает по ветвям, покачал головой и направился к нему отнимать топор…

Назад в инфекционное отделение его не взяли. Дежурила та же самая халда в приемном покое и, едва заметив на пороге Шабанова, вскочила, выставила руки:

– Куда? Назад! Ты здесь не лежишь! Тебя выписали! Иди, иди!

– А здорово я тебя тогда? – Он рассмеялся и сдернул с нее повязку. – Ты проверила? Ну что меня… это?..

Сестра отскочила, покраснела от возмущения – не привыкла к такому хамскому обращению – и стала красивой. Герман сделал ей «козу» и подался на улицу.

В хирургическом пропустили на этаж, однако тут его остановила постовая – опять та объемная, что уводила в особняк с решетками: менялись через двое суток, и как раз подоспели к его возвращению.

– Больной! А ты у меня переведен! Ты у меня в списках не значишься!

– Моя палата! Там моя генеральская палата! – Он постучал гермошлемом по столу. – Я там лежу!

– Ничего не знаю! От нас ты выписан.

– Записывай снова!

– А больше ничего не хочешь?

Герман понял, что канителиться с ней бесполезно, прорвался сквозь заслон и побежал в холл – сестра за ним.

– Ты что? С ума сошел? А ну вернись, больной!

– Вот именно – больной! – Шабанов погрозил гермошлемом и рванул дверь. – Значит, должен лежать!..

Место оказалось занятым. В его кресле сидел пожилой человек, уютно завернувшись в его же стеганый барский халат. И компьютер сняли…

Постовая извинилась перед ним и захлопнула дверь, оглядела Шабанова.

– Что у тебя под фуфайкой? А ну – покажи!

– Казенная пижама! – Он распахнул полы.

– А под пижамой?

– Тело!

– Не про тело спрашиваю! Что у тебя там выпирает?

– Это?.. Не скажу!

– Ну-ка иди отсюда! – зашептала грозно. – Сейчас охрану вызову! Может, ты бомбу принес?

– Ну и дура…

– Все равно иди! Ты же из инфекционного! Там карантин по гепатиту! Натаскаешь заразы!..

– У меня постельный режим! – Он показал ногу. – А не понос!

– Ничего не знаю! Где был – туда и иди! Немедленно убирайся!

Он выскочил на лестничную площадку и кинулся в ординаторскую. Хирург оказался на месте, оторвался от рентгеновских снимков, снял очки.

– Товарищ подполковник, как это называется? – пошел в атаку Шабанов. – Я после операции, а меня – в инфекционное! Запирают на замок с гепатитными!

– Садись, Шабанов, и успокойся, – хирург демонстрировал свое хладнокровие. – Ты что, с полетов и сюда?

– Я из инфекционного сюда!

– Зачем же гермошлем?

– Чтоб микробы не доставали! – выразительно проговорил он. – Очень удобно! Вместо марлевой повязки.

– Это я понял… Покажи-ка ногу!

Почему-то они все стали называть его на «ты», а еще недавно были вежливыми, обходительными, будто и впрямь с генералом обращались. То ли они действительно поставили ему диагноз, то ли история приключившаяся стала общеизвестной и потерялась всякая таинственность вокруг его фигуры, прозрачный стал, свой в доску.

– Видишь, операционный шов у тебя зажил, – умиротворяющим тоном заговорил хирург – будто колыбельную пел. – Никаких последствий не наблюдается, мышца работает отлично. Так что ты годен к строевой! Можешь плясать вприсядку. И у меня нет никаких оснований держать тебя в отделении…

– Нет, погоди! – оборвал его Шабанов. – Ты сам недавно был в шоке! Рана за сутки заросла! Тебе что, неинтересно? Это же феномен!

Фамильярное обращение хирургу явно не понравилось, но он стерпел, развел руками.

– В практике встречаются такие случаи… Один на десять тысяч. Физиологические особенности организма.

– Ну ты даешь!.. Значит, науке неинтересно, почему у одного быстро заживает, другой месяцами лежит?

– Мы не занимаемся наукой. У нас лечебное учреждение, чистая практика.

– Понял!.. А где этот, козлобородый? Бегал тут такой, с востренькими глазками?

– Не знаю такого…

– Психотерапевт! Елынский, фамилия.

– Здесь хирургия, ищи в другом месте… Что ты под одежду спрятал? – Он указал на живот. – Что там у тебя?

Герман вытащил из-под куртки ручку управления, развернул тельняшку, показал:

– Музейный экспонат… Так куда же мне идти?

– Думаю, стоит обратиться к начальнику медслужбы.

– Тогда уж лучше к козлобородому!

– Дело твое, как хочешь!

Шабанов встал, однако передумал, сел на стул верхом, придвинулся к хирургу.

– Нет, ему ничего не расскажу. Он же шарлатан, по глазам видно. А по бороде, так сила нечистая, как моя бабка говорила… Лучше я тебе открою секрет. Ты еще умеешь удивляться, значит, не пропащая душа… Это совершенно оригинальная методика лечения огнестрельных… да любых ранений. И болезней! Между прочим, без всяких лекарств и оперативного вмешательства.

– Что же ты раньше не хотел открывать секретов? – усмехнулся доктор. – Я же спрашивал.

– Изменились обстоятельства, – уклонился от прямого ответа Герман. – Теперь я принял решение… Короче, должен поделиться всем, что знаю, что увидел *там*.

– Где – там?

– Ты же знаешь, я попал в мир… Нет, это не параллельный мир, реально существующий… В общем, был в Питере такой ученый, Забродинов Лев Алексеевич, не слышал?

– Доктор?

– Да нет, не доктор – ученый! У него еще есть монография о солнечном ветре. Не читал? Должен был прочитать. Ты похож на человека, читающего монографии!

Видно было, хирург суетится в мыслях, внешне пытаясь сохранить спокойствие.

– Больше всего – на медицинские темы…

– Так вот Забродинов попал в поезд к Колчаку вместе со своими коллегами и лабораторией. В Иркутске ссадили, покровителя, как известно, расстреляли, а ученых просто вышвырнули в голое поле…

– Вы хотели открыть новую методику лечения, – вдруг зауважав собеседника, напомнил хирург.

– Я помню, но если не рассказать предысторию, будет не понятно, откуда что взялось, – возразил Шабанов. – Можно подумать, что они какие-нибудь пришельцы с другой планеты. Дело в том, что человечество настолько разуверилось в

собственных силах, что теперь день и ночь ждет помощи или неких откровений только от космических цивилизаций. Или от Бога. Но увы, мы одни во Вселенной, и надеяться можно только на себя. А быть на вечном иждивении у Господа – недостойно человека, рожденного по его образу и подобию.

– Позвольте мне на минуту удалиться? – попросился хирург. – Дам указание хирургической сестре… а потом продолжим. У меня сегодня еще одна операция…

– Да, пожалуйста! Не возражаю, – сделал широкий жест Шабанов.

Он вернулся через две минуты, на его лице отразился пристальный интерес.

– Итак, на чем мы остановились?.. Мы одни во Вселенной?

– Нет, на том, что люди… Одним словом, небольшая, дружная община, в гостях у которой я побывал, – земные люди. Оторванные от нашего мира, избегнувшие все его пороки и заблуждения, они сумели сохранить человеческое лицо и совершенно иное представление о мире…

– Какое, например? – уточнил хирург, поглядывая на часы.

– Детское.

– То есть, неразвитое?

– Мне вначале так и показалось, – признался Герман. – Когда приходишь к ним неожиданно, это шокирует. Я подумал, сумасшедший дом какой-то. Взрослые люди, а бегают как дети – вприпрыжку, играют в прятки, в догонялки и смеются, веселятся над такими пустяками! Они умеют искренне радоваться! Радуются вещам, которые у нас вызывают, по крайней мере, безразличие… Знаешь, я недавно выбросил телевизор. Пытаются рассмешить, но вместо веселья вызывают только омерзение и ярость. Нет, раньше я смотрел, и ничего, а как вернулся оттуда – ужаснулся! Как же можно смеяться над пошлостью, над извращениями? Это же совсем не смешно, плакать надо, однако люди смеются… Вот ты иногда чувствуешь желание сделать глупость, несуразность, нелепость?

Хирург пожал плечами.

– Мы же взрослые люди, капитан… Что за детский сад?

– А попробуй! И увидишь мир другими глазами… Я знаю, у тебя тяжелая профессия, даже страшная. Человеческие страдания, кровь, живые, пульсирующие органы перед глазами… Работа не для слабонервных.

– Да, надо иметь соответствующий характер. Ну и хладнокровие, не меньшее, чем у пилота.

– Но если при этом будет детское сознание…

– Мне еще рановато впадать в детство, – как-то натянуто

усмехнулся хирург. – Хотя можно на пенсию.

– Положение не позволяет? Окружение!.. А в *том* мире все можно! *Там* настоящая свобода. Это когда не нужно прятать свои чувства! И они выражают их, как дети, или как пьяные: что на уме, то и на языке…

– Вы намеревались открыть какие-то тайные рецепты, – напомнил хирург и снова посмотрел на часы.

– Я к этому и подвел тебя. – Герман взял со стола фонендоскоп, вставил наконечники в уши и послушал собственное сердце, улыбнулся. – Стучит!.. Итак, рецепты. Меня сначала усыпили. Иван Ильич называл такой сон анабиозом. Я действительно не просто спал, как всегда, а находился… в особом состоянии, что ли. Будто замер, все во мне замедлилось, почти остановилось. Сердце стучало, кажется, и не билось… Но дело не в этом. Сознание оставалось ясным… Нет, даже наоборот, прояснилось, будто жил все время в темных очках, а тут снял. И почувствовал себя ребенком, лет шести-семи… Это не сон! Все реально. Земля, трава, вода, запахи, вкус незрелой черемухи – одним словом, во сне так не бывает!.. Я был с родителями на покосе, за Пожней сено косили. Они молодые, отец косит, а мы с матушкой вчерашнее ворошим. Потом я купался в речке, переплыл на ту сторону, в черемушник, и наелся ягоды. Она еще не черная – бурая… И у меня… короче, когда очнулся, произошел запор.

– И что же, черемуха помогла? – Хирург снова поерзал, видно, тоже едал незрелых ягод.

– И черемуха тоже, – ничуть не обиделся Шабанов на его явно подковыристый тон. – Скошенная трава, воздух, купание… Одним словом, возврат в детство, когда все внутренние органы, система кровообращения, мышечные ткани – все находилось в идеальном состоянии. Но ведь одновременно я лежал в палате, в анабиозе, с воспаленным ухом и простреленными ногами. Я лечил сам себя! Детское сердце качало кровь по больному телу, а рост клеток был настолько стремительным, что раны зажили за несколько часов. Возможности детства неисчерпаемы! Остается лишь научиться уходить в это состояние. И не нужно операций, трансплантаций внутренних органов… Ничего не нужно! У человека все есть, все находится в нем – антибиотики, транквилизаторы… В общем, все вещества. Но если осталась крохотная тропинка в детство. Или нет, само детство! Если оно еще живо. Ведь смерть наступает не от старости или болезней. Человек умирает, когда в нем умирает ребенок, и никто его не спасет…

– Что же вы раньше об этом молчали? – вдруг озабоченно спросил хирург. – Даже скрывали?

– Были определенные обстоятельства.

– Теперь все изменилось?

– Да, и кардинальным образом. Что имеем – не храним… Хочется помочь человечеству стать здоровее, а значит, лучше, благороднее…

– То есть, решили переделать человечество? Наставить на путь истинный?

– А разве ты в детстве не мечтал об этом? И в ранней юности?

Ответить он не успел, потому что в это время на пороге вырос человек в белом халате, переглянулся с хирургом, остановил взгляд на Шабанове.

– Товарищ капитан, за вами прислали, – сказал озабоченно. – Велят прибыть немедленно.

– Погоди ты! – отмахнулся Герман. – Сейчас!.. В преклонном возрасте многие будто бы выживают из ума, впадают в детство. А знаешь, отчего это происходит?

– Нам пора, пора, капитан! – Пришедший взял под локоть. – Потом расскажешь. Нас ждут очень важные персоны. Нельзя опаздывать, не солидно!

– Подумай! – собираясь уходить, посоветовал Шабанов хирургу. – Только хорошо подумай, с чего это вдруг одни умирают в здравом уме, другие к концу жизни теряют рассудок и долго живут. Тело дряхлое, а разум детский? Может, старость – это время знать, а не рассуждать?

Он спрятал ручку под куртку, подхватил гермошлем и ушел следом за посыльным. Наконец что-то прояснилось, о нем вспомнили! Этот умный санитар больше походил на конвоира, поскольку норовил идти сзади и по дороге не хотел разговаривать. Шабанова привели в «веселое» отделение и посадили в очередь, образовавшуюся в коридоре перед кабинетом с простенькой надписью «дежурный врач», где сидели тихие, задумчивые солдатики. Один все время гримасничал, шевелил ушами, перекашивал нос то на одну сторону, то на другую и до скрипа стискивал, сдавливал пальцы. Эти его движения оказались настолько заразительными и навязчивыми, что Шабанов ощутил, как и ему тоже хочется – вернее, неукротимо тянет пошевелить ухом или носом. Другой часто вздыхал, сидел, согнувшись пополам, подперев большую, лобастую голову руками, и если чуть расслаблялся, то голова падала. Был еще один, худенький, тонкорукий, с глазами огромными и печальными, а по соседству с Германом сидел младший сержант, бурят с желтым, каменно-спокойным, ничего не выражающим лицом. По коридору расхаживал старшина-срочник с полевой сумкой, и когда от дежурного врача вышел пациент, скомандовал с бравой иронией:

– Так, косилы! Всем встать и к врачу шагом марш!

Должно быть, солдатикам тоже хотелось полежать в «веселом» и отдохнуть от армейских будней. Выстроившись друг за другом, они вошли в кабинет, однако старшина через минуту вернулся, сел и стал наблюдать за Шабановым. Больше всего разглядывал гермошлем, стоящий на коленях, видно было, нравился ему.

– Слышь, земеля, а ты тоже сюда? – спросил, кивнув на дверь.

– Куда же еще? – Герману не очень-то хотелось разговаривать с ним.

– А шлем этот где взял?

– Нашел.

– Слышь, подари на дембель? Я его вместо мотоциклетного шлема надену. Класс! Все байкеры будут в отпаде!

– Без высотного комбеза не наденешь, – объяснил Шабанов. – На макушке будет висеть.

– Это ерунда! Главное, видуха! Давай! – потянул руку.

Герман спрятал гермошлем назад.

– Не могу, музейный экспонат. Читай, что написано?

Кровь засохла и будто въелась в стекло, три буквы теперь были черными. Старшина прочитал, глянул в оба конца коридора, чуть склонился к Шабанову.

– А ну, быстро отдал! – замахнулся растопыренной пятерней.

И тотчас же получил в ухо – отскочил, совсем юное лицо вытянулось, губы побелели, однако же в гневе не забыл о безопасности. Еще раз стрельнул глазами по коридору.

– Н-ну, козел!..

В тот момент дверь распахнулась и солдатики гуськом вышли из кабинета дежурного. За ними выступил сам врач, огрузший, толстозадый человек с тремя подбородками и недельной небритостью на щеках.

Старшина мгновенно сориентировался, сделал вид, что ничего не происходит, но за ухо держался, вероятно, там звенело.

– Кто сопровождающий? – Доктор говорил с прибалтийским акцентом. – Бери свою гвардию и на гауптвахту. Все симулянты. Я заключение написал.

Когда и успел, непонятно, однако же подал бумаги. Старшина сунул их в полевую сумку, глянул на Германа с ненавистью.

– Лучше не открывай рот, – предупредил тот. – И не попадайся мне больше. Иначе полетишь на дембель грузом «двести», с классной видухой и упакованный герметично.

– А, капитан Шабанов! – чему-то обрадовался дежурный врач, будто всю жизнь знакомы были. – Заходи, заходи, дорогой. Давно жду!

Сам он выглядел простецким, неряшливым и демократичным – кабинет полностью ему соответствовал. На полу почему-то стояла грязная посуда, а на вполне приличном светильнике висел абажур из газеты.

– Ну, рассказывай, как самочувствие, что новенького? – Он без интереса полистал историю болезни. – Слышал, ты куда-то улетал? Тебя здесь обыскались. Еще и Митрича с собой прихватил…

– С главным конструктором летали, к месту катастрофы. – Шабанову не хотелось обсуждать с ним эти вопросы. – Давай ближе к делу!

– А нет никакого дела, – развел короткими ручками толстяк. – Отдохнешь у нас недельку – и в часть.

– Тогда я пошел отдыхать!

– Погоди, есть несколько неуточненных вопросов. Я твой лечащий врач, поэтому заодно снимем их сейчас. А то я после дежурства ухожу на отдых, там выходные… Ты зачем телевизор в окно выбросил? Новый, японский аппарат…

– Да я уже хирургу объяснял…

– Старик, но я не слышал, а вопрос по моему профилю.

– Сам подумай, можно смеяться, когда человека бьют тортом по лицу?

– А что? Очень смешно! Крем, растерянная рожа… В Америке есть кондитерские, которые выпускают специальные торты на этот случай.

– Что же тут смешного? – изумился Шабанов и поднял с пола тарелку с остатками горохового супа. – Давай я сейчас повожу твою морду вот здесь? Ты засмеешься?

– Этого не надо! – отнял тарелку. – Да и морда у меня не влезет…

– Что же ты предлагаешь – смеяться, когда человеку плохо? Когда он оскорблен и унижен?

– Ну, не я предлагаю, а телевиденье. Те, кто делает шоу… А потом, ты должен понимать, почему это делается. И зачем.

– Не понимаю! Раньше просто не замечал…

– Хорошо, могу объяснить популярно, – терпеливо и жизнерадостно сказал доктор. – Наша страна долго находилась в жестком идеологическом поле. Теперь его нет, но есть определенный стереотип мышления и своеобразная инерция поведения. Все это необходимо разрушить. А смех – самое лучшее лекарство от всякой идеологии. Он высвобождает личность.

Шабанов возмущенно вскочил.

– Значит, кто размазывает торт по чужой физиономии, тот личность, а кому размазывают – тот скотина?

– Это же всего-навсего шоу! Развлекательная программа. Ну зачем выкидывать телевизор?

– Чтоб не смотреть шоу.

– Ладно, согласен, садись. Давай запишем так: телевизор выбросил из патриотических чувств.

– Из каких?.. Ты что, дурак? Кто же выкидывает телевизоры от любви к Родине?

– Ты просто слегка оторвался от жизни, паришь под небесами. С безнравственностью в «ящике» сейчас воюют одни патриоты.

– Хочешь – пиши, – отмахнулся Шабанов. – Это не суть важно…

– Первый вопрос закрыли, – согласился толстяк. – Осталось выяснить, правда ли, будто ты подумывал о самоубийстве?

– Правда… Но потом отказался от такой мысли.

– С чего вдруг?

– Не застрелился-то?

– Да нет, с жизнью решил посчитаться?

– От тоски…

– Ну, брат, ты даешь! – не поверил дежурный врач. – Если б от тоски все начали стреляться!.. У нас бы населения не осталось. Посмотри, сейчас не жизнь – сплошная тоска. Потому и веселят народ…

– Это другая тоска. От нее теперь даже не стреляются.

– Значит, еще и любовь замешана.

– Там много чего замешано…

– Но на самом-то деле ты не хотел стреляться? И тебе отвратительна сама мысль покончить собой? – Доктор занес ручку над соответствующей строкой в истории болезни.

– Неправда. В тот миг хотел. Взял пистолет и пошел на свалку в ППН, – с холодной тоской признался Шабанов. – Долго сидел, прицеливался в голову, в сердце…

– Слушай, капитан! Ну ты же не истеричная девица! Ты хладнокровный пилот! И сделать этого никак не мог!

– Не мог, хладнокровия не хватило. Но хотел!

– А, понятно! Переживал из-за неудачи! Разбил машину…

– Да хрен с ней, с машиной!

– Вот и я убедить пытаюсь – наплевать! У нас этого барахла… Пилот дороже любого самолета. Это закон.

– Против этого не возражаю. Наша техника на самом деле такое дерьмо, такой примитив…

– Этого писать не будем, – оборвал он. – Расходится с патриотическими взглядами. Давай напишем, мыслей о суициде не возникало.

Шабанов помотал головой, удивляясь упорству доктора.

– Возникало!.. Если бы ты полетал, как я, посмотрел на мир, который видел я, вернулся бы – и пулю в лоб. Потому что тяжело снова врастать в эту грязь, где бьют тортом по морде, барабаном по голове…

– Добро, – ухватился дежурный и стал писать. – Моральный климат в обществе… А в армии? Да и вообще в мире! И на самом деле, хоть не приземляйся, на улицу не выходи… Годится! Идем дальше. Осталось снять еще два… даже один вопрос. Относительно женского пола. Тут одна проститутка жаловалась, будто ты… привел ее домой и проявлял знаки агрессии, стремление к извращениям. Пугал, угрожал, и она едва вырвалась…

– Ничего подобного! Я просто поиздевался над ней и отпустил.

– То есть, как поиздевался? Словесно? Мораль читал?

– Примерно так…

– Отлично!.. Есть еще одна, врач-анестезиолог с хирургии. Еще не проститутка, но стерва еще та… Заявила, будто ты пытался изнасиловать. – Доктор глянул на его левую руку. – По-моему, полная чушь! На тебе и следов нет.

– Следы были, но зажили, – признался Герман, вспоминая Алину. – Конечно, здесь я виноват…

– В чем, капитан? Пришла из института вертихвостка, пять лет трахалась со студентами, а тут хочет выйти замуж за офицера, ломает из себя девочку. А сама снимает всех подряд! На нее была жалоба!

– Нет, я не должен был так поступать. Мне стыдно… – Он поднял голову. – Понимаешь, когда начинается приступ тоски… Требуется сильное средство. Потрясение! Что-то вроде попытки самоубийства, на этом уровне.

– Опять? Мы же закрыли этот вопрос!

– Это я к слову… Я тогда Агнессу вспомнил. Ну и хотел клин клином… Вываляться в грязи, нажраться дерьма, коль вернулся в этот мир, а *тот* утрачен… Чтоб больше не думать о ней. Вернее, не иметь права думать. Короче, виноват, а прошлое Алины ни при чем.

– Ты врешь, Шабанов! Она говорит, руку до крови поцарапала!

– Все зажило. – Герман посмотрел на тыльную сторону ладони. – А было до крови…

– Мне-то не рассказывай, как такие царапины заживают! – насмешливо возразил доктор. – У них же под ногтями рассадник микробов. Нарывы идут, по месяцу болит, как от собачьего укуса!

– Хирург сказал, особенности организма, на мне огнестрельные раны зарастают за сутки… Нет, с Алиной будет тяжело, действительно напал, как маньяк. И на патриотизм не списать…

– Что, муки совести? – засмеялся доктор. – Капитан, ты вояка, а не праведник! Ты офицер!

– Тем более… Нельзя глушить тоску таким образом. Бесчеловечно! Подло и низко!.. Придется жениться на ней и нести крест.

– Это шутка, Шабанов?

– Какие уж тут шутки…

– Ты говорил об Агнессе! Неужели променяешь ее на такую тварь?

– Агнесса осталась *там*, в другом мире, – тихо проговорил Герман. – И возврата нет. Искал путь – не нашел, закрыто…

– Давай про иные миры не будем, – попросил толстяк. – Иначе заберемся в такие дебри… У тебя же есть еще девушка в Пикулино? Магуль? Скромная и порядочная…

– С Магуль мы друзья… Но я не достал ей тигровую шкуру. Не знаю, как и на глаза являться. Тоже взял грех… А на Алине придется жениться.

– Знаешь что, капитан, – дежурный врач решительно захлопнул историю болезни. – Договоримся так: закончим нашу беседу после выходных. На ходу мы ничего не решим. Если пообещаешь мне мораторий на женитьбу, я сделаю тебе приятный сюрприз. Идет?

– Но только до конца выходных, – подчеркнул Шабанов. – Даже без ничего, просто так.

Пока его регистрировали в приемном покое «веселого», пока меняли больничную одежду и выясняли, какая диета ему положена, Герман почти забыл о сюрпризе и тем более был приятно удивлен, когда вошел в палату и увидел товарища Жукова. Он лежал на кровати с перевязанными ступнями ног, а рядом, в изголовье, сидела неказистая, большеротая, с выпирающими зубами девица и держала его руку в своих руках…

12

Три дня Шабанова никто не трогал и не лечил, если не считать витаминового гороха, который щедро отсыпали один раз в сутки. И взаперти не держали – гуляй не хочу, с утра до вечера, к тому же погода стояла великолепная, распустились листья, подсохла грязь в парке. Болтаться на свежем воздухе приходилось еще и потому, что после завтрака в палату являлась Катерина, садилась возле кадета, брала его руку в свою, и так сидела до самого ужина. Кадет начинал стонать, изображать невыносимые боли в ногах, бледнел, закатывал глаза и незаметно делал Герману знак, мол, смывайся, и Герман уходил на улицу. Но когда возлюбленная отбывала к себе, этот симулянт вскакивал с кровати и бегал вприпрыжку по комнате – разминался, ибо за день напрочь отлеживал бока.

– Пошло дело! – шептал он, сплевывая три раза и стуча по дереву. – Сегодня мы уже целовались!

Как он с ней целовался, оставалось загадкой: из-за неправильного прикуса, губ у Катерины не хватало и зубы все время были видны. Будь она раскосой, Шабанов ни минуты не сомневался бы, что видел ее на хуторе; это она приносила утром хлеб с молоком! В воскресенье после ужина в «веселое» пришел ее отец, полковник Харин, и сразу стало ясно, на кого походит дочь. Шабанов мысленно окрестил его Скалозубом и, чтобы не мешать беседе, – у них был какой-то сговор, – удалился погулять перед сном. Ходил по аллее, которая выводила к жилым домам служащих госпиталя. Все дворы их были заставлены железными гаражами, и потому жители вторглись на чужую землю – выгородили в парке большую детскую площадку, настроили там песочниц, домиков, избушек на курьих ножках и из высоких пней от старых, засохших деревьев натесали страшных идолищ. Все эти три дня он гулял здесь или поблизости: где-то в общежитии жила Алина и ходила по этой дорожке на работу. Он совсем не запомнил ее лица и не надеялся узнать без белого халата, а потому разглядывал всех девушек примерно ее возраста и телосложения, в надежде что будет узнан сам.

За три дня оскорбленная анестезиолог так и не появилась, возможно, ходила другой дорогой…

И в этот раз он бродил неподалеку от домов, дышал, вдыхал весенние запахи, и когда вместе с сумерками дети разбежались по домам, на площадке появился хирург с кошкой в руках. Он прогулялся по периметру, потом забрался под грибок, отпустил кошку и долго сидел, озираясь. Поковырял песок носком, что-то

начертал, затем подобрал детский совок и стал зачем-то копать норку. Через некоторое время он огляделся, встал на колени, и работа пошла. У дома зажегся фонарь, и его отблески доставали детскую площадку, высвечивали фигуру подполковника, но что он там делал, было не разглядеть. Видимо, он отрыл глубокий и длинный подземный ход и так увлекся, что сам его же и обвалил, однако не расстроился, дорушил остатки, отыскал ведерко, принес воды из лужи и, смочив песок, стал лепить из него крепость или замок – в общем, нечто высокое и угловатое. Еще через десять минут хирург больше не озирался, ползал на коленях вокруг своего строения и что-то подкапывал, прилеплял, подрезал щепочкой, любовался и часто швыркал носом.

Должно быть, строительство подходило к концу, когда к хирургу на спину вскочила кошка. Увлеченный игрой, он попытался стряхнуть ее на землю – она царапала сквозь тонкую майку, – сказал приглушенно:

– Федора, брысь! Не мешай!..

Кошка прыгнула с его плеча, развалив песочный дворец, на столб детского грибка. Подполковник, стоя на коленях, секунду смотрел перед собой и вдруг всхлипнул, размазал по лицу грязь выпачканными в песке руками.

– Гадина! Ух ты, гадина!

Вскочил, отодрал перепуганную животину от столба и стал пихать головой в ведерко, потом вмял в песок, навалил его сверху, почти похоронил на месте разрушенного замка, но кошка вырвалась, заорала, а хирург схватил палку и помчался догонять ее.

В тот вечер Шабанов застал кадета пьяным. Похоже, Скалозуб только что ушел, а Олег убирал остатки богатого пиршества. Три пустых бутылки из-под коньяка валялись на полу и две початых стояли на столе среди россыпи фруктов. Увидев Германа, товарищ Жуков заблажил, полез обниматься.

– Герка! Мать ее!.. Гуляем! Сегодня гуляем до утра!

Стал разливать коньяк и пилить ножом твердый и ускользающий лимон.

– Что будет утром? – хмуро спросил Шабанов. – Головка вава, во рту кака…

– Нет, ты стал невыносимый! Ворчишь, как старый дед! Ты зануда, Шабанов, понял? Натуральный зануда!.. Наплевать, что будет утром! Сначала бы спросил, по какому поводу я надрался. А повод серьезный, не пьянки ради… Скажу тебе, Харин – мужик во!.. Ну, давай, выпьем и расскажу.

– Нет, ты окончательно испортился, – продолжал он, после того как выпил и, откусив от лимона половину, прожевал не

поморщившись. – Как вернулся… оттуда, будто тебя подменили. Был нормальный мужик, компанейский…

– Давай про тебя поговорим, – предложил Шабанов. – По какому поводу надрамшись?

– А!.. Да, слушай. Самое главное – мы с тобой без пяти минут летаем. Все! Ты понял? В госпитале Харин вопросы порешал, в округе договорился лично с командующим. Еще с Ужниным согласует, чисто формально… и мы выруливаем на старт. Нет, ты понял, да? – Он растопырил руки и полетел по палате, загудел, как на форсаже. – Мне, конечно, придется проходить предполетную, на тренажере, на спарке, как молодому. Все-таки два года ползал по земле… А ты можешь сразу на взлет. Ну, с Ужниным разок прокатишься в зону, для понта… Так ты понял, по какому случаю гуляем?!

Он щедро налил коньяку, схватил рюмку, но вдруг сел, будто под коленки ударили. Заплакал, зарыдал в голос и трясущейся рукой расплескал половину. Когда отец Шабанова, напившись, начинал плакать – а это случалось довольно часто, матушка говорила, мол, это не он плачет, это вино в нем бродит и в слезу перегоняется…

– Да ладно тебе, – обронил Герман. – Увидит еще кто…

– Пусть видят, – шепотом произнес он, сдерживая дыхание и роняя слезы в широкую рюмку. – Митрич всегда на виду… Они поймут. С меня клеймо сняли. Черное тавро стерли!.. Это слезы счастья, Гер. И так хочется напиться!

– Они у тебя в рюмку льются.

– Ну и пусть! Это радость со слезами на глазах…

– Я подумал, ты женишься на Катерине…

– Ну да, и женюсь! – вспомнил товарищ Жуков и перестал плакать. – Столько сразу обрушилось – не верится… А, и еще! Ты в свою эскадрилью возьмешь? К себе в пару? Я уж привык твой хвост прикрывать…

– Курочка в гнезде, а яичко… знаешь где?

– Все железно! Сам полковник Харин сказал. Он весь округ вот так держит! – Кадет показал кулак с зажатым лимоном – капал сок. – Через него идет вооружение, техника, горючее… Не колбаса, не шмотье – топливо, Герка!.. Стоп! Я должен взять с тебя слово. Ты больше про… НЛО, про всякие летающие тыквы нигде ни гу-гу. Под пистолетом, понял? Обязательное условие. Иначе нас не вытащить… Ты нигде не был, ничего не видел.

– Но я был… И видел. – Шабанов поднял рюмку. – У нас есть будущее! За него.

– За будущее выпью! – Кадет замахнул то, что не пролил. – Наполовину со своими слезами! Соленый коньяк!.. Теперь забудь

и не вспоминай.

– Не забуду… Никогда.

– Пожалуйста! Сходи с ума и дальше. Но не вспоминай вслух.

– Ты же знаешь, на себе испытал. Это не сумасшествие…

– А что еще? Натуральные галлюцинации, вызванные сильным нервным стрессом. Нашим верующим дедам черти чудились, нам, безбожникам, – летающие тарелки.

– Кто такое сказал? Полковник Харин?

– Я сказал!

– Товарищ Жуков, ты иди в звезду, – сказал Шабанов и стал раздеваться. – А я пошел спать. И летать совсем не хочу. Меня сейчас будет тошнить от запаха керосина. Все, я отлетался. Если только на махолете…

– Что ты вдруг крыльями-то захлопал? Обиделся, что ли?

– Мне ничего не чудилось. И буду я вспоминать вслух. Очень громко! Кричать буду!

– Ты передозировал «Виру», сам же говорил. Между прочим, это галлюциноген. У тебя начались видения… А потом, опухоль мозга.

– Куда же она делась, опухоль?

– Рассосалась!

– По-моему, у тебя совесть рассосалась, товарищ Жуков. – Шабанов залез под одеяло. – Говорил, не примешь помощи Скалозуба, а что вышло?

– Это кто – Скалозуб? – с неожиданной угрозой спросил Олег.

– Благодетель твой!.. И будущий тесть.

Наверное, нельзя было бить его так больно, однако Герман ощутил прилив отчаянной, страстной злости, детского садизма, с которым недавно хирург мучил и закапывал живьем кошку.

Кадет тоже разрушал некий воздушный замок, выстроенный в его памяти…

Он допил остатки коньяка из бутылки, доел лимон, после чего долго бродил по палате с каменным лицом. Наконец на глаза ему попал гермошлем, стоящий на тумбочке возле Шабанова. Прочитав надпись вслух, товарищ Жуков надел его на голову и сел за стол.

– Между прочим, это слово легко читается с обратной стороны, – кому-то сказал он. – Как его ни переверни, все равно вечные три буквы…

И, не снимая гермошлема, уронил голову на стол и то ли уснул, то ли затих, будто рассвирепевший тигр перед прыжком: по крайней мере, согнутая спина его была напряжена, как боевая пружина.

Ночь Шабанову показалась бесконечной, и как бы он ни

жмурился, ни отвлекал себя легкими и даже радостными мыслями – вдруг решил поехать к родителям, на речку Пожню! – еще больше отгонял сон и задремал ненадолго в момент, когда все на земле стихло и прокатился бесшумный, солнечный ветер. Кадет так и проспал на столе, что называется, мордой в салате, и спина его скоро расслабилась, искривилась, а руки, стиснутые в кулаки, разжались и теперь вяло и беспомощно лежали на рассыпавшихся яблоках.

– Помнишь вчерашний разговор? – спросил утром Шабанов, когда Олег с мятой физиономией пытался прибраться в палате до обязательного врачебного обхода по понедельникам. – Или, чудится, это был сон? Коньячные галлюцинации?

– Никакого другого мира не существует, – внятно произнес кадет, рассовывая по углам доказательства ночного кутежа. – Ни в каком виде. Это я знаю и помню точно.

– Значит, и будущего?

– У меня уходят годы… Если не сейчас, то никогда. Еще через пару лет я просто физически не смогу летать. Потеряю навыки, не выдержу перегрузок…

– Ну что же, давай, может, и получится. – Товарищ Жуков остановился в изголовье, оперся на спинку кровати.

– Ты должен помочь, чтоб получилось… Неужели не понимаешь: твое упорство идет во вред нам обоим. Если и дальше будешь валять дурака, твой диагноз автоматом выносится и мне. Нас не зря в одну палату поместили. Этот толстый латыш только на вид дурак дураком, а на самом деле жучара еще тот, кому хочешь без мыла в задницу влезет… И даже Харин тут не поможет.

– Думал, встанем спина к спине и будем отмахиваться, до последнего, – проговорил Шабанов и вздохнул облегченно. – Но вольному воля! Дерзай!

Еще до врачебного осмотра Германа неожиданно вызвали к лечащему врачу. Толстяк выглядел, как огурчик, хорошо отдохнул, выспался, но побриться опять забыл, впрочем, как и сменить рубашку.

– Ну, капитан, не передумал жениться? – между делом спросил он, подготавливая истории болезни своих пациентов. – Видел я эту… Алину. На выходные выезжали на шашлыки – погодка! – купаться холодновато, правда… И она там была недалеко, в компании офицеров… Ты ревнивый?

– Это ни при чем. Жениться – не самоцель. Я говорил, она – мой крест…

– А не много на себя крестов берешь? Плечи-то одни…

– Каждый несет, сколько поднимет.

– Погоди, что-то я не совсем понимаю тебя, – доктор наконец-то уселся. – То ты тщательно скрывал все, что с тобой произошло, клещами было не вытянуть даже в бессознательном состоянии. Теперь всячески выставляешь напоказ.

– Скрывал, потому что надеялся вернуться, – не сразу ответил Шабанов.

– Вернуться куда?

– *Туда*, где был… Сейчас понял: путь навсегда отрезан.

– А, ты снова об иных мирах!.. Значит, сейчас поставил задачу рассказать о них человечеству?

– Обрадовать его, обнадежить, что не все потеряно. Есть путь, по которому можно идти, развиваться до бесконечности, а не губить себя.

– Видишь, в чем дело… У нас не запрещено верить. Например, в Бога, в астрологию, в иные цивилизации. Это нормальная человеческая потребность. И если бы мы стали признавать невменяемыми всех верующих, мир бы превратился в общество умалишенных. Верить можно и даже нужно! Но не делать из своей индивидуальной веры фетиша, навязчивую идею, объявлять себя чуть ли не пророком. Я вполне допускаю, ты столкнулся с явлениями необъяснимыми – их на свете достаточно, это поразило твое воображение.

– Предлагаешь мне помалкивать?

– Ну да, пока общество не дозрело до понимания таких тонких вещей, как иные миры.

– Но ведь это не совсем уж иной мир! – горячо возразил Шабанов. – Люди живут рядом с нами! Но научились никому не мешать и все время оставаться незримыми. И не чудесами, не колдовской силой! Технический прогресс на таком уровне… хотя он не совсем технический. Ну, например, они используют лес, как естественную защиту, но не под кронами прячутся, как мы привыкли делать. Старый парк у них – мощная противолокационная станция. И потому их не видно ни с земли, ни с воздуха, ни прибором, ни глазом. Оказывается, если суметь подключиться к таинственной жизни дерева, можно спокойно управлять его энергией и создавать любые поля, не только защитные. Мы же ничего не знаем о природе! Нет, у нас осталась некая память, вернее, ее рудименты, и потому нас тянет в лес, под сень деревьев, к воде и огню, на шашлыки… *Они* развили именно это направление в науке! Восприятие целостности мира! Знаешь, как воспринимается он в детстве, пока не появилось желание сломать игрушку и посмотреть, что внутри…

– Ты как считаешь, – перебил его толстяк. – Случайно к ним попал? По стечению обстоятельств? Или была закономерность?

– Я понял так, что они изредка… похищают людей из нашего мира, – неуверенно ответил Шабанов.

– Зачем? Изучать?

– Да нет… У них же замкнутая община, время от времени требуются женихи и невесты…

– А что, с их уровнем технологии не могут решить демографическую проблему? Допустим, изменять хромосомный ряд, чтоб брат мог жениться на сестре и избежать вырождения.

– В том-то и дело! Это наш подход – изменить что-нибудь, переделать, перестроить… Они считают природу человека божественной, а значит, неприкасаемой.

– То есть тебя похитили в качестве жениха? – уточнил доктор.

– Не хочу говорить на эту тему, – заявил Шабанов.

– Ну хорошо! Выходит, тебе уже нельзя вернуться назад?

– Нельзя… И все из-за этой дурацкой вонючей «принцессы»!

– А это еще кто такая? – выпучил заплывшие глазки толстяк.

Разумеется, он не мог ничего знать о приборе, и Герман ушел от ответа.

– Она тоже не подлежит обсуждению…

– И ладно! Коль вернуться нельзя, то, может, будет лучше забыть о них? Существуют – и пусть существуют себе?

– Тогда нашему миру уготована печальная судьба. Все наши высокие технологии развиваются по трем порочным направлениям: вооружения, чтоб бить друг друга или держать в страхе, удобство и сытая жизнь, которая ни к чему, кроме болезней, не приводит, и тотальный контроль за человеком… Или ты знаешь еще какое-нибудь?

Лечащий врач посидел в некотором отупении – толстые люди всегда казались Шабанову туповатыми, чего он сам опасался, будучи склонным к полноте, затем вдруг встал, тряхнул тремя небритыми подбородками.

– Знаешь что, Шабанов!.. Ты мне испортил все результаты трехдневного отдыха! Еще вчера я сидел на берегу, пил водку и ел шашлыки!.. Навязался ты на мою голову! Выпишу я тебя на хрен, сегодня же. И катись ты куда хочешь!

– Выписывай, поеду к родителям, на родную речку. – Шабанов пошел в двери. – Сейчас там черемуха цветет по берегам. Запах!..

Когда он вернулся в палату, кадета там не оказалось, и вещей его тоже. С постели его уже сняли белье, и остался голый матрац с верблюжьим одеялом и подушкой без наволочки. Товарищ Жуков умудрился выписаться до обхода, видимо, по настоянию будущего тестя, и убежал, даже не попрощавшись… Герман лег на свою койку, не снимая тапочек, подобрал ноги и, мечтая о том,

как приедет в родную деревню, попытался уснуть, но тут в коридоре послышался шум приближающихся шагов и в палату вошли семеро в белых халатах. Впереди был лечащий врач, с ходу начавший докладывать о состоянии больного маленькому, крючконосому человечку с генеральскими лампасами на брюках.

Шабанов не встал, лишь открыл глаза и, не шевелясь, слушал какие-то определения, фразы и медицинские термины, к нему вовсе не относящиеся.

– В настоящее время состояние пациента удовлетворительное, документы готовятся к выписке, – наконец заключил толстяк и посмотрел так, будто кулак показал. – По согласованию… Вы в курсе, товарищ генерал…

От глаз генерала не ускользнула надпись на стекле гермошлема…

– Как ваше самочувствие, господин капитан? – Он приблизился к Шабанову, оттянул крючковатым пальцем веки у него и, уж совсем как деревенский фельдшер, заставил высунуть язык.

Что-то ведь должен был сделать, показать как-то свое важное соучастие в мероприятии…

В проветренной кадетом палате было свежо, и Герман уловил неприятный и довольно сильный запах, исходящий от важного доктора.

– Удовлетворительное, – повторил он формулировку толстяка.

– Опять готовы штурмовать небесные высоты? – Генерал взял историю болезни, глянул в нее пустыми глазами. Тем временем лечащий уже схватил стул, изготовился подставить, если начальник захочет присесть.

– Готов, но не хочу, – не меняя положения, отозвался Шабанов. – Поеду на родину, там черемуха цветет, и запах… А здесь одна вонь.

– И у нас скоро зацветет…

– Что толку?.. А почему от вас «принцессой» пахнет?

– Чем? – Это он услышал, ибо все остальное, про черемуху, он не воспринимал и отвечал ради словца.

– Да это я так, чтобы привлечь ваше внимание. А то смотрите мимо…

Генерал полистал историю, зацепился взглядом, стал читать, и тут толстяк – лечащий врач склонился над его плечом, заговорил тихо:

– Я знаю об этом… Но есть распоряжение… Считаю, что да, возможно… И это не исключено… Неадекватные, да… Был приказ…

– Отдохните у нас еще недельку! – вдруг жизнерадостно заключил медицинский начальник, отдавая бумаги лечащему. – Такая погода, прекрасное время!.. Кстати, а где же Митрич? Почему пустая коечка?

– Выписан по распоряжению, – шепотом доложил тот. – Вас поставили в известность…

– Да, да, помню… Нам скучно будет без Митрича!

Это он сказал уже на ходу и, словно маленький гусек, возглавив белую стаю докторов, повел их на дневную кормежку. Когда дверь за ними закрылась, Шабанов вскочил и распахнул форточку. На улице действительно начинался летний день, и под самым окном команда выздоравливающих солдат, раздевшись до пояса, красила известью бордюры пешеходных дорожек.

– Эй, воины? – окликнул он. – Фруктов хотите?

– Давай! – закричали снизу.

Герман бросал сначала по одному яблоку, и солдатики ловили, сбившись в тесную кучку и выставив вверх раскрытые руки и веселые глаза. А когда ему надоело, он просунул в форточку коробку с фруктами и опрокинул ее на головы парней. Внизу раздался счастливый, мужской рев.

Шабанов не услышал, как открылась дверь и в палату вошел Заховай – увидел его, когда вытащил голову с улицы…

Начальник особого отдела полка не видел, как вниз летели яблоки, апельсины, лимоны и бананы, потому принес увесистый пакет фруктов и торжественно поставил его на стол.

– Это тебе от товарищей! И от меня лично, – засмеялся. – Ешь, набирайся витаминов!.. Ну, как ты тут? Знаю, слышал про твои подвиги. Что сказать? Молодцы!

– Про какие подвиги? – не понял Шабанов.

– Как же? Ты ведь летал с главным конструктором?.. Пока наши телились, организовывали поиск обломков, вы провернули такое дело! – Заховай сел, снял фуражку. – Значит, докладываю самое главное. Магнитозаписи «черных ящиков» расшифрованы, восстановлена полная картина событий. И сразу все встало на свои места!

Особиста распирало от удовольствия и какого-то особенного отношения к Шабанову, что вообще выглядело удивительно. Он спокойно сидеть не мог, часто менял положение, то и дело переступал ногами, словно застоявшийся конь, и размахивал своей фуражкой.

– Скажу прямо: все вопросы, касаемые этого неудачного перегона, сняты. И особо отмечены твои заслуги… Ладно, об этом еще будет разговор. Сейчас могу рассказать по эпизодам, как ты

летел и куда.

– Где мыло? – перебил его Герман. – То самое, что нашли в НАЗу? Кусок земляничного мыла?

– При чем здесь мыло? – слегка опешил Заховай. – Ты послушай сначала…

– Меня интересует, какое заключение вынесла экспертиза?

– Я не знаю. Будет информация – скажу. Так вот, на четырнадцатой минуте полета ты должен был в первый раз заметить резкое отклонение от нормы бортовых систем, в том числе и системы ориентации…

– Ничего не заметил…

– Почему?

– Был занят, грабил НАЗ.

– А «принцесса» среагировала на внешнее воздействие. И «черный ящик» записал это на пленку. Ты ничего не видел в это время? Лучей, свечения?..

– Видел… Сначала шар по курсу. Потом он превратился в предмет, напоминающий спелую тыкву…

– Про тыкву мы потом поговорим, – мягко остановил его особист. – Твою машину спутник не обнаружил, прибор сработал отлично, но сама «принцесса» засекла радиолокацию противника, то есть слежку за собой. Но приняла это за луч самонаводящейся ракеты, понимаешь? Мозги у нее такие. Да, забыл главное. Охота за ней, а значит, и за тобой была организована грандиозная, на высшем уровне. Такие силы задействовали!.. Есть, конечно, и наша вина. Произошла утечка информации. Противник точно знал, что МИГи с «принцессами» прибыли и находятся в Пикулино. Возможно, где-то поблизости работает агент разведки, или произошло… прямое предательство кого-то из обслуги. Мы это выясняем… Короче, над нами повесили спутник-шпион, который и зафиксировал твой взлет с аэродрома. Потом ты включил прибор невидимости и потерялся. Тогда спутник стал отслеживать территорию Монголии и снова засек тебя, когда ты вошел в зону локации Алтупа и выключил «принцессу». По всей видимости, валить тебя рассчитывали где-то в пустынном районе неподалеку от аэродрома, пока ты не включил прибор после взлета. Сейчас уже точно установлено через монгольские спецслужбы: с пассажирского самолета, следующего чартерным рейсом из Пакистана через Улан-Батор в Японию, был сброшен десант. И рассчитано было точно! Ты заправлялся на базе Алтупа, а охотники в это время уже приземлились в двадцати семи километрах и имели с собой комплекс «Стингер». Но ты слишком рано включил «принцессу»… Может, что-то почувствовал?

– Да нет, я косточку догрызал, – просто признался Герман. –

Ну, еще джем доставал из «малямбы»….

– В рубашке родился! Это счастливая случайность! – вместо сурового выговора восхищенно произнес Заховай. – Короче, операцию в монгольских степях ты им провалил!.. Но оказался под полным контролем спутника.

– Но «принцесса» была включена. Такого не может быть.

– Сейчас специалисты выясняют, почему так случилось. Вероятно, на спутнике имелась какая-то аппаратура слежения за излучением самого прибора. На всякого мудреца довольно простоты… Да и он сам еще далек от совершенства, хотя главный конструктор дает гарантии… Но ты-то как почувствовал, что тебя обнаружили?

– Ничего я не почувствовал…

– Хватит прибедняться! Что ты в самом деле? Скрывать-то тут нечего! Наоборот!.. Почему сделал разворот на сто восемьдесят и пошел на север?

– Решил, что сбился с курса.

– Ну, будет скромничать, Шабанов! «Черные ящики» не обманешь, а они записали полную исправность системы ориентации, правильность курса и боевой разворот, выполненный вручную.

– В таком случае, это все проделки неопознанного летающего объекта. – Герман пожал плечами. – Он как раз и появился после взлета с базы Алтупа. Впрочем, вполне опознанный объект…

– Он шутит! – сам себе сказал Заховай. – Да ты хоть понимаешь, что сделал? Своим этим обратным курсом сбил с толку все спецслужбы НАТО! Они остались в полном заблуждении, кому была продана машина-невидимка, куда ее перегоняли, и перегоняли ли вообще. И никак не ожидали, что ты объявишься в районе реки Чаи. Если бы не спутник, все бы осталось в абсолютной тайне. Но зафиксировали место падения и только через сутки туда выбросили десант из девяти человек. С чартерного рейса Мюнхен – Токио, с высоты восемь тысяч метров. Он тебя и преследовал. Трех уложил ты во время перестрелки на реке. Остальные были ликвидированы в тот день, когда вы обнаружили обломки самолета. Двое из них захвачены живыми и сейчас дают показания. Все они были когда-то нашими гражданами, да и не простыми… Твари продажные, прошли специальную подготовку, великолепно знают обычаи и нравы сибирского населения.

– Они бы взяли меня. В порогах… Но появилась белая лодка. Вернее, шлюпка.

– Что еще за шлюпка?

– Белая такая, лоцманская. Провела через пороги, а дальше

они сунуться не могли. И никто не может…

– Про лодки тоже потом! Основная версия правильная?

– Похоже, но не так, – заключил Шабанов. – Впрочем, все это теперь не важно.

– Не нравится твое настроение! Забудь ты про тыквы, про лодки. Ничего не было! Чем скорее забудешь – быстрее вернешься в строй.

– Узнайте, что с моим мылом. Результаты экспертизы.

– Нашел о чем просить – мыло!..

– Для меня очень важно. Это единственная вещь, которую я вынес из *того* мира. Материальная вещь.

Заховай достал бланк с коротким отпечатанным текстом, дописанным от руки в свободных строчках, положил перед Шабановым:

– Читай и расписывайся.

Это была подписка о неразглашении обстоятельств, связанных со злополучным перегоном МИГа с «принцессой», причин, повлекших катастрофу и ее местонахождение. На всю оставшуюся жизнь, ни под каким предлогом и ни в какой форме.

– Такой подписки дать не могу, – сказал Герман.

– Надо, капитан.

– Но вы же не верите тому, что со мной произошло!

– Я не верю. Но есть люди, готовые поверить.

– И хорошо, что они есть.

– А ты подумал о них? Что станет с ними, если они получат реальные факты существования… иного мира? Ты представляешь, что будет с нашим миром? Исчезнут последние радости жизни, люди перестанут рожать детей, пахать землю, защищать Отечество. Знания для сегодняшнего человека – это конец света, понимаешь? А сможет твой этот иной мир вобрать в себя, вместить наш, бренный и грешный? Нет! Хуже того, мы его испоганим, выбьем, как скот пастбище, сожрем все его ценности, как саранча… И ничего не останется ни здесь, ни *там*!

Шабанов сел, засунув руки в карманы, скрючился. Особист надел фуражку, пожал его вялую руку.

– Сиди и думай… Свидетель нашелся, пророк… Сказал бы я тебе, да врачи предупредили, чтобы не очень тебя волновал… Так что отбываю и жду скорейшего возвращения. – Склонился к его уху, попробовал внушить, должно быть, по настоянию врачей: – И запомни: ничего не было. Никаких миров, летающих тарелок… Ничего такого не было!

Как только он ушел, Герман снова забрался на подоконник и высунулся в форточку. Солдатики красили, нежились на солнце, говорили о дембеле.

– Мужики! – крикнул он. – Лови витамины! – И высыпал на их головы принесенное Заховаем в пакете…

В тот же вечер во время прогулки ему встретилась Алина. Несколько дней ходил, дежурил возле жилого комплекса – не было, а тут словно из-под земли выросла и в месте неожиданном – неподалеку от инфекционного отделения, где и людей-то не бывает и куда Шабанов забрел, чтоб никто не мешал. Вдруг выступила из-за деревьев на дорожку, будто в засаде сидела, нарядная, в вечернем платье из тяжелой, скользкой ткани, в бусах и брякающих браслетах, и туфельки, хотя для этой местности лучше бы подошли сапоги.

– Здравствуй, Герман! – сказала, будто бы удивилась.

Он не сразу узнал ее – видел-то только в халате и колпаке, со скрученной на затылке фигушкой вместо прически; тут же перед ним оказалась настоящая дама, разве что с украшениями и макияжем явно переборщила.

– Привет. – Шабанов сунул руки в карманы больничных штанов. – Ты кто?

Она засмеялась, зазвенела украшениями, как новогодняя елка, зашуршала платьем.

– Ты же искал меня, ждал… Видишь, встретились случайно!

– Откуда ты знаешь, что искал? – безразлично спросил он. – Я никому не говорил…

– Почувствовала… Ну, пойдем погуляем вместе? – Алина взяла его под руку с левой стороны.

– Ты ничего, красивая, – одобрил он. – С тобой не стыдно будет на люди показаться.

– А зачем ты искал меня? – Алина явно хотела очаровать, смотрела загадочно, из-под опущенных ресниц.

– Было желание придушить тебя, как кошку. – Шабанов ощутил, как напряглась ее рука под мышкой. – Так разозлился… Ты же сама дразнила, провоцировала… Разодрала руку. А потом заявила, будто я – сексуальный маньяк. Вот только скажи, что такого не говорила!

– Говорила, – вымолвила Алина, озираясь. – Но меня заставили, вынудили… Следователь из военной прокуратуры велел написать заявление… Из-под ногтей взяли соскобы… Я не хотела! Ну правда!

– Знаю, тогда они думали меня или в тюрьму посадить, или в дурдом упрятать.

– Но я-то не знала!.. Ты мне понравился… И я действительно приходила ночью к твоей палате. Просто так, поговорить!.. У тебя сидел Митрич…

– Зачем ты начала дразнить?

– Решила отомстить… Лучше бы ты сделал какое-нибудь гнусное предложение, чем просить денег на бутылку.

– Злопамятная, что ли? Это мне не нравится. Женщина должна уметь прощать и долго не сердиться.

– Нет… но ты же обидел меня!

– Может, тебя попросили устроить провокацию? Чтоб я напал?

– Никто не просил! Поцарапала, чтоб знал, и все… Ты же вел себя нахально и грубо!

– Мне было очень тяжело. – Шабанов услышал ложь, однако промолчал. – От приступов тоски не знал что делать…

– Теперь стало легче? Прошла тоска?

– Она никогда не пройдет. Ушла вглубь и сидит там, грызет…

– Но ты же не хочешь меня задушить?

– Да что тебя душить? Это я сдуру… Теперь осталось чувство вины.

– Прощаю тебя, – благосклонно проговорила Алина. – Расскажи, что с тобой случилось? Почему вокруг столько шума, разговоров и страстей? Везде по углам шепчутся, а толком никто ничего не знает. Ты становишься таким же известным, как Митрич.

Между тем она вела Шабанова по направлению к жилому комплексу, и впереди уже маячила ограда детской площадки.

– Просто я побывал в другом мире, совсем не похожем на этот. Летал над землей, как хотел и куда хотел… Но не это главное. Там люди живут одними чувствами, как дети. И потому их разум высвобожден для созидания. А мы никогда не сможем ничего путного построить, придумать, изобрести; мы слишком много думаем, как жить, зачем и сколько это будет стоить. Ты же видишь, наш мир сошел с ума и не замечает этого. Когда я туда попал, показалось, они сумасшедшие, но все наоборот!.. Мне сейчас никто не верит.

– Знаешь, тебе нужно встряхнуться! – вдруг заявила она и, прибавив шагу, потянула за собой. – Оттянуться по полной программе! Идем ко мне! На ужин все равно опоздал, а я устрою вечер при свечах. И увидишь, что есть радости и в нашем мире!

– Думаешь, поможет? – невесело усмехнулся Шабанов, однако противиться не стал.

– Не забывай, кто я по профессии. Анестезия снимает и душевные боли…

Алина жила в общежитии гостиничного типа: маленькая комната, игрушечная кухня, казенная мебель и повсюду жалкие и бесполезные попытки создать уют. Однако же был накрыт стол на

двоих, и осталось лишь зажечь свечи. Она усадила Шабанова на диван, застеленный мохнатым пледом с изображением тигровой шкуры, удалилась на пару минут и вернулась уже без вечернего платья, в одеянии, которое можно было скорее назвать жреческим: ткани на ней убавилось раз в десять, и примерно во столько же увеличилось мешающих движению побрякушек. На груди висело что-то наподобие занавески из черного, сверкающего тюля, на бедрах нечто короткое, шуршащее, словно змеиная шкура, а ноги и голый живот обтянуты черной мелкой сеткой. Наверное, это было здорово, обольстительно и сексуально…

Она продумала все, в том числе, как будет зажигать свечи и наливать вино. Но когда стала делать это и наклонилась над столом, сквозь тюль на груди высунулся блеклый, мягкий, совершенно безразличный к происходящему сосок и сморщился, повиснув в сетке, будто червячок на крючке.

Он понял, что поклевки никакой не будет, однако же сказал:

– Ты красивая…

Алина загадочно улыбнулась, подала ему бокал с вином, свой же плавным движением поднесла к свече и стала греть донышко над огоньком. Должно быть, она делала так не один раз и знала, как это выглядит со стороны. Рука и вино засветились, притягивая взгляд, заиграли и зазвенели браслеты.

– Музыки не хватает, – сказал Шабанов. – А так все ничего…

– Сейчас! – спохватилась она и пошла вокруг стола включать магнитофон. Когда же склонилась над ним и показала округлые ягодицы, затянутые в ту же сетку, он окончательно убедился, что такая анестезия ему не поможет и нечего тут время терять. Она же вернулась назад, забралась с ногами на диван и подняла бокал.

– За нашу случайную встречу.

Едва он выпил, как Алина, надкусив перезрелый персик, поднесла к его губам.

– Ешь… Посмотри, он истекает соком…

– У тебя есть молоко? – уклонился он. – Кружка молока и горбушка хлеба?

– Молоко? – Ее не просветили в особенностях его «сдвигов по фазе», дали одно общее задание – соблазнить, выбить клин клином. – Зачем тебе молоко? И хлеб…

– Есть хочу.

– Смотри, сколько здесь всего!.. Ешь!

– Хочу парного молока и горячего хлеба.

– Какие у тебя… вкусы! – Она еще хорохорилась и хотела выглядеть дамой света. – Примитив! Надо исправляться. Я

слышала, все летчики ужасные обжоры… Попробуй вот это! Очень даже ничего, тебе понравится. Ты мужчина, и должен есть мясо. Это рагу из полукопченой индейки… Знаешь, что тебе предстоит в эту ночь?

– Догадываюсь…

– Какой ты неотесанный! – засмеялась, уверенная в своей неотразимости. – Слушай женщину! Сегодня ты будешь делать то, что я захочу. Ты будешь мне послушен!

– А ху-ху не хо-хо? – спросил он, поставив ее в неловкое положение – знала, что это означает, но не хотела признаваться. – Ладно, как говорят, непереводимая игра слов… Дай мне ножницы!

– Зачем?

– Да ногти подстричь!

Алина забрякала украшениями, сняла ножницы с гвоздика у окна, подала несмелой рукой.

– Пожалуйста… Возьми, – подала с опаской. – Давай еще выпьем? Хочешь крепкого? У меня есть водка.

– Наливай для храбрости!

Она с готовностью вскочила с дивана, достала из холодильника бутылку, налила полный фужер, предназначенный для сока, и села уже напротив.

– За твое здоровье!

– Докторский тост, – определил он и выпил. – Молодец, отрабатываешь… Хочешь поиграть?

– Во что?..

– В папу с мамой! – захохотал он. – Умеешь?

– Мне нравится такая игра, – проговорила слишком сладострастно, чтобы это выглядело правдой. – Только чур! Вести буду я… Ты сегодня узнаешь совершенно другой мир. Узнаешь, что такое женщина. Но сначала мне хочется тебя напоить.

– Напоишь, я просто усну.

– Нет, не уснешь… Со мной ты спать не будешь. Стану поить тебя царским вином! Это настоящая анестезия…

– Ты и такого припасла? Молодец! Из тебя получится хорошая жена.

– Я буду сама делать царское вино, на твоих глазах.

– Это как?

– Сейчас увидишь… Чуть подвинься, я должна лечь.

Он отодвинулся на край дивана. Алина легла плавно, по-кошачьи, приподняла бедра чуть вверх и раздвинула ноги.

– Подай мне бутылку.

Шабанов понял секрет такого виноделия и вместо бутылки выбрал банан покрупнее, вложил в ее руку.

– Мне больше нравятся царские бананы! А ну, вставляй!

– Ты портишь игру, – предупредила она. – Это будет здорово. Ты только должен повиноваться и ни о чем не думать… Дай мне бутылку.

Он взял бутылку и стал медленно лить вино на ее лицо, грудь и живот. Вытряхнул последние капли и подал.

– Возьми и вставляй! Или я сделаю это сам!

Алина вскочила с дивана, схватила салфетки и стала утираться.

– Я тебя боюсь, – вдруг призналась она, выбиваясь из планов полученного задания.

– Но может быть хуже! Представляешь, уже завтра уволят. Тебя же заставили напоить меня царским вином? Вот! Ты не справилась с задачей, уволят по статье. И куда ты пойдешь? На панель?.. Кто тебя возьмет после статьи? Даже медицинской сестрой? Жизнь погублена, верно?

– Меня вызвали к начмеду, – тихо проговорила Алина. – Наорали, вспомнили заявление в прокуратуру… Это был шантаж! Я бы так не согласилась. Но меня и правда могут уволить, я же еще не аттестована…

– Толстый там был? Мой лечащий врач?

– Был… Я его ненавижу!

– Хорошо, он свое получит!

– Как – получит?..

– Да известно как, по роже. А она у него широкая, не промахнешься.

– Тогда меня уж точно уволят…

– Не посмеют! – уверенно сказал он. – Дай руку!

– Зачем?..

– Не бойся. – Он потянулся через стол, одолевая легкое сопротивление, взял ее руку и стал отстригать ногти.

– Что ты делаешь?..

– Не люблю, когда царапаются.

– Я больше не буду! Не надо!

– Ничего, новые отрастут. – Шабанов отщелкнул последний, с мизинца – она добровольно подставила вторую руку.

– Правда, я не хотела… Меня заставили!

– А ты говоришь, в нашем мире есть радости… Ничего, кроме издевательства и насилия над личностью, верно? Все время тортом по физиономии! – Он осмотрелся, приподнял крышку шкатулки на полке у зеркала.

– Что ты еще хочешь? – боязливо спросила Алина, отодвигаясь от стола.

– Дай денег? Займи?

Она отскочила, загремев украшениями.

– Деньги?! Опять деньги? Зачем?

– Да нет, сейчас не на бутылку, – улыбался он. – Одежду купить. Поедем к родителям, а здесь ничего нет, все осталось в Пикулино. Ты-то будешь выглядеть красавицей в своих нарядах, а мне что, в пижаме ехать?.. Не бойся, взаймы прошу, две тысячи рублей.

– Я должна ехать?..

– А как же?.. Слышала – я женюсь на тебе. Ты мой крест, придется нести до смертного часа. Но хоть и крест, все равно родителям-то нужно показать… Так что с деньгами? Дашь или как?

– У меня… нет таких денег, – виновато пролепетала она.

– Жаль, – вздохнул Шабанов. – Это плохо… Придется возвращаться в Пикулино. Здесь, кроме тебя, близких никого, перехватить больше негде… Да ладно, не расстраивайся! Сколько у тебя есть?

– Ну, рублей сто восемьдесят…

– Должно быть, сильно потратилась, – он кивнул на стол.

– Нет… На это дали денег.

– Ну ладно, займи мне тридцатку. Хочу торт купить. Запомни, я сладкое люблю и острое. Потому склонен к полноте.

Алина отыскала свою сумочку, дрожащими пальчиками достала деньги. Шабанов спрятал их в карман и взялся за дело. Он вытащил из-под себя плед, аккуратно расстелил и стал выстригать ножницами шкуру тигра. Алина смотрела с ужасом, однако молчала. Толстое и рыхлое сукно, тем более смоченное вином, поддавалось плохо, да и ножницы оказались тупыми, так что он трудился минут пять, прежде чем вырезал все целиком. Полюбовался шкурой, аккуратно скатал в рулон, обрезки сложил в кучку.

Алина не издала ни звука, и ни один браслет не брякнул ни на руках, ни на ногах…

– Я тебе как-нибудь новый куплю, – пообещал уже от порога. – Чтоб можно было накрываться, когда холодно, а можно на стену повесить, как коврик. Там нарисовано озеро такое, а на нем лебеди плавают, черные и белые, все вместе…

13

На следующий же день он сходил в магазин, выбрал торт, расписанный масляным кремом, спрятал его в тумбочку и стал ждать понедельника. Жил все дни в предвкушении мести, исправно ходил на все прописанные ему процедуры: электросон, расслабляющий массаж и ванны, однако никаких таблеток не глотал, в том числе и витамины. И вот когда по «веселому» отделению пошло стадо белых гусей с обходом, выставил торт на тумбочку и скатал с полу ковер.

Когда маленький генерал втащил в его палату всю свою свиту и, источая запах «принцессы», стал выслушивать доклад толстяка и его заключение, что больной готов к выписке, Шабанов не спеша взял торт, подошел к лечащему врачу и размазал по его физиономии.

Эскорт генерала замер, затаил дыхание, в палате стояла полная тишина.

– Видишь, это совсем не смешно, – сказал Герман толстяку. – Никто не смеется. А ты говорил… Потому что каждый сейчас думает: «Хорошо, что не мне досталось».

Переступая через куски и ошметки торта на полу, доктора так и удалились в полном молчании. А Шабанов убрал все с пола, протер его тряпкой, расстелил ковер и стал ждать выписки. Прошел час, другой, третий – никто не являлся, в обед выяснилось, что с довольствия не сняли. А слух об эксцессе в «веселом» распространился по госпиталю мгновенно и уже перед ужином долетел до Алины. Всю неделю она не показывалась на глаза и домой ходила кружным путем, через КПП, а тут пришла в палату, заперла за собой дверь и присела возле кровати. Шабанов все еще ждал выписки, собрал вещи – гермошлем, ручку управления МИГа и тигровую шкуру, вырезанную из пледа, завязал их в тельняшку и лежал с книжкой, оставшейся от товарища Жукова.

– Ты сделал это из-за меня? – спросила она с надеждой. – Никто ничего не понимает, но я-то знаю, из-за меня?

– Нет. – Герман спрятал книжку под подушку и перевернулся на бок. – Просто я хотел показать ему, что унижать человека – это не смешно. И вообще в нашем мире уже не осталось ничего смешного и веселого.

– Значит, из-за меня! – обрадовалась Алина. – Он меня тоже унизил!.. Знаешь, не надо на мне жениться, не хочу быть крестом на твоих плечах. Только скажи, ты отомстил за меня?

– Я эгоист, за себя мстил.

– Спасибо, – сдержанно проговорила она и встала. – Меня наверное, уволят. Просчитают, кто был причиной, и уволят… Ну и ладно. Теперь мне не страшно.

На следующий день к полудню явился Ужнин…

Шабанов обыкновенно видел его собранным, сосредоточенным до непроницаемости и озабоченным, поскольку встречаться приходилось больше всего в служебной обстановке, когда командир полка ставил задачу или, наоборот, спрашивал за ее выполнение. По хладнокровию и выдержке он был настоящим летчиком, способным воевать. Дело в том, что в авиации, особенно в последнее время, появилось много людей, великолепно владеющих летным мастерством, но совершенно не приспособленных к боевым действиям по своим психологическим данным – эдакие пилоты-спортсмены, летающие на истребителях или штурмовиках. Впервые они, как вид, обнаружились в Афганистане, а потом в Чечне среди вертолетчиков. Это был опасный для любой армии вид, поскольку внешне на земле они почти ничем не выделялись, но в воздухе, в боевой обстановке, когда следовало выполнять поставленную задачу или принимать самостоятельное решение, эти пилоты оказывались не боеспособными из-за мягкости характера или неодолимой в сознании опасности быть сбитым и плененным.

Ужнин прошел Афган, по горло навоевался и стал от этого не мягче, не добрее, а, напротив, еще жестче по той причине, что преодолел главный барьер воина – перестал бояться смерти… В нем угадывался большой военачальник еще и потому, что он умел строить отношения, а не отдавать их на волю стихии. Он относился к суровым командирам, не терпящим панибратства или даже семейной, товарищеской (не говоря о дружеской) взаимосвязи с подчиненными, и потому был одинок в Пикулино. По крайней мере, было известно, что он не пьет водку ни со своими заместителями, ни с начальником штаба даже по праздникам и проводит их, в том числе и день рождения, с женой, сыном и родственниками, если те приезжали из деревни.

Но когда выезжал в округ, где у него были друзья, расслаблялся, позволял себе вольности, и лишь на это можно было списать его жизнерадостный, непривычно возбужденный вид, когда Ужнин ввалился к Шабанову в палату.

– Ну, здорово, майор! – сказал от порога. – Лежишь тут, загораешь? Ну правильно, а кому сейчас легко?.. Тебе звание восстановили, слыхал? Так что возвращай старые погоны… Но это не все! Знаешь, зачем я прилетел в округ? За это дело надо бы даже выпить… Представление на тебя привез. Откровенно сказать, не наша инициатива, Росвооружение подшевелилось…

Затребовали из Главного штаба представление к Герою России. Ты понял, да?

– Несколько дней назад маркитант меня посадить грозился, – сказал Шабанов. – А сейчас в Герои?

– Времена быстро меняются, Герман Петрович! Они же нос по ветру держат. Сначала им было выгодно спрятать свои грехи и тебя. Теперь, наоборот, дать Героя, и все спишется… Рынок. Конъюнктура! Нам в этом никогда не разобраться… Ну, Героя тебе однозначно не дадут, но Орден мужества – сто процентов.

– Интересная информация, – задумчиво проговорил Герман. – Даже не знаю, как к ней относиться…

– И это не все! – рассмеялся Ужнин. – Пошла полоса везения!.. Знаешь, я в последний момент вдруг подумал, а почему бы не попробовать еще раз? И вместе с представлением подсунуть еще одну бумагу?.. Подсунул, а командующий подмахнул. Так что ты теперь мой начальник штаба!

– Действительно, везуха поперла…

– По жизни всегда так и получается, – согласился полковник. – Но ты особенно не радуйся, будешь у меня летающим начальником. Маркитанты раскручиваются, восемь машин пригнали в Пикулино, надо разгонять теперь по всей Юго-Восточной Азии. Не пацанов же посылать с сотней часов налета…

– Да я ведь МИГаря уронил, товарищ полковник…

– И хрен с ним, сказали маркитанты. Вот если бы не уронил, и, не дай бог, стало известно, кому эти МИГари с «принцессами» продали, тут бы нас опустили ниже некуда. Это ведь только сейчас стало известно, какая охота идет! Особый отдел не дорабатывает. И не только наш, но и в центре мух ловят. Отследили же эти машины… Но ты посмотри, какое изделие! К нам сейчас поступает два новеньких тридцать первых МИГа с «принцессами», один будет командирский. Главный конструктор, кажется, наконец-то убедился, какое детище родилось у него в НПО… Кстати, наши друзья в Индии ждут товар.

– Значит, мне предстоит еще одна попытка?

– Кому еще, майор? Ну, не мальчишек же посылать!.. На сей раз погоним с тобой в паре и по другому маршруту.

Шабанов походил от окна к двери, сдерживая рвущийся наружу протест, уже превратившийся в назойливую «зубную» боль, сел рядом с полковником: вместо товарища Жукова никого не подселили, и теперь все приходящие садились на кровать.

– Почему мне никто не верит? – спросил больше самого себя.

– С чего ты взял? У командования полка и в округе к тебе доверие полное, – не согласился Ужнин. – Иначе бы не рассматривали вопрос о награждении, повышении… Сам знаешь.

– Не о том я, товарищ полковник…

– Что касается твоих приключений?.. На этот счет есть особое мнение. Ты же был на месте катастрофы, летал над всем районом… И я был, прочесали на вертушке вдоль и поперек всю территорию – нет ничего. Ни хуторов, ни горнолыжных баз, ни тем более поселков, о которых ты говоришь. Так, встречаются охотничьи зимовья, землянки… Сам видел. Но если б что-то было, все равно как-то проявлялось, оставались бы следы жизнедеятельности… Главный конструктор отбил какую-то зону, какие-то параметры показывал… Ну и что?

– Я очевидец! Я там был! И хочу, чтоб мне верили!

– Не горячись, Герман Петрович. – Ужнин похлопал его по плечу, чего вообще раньше не допускал. – Я тоже кое-что видел… Летающие шары, эллипсы и даже что-то наподобие тыквы. Ну и что?

– Но мне удалось самому полетать в этой тыкве! Ну как иначе я мог за несколько часов облететь весь земной шар? Видел торнадо в Атлантике, наш танкер…

– Стоп! Об этом больше ни слова!.. А то тут некоторые высказывают предположение, что ты косишь. Твой лечащий врач так уверен в этом!

– Ну да, у него все косят! Все здоровы – один он больной. Какой смысл мне косить, прикидываться, товарищ полковник?

Ужнин заговорил со смехом, вроде бы в шутку, но та доля правды была настолько большая, что ничем не прикрывалась.

– Смысл в твоем положении есть, они считают. Закосить – и на пенсию! По инвалидности, полученной во время выполнения служебных обязанностей. Что получается? – Он загибал пальцы. – Основная будет вполне приличная – раз, еще такую же доплату можно высудить с Росвооружения – два. И чуть поменьше – с НПО. Три! Да это две моих зарплаты!

– Кто так считает? Этот жирный боров?

– И не только…

– А он не рассказывал, как получил тортом по роже?

– Да слышал я, – уклонился командир. – Тоже мне, герой… Кино насмотрелся, что ли?.. Закосить тебе не удастся, Шабанов, на это не рассчитывай. Государство на тебя такие деньги потратило! Отрабатывать придется… Полетаешь, покомандуешь полком – а как ты думал?

– Хочу домой, – тихо проговорил он. – На берег Пожни… Там сейчас черемуха цветет…

– К сожалению, отпуска дать не могу, – заявил Ужнин. – Потом отдохнешь… А родители к тебе летят. Вызов через часть сделал, дорогу оплатил… Завтра будут здесь.

С первой же минуты, как только отец с матерью вошли в палату, Шабанов почувствовал, что их уже посвятили в суть дела, возможно, обработали соответствующим образом, потому что батя поставил тяжелые сумки на стулья, осмотрелся и сказал:

– Ничего себе, лежит тут как барин! Кругом дел по горло – он лежит, бугай колхозный! Руки-ноги есть – летать надо! А он полеживает…

– Ну не ворчи, – сказала ему матушка. – С порога и заворчал сразу… Открывай сумки, доставай гостинцы.

В последний раз Шабанов приезжал к родителям, когда еще служил в Подмосковье. Батя уже тогда судился со своими обидчиками, и все разговоры сводились к слушаньям, процессам, решениям, протестам и так далее. Он крыл юридическими терминами не хуже завзятого адвоката, на память приводил содержание десятков статей из самых разных кодексов, и взгляд его горел точно так же, как во время испытаний махолета. Он по-прежнему не умел ни хитрить, ни скрывать своих чувств, за что «попадал на деньги», «забивал стрелки», где его еще больше «обували», выступал гарантом за чьи-то кредиты, а его потом «кидали» – языком современного бизнеса он тоже оперировал с блеском. Пока матушка накрывала стол из домашних припасов, батя докладывал о своих делах.

– Маслозавод я вернул, – сообщил он с гордостью. – Сейчас возвращаю автобазу и завод железобетонных изделий. Они думают, опустили Шабанова! А я как феликс, из пепла восстал!

– Феникс, – между делом и привычно поправила мать.

– Да какая разница!.. Собираюсь сделать теперь открытое акционерное общество и привлечь иностранные инвестиции. Итальянцы готовы возить мои кисломолочные продукты самолетами. От кефира так вообще балдеют!.. И, кстати, разговаривал сегодня тут с одним полковником… фамилия такая стремная и зубы вот так! Как его?..

– Харин, – подсказал Герман.

– Во! Зам по тылу. Так он тоже заинтересовался. Оказывается, в армии с маслом проблема. А солдат должен есть масло, каждое утро двадцать грамм отдай и не греши. Так мы уже начали с ним переговоры по бартеру. Я ему дешевое масло, по себестоимости, а он мне – новые КамАЗы с бочками. Знаешь, у них есть дезактивационные машины, копия молоковозов, та же пищевая нержавейка, перекрасить, и все дела. Правда, они на колодках стояли лет по восемь, все резинотехнические детали надо менять, но ведь в полцены мне получается! Автобазу мою растащили, разграбили, половину парка за долги отдали…

Шабанов слушал его, не вникая в смысл сказанного, и медленно наполнялся радостью: так же зажигательно батя излагал свои мысли по поводу доработки конструкции махолета. И матушка ничего не возражала, хотя взглядом говорила, мол, слушай, слушай, но не верь. Все не так…

Потом они сели по-семейному за стол, и Герман набросился на домашний сыр с перцем и ветчину, изготовленную лично отцом. Вообще-то эти продукты были не типичные для тверской деревни, никто там ничего подобного не делал, обходились пищей простой, без всякой переработки, но после войны в глухих деревнях появились сосланные из западных областей прибалты и немцы. Говорят, они и научили местных. Те же, как водится, превзошли учителей и стали делать деликатесы со своими поправками, из экологически чистого сырья, и батя гнал теперь свою продукцию колбасного цеха за рубеж.

Матушка вдруг спохватилась, достала из сумки термос с молоком и каравай черного хлеба, испеченного в своей печи. Правда, молоко уже не было парным, и хлеб за дорогу остудился, причерствел, но это был тот самый бальзам, пролитый на душу…

А батин голос создавал полное ощущение, будто они сидят дома – не в районном центре где-то в Забайкалье, чуть ли не во дворце, а в родной деревне, в старой бревенчатой избе.

– Я тебя научу, как делать. Ты их не особенно-то слушай, сейчас в людях правды не найти, врут, изгаляются. Были мы тут у врача твоего, толстый такой человек… Говорит, ты под дурака закосил, чтоб пенсию тройную получить…

– Да ведь не правда это, – вступилась мать, – придумал он…

– Погоди, мать! Если тебе положена тройная – не отступай, бери тройную!

– Он еще летать будет! – запротестовала и замахала руками матушка. – Что городишь-то? Какая пенсия – молодой парень! Это он по себе судит, врач-то. Он бы пошел, а Германке что на пенсию уходить? Пусть летает!

– Я ж не против! Но если признают болезнь – бери тройную, Герман! Говорят, вы за один полет столько здоровья сжигаете, сколько топлива – одинаково. Этот харю наел в госпитале, сидит на земле и дохнет от зависти – кто-то больше его пенсии получит! Не отступайся, Герман, если что, дави! Суды все продажные, но встанешь на своем – никуда не денутся.

– Чему ты учишь, Петя? Ему еще летать – не перелетать…

– Мам, там черемуха на Пожне цветет? – перебил их Шабанов. – Я же к вам собрался, а Ужнин вызвал…

– Как же не цветет? Нынче особенно сильно цветет, аж голова кружится, как выйдешь на берег.

– А вы где больше обитаете, дома или в райцентре?

– Сейчас больше дома, сынок. В прошлом году снова корову взяли, двух поросят растим…

– Который час? – вдруг спохватился батя. – Я же договорился пойти на склады, машины посмотреть… С этим, как его? Ну фамилия такая…

– Харин, – подсказал Герман.

– Ну, Харин! Я побежал, а вы тут сидите! Ужинайте без меня, не ждите. Я как чуял – печать с собой взял. Если что, договор заключим…

Когда отец убежал, матушка помолчала немного, подняла отчего-то виноватые глаза:

– Плохи дела у нашего отца, – проговорила тихо. – Хорохорится он, да что толку?.. Маслозавод и впрямь вернул, но разграбили его, все оборудование продали, одни стены стоят, все заново начинать. Это какие силы надо, чтоб поднять?.. Итальянцы и правда были, посмотрели, кефиру попили, что я сама дома сделала, и уехали. Там денег надо много, чтоб запустить, потому и отдали назад… И автобазу тоже растранжирили, одни гаражи, машин-то нет.

Стройиндустрия в упадке, цеха стали разбирать, плиты развозят… Может, и поднимет, да ведь сразу увидят и снова отнимут. Ты ему как-нибудь мягко скажи, чтоб не мучился. Изба у нас есть, корова, свиньи… Посидели бы тихо, пожили в удовольствие. А то ведь не жизнь – страх один. Стреляют, бомбы взрывают, а деньги, какие появляются, на одни судебные издержки уходят. А отцу нравится! Говорит, вот настоящая работа! Совсем стал как больной…

– Это у нас наследственное, – вставил Герман.

– Нет, ты подумай-ка что делается! – вспомнила матушка. – Эти итальянцы приглашают к себе! Хотят поставить самым главным специалистом над всей молочной промышленностью. Ладно, грех говорить, ведь не образованный, дурак дураком, но они-то куда смотрят? Нет, им подавай отца и все тут! Начнут сами молоко квасить – не идет, все простокваша получается. Руки, говорят, нужны его. Ведь что он делает с ними – да смеется! Он этих всяких кисломолочных продуктов ведь сам напридумывал. И названия им дает – ряженка «Шабаниха» или кефир «Махолет». Недавно еще один рецепт зарегистрировал: варенец «Подъемная сила». Дурит он их, Германка, стыд и сказать! Ходит-ходит и вдруг спрашивает: а чем, мол, наша бабка-покойница ребятишкам пупочную грыжу лечила? Ага, щавель в молоке варила, кровохлебку жгла и пепел сыпала, сушеную пергу добавляла… А ну-ка, мать, сделай-ка пробный образец! Я сделаю,

он покушает, сутки подождет, к организму прислушается и говорит: подмешай еще укропного масла немного, и когда закисать станет, подмолоди свежими сливками. Да чтоб сливки были обязательно от красной коровы. Теперь я при нем как лаборант… Итальянцы эти пробуют – диву даются, а вроде умные люди.

– И надолго вы в Италию собрались?

– Говорит, пока на три года, там видно будет.

– Это уже окончательно решено или как?

– Согласие дал, поеду, говорит, ума наберусь. Бумагу подписал, деньги большие вперед взял, значит, окончательно… Мол, поправлю дела, назначу хорошего директора и поедем… Ой, как не хочу! По мне, так лучше бы вернулись в деревню и жили… А отец язык не учит, говорит, раз пригласили, пускай по-русски говорят со мной. Мне приходится учить, и тайно от него – ругается… Ведь обманут! Станут за спиной шушукаться по-своему, сговариваться, и обманут… Может, ты на него подействуешь? С этой надеждой ехала. Убеди ты его итальянский выучить. Долгое ли дело? Я так через три недели уже и разговаривать стала… Вот жизнь какая пошла, Германка! Мы тем кефиром раньше больных телят отпаивали, а им не жить, не быть, производство наладить надо, чтоб итальянцев отпаивать. Больные они там, или что, ты не знаешь?

Говорила она, будто ручеек журчал, и успевала еще угощать, подкладывала, подсовывала, как всегда, вместе с домашней пищей наполняя душу умиротворением и радостью.

– Ты ешь, ешь! – между разговором вставляла она. – Знать бы, что поедем, нового сыру сварила. А то собирались спешно, в один день, взяла, сколько было. Но ничего, приедем домой, сварю, посылку соберу и пошлю.

– Да не надо, мам, – отнекивался Герман. – В такую даль посылать! Обойдусь…

– Нет уж, обязательно пошлю. От своей коровы, из родных мест… Все не так тосковать будешь. А то ведь уедем в Италию – кто пришлет?

Самое главное, на ее вопросы до поры до времени не требовалось отвечать. Конечно, родителям уже поведали о катастрофе его самолета, и мать внутренне была напугана, однако, давно привыкшая к причудам своих мужчин в семье, оказалась подготовленной и к такому обороту, и теперь никак не выдавала своего страха. Она тут же рассказала страшную тайну, что командир части вызвал их с одной целью – подействовать на сына, убедить его, чтоб не оставлял службу и перестал бы нести вздор об иных мирах и прочих несуразностях, которые ему

помешают в жизни. И чувствовалась, что матушке любопытно узнать, что же приключилось с Германом на самом деле, однако она и этого чувства никак не выдавала, точно так же, как своего страха. А Шабанов тоже не мог задавать прямых вопросов, чтоб не напугать еще больше, хотя подмывало, и мать это почуяла, сама потянула ниточку разговора.

– А я почуяла, с тобой что-то не ладно, – осторожно промолвила она уже на улице, когда, так и не дождавшись отца, пошли гулять по парку. – То собака завоет ночью, то сон приснится… Однажды не вытерпела, взяла у отца телефон… Этот, без проводов…

– Мобильный?

– Ага. И стала звонить в часть. Праздники майские были, никого на месте нет. Кое-как добилась, сказали, в командировке ты, будешь через неделю. Я вроде поуспокоилась, а тут журналистка приехала…

– Журналистка? – боясь выдать любопытство, переспросил Герман.

– Ну!.. Отец итальянцев на охоту повез, уток пострелять. Какой-то катер наняли и поплыли, а мне велел баню истопить и ждать. Я и жду сижу. Вышла на крыльцо, смотрю – лодка по реке плывет, белая, красивая…

– Лодка? Белая? – Он затаил дыхание.

– Больно уж непривычная, – подтвердила матушка. – У нас таких сроду не было… Думаю, охотники мои возвращаются, катера-то ихнего я не видела, что они там наняли… Думаю, замерзли и плывут назад. Черемуха только зацвела, и холод такой!.. Подворачивает к нашей пристани, где мы лодку свою привязывали, помнишь? Гляжу, она и выходит, журналистка, и к нашему дому прямиком идет. Молодая такая, ласковая, говорит, из газеты, пишет очерки об известных в нашем районе людях. Будто дали ей задание про тебя написать…

– А как ее звали? – осторожно поинтересовался Шабанов, чувствуя, как земля под ногами почти не касается подошв.

– Да понимаешь, по виду не деревенская, городская, и одета хорошо, но имя – Ганя. Так и сказала, зовите Ганей, мне нравится. Я еще гадала, как же будет полное имя…

– Агнесса, мам…

– Отец потом сказал… Стала она про тебя все расспрашивать, про детство, как учился, чем занимался. – Мать глянула виновато. – Я уж рассказала ей, как ты с бани прыгал, взлететь хотел, как потом в Тверь побежал в суворовское училище… Ну и как махолет строили с отцом. Она так заинтересовалась, покажите, говорит, сфотографировать хочу. А у самой

фотоаппарата нету… Махолет-то отец как поднял на чердак, там он и стоит. Залезли мы… Долго она вокруг ходила, все рассматривала. Уж больно ее чугунное ваше колесо удивило, от трактора которое… Можно, говорит, попробовать педали покрутить? Да крути, говорю, правда, сиденье все в пыли, измажешься. Она тряпочкой протерла, села и раскрутила педали. Колесо-то загудело, и тут случайно что-то включилось – крылья как замашут! Пыли столько подняли – ничего не видать! А она смеется так весело!.. Нашла где выключить, остановила крылья, колесо только крутится…

– Про мое любимое блюдо узнавала? – зажимая в себе восторг и улыбаясь в сторону, спросил Герман.

– Ой, да она много чего спрашивала. Я ее домашним сыром угостила, как раз для итальянцев сделала, с перчиком, чаю попили. Ей сыр понравился, так я в дорогу ей кусок отрезала…

– А про мясо по-французски?

– И про мясо… Часа три мы с ней сидели, ходили. Я еще спросила, а что ты ничего не записываешь? Журналисты обычно пишут, пишут в блокнот или теперь магнитофоны подставляют… Она: я запоминаю все, мне писать не нужно. Оставайся, говорю, заночуешь. В баню сходим на первый парок, а там отец приедет с итальянцами… Спешу, говорит, ехать далеко. Что бы мне спросить, куда?.. В предбаннике у нас мыло увидела, попросила кусок…

– И ты ей дала?

– Что не дать-то? Дала… Она так понюхала, подышала, хорошо, говорит, пахнет. В карман спрятала.

– Земляничное мыло?

– Другого-то и не было… А что ты так спрашиваешь?

– Ничего, мам!.. Потом-то что было?

– Засобиралась она. И одета больно уж легко, в одном платье. А холод на улице. Стала давать свою старую куртку, надень, говорю, на воде-то замерзнешь. Она смеется, не взяла. Мол, и так много грузу с собой везу, лодка не поднимет. Проводила на берег… Думала, там в лодке и правда какой-нибудь груз, или хоть моторист есть, который ее возит – никого. И вёсел нет, и мотора не видать, один руль. Может, где-то спрятан был мотор-то, что ли… Сама встала к рулю, лодка отчалила и быстро так поплыла. Рукой помахала и скрылась за поворотом…

– Она адрес какой-нибудь оставила?

– Да нет, я как-то не спросила…

– Из какой газеты, тоже не сказала?

– Мне тогда и в голову не пришло. Из газеты так из газеты… А ты не читал нигде очерка про себя?

– Не читал…

– И я тоже… Все газеты с неделю просматривала – нету. Значит, думаю, из центральной какой…

– Тебе ничего не показалось странного в ней? – Шабанов все еще боялся напугать матушку своим восторгом и признанием.

– Как же не показалось?.. Она у меня до сих пор из головы не выходит. – Мать что-то чувствовала, но не показывала виду. – Только уплыла она за поворот, тут и наши оттуда выворачивают на катере, замерзли, как цуцики… Спросила, видели, девушка на белой лодке поплыла? Не видели!.. Говорю, вот же за поворотом разминулись! Не было, говорят, ни лодки, ни девушки… И мне так чудно сделалось, Германка. Что такое, думаю, уж не заболела ли я…

– Нет, мам, не заболела! – засмеялся Герман.

– И еще, знаешь… Сидим вечером за столом, мужики после бани выпили, я с ними по-итальянски говорю, а отец все ходит по избе и слушает, слушает, тревожный… Спать легли – уснуть не может, ворочается и слушает. Потом спросил, дескать, что это все гудит у нас? Я вроде ничего не слышу… Часа в три ночи встал, оделся, на чердак слазил и говорит – кто махолет трогал? Кто педали крутил? Ну, я и сказала про Ганю. И ему чудно сделалось, места не находит. Так веришь, нет, каждый день стал на чердак лазать, будто опять вспомнил и летать захотел.

– Верю. – Герман приобнял мать. – Вот мне никто не верит…

– А ты и не старайся, коль не верят. Когда командир стал про тебя рассказывать да упомянул про навязчивую идею, будто ты в каком-то другом мире побывал, я сразу смекнула, в чем дело. Но слушаю и помалкиваю. А то скажет еще, и у матушки с головой не все в порядке, мол, наследственное… Журналистка-то ведь оттуда приезжала! Лодка-то такая уж белая была, да такая необычная! Как подумаю, мороз по коже бежит, чудно, да ведь так оно и есть!

– Мам, а морковка твоя взошла? – хитровато спросил Герман.

Она остановилась, поглядела пристально.

– Только-только начала… Значит, и это мне не привиделось?.. Я уж решила, от тоски мне грезится. Потом отца крикнула. Он прибежал, рассказываю – не верит. Даже он не верит, а отец наш – человек чуткий… Потом твои следы нашел у изгороди. На одном ботинке подошвы нет, протектора. Так поверил… С кем прилетал-то?

– С Агнессой, мама… С той самой журналисткой из газеты. На самом деле она не журналистка…

– Так я и подумала… Что же не объявились по-настоящему, не зашли?

– Напугать боялись. А потом… я и сам не верил. Как будто

сон, как будто не со мной все происходит. – Шабанов усадил мать на скамейку. – Это хорошо, что ты видела и все помнишь. Здесь я не хочу никого убеждать… Мы поедем в Пикулино! Мы поедем, и ты все подтвердишь.

– Что я должна подтвердить-то, сынок? И перед кем?.. Вот и сам не знаешь. Посмеются над тобой, и надо мной заодно. Сам говоришь, не верят… И чем больше станешь доказывать, тем громче смеяться будут и пальцами показывать. Ты попробуй-ка, наоборот, никому ни слова. И посмотришь, сами потянутся, тихонько выпытывать будут, интересоваться. Потому что самая черствая человеческая душа всегда ищет чуда и радости…

На следующий день Шабанов провожал родителей в аэропорту, и через час сам улетал в Пикулино на попутном военном транспортнике. Отец уезжал в невеселом настроении, ворчал, ругался, но никак не хотел говорить причины. Лишь много позже Герман узнал, что Харин принял его за «лоха» и попытался «кинуть» с «КамАЗами». Договор был почти готов, оставалось подписать, однако зам по тылу никак не хотел показывать технику, стоящую где-то на военных складах. И тогда отец сам через какого-то прапорщика забрался в них и увидел, что от грузовиков остались одни рамы и прицепы с бочками. Все остальное давно было продано по частям. Но батя почему-то об этом помалкивал и лишь часто повторял одну фразу:

– Нет, придется учить итальянский, а то, говорят, там мафия не хуже нашей.

Мать поддакивала ему, тихо улыбалась Герману и держалась за его руку до самой двери спецконтроля.

– Приеду – посылку соберу, – напомнила она. – Чтоб не тосковал по детству.

Они уже прошли проверку и влились в толпу пассажиров, когда отец вдруг пошел назад, пробиваясь сквозь встречный поток, объяснил что-то милиционеру и вырвался наружу.

– Я ведь совсем забыл тебе сказать! – зашептал торопливо. – Всю дорогу помнил, а тут сбили с толку, так и вылетело… К нам тут одна журналистка приходила, с матерью про тебя разговаривали.

– Это я знаю, батя…

– Зато главного не знаешь. Забралась на чердак, села в махолет и давай крутить педали.

– И об этом знаю…

– А знаешь, что маховик-то до сих пор крутится? Э, то-то! – И, светясь от радости, вновь пошел буравить толпу.

В Пикулино Шабанов прилетел под вечер, когда бетон

аэродрома хорошо прогрелся солнцем и теперь щедро отдавал тепло. Над взлетными полосами колыхалось легкое марево, по дорожкам, будто неоперившиеся птенцы, разгуливала пара МИГарей: отрабатывалась рулежка – единственное упражнение, на которое хватало топлива. Знакомо выли двигатели, светились огненные сопла, пахло сгоревшим топливом, и ветер трепал, вздувал чехлы в длинном ряду машин на стоянке, так напоминающих печальную и мудрую вереницу монахов в длинных одеждах.

Этот мир никак не изменился, и в подчеркнутом его постоянстве угадывалась претензия на вечность…

От транспортника Герман завернул на КП, чтоб забрать свою одежду из кабинки, и только вошел в двери, как услышал приказ по громкоговорящей связи:

– Майору Шабанову трехминутная готовность! Машина номер шестьдесят один. Доложить исполнение!

Он решил, что это розыгрыш, возможно, товарища Жукова, торчащего на КП, откуда уже разошлось все начальство, и потому преспокойно направился к своей кабинке, однако увидел сквозь стеклянную стену, как техники в тревожном порядке расчехляют МИГ с указанным бортовым номером. То есть команда прошла по службам, а это уже не шутки!

Испытывая внутреннее противление и одновременно повинуясь обязанности, доведенной до инстинкта, он загнал себя в высотный комбинезон, тот самый, обношенный, прошедший огни и воды, сунул ноги в ботинки – опять шнуровать некогда! – выхватил из своего узла гермошлем и побежал к машине. Времени потерял много, будто молодой, и техник, стоя на стремянке перед открытым фонарем, показывал на пальцах количество оставшихся секунд. Шабанов запрыгнул в кресло, с его помощью запрягся в ремни, кислородную маску, подсоединил радио и стал включать бортовые системы, ожидая, когда техник опустит колпак и уберет стремянки, но тот заметил надпись на стекле гермошлема и, заботливый, поплевал и принялся оттирать ее рукавом. Герман отпихнул его, дернул фонарь и запросил запуск.

Все-таки он рассчитывал, что Ужнин просто решил встряхнуть его, кинуть с корабля на бал (или наоборот), чтоб почувствовал армейские будни, чтоб служба медом не казалась, и дело до запуска не дойдет. Однако услышал отчетливое:

– Запуск разрешаю. Четвертая дорожка. Старт со второй полосы.

Это был «короткий» вариант взлета, как на перехват цели. После запуска и быстрого прогрева он вырулил к старту, все еще

надеясь, что прозвучит обычный отбой, однако едва поставил машину на «зебру», как последовало добро на взлет. Шабанов плотнее угнездился в кресле, включил форсаж и через несколько секунд был в воздухе, земля ушла вниз, замедлила бег и на высоте тысячи метров начала отставать. Он сбросил газ и пошел на разворот: теперь Ужнин должен был поставить задачу.

Полный круг он сделал в полном молчании Земли.

– Слушай, Герман Петрович, – наконец-то позвал Ужнин совершенно не командирским голосом. – Сегодня двадцать пятое мая, в нашей школе был последний звонок, всех сюда привели, на аэродроме стоят, войди в зону, так увидишь… Накануне у них опрос был, анкетирование, и вот какие результаты. Три процента хотят выучиться на экономистов, еще три – на юристов. Сорок четыре процента мальчиков желают стать бандитами и сорок один – милиционерами. Остальные не знают, что делать. Шестьдесят восемь процентов девочек идут в проститутки, двадцать четыре в фотомодели, семь в модельерши и один процент затрудняется ответить. И никто не пожелал стать летчиком. Я их вижу в окно, Петрович. Они стоят такие же, как мы когда-то с тобой. Они еще совсем дети, но уже не хотят летать… Думаю, потому, что еще ни разу не видели самолета в небе, а тем более высшего пилотажа. Будь добр, покрутись над нами, покажи, что можешь.

Шабанов выслушал его молча, спикировал на командный пункт, затем ушел почти вертикально вверх и там из боевого разворота сразу же пошел в штопор.

Рассмотреть землю и детей на бетонке мешала надпись, сделанная кровью на стекле…

Эпилог

Он возвращался из командировки вечером, четвертого июня, и вспомнил об этой дате, когда пассажирский самолет заходил на посадку на военный аэродром в Пикулино. Прошел ровно месяц, как он в одиночку поднял в воздух МИГарь, оборудованный «принцессой», всего один месяц! За это время в Забайкалье успели лишь распуститься листья на деревьях, зазеленела и немного поднялась трава между взлетными полосами, и еще даже ничего не цвело, потому что вслед за теплой весной началось холодное, неустойчивое лето. Из монгольских степей и высокогорных пустынь ночами дул холодный ветер, напрочь выстуживал нагретую за день землю, бывало, что вымораживал лужицы, оставшиеся после коротких, летних дождиков, приносил непривычные запахи чужого пространства, и единственное благо было от него – выдувал из лесов, из кустарников, низких мест и болот всех кровососущих тварей, появившихся при теплом солнце.

На сей раз они летали вдвоем с Ужниным, по другому, долгому маршруту, и едва сдали машины представителю Росвооружения, как были тут же переодеты в цивильное, погружены в крытый автомобиль, перевезены в гражданский аэропорт и там, по чужим документам, еще до рассвета посажены в пассажирский самолет, летевший транзитным рейсом. Не то что сафари на слонах или обещанные маркитантом экскурсии по стране и ужины в ресторанах не состоялись – их даже в солдатской столовой не покормили, краем глаза не дали взглянуть на древнюю, загадочную страну, живого шофера-индуса толком в темноте не рассмотрели. Ни подарков, ни сувениров – даже спасибо впопыхах никто не сказал. Единственное, что осталось на память об Индии – одежда, показавшаяся в темноте богатой и добротной: костюмы, ботинки, плащи и шляпы. Правда, разглядывать было некогда, в самолете же было сонное царство, и они лишь определили, что цвет всей одежды – черный и только рубашки белые.

– Мы с тобой как похоронная команда, – пошутил Ужнин, когда уже сидели в креслах.

Они уснули, не дождавшись ужина, поскольку оба вымотались, и даже вечный голод отошел на задний план. Когда же рассвело и они проснулись уже над территорией родного государства, долго и весело смеялись, привлекая к себе внимание пассажиров: пиджаки оказались пошитыми на Саратовской фабрике, ботинки на «Скороходе», а фетровые шляпы сваляны на

частном предприятии в селе Косорылово Рязанской области.

То ли Росвооружение поскупилось, то ли служба безопасности перестраховывалась и продумывала все до мелочей…

Еще спускаясь по трапу, Шабанов увидел на второй и третьей полосах пару только что приземлившихся МИГов с тормозными парашютами. Оба заруливали на стоянку: кажется, в полку появилось топливо и начались учебно-тренировочные полеты.

Ужнин насторожился, заворчал по-хозяйски:

– Чего это они разлетались тут без нас? Да еще парами… Начальник штаба, есть у нас полеты в паре по плану?

– Вообще на сегодня никаких нет, – отозвался Герман. – Кроме рулежки…

– Пойдем разберемся! – Командир полка напялил плащ и, сунув руки в карманы, направился к стоянке. – Стоит на сутки оставить хозяйство, как тут же самовольство и бардак. Делают что хотят! Командиры, мать их!.. Запомни, Шабанов: никогда не выпускай вожжи. За малейшее ослушание секи, как раньше холопов секли. В авиации иначе порядка не будет. Они же все пилоты! Летчики! Им летать надо!

Он совсем не умел носить гражданское, выглядел обряженным пнем – все болталось, шляпа не по размеру прыгала на ходу, полы плаща попадали между ног, путая и стесняя движения.

Истребители зарулили на стоянку, техники подкатили стремянки, начали съем тормозных парашютов и вызволение пилотов. На подходящих двух гражданских обратили внимание и узнали, когда оставалось метров двадцать. Один из сошедших с борта встрепенулся, снял гермошлем и пошел навстречу, однако Ужнин признал обоих пилотирующих, натянул шляпу на глаза и потащил Шабанова в сторону.

– С этими мы завтра разберемся, – обронил на ходу. – Не будем портить настроения. Тут сам зять Харина летает… Пошли домой, женам костюмы индийские показывать…

– Мне некому показывать, – отозвался Герман.

– Ничего, перед зеркалом на себя посмотришь, покрасуешься…

Дежурный офицер на КПП доложил обстановку, засуетился насчет машины, однако Ужнин махнул рукой, и в городок пошли пешком. Настроение у него уже было испорчено, никакого давления, а тем более самовольства он не любил. План подготовки к полетам товарища Жукова был рассчитан на два месяца и утвержден им лично. Кадет должен был еще сидеть в тренажере и не помышлять даже о рулежке, а тут, видимо,

воспользовались отсутствием командира, нажали из округа на его зама – и тот разрешил.

И еще наверняка полковник Харин подбросил тонн двадцать лишнего топлива, чтоб зятя уважали…

В лесу Ужнин свернул с дороги, прижал палец к губам.

– Тс-с! Пойдем, покажу место, где появляются самые первые грибы. Никто не знает, а я сам нашел…

По лесам в окрестностях городка еще ходили мало, на прошлогодние тропинки не ступала нога человека, трава в березовой гриве стояла нетронутая, чистая, и гнусу почти не было. Никаких грибов они не нашли, да и вряд ли они были здесь когда, разве осенью, в дожди; перекопанная, перевернутая во время строительства и последующего расширения военного аэродрома земля только еще оживала, залечивала раны, и повсюду торчала арматура, железобетонные глыбы, битый кирпич и прочий мусор. Но удивительное дело, там, куда каждый год набивало ветрами опавшие листья, среди травы, обычно растущей на пустырях и свалках, зацветали неяркие, сине-сиреневые цветы на длинных мохнатых ножках. Должно быть, какие-то сибирские, поскольку Шабанов нигде больше таких не встречал.

– Рвем букеты! – велел командир. – Скажем, из Индии привезли! Должны же мы привезти оттуда что-то такое, чего у нас нет!

С охапкой цветов в руках он стоял и оглядывался вокруг.

– А я ведь здесь сразу после училища летать начинал… Да, восемнадцать годиков тому. И знаешь, тут кругом такой разгром был, такой срач! От дороги деревьев насадили, кустиков, чтоб начальство не видело, а зайдешь поглубже… И вот, гляди ты, заросло! Уже и цветы цветут. Скоро, может, и грибы появятся, но их есть нельзя будет. Тут однажды садили аварийный ТУ-16, он горючее сюда сбросил… Цветы можно рвать, их же не едят! Кстати, это же мутанты. Зайди в нормальный лес, они совсем не такие – крохотные, невзрачные… А эти – ты смотри! Действительно как из Индии! И цветут всего два-три дня, никто их не видит, так что мы вовремя поспели…

Они уже выходили назад, когда Ужнин остановился и выругался.

– Эх, не соврать нам, майор! Про Индию молчать надо до гробовой доски. Не были мы там никогда в жизни. Иначе Заховай языки отрежет… А жаль!..

И некоторое время шел печальный, потом достал носовой платок ивановской ткацкой фабрики, аккуратно обернул ножки цветов, чтоб не мялись и не потели в руке, сбил шляпу на затылок.

– Слушай, Шабанов! Ладно, я родной жене букет несу, а ты кому? – погрозил пальцем. – Не соседку ли снизу присмотрел? Там их две, выбор есть! А на папашу не смотри!..

– Ленивые обе. – Герман тоже стал оборачивать букет. – Месяц прошел, до сих пор обои в квартире не наклеили, бардак развели и гуляют…

– Что у тебя с этими братьями-кавказцами было? – вдруг вспомнил Ужнин. – Мне Заховай докладывал. А я тут с известными тебе событиями подзабыл… В майские праздники будто в ППН напали, из-за своей сестры? Было? Это их сестра на почте работает?

– Подрались, да и всё, – Шабанову не хотелось трогать эту тему. – Не поняли друг друга, горячая кровь…

– Они будто чуть не зарезали тебя? – Командир оказался хорошо информированным и сейчас вспоминал детали. – И будто прибежала сестра и спасла? Нет, ты давай рассказывай. Если что, мы их выселим отсюда на хрен.

– Не надо выселять. – Старая обида на Заховая толкнулась в сердце. – Мне показалось, это все оперативные игры особиста.

– А, этот умеет интриги плести… Но у тебя самого было что с их сестрой? Не из любопытства спрашиваю. Ты начальник штаба полка. Надо теперь строить соответствующие отношения и с подчиненными, и с местным населением. Кончилось гусарство, Шабанов.

– Да я чувствую, – вздохнул он. – Но с Магуль на самом деле ничего не было. Мы с ней как брат и сестра. А я вот ее обманул, не привез тигровую шкуру.

– Зачем ей шкура?

– Какой-то древний обычай у них есть на Кавказе. Чтоб выдать сестру замуж, брат должен добыть ей тигровую шкуру. А она потом наденет ее на плечи мужу…

– А, витязь в тигровой шкуре?

– Что-то вроде этого… Нас с вами на сафари-то не пригласили!

– Да уж! – засмеялся Ужнин. – Хорошо, не посольским грузом отправили, а то бы парились в ящиках…

Они расстались возле подъезда командира, и тот не сказал – забегай вечерком, посидим или что-нибудь в этом роде, – умел держать дистанцию. А в полете, когда много часов подряд болтались в воздухе тесной парой и шли при полном радиомолчании, возникло ощущение единства, тесной дружбы, братства, потому что исключительно понимали друг друга, как птицы, по малейшему движению крыла, летящего впереди, и достигали поразительной синхронности, которая отрабатывается

годами.

Может, поэтому он и взял с собой за чудными цветами-мутантами?..

У подъезда кого-то ждал майор в старой форме и с кейсом в руках, прогуливался, смотрел по сторонам и вдруг, зацепившись взглядом за Шабанова, остановился. Герман хотел пройти мимо, но незнакомец подался к нему, козырнул:

– Майор Шабанов? Герман Петрович?

– Я, – сказал тот и остановился. Ни одна живая душа не знала и знать не могла, откуда они возвращаются и когда.

– Разрешите представиться. Майор Коперник. – Он открыл кейс. – Я автор вот этой книги. Не читали? «Атака неизвестности»?..

– Не попадалась, – сдержанно проговорил Шабанов.

– Сейчас я вам подпишу ее. – Он достал ручку и, видя настороженность Германа, добавил: – Я от Жукова. От капитана Жукова. Он мой давний знакомый. Мы с ним два года дружим.

– Тогда понятно. – Герман открыл дверь подъезда. – Заходите. Что же на улице-то писать.

Вообще-то у этого майора рожа была наглая, даже циничная, толстые губы, а нижняя – отвисшая и мокрая. И когда человек с такой физиономией пытается представить себя эдаким вежливым и интеллигентным, то ему можно сразу не доверять и ждать какой-нибудь гадости. Не через час, не через год, а когда-нибудь – об этом еще бабушка Шабаниха говорила. Но тут сработала фамилия кадета, и оставлять его на улице было уже неловко.

Проходя мимо почтового ящика, Шабанов увидел что-то белеющее в отверстиях и, вернувшись, извлек сначала письмо – от отца, и извещение о посылке – от матери! В тот же миг захотелось домашнего сыра с перцем и ветчины. Письмо он вскрыл на ходу и прочитал всего одну строчку: «Колесо потеряло обороты, но до сих пор крутится» – было написано на бухгалтерском бланке без всяких комментариев и подписи – только по почерку и узнаешь, от кого…

Шабанов заметил, что глазок в двери Заховая не пуст – заполнен тенью чьего-то глаза, смотрящего изнутри, но это так, мимоходом. В квартире он с порога же увидел, что ремонт закончен, стены сияют и пол тщательно вымыт. Соответствие внешнего облика и внутреннего содержания гостя стало проявляться, едва вошли в дом. Наверное, он решил, что товарищ Жуков – отмычка к квартире и душе хозяина, протопал в ботинках и повалился в кресло. Герман достал солдатскую кружку, налил воды и поставил цветы на кухне, а когда вернулся в комнату, на казенном журнальном столике уже стояла бутылка водки,

наверняка производства прапорщика Сучкова, и кусок колбасы в оберточной бумаге.

Коперник протянул подписанную книжку и руку для пожатия.

– Это тебе! Дарю! Читай!

Шабанов взял книжку, но руку как бы не заметил. На мягкой обложке в замысловатых звездных кругах и сферах летел истребитель МИГ…

– Слушай сюда, – сказал майор. – Ты имеешь возможность попасть в историю и остаться в ней навечно… Кстати, давай стаканы! Стаканы и нож. Я знаю, у тебя закусить нечем… Ты из командировки? Или из отпуска?

– А вы не родственник того Коперника? – Шабанов положил книжку на стол. – Астронома?

– Нет, однофамилец, – не понял иронии майор, доставая из кейса диктофон. – Хотя не исключено. Моя бабушка имеет глубокие польские корни… Значит, так, Герман, садись и рассказывай все, что с тобой произошло месяц назад. От начала до конца, подробно и в деталях… Но сначала стаканы!

– Что могло со мной произойти? – спросил Герман.

– Это ты знаешь! Я буду слушать.

– Со мной ничего не происходило…

У гостя еще больше отвисла губа.

– Ладно тебе, Герман. Я же не с улицы пришел – от Митрича. Вот эта книга написана по рассказам пилотов ВВС. Есть там и случай, приключившийся с ним. Кстати, смысл его истории вошел в название… А знаешь, он рассказал любопытное наблюдение. Жаль, сейчас только, в книгу не успело войти. Неопознанные летающие объекты он начал видеть после того, как встретил… свою возлюбленную. Она сейчас его жена… До того он никогда ничего подобного не видел. Буквально на следующий день после офицерского бала он поднялся в воздух и обнаружил НЛО в виде спелой тыквы. Какой вывод можно сделать из этой информации?

– Разыгрались фантазии, заболел…

– Ты мне брось – заболел! Будто не понимаешь, о чем я… Давай стаканы! На сухую никакой разговор не идет.

Шабанов поставил одну рюмку.

– Я такую водку не пью.

Майор посмотрел на бутылку – отставил.

– Так я вообще не пью. Для тебя взял… Хорошо, у нас с тобой есть еще один общий знакомый. Филипп Горобец. Помнишь?

– Нет, такого не знаю.

– Ну как же не знаешь? Что ты в самом деле? Работает в оборонке, недавно представителем сюда приезжал, от своей фирмы. Ты ему рассказывал, куда попал и что видел.

– Я никуда не попадал. Тут какая-то ошибка.

– Послушай, Герман, ну хватит дурака валять! – засмеялся он. – У меня точная информация. Филипп мне сам говорил, какие-то там сумасшедшие технологии, люди, ученый Забродинов, которого считали мертвым. Короче, мир иной!

– В ином еще не бывал. – Шабанов чувствовал себя стесненным в одежде не по размеру, извинился и ушел в другую комнату, переодеться. И когда вернулся, гость несколько сменил тактику.

– Может, ты забыл всё? Митрич сказал, тебя две недели в госпитале держали, психотропиками пичкали, ну, и прочей заразой… Может, отключили тебе память?

– Ничего не отключили! – Шабанов начинал тихо злиться. – И ничего со мной не случалось!

– Погоди, ты катапультировался, верно? Самолет разбился. Такое было?

– Было.

– Потом за тобой гонялся какой-то спецназ или десант. Ты отстреливался, был ранен и попал к неким людям…

– Я же объяснил – ничего подобного я не знаю! Кто вам это рассказал, у того и спрашивайте. И вообще, мне пора на почту, за посылкой.

– Ты иди, я подожду, – невозмутимо сказал майор. – Знаешь, у тебя тут просторно. А я у Митрича остановился, в общежитии. Молодая жена… Не против, если дня три-четыре у тебя поживу?

Ответить на такую наглость можно было лишь одним способом: взять за шиворот и выбросить из квартиры; и Шабанов сделал бы это, оставалось совсем немного, но в дверь позвонили, и все пошло по иному руслу. На пороге стоял Заховай – прибежал откуда-то, запыхался и уже знал, что в доме гость. Сделал удивленный вид.

– Не успел приехать, уже водку пьешь. Это кто у тебя? Знакомый?

– Да вот, автор книги… Поговорить пришел.

– Ваши документы, майор? – Заховай сунул свои корочки ему под нос. – Особый отдел.

Тот подал удостоверение личности офицера с надменной ухмылкой, готовый в блин раскатать рьяного блюстителя безопасности. Особист внимательно изучил документ, молча подошел к телефону и вызвал наряд из комендатуры. Майор подобрал нижнюю губу и налился гневом, отчего зрачки крупных глаз, все время бегающие под верхними веками, опустились под нижние.

– Вы что себе позволяете?..

– Документы не в порядке, господин Коперник, – со смакованием собственной власти проговорил Заховай. – Нет в Москве такой воинской части.

– Как это – нет? Я служу в специальном ведомстве Министерства обороны!

– Вот и проверим. В каком ты министерстве служишь, чьей обороны и котором ведомстве…

Через пять минут, пока они препирались и грозили друг другу, в квартире уже был наряд из двух вооруженных офицеров. Гостя поставили к стене, обыскали, засунули в кейс бутылку, колбасу и увели. Заховай удалился вслед за конвоем с видом геройским и надменным – поймал шпиона. Шабанов несколько минут тупо расхаживал по квартире, приходя в себя, после чего вытер грязные следы на полу и, вспомнив, что надо бежать на почту, стал надевать ботинки.

И остался сидеть под вешалкой.

Этот майор с наглой рожей неожиданным и непонятным образом залез в некую запретную зону сознания, засунул руку и процарапал пальцем гребешок плотины, отгораживающей Шабанова от прошлого. И оно, капля за каплей, побежало в настоящее, норовя промыть сначала небольшое руслице, затем ручеек, речку и, наконец, овраг, разрушив охранительную дамбу. Надо было срочно латать прореху, засыпать промоину, забрасывать мешками с песком, чтоб не хлынуло половодье.

Нет, не этот Коперник поставил солнце в центр и пустил все планеты вращаться вокруг него – известие отца о маховике, который все еще крутится. Майор грубо вломился и своими грязными ботинками лишь придал ускорение…

Шабанов достал батино письмо, еще раз прочитал, запалил на кухне газ и сжег вместе с конвертом. Чугунный маховик от послевоенного трактора не может крутиться месяц, кто бы его и как бы его ни раскрутил. Там хоть и стоят подшипники, но обыкновенные шариковые, старые и разношенные…

Герман вернулся в комнату, и тут на глаза попала книга «Атака неизвестности». Автограф был витиеватый: «Г. Шабанову, вернувшемуся с иного света в прямом и переносном смысле…»

Жечь ее всю – задохнешься от дыма, толстая книженция. Он отодрал обложку с надписью, положил на конфорку, а остальное засунул в мусорное ведро.

Потом достал из шкафа нарисованную шкуру тигра, расстелил на диване – по качеству исполнения и размерам примерно подходит. Издалека так не отличить, до чего хорошо соткано и раскрашено. Но нести ее абхазской принцессе – посчитает за насмешку над древним обычаем, за издевательство.

Лучше уж признаться, покаяться и преподнести цветы…

Шабанов нашел газету, завернул букет, но все-таки было видно, что это цветы. Увидят – не поймут: если начальник штаба ходит на почту с цветами, значит, все ясно… Достал пакет, опустил туда сверток и повесил на вешалку.

И все-таки идти на почту было рановато, там может колготиться народ, значит не поговорить, не объяснить, что нет больше тигровых шкур даже за тремя морями. Да и про хождение за них придется помалкивать…

Он дождался восемнадцати тридцати, взял пакет и стал спускаться по лестнице. Глазок в двери Заховая опять был заполнен чьим-то взором, должно быть, домашние особиста сотрудничали с отцом, эдакий семейный подряд на ниве безопасности. Шабанов пошел дворами, через ППН, думая, что меньше народу встретится на пути, однако просчитался: люди сновали повсюду и больше всего – в парке. Неподалеку от того места, где произошла стычка с братьями-абхазами, откуда-то появился товарищ Жуков.

– Ну, как сегодня полеты? – на ходу спросил Герман.

– Пока лишь во сне, – отмахнулся тот. – Слушай, за что Заховай Коперника арестовал?

– Придрался к документам…

– Да я его два года знаю! Нормальный мужик!

– Пошел он… Мне не понравился.

– Ты читал, как он описал мою атаку? И вообще молодец, собрал все случаи!.. А ты куда сейчас?

– На почту, от матушки посылка пришла.

– Я с тобой! Потом идем Коперника выручать! Сначала к Ужнину, потом в округ позвоним.

– Не пойду, – обронил Шабанов. – Говорю же, рожа его не нравится.

– Ну как хочешь, я тогда сам!.. Ты вернулся, значит? Ну и что, порядок? Без приключений? Ничего за собой не заметил?

– А что я должен заметить?

– Помнишь, говорил: она должна объявиться, показаться…

– Лучше расскажи, как полетал сегодня.

– Опять никак!

– Ладно, я же видел, катался по полосе с распущенным хвостом…

– А только и получается, что хвост распускать! – засмеялся он, и Шабанов лишь сейчас понял, что кадет пьян. – То педали колом, то ручка не идет, то чудится – пожар на борту. Включаю торможение… Три раза сегодня хвост распускал, один раз чуть с копылков не слетел, за полосу выкатился. Пинков от зама

наполучал – бока ноют!

– Завтра от Ужнина получишь!

– Да мне наплевать, Катерина ручкой погладит и все снимет! – Кадет вдруг остановил его на крыльце почты. – Слушай – я же вчера ее избил. И теперь домой появляться…

– Избил?..

– Ну!.. С ней невозможно по городку ходить. Идет и всем улыбается!.. Бывшую жену мою встретили – улыбается! А мужиков, так ни одного не пропустит! Оказывается, я такой ревнивый!

– Она не улыбается, – заступился Шабанов, выглядывая в окнах почты, есть ли народ. – У нее строение лица такое…

– Рассказывай! Будто я не знаю!.. В том-то и дело! У меня дела не идут, взлететь не могу – она улыбается!.. Ну, разозлился вчера и дал как следует. С какими глазами теперь идти?..

– Посылку получим – пойдем ко мне. – Герман открыл дверь.

Магуль оказалась на месте, ее пальчики в окошке считали деньги: недавно давали зарплату, целый день принимала переводы… Шабанов снял газету с букета и, просунув руку, положил букет перед ней, прямо на купюры. Она угадала, кто это, и когда высунулась в амбразуру, еще не успела скрыть своих чувств – удивления и восторга, но тут же совладала с собой и опять превратилась в непроницаемую восточную женщину. Не виделись они с того самого момента, когда Магуль прибежала в ППН отбивать его от своих братьев.

Он хотел начать покаяние, подыскивал слова, однако кавказская невеста опередила:

– Ты за посылкой пришел, да?..

– Мне ужасно пхашароп, но выходит так, – признался Шабанов и положил извещение.

Через полминуты она вынесла со склада объемный почтовый мешок, поставила на весы и подала бумагу.

– Заполни там, хорошо?

Она не сердилась, не обижалась и никак не показывала своей разочарованности, что он не исполнил обещания, вероятно, знала, как это трудно – добыть тигровую шкуру.

– Я сейчас угощу тебя сыром! – подбодрил он себя. – Моя матушка делает домашний сыр с перцем! Почти как на Кавказе! Дай что-нибудь вскрыть!

– Очень хочу попробовать сыра, – сказала она, подавая ножницы.

– И я хочу! – в затылок дыхнул кадет. – Сегодня три стакана замахнул без закуски. Голодный – умираю! А домой идти, в семейный рай – грехи не пускают…

Шабанов вонзил ножницы в мешок и стал его разрезать. Когда-то, в пору дефицита всего, матушка купила несколько метров вафельных неразрезанных полотенец и года три подряд зашивала в них посылки. Ткань поддавалась плохо, особенно на швах.

Магуль посмотрела на это и сказала:

– Нельзя так резать, Герман. Там упакована одежда. Ты испортишь ее. Дай я сама.

Он отдал ножницы, сел за стол заполнять сопроводительную бумагу, и тут в дверях очутился вездесущий и всевидящий Заховай – выследил, гад! Жуков сделал вид, что помогает вскрывать посылку, дышал в сторону, но получалось, на Магуль…

Особист присел рядом, взял бланк перевода.

– Я предупреждал, – прогнусавил в нос. – Тебе не следует ходить на почту. Тем более сейчас, на новой должности…

– От матушки посылку получил! – громко сказал Герман. – Вон, пожалуйста…

– В следующий раз отправляй подчиненных…

– Герман? – вдруг позвала Магуль. – Что это, Герман?..

Товарищ Жуков спускал вниз разрезанный мешок – из него выливался, вытекал красно-полосатый мех…

– А где сыр? – спросил кадет.

– Герман! – крикнула Магуль и, словно оленица, с места перемахнула стол с весами и барьер. – Герман! Неужели?! Герман!

На глазах ошарашенного Заховая обняла Шабанова, стала целовать его, потом встала на колени, подняла к нему лицо.

– Мне стыдно, Герман. Пхашароп! Это мне тигровая шкура?..

– Яти-схвати! – заругался товарищ Жуков. – Меха тебе, а где мне сыр?..

Он встряхнул шкуру, и из нее со стуком вылетела на пол «принцесса». Настоящая, в обмазке, с разъемом и «глазом» на собранном кабеле. Шабанов в это время поднимал Магуль, но так и застыл на месте, потом встал сам на колени, осторожно взял в руки прибор.

– Откуда… посылка? – Заховай уронил ручку.

– От матушки. – Он умело выщелкнул кольцо и осторожно всунул в него безымянный палец.

– Это… что? Что это? – спрашивал Заховай, поднимаясь из-за стола, хотя уже видел и знал, что…

– Принцесса. – Шабанов выдернул кольцо. – Мне прислали, для моего самолета…

– Ты что… делаешь? – Особист смело пошел на него, хотя знал, что он делает.

– Она не взрывается, – объяснил Герман и вытащил из-под кольца проволоку, скрученную в спираль. – Не взрывается и пахнет горячим хлебом… На, понюхай.

– Зачем ты… выдернул кольцо?!

– Это для меня кольцо! Кольцо моей принцессы…

– Сейчас рванет!..

– Не должна, – ласково сказал Шабанов, поглаживая обмазку «принцессы». – Не веришь – считай. На счет пятьдесят не рванет – значит, у нас есть будущее.

Магуль дотянулась до тигровой шкуры на полу и прикоснулась к меху кончиками пальцев. Тем временем кадет обшаривал углы пустого мешка…